

НАТАЛЪЯ КАРАВАНОВА

Дана и Бродяга

Глухая провинция, задворки обитаемого космоса... место, где жизнь скучна и обыденна, но где так удобно прятаться от самого себя. Джет Дага после гибели жены перебрался на Руту, чтобы не видеть прежних знакомых и не отвечать на неудобные вопросы. У него необременительная работа, суетное и безобидное начальство, собственный коттедж почти в центре, много свободного времени, и огромная пустота в сердце. Но скоро все это изменится, потому что на орбиту планеты уже вышла яхта космического шипито «Дана и Бродяга», в пустыне начали потихоньку скапливаться банды, а где-то далеко, в совершенно другой координационной системе молодая Федерация Свободных Миров готовится к полномасштабной военной операции за межевой узел Руты...

Мечтал о стакане яблочного сока весь день. Или хотя бы о стакане воды. В офисе было прохладно, но вездесущий песок скрипел на зубах, сушил рот.

Джет Дага составлял отчеты.

Сегодня он особенно остро ненавидел родную державу. Потому что только она может так ненавязчиво и добродушно показать человеку его истинное место.

То, что держава виновна в сложившейся ситуации куда меньше самого господина Даги, не играло никакой роли: о себе он тоже был не лучшего мнения.

А что, собственно говоря, вы хотели, господин наблюдатель центра Тордоса? Должность, связанную с оперативной работой? Или может, вовсе возвращения прежних времен? Когда Земля — не в другой части галактики, а прямо под ногами. Когда рядом друзья, Марта жива, и ждет тебя дома, а будущее кажется огромным и желанным?

Трудно ждать от новой работы чудес. Особенно, если точно знаешь, за какие заслуги тебе эту работу предоставили.

Твои отчеты никто не читает. Зачем? За всю историю колонии здесь не случилось ни одной стычки с коренным населением.

Тебя никто не будет искать. Некому. Давно и прочно никому ты не нужен.

Джет накручивал себя по привычке — старые беды давно уже казались далекими и неострыми, а новых бед не случалось уже года три, даже три с половиной.

Поднялся, подошел к окну. Что окно — одно название. Узкая такая бойница. Если работаешь ночью, то ее можно приоткрыть, и тогда прохладный воздух с улицы проникнет в помещение вместе с городским шумом и новой порцией песка. Но по ночам на Руте не работают даже полицейские: слишком уж все здесь тихо и мирно. Ночью полагается спать.

Бойница расположена точно над крышей аварийной стоянки. За ней вдали — ремонтные мастерские и частные дома довоенной постройки, приземистые и куполообразные.

Инспектор Гус, скрепя сердце, выделил наблюдателю, прилетевшему с Земли, приличный кабинет, а бывшее начальство расщедрилось на отдельный коттедж. И вот уже две недели Джет пытается свыкнуться с мыслью, что он сюда — надолго. Что эта жизнь теперь — его.

Распаковывайте подарочек...

Дело за малым. Надо как-то исхитриться полюбить этот зачуханный, провинциальный, прожаренный до самого скелета медвежий угол. Этих благостных старушек и полусонных полицейских. Свыкнуться с пропыленным насквозь общественным транспортом, кондиционерами по цене золотого прииска, ленивыми змеями, греющимися на обочинах, как у себя дома. С чахлыми кустами и колючими деревьями, не дающими тени.

Со звездой Интерпола Мелиссой Робсон.

Так мир обретает стабильность и простоту. Пустоту.

Джет хмуро улыбнулся. Ничто его на этой планете не держит. И нет никого, ради кого стоило бы начинать все с начала. И остается одно — плыть по течению, не хватаясь за весла. Куда прибьет. Тоже своего рода философия.

И ведь он честно пытался сменить обстановку, специальность, имя и планету. Толку-то.

Год на Визире в качестве судебного сканера, и вот результат: обстановку ему на этот раз сменили принудительно. «Вот тебе схема сектора. Выбирай!». Рута? Атом? Где здесь самая глухая из всех глухих дыр?

А добрый Майк, монстр конспирации, помнится, намекал: «Езжай на Руту. Помнишь, ты спрашивал про парня из нашей конторы? Ну вот, есть намек, что он там».

Спрашивать-то Джет спрашивал. Но как найти на чужой планете человека, о котором не знаешь ничего, даже имени? Известно только, что три с половиной года тому назад работал этот человек во втором отделе Бюро космических исследований Флорианской ветки. О, если бы он и продолжал там работать! Но нет. Рута добилась автономии и здесь нет представителей БКоИ. Ни первого, ни второго отдела.

Джет почти сразу понял, что искать бессмысленно. Парень из конторы Майка мог жить в самой Руте. В столице автономии — Бэсте. В любом из поселков. Мог даже, чем черт не шутит, кочевать с кхорби.

Да и так ли это важно, прошло три года.

Три года прошло.

Ничего не изменишь.

Все на сегодня. Пора.

Дежурный на входе даже не взглянул ему в след. Погруженный в виртуальность, как в сон, он не заметил бы, даже если бы мимо строем промаршировала колонна боевых роботов.

Счастливый разморенный край, нескончаемая сиеста. Запах выпечки из буфета, фильтры на окнах, застывшее время. Здесь придется жить. Долго. Всегда.

Тут нечего делать. Тут отлаженный поколениями поселковый быт, фермерская ярмарка, праздник Основания и дармовые кормежки для пустынников, организованные муниципалитетом за счет дотаций от Транспортной корпорации.

Всех развлечений — музей истории планеты, несколько модных дискотек и женский клуб.

Правда, есть еще пустынные сафари. Но они привлекают только туристов. Местные в пустыню не лезут. Зачем бы им? У них и дома песка полно.

И все-таки, все-таки... Рута — хорошее место. Не для того, чтобы жить, для того, чтобы прятаться. Даже если прячешься от самого себя. Потому что все равно вернуть ничего нельзя. И вернуться нельзя. А уж объявлять маленькую личную войну тем, кто однажды не выполнил свою работу как надо...

До дома от центрального офиса полиции всего два квартала.

Местный житель никогда не стал бы ради такой мелочи выкатывать авто. Но Джету успела опостылеть постоянная жара. А в машине — кондиционеры и шумовые фильтры. И ни малейшего признака вездесущего песка.

Автокар конструкции Болли «Мустанг», серебристый и гладкий, самая последняя модель, вырулил из гаража по беззвучной команде владельца. Не кар — мечта и путешественника и городского жителя. Лучшее, что можно приобрести в дюжине не самых отсталых миров зоны Визиря.

Джет Дага успел за хоть и короткую, но яркую карьеру, скопить, по рутанским меркам, приличное состояние. Деньги нужны были, чтобы построить дом, в котором им с Мартой было бы хорошо и уютно. Дом у реки так и остался невоплощенной мечтой: не для кого стало воплощать...

Половина той суммы ушла на приобретение кара.

От борта машины веяло прохладой.

На окнах фильтр — зимнее серебро. В салоне легкий хвойный аромат. Джет врубил виртуальный контроль, и не спеша, красуясь, вывел машину на центральную улицу.

За две недели он так и не привык называть старенький коттедж домом. Старался, а не получалось. Даже разложил вещи по полкам в шкафу и обзавелся системой быстрой доставки. Все равно относился к этому жилью, как к номеру в гостинице, съемному углу, у которого есть другой, настоящий хозяин.

На пол в гостиной из оконных щелей нагнало песка. Целый маленький бархан. Джет подошел, поворошил его ногой, и оставил в покое. Какая разница?

Вошел в кухню, нацедил стакан сока. Яблочного. Сок пах чем угодно, только не яблоками. На Руте вряд ли найдется еще хотя бы пара человек, которые пробовали натуральный яблочный сок.

Допил без удовольствия.

Можно по пальцам одной руки сосчитать людей, с которыми Джет познакомился за две недели пребывания на планете. Все — по работе. И конечно, ни с кем из них у него не завязалось даже слабых приятельских отношений.

Разве только мисс Робсон...

Но у звезды Интерпола был к Джету совершенно понятный и простой интерес: она заподозрила, что Солнечная прислала его сюда, в том числе, и для контроля над ее деятельностью. Мелисса очень хочет покинуть Руту. Считает, и не без оснований, что в этом сонном царстве карьеру не сделаешь.

Она поначалу надеялась, что Джет поможет ей в реализации амбициозных планов.

А потом, когда оказалось, что не поможет, разозлилась, разобиделась, и теперь всячески демонстрирует презрение. А встречаются они часто — кабинеты-то напротив...

Джет подумал, и решил найти в окрестностях питейное заведение, изучить ассортимент тамошних напитков. Экскурсию в кабак он запланировал еще на первый вечер по прибытии, но она все откладывалась по независящим обстоятельствам. А вот теперь, кажется, самое время.

Несмотря на жару.

Джет вернул на голову только что снятый белый пробковый шлем и направился к выходу. Однако не успел он переступить через порог, как завибрировал браслет, сообщая о вызове. Ругнулся, но в сеть вышел, благо для простых переговоров не требуется подключение визуального канала.

По ушам прокатился далекий шорох кондиционера. Знакомый голос сказал:

— господин Дага! Простите мою невежливость, вы сейчас свободны?

— Здравствуйте инспектор. Что-то случилось?

Инспектор Гус мог просто маяться от безделья и отсутствия собеседника.

— Ну... как вам сказать? На нашем участке все, как обычно. Клара, эта дура из третьего квартала, собралась рожать раньше времени... а вместо медиков вызвала моих ребят. В последний момент успели доставить, так сказать... что еще? А, старик Лучиан помер, но этому давно пора. Ну, что еще...

Джет терпеливо подождал, выпутается ли инспектор из собственной речи, но не выдержал и все-таки спросил:

— Инспектор! Вы хотели мне что-то предложить.

— О, господин Дага... не считите за труд... тут по вашей специальности...

— По которой?

Неужели кто-то обидел пустынного? Или пустынный-кхорби обсчитал кого-нибудь из туристов на ярмарке? О худшем думать не хотелось.

— Ну... вы же это... — Гус перешел на шепот, — вы же сканер... а нам надо снять показания. А Киннер, раздолбай, вчера так погулял, что спит дома, собака. Никак его не поднять... а если и поднимем. Он нам такого насканирует... а дело-то деликатное. Серьезное дело...

— Хорошо. Я приеду.

Каким образом на Руте стало известно, что наблюдатель центра Тордоса имеет действующую лицензию судебного сканера, о том знает только бывшее начальство Джета. Хорошо еще, о первой его специальности никто не просветил местных полицейских. Всполошились бы, наверное.

Было время, Джет Дага возглавлял группу в отделе внутренних расследований ВКС Солнечной. Недолго это длилось, правда. А может, и хорошо, что недолго.

Но и без того... ничего хорошего. Почему-то здесь, в провинции, к судебным сканерам относятся с особенным придыханием. С опаской. Несколько имплантатов и сенсоров, невидимых внешне и не ощутимых в обычной жизни, могут сделать из человека изгоя. Даже на Визире все иначе было. Проще.

Что же, придется вернуться в офис...

Инспектор очень ждал гостя, даже выскочил встречать. Суетился, мял когда-то белую, а теперь песчаного цвета панаму. Красную его лысину покрывали капельки пота.

— Господин Дага! Как хорошо, что вы поторопились! Идемте!

Джет последовал за полицейским в темный и потому навевающий мысли о прохладе зев служебного входа. Обманчивое ощущение, — в здании лишь чуть свежей, чем на улице. Идущий впереди инспектор шумно пыхтел. Впрочем, на втором этаже все было по-другому. И на окнах исправно работали фильтры, и кондиционеры подавали в помещения прохладный воздух.

Их путь закончился перед пластиковой дверью, стилизованной под старину — с ручкой и петлями. Объяснялось это просто — такая конструкция муниципалитету обходится дешевле, чем чуть не ежемесячная смена механизмов самооткрывающихся дверей. Песок, однако...

— Свидетель, — спохватился инспектор, — некая Дана Тэн, артистка. Она вчера выступала в зале у Митчелла. Вы не были? Нет? А зря. Отличное было шоу... так вот. Раз уж мы честь по чести зафиксировали вызов...

Джет первым взялся за ручку двери, преградив тем самым собеседнику путь.

— Вы так мне и не сказали, что случилось. Чего она свидетель?

— Разве я не сказал? Простите мою рассеянность, господин Дага! Поверьте, я не со зла...

— И...

— Ах, да. Она утверждает, что вчера после шоу кто-то совершил самоубийство, выпрыгнув из окна ее гримерной. И я сам, и мои люди были на месте событий, но тела не нашли. Я спрашивал, не могло ли ей привидеться... или может, тот человек не насмерть разбился и ему кто-то помог уйти...

— Понятно. — Джет толкнул дверь.

В комнате их было двое, что сразу показалось странным, инспектор ведь сказал только об одной свидетельнице.

Мужчина и женщина стояли у окна, обнявшись. Однако стоило ему войти, пара распалась. Женщина поспешно отступила в сторону и оказалась красивой девушкой лет двадцати, максимум — двадцати пяти.

Она решительно шагнула вперед. Джет невольно улыбнулся: миниатюрная, курносая и конопатая, Дана, похоже, была клоунессой. И волосы у нее выкрашены в огненный цвет... или они от природы такие?

— Здравствуйте. Я — Дана.

Голос Джету понравился. Бархатный, уютный голос. Спокойный.

Она немного помедлила и добавила:

— А это Бродяга, мой андроид.

Понятно. Внешность у андроида была стандартная для моделей третьего поколения — высокий стройный брюнет с правильными чертами лица. Глаза карие. Это называется — зрительные сенсоры, поправил себя Джет. И одет он не по погоде — в закрытый комбинезон темно-серого цвета. Внешность и статус позволяли приблизительно определить возраст антропоморфа примерно в пятнадцать-двадцать лет.

Бродяга склонил голову в приветствии и вежливо поздоровался.

Необычная ситуация. Как правило, подобные создания держатся в тени своих хозяев и никогда не встречаются в разговоры людей, если к ним не обращаются напрямую. Напрашивается вывод — девушка Дана потратила не один час, настраивая робота «под себя». А может, еще рано делать выводы...

— Здравствуйте. Мое имя — Джет Дага. Я исполняю обязанности судебного сканера. Моя задача — считать информацию с вашей памяти и тем самым облегчить работу сыщиков. Кстати, эта процедура избавит вас от последующих допросов и выступлений в суде...

Дана кивнула.

— Хорошо. Дайте мне, пожалуйста, ваши руки...

Дана сглотнула и испуганно отступила к окну. Правда, тут же натолкнулась на предупредительно выставленную ладонь андроида. Тот наклонился и шепнул ей что-то на ухо. Судя по всему, что-то ободряющее.

Замечательно. Имеем в свидетелях неуравновешенную клоунессу и специфически настроенного робота. Ладно, не с такими работали.

— Дана, вы должны понимать, что без соответствующих показаний ваше заявление никто не примет всерьез...

Девушка нервно улыбнулась и поспешно закивала. Но Джет заметил, с какой силой она вцепилась андроиду в пальцы. Что-то ее напугало. Вот только что? Сам господин Дага, процедура снятия показаний, или что он мог узнать из ее памяти что-то лишнее?

Наконец Дана взяла себя в руки.

— Я все понимаю. Простите. Просто, я не думала, что это будет вот так... сразу.

— Все в порядке. Успокойтесь. Я сниму только несколько минут — все, что касается виденного вами в вашей примерной. И уж конечно меня мало интересует эмоциональный слой вашей памяти. Поверьте, мне хватает своих переживаний, чтобы копаться в чужих, да еще в минуты стресса...

Тут Джет немного лукавил. Он считал, что мало видеть глазами свидетеля. Важно знать, что свидетель чувствовал в тот или иной момент, как он относился к происходящему...

Но это уже из другой жизни. В обязанности судебного сканера вообще входит только установление того замечательного факта, что свидетель не врет.

— Шоу закончилось в семь часов сорок две минуты по местному времени, — уточнил андроид. — в гримерную Дана поднялась в восемь часов десять минут. Инспектор Гус прибыл на место событий ровно в половине девятого.

В голосе Бродяги Джету послышалось предупреждение. Да, первое впечатление было верным. Андроид настроен очень специфически. Работа многих месяцев, если не лет.

— А где же вы, Дана, были сразу после представления?

— Сначала меня задержал один из работников сцены, он хотел, чтобы Бродяга собрал всех «москитов». Ну, и мы их собирали. А потом я готовила зверей к отправке...

— Что за «москиты»? что за звери?

— Вам не сказали? Я хозяйка передвижного цирка. Шапито «Дана и Бродяга». Вообще-то у нас запланировано еще одно шоу. Послезавтра. Вы приходите... А «москиты»... ну, у Бродяги в памяти с прошлых времен сохранилось много разной информации. В том числе устройство таких аппаратов для подслушивания и подглядывания. Летящих. Мы на них закрепляем голограммы. Они у нас летают потом по залу. Получается очень эффектно. Но это секрет фирмы.

Джет мысленно застонал. Вот же нашли применение высокоточному оборудованию... и как она говорит: «мы», «у нас». Словно робот — равноправный член коллектива. Хотя, может, в ее «мы» входят и те самые звери...

Ладно, не отвлекаемся.

— Ну как, Дана, вы готовы?

— Одну секунду. Бродяга...

— Да?

— Иди сюда. Чтобы мне тебя было видно... спасибо.

В голосе Даны проскользнула нечаянная теплота. Или даже немного больше, чем просто теплота. Что с людьми делает одиночество! Пожалуй, не стоит удивляться, если окажется, что она так и путешествует от планеты к планете — в компании биоробота, «москитов» и зверей.

Девушка протянула ему навстречу руки, ладонями вверх, и испытующе заглянула в лицо — ну, и что дальше? В ее глазах уже не было и тени испуга.

Зеленые, успел разглядеть Джет за секунду до включения, ух ты!

Ярко освещенный коридор то и дело пересекается поперечными проходами, но Дана идет вперед и в них не заглядывает. Она торопится. Джет смутно ощущает ее тревогу. Чужое чувство максимально пригашено, на самом деле Дана волновалась всерьез. Вот лестница. Она останавливается, оглядывается назад. Ну, конечно, за ее спиной стоит Бродяга. Кто бы сомневался. Она говорит:

— Все хорошо прошло, правда?

В ответ получает улыбку:

— Когда у нас что-нибудь плохо проходило?

Они разговаривают в таком тоне несколько секунд, затем продолжают движение уже значительно медленнее, изредка смакуя подробности только что закончившегося шоу.

Джет из этого разговора еще немного узнал о девушке: оказывается, она очень сильно боится чего-нибудь сделать не так, ошибиться и подвести остальных. Даже если «остальные» представлены одним андроидом и тремя животными.

Вот она подходит к дверям гримерки. Вот активирует ключ... замирает, вслушиваясь. За дверью что-то шуршит. Вот явно становится слышен приглушенный голос. И почти сразу — вскрик, и шум падения тяжелого предмета. Дверь отползает в сторону.

Комната тонет в сумраке. Единственный источник света — распахнутое окно. Дверца большого шкафа сдвинута, на ней лежит пятно солнечного света. В луче крутятся пылинки...

Дана, окинув взглядом комнату, подбегает к окну и выглядывает наружу.

Под окном в луже крови лежит человек. Сразу ясно, что мертвый, мертвее не бывает. Живой бы голову так не повернул.

У Джета уже успело сложиться мнение о Данае, как об особе нервной и склонной к истерике. В этот момент мнение пришлось поменять. Потому что она, отвернувшись от окна, начала быстро отдавать распоряжения:

— Бродягушка, надо посмотреть, может, он живой. Спустись, проверь. И никого не подпускай к телу! А я полицию вызову...

— Справишься?

— Спрашиваешь? Давай!

Через минуту, однако, Бродяга вернулся.

— Тело успели унести. Странно.

И буквально следом появился инспектор Гус:

— Ну, — спросил он, вытирая платочком потную шею, — где ваш самоубийца?

Джет отпустил запястья девушки, и огляделся в поисках стула. С отвычки словил откат, тело требовало отдыха. Но не настолько, чтобы показывать это свидетелям. И так, Дана не лгала. Самоубийство... или все же убийство? Все-таки случилось.

Вот тебе и тихое место, медвежий угол...

И что теперь? Полиция вряд ли тут что распутает. Им проще списать происшествие на бред неадекватной артистки, которая все равно скоро покинет и Руту, и всю зону Визиря.

Но это не несчастный случай — если только Джет Дага еще не выжил из ума.

И было там, в гримерке, что-то еще. Что-то, что он заметил лишь краем глаза. У зеркала, кажется. В глубокой тени. Надо будет еще раз просмотреть запись. В спокойной обстановке.

Голова все еще кружилась, и Джет на всякий случай прислонился к стене. Кажется, не очень ловко, потому что Дана сказала:

— Вы лучше сядьте. Видно же, что устали.

— Мне еще нужны показания вашего андроида. Я видел, он там был.

— Конечно. Но вам надо отдохнуть. Я могу идти? А то мой зверинец там без присмотра... А Бродяга останется и вы его считаете. Чуть позже.

— Мне эта идея не нравится, — заявил Бродяга. — Если будешь бродить по чужому городу одна, то снова вляпаешься в неприятности, а меня рядом не будет!

Дана грустно сказала:

— Бродягушка... так надо. Мне так надо. Иначе я всю жизнь буду бояться, понимаешь?

— У нас очень спокойный город, — заверил Джет. — Самое страшное преступление случилось полгода назад — из булочной стащили пирожок.

Так сказать было нужно. Чтобы успокоить девушку. А может быть, чтобы успокоить себя. Тем более что это чистая правда... если забыть про то, что случилось вчера вечером. И если не учитывать его собственное интуитивное ощущение какого-то неурядка, происходящего в мире. Ощущение возникло недавно, и раньше Джет списывал свою подспудную тревогу на усталость, на воспоминания недавнего прошлого. На общую шаткость его нынешнего положения и унылое будущее.

Должность наблюдателя — скорее почетное звание, чем конкретное дело. Круг обязанностей слишком уж неопределенный. В самой Руте пустынников немного, и обижать их, судя по полицейским сводкам, никто здесь не собирается. Что же до кочевий... кланы народа кхорби идут своими тайными маршрутами, и со стороны может показаться, что существование на краю дюн города Руты их нисколько не заботит. Пока что Джет просто жил в городе. Общался с населением. А может, особая подозрительность связана с вынужденным бездельем? Ну, вот и повод задуматься.

...и все-таки, что там лежало, у зеркала?..

Дана уже направилась к выходу, когда дверь широко распахнулась и в кабинет вплыла неподражаемая и блестящая Мелисса Робсон, великий следователь всех времен и народов, правда, пока еще не оцененный по достоинству. И по совместительству — единственный представитель Интерпола в городе Рута. Классическая красавица, обладательница светлых шелковых кудрей и стройных ножек, Мелисса притом была далеко не дура. Что и удручало.

Зато Джет получил возможность полюбоваться сценкой, приключившейся у дверей. Великолепная Мелисса, сделав всего шаг в кабинет, закономерно столкнулась с Даной, которая была ниже ее на полторы головы и фигурой напоминала девочку-подростка. Мелисса, прекрасно знающая, как выгодно смотрится на таком цыплячем фоне, распрямила плечики, приподняла подбородок, а ресницы наоборот опустила, чтобы тень от них ложилась на нежные щечки. Дана, уловив эти едва заметные знаки превосходства, тут же — и очень умело — их спародировала. Всего на мгновение, но настроение у господина Даги немного поднялось.

— О, Джет! И вы здесь? А инспектор сказал, что сообщил мне первой...

Расстроенной девушка не выглядела. Джет подумал, что скорей всего, инспектор ее не обманул. Просто Мелиссе нужно немного больше времени, чтобы собраться.

— Как видите.

— Интересно, почему вдруг Боб мне не доверяет? Думаю, справлюсь с этим делом без помощи частных лиц... ведь у вас, господин Дага, наверняка есть более срочные дела...

— Мисс Робсон, не переживайте так, я не претендую на роль частного сыщика. Я здесь всего лишь выполняю обязанности судебного сканера. Вместо заболевшего сотрудника. Ведь вам нужны полноценные показания свидетелей?

— А, тогда ладно, — подобрела звезда Интерпола. — И кстати, что там с показаниями?

— Осталось сканировать андроида, и вы получите весь пакет.

Дана передумала уходить. Так и осталась стоять у двери.

— Ну, так в чем же дело?

— Скажите, коллега... а дело уже официально передано Интерполу? Инспектор Гус в курсе?

— В курсе, в курсе. Он уверен, что население Руты здесь не при чем. Да собственно, вот и он сам!

Сканировать андроидов Джету раньше не приходилось. Он боялся, что сенсоры не сработают должным образом, но оказалось, что конструкторы биоробота предусмотрели, что может случиться и такая необходимость. Включение подарило ему картину огромной зеркальной поверхности, протянувшейся от горизонта до горизонта. По поверхности катались хрустальные шарики. Удивительная штука — подсознание! Все шарики казались прозрачными. Только один был мертвого серого цвета.

Память Бродяги демонстрировала четкую картинку, полностью повторившую то, что видела дана. Как и ожидалось, никакого эмоционального фона его воспоминания не содержали. Правда, андроид смог больше расслышать: за миг до того, как дверь в гримерку открылась, оттуда донеслось выразительное проклятие.

Джета заинтересовало так же и то, что Бродяга увидел под окнами, когда спускался к телу. Да, само тело исчезло. Но пятно крови, или чего-то очень похожего на кровь, никуда не делось. Как в таких случаях обычно и бывает, улица была совершенно пуста. Даже из окон никто не торчал, теща праздное любопытство. Слишком мало в этот узкий переулок выходило окон...

И наконец-то удалось выяснить, что же такое бесформенной кучей лежало у зеркала.

«Плащ пустытника». Идеальное средство от рутанской полуденной жары.

Джет вышел из контакта куда увереннее, чем в прошлый раз, и тут же спросил:

— Дана, скажите, вы случайно не собирались отправиться на сафари?

— Нет, что вы. У нас очень сжатый график выступлений и репетиций.

Сохранив информацию на терминал полицейского участка, Джет покинул кабинет. После такого насыщенного событиями дня захотелось одиночества и тишины. Чтобы поразмыслить и разобраться.

«Мустанг» лениво катил по прожаренным пыльным улицам Руты. Джет нарочно выбрал длинный и запутанный маршрут к дому, чтобы насладиться прохладой и уверенным спокойствием, законсервированным внутри салона. Оказывается, отвык он не только от работы с полным включением. Отвык думать привычными категориями. Вынужденная смена статуса его до сих пор не заботила, но тут вдруг оказалось, что все намного сложнее, чем казалось раньше. Джет Дага уже три недели как наблюдатель Центра профилактики преступлений, направленных против представителей туземных рас, для краткости именуемого центром Тордоса. Так звали, кажется, главного идеолога этой конторы.

Только звучит солидно.

Центр не являлся подструктурой конторы, он каким-то боком имел отношение к полицейскому управлению, потому и сам Джет, и все три его предшественника имели тесные контакты со здешними представителями правопорядка. И при всем том официально центр был независимой структурой, существующей на средства метрополии.

Есть места, где эта работа действительно может считаться сложной или опасной. Есть места, где наблюдатели центра имеют вес наравне с Интерполом и Бюро космических исследований. Но это все — где-то там. На Руте иначе. Здесь местное население живет параллельной жизнью, никак не пересекающейся с жизнью крупных городов.

И уж точно на Руте отродясь не было преступлений, направленных против представителей народа кхорби. Во всяком случае, по данным полиции. А другие данные Джет даже не думал искать. Диаспора пустытников в городе относительно невелика, и

никто из них пока на плохое обращение не жаловался.

Да и с чего бы? Товары их налогами не облагаются, ибо являются продуктом кустарного производства. С туризма они тоже имеют небольшой доход, устраивая участникам сафари представления в стиле: «как живут дикие люди». Опять же, бесплатное питание для тех, кто пытается осесть в городе, не нужно сбрасывать со счетов...

Кар выкатил на Старую площадь. Как объяснил недавно гид, Старой она стала называться лет двадцать назад, когда после реконструкции центральных улиц в городе появилась еще одна площадка для массовых сборищ населения, которую без затей назвали Новой. На схеме навигатора старая площадь именовалась Ярмарочной. Обычно здесь шла вялая торговля сувенирами и одеждой местного производства. Площадь окружали приземистые здания типовой конструкции, явные казенные дома, одни из самых старых притом. Сегодня из-за жары торговцев было мало. Но все, какие и были, забыв про товар, наблюдали за тем, что происходило на площади. Их немногочисленные покупатели развлекались тем же.

Джет остановил машину и даже ослабил фильтры на стеклах, потому что посмотреть было на что. Город покидало большое семейство пустынников. Посреди площади, не загорая проездом, стояли... ну, назовем это волокушами. Большие трехполосные сани, под завязку груженные разнообразнейшим скарбом. Вокруг саней сутился их хозяин, облаченный в голубой с красными полосками плащ.

Фабричные плащи от домотканых отличить легко. Они по отражающим качествам приближаются к амальгаме. Пустынники иногда такие использовали. А вот плащи клановых расцветок горожанам не получить никогда. Даже в качестве сувенира.

Кстати, в примерке у Даны плащ был именно клановый...

Странно. Ну что кхорби делать в концертном зале? И ругнулся неизвестный самоубийца на базовом... значит, не кхорби? Тогда откуда плащ? Столько вопросов...

Надо отдать должное местному населению. Они всегда были честны с жителями городов и ни разу их вина в тех или иных преступлениях не была доказана. Вот и думай, наблюдатель, как отнестись к ситуации. Нет сомнений, что звезда Интерпола вцепится в плащик всеми коготками и не выпустит, пока не разочаруется в версии «пустынного следа».

Джет попытался вспомнить цвета плаща. Вроде, основным был желтый...

Тем временем пустыжник успел привести из переулка лохматого и флегматичного науга. Рога зверя были выкрашены в красные и черные полосы, половину морды закрывала светлая тряпка. Джет краем уха слышал, что эти не то лошадки, не то безгорбые верблюды являются существами ночными, и плохо переносят прямой солнечный свет. Науга вблизи он еще не видел. А тот был красив! Два метра в холке, светлая шерсть цвета пустынного песка искрится в солнечных лучах. Лапы широкие, покрыты более густой шерстью.

Зверя сноровисто впрягли, и тот с натугой стронул волокуши. Пустыжник что-то гортанно выкрикнул и двинулся вслед. Из переулка показалось его семейство — все в одинаковых плащах. И только по росту можно попытаться понять, кто здесь мужчина, кто женщина, кто ребенок...

Через полминуты площадь вновь была пуста. Торговля возобновилась.

Ну, вот, можно ехать... вроде бы.

Потихоньку браня недремлющую свою совесть и жару, Джет выбрался на улицу. Глотнул горячего воздуха, чуть не захлебнулся им и поспешил туда, где в узенькой полоске

тени от ближайшего здания велась медленная торговля.

Джет выбрал в качестве жертвы своего любопытства торговца в сером плаще без узоров, устроившего лоток с левого краю. Придется что-нибудь купить... ну да ладно.

Торговец, в знак уважения к будущему покупателю, на несколько секунд откинул капюшон. Обветренное узкоглазое лицо принадлежало мужчине лет сорока. Волосы и брови были сбриты.

— Рад видеть уважаемый путешественник мой лавке! — улыбнулся он широко и редкозубо. — Что желаешь?

Переигрывал купец с акцентом. Скорей всего, он прилично говорит на базовом, а слова искажает исключительно для создания образа.

Джет окинул взглядом лоток. Обычные поделки-сувениры.

— А что посоветуешь? — решил схитрить он.

Торговец озадачился, и уделил разглядыванию клиента еще несколько секунд.

— Для себя, для друзей? — наконец спросил он.

— Для себя. Но так, чтобы пользу принесло.

— Чтобы с пользой? Возьми катхаи. Вот.

Катхаи оказалось ножом. Похоже, ритуальным. Похоже, из кости.

— Отлично. А для чего он? В чем польза?..

— Польза?

Казалось, удивлению пустынного нет границ.

— Лепешку резать — польза. Науга гнать — польза. Семью защитить — польза...

Значит, все-таки, просто нож. Но не успел Джет перевести дух, как услышал:

— Ты человек пустыни. Пригодится.

Угу. Замечательно. Прозвучало так, словно поход Джета в пустыню — дело решенное.

Он криво улыбнулся, кивая торговцу, что намек понял. Спросил:

— И сколько этот нож стоит?

Стоил он немало, но вполне терпимо. Джет, однако, расплачиваться не спешил, хотя и достал из кармана наличность. К слову, хождение на Руте бумажных денег его сильно забавляло в первые дни.

— А скажи, уважаемый, что за семья сейчас покинула город?

— Это? Тан-тхи. Его род пришел с севера. Вчера приходил брат, звал обратно. Тан-тхи снялся. Хорошо. Тан-тхи нет — есть место в тени...

— Понятно. А не знаешь ли, какой клан носит плащи желтого цвета?

Повисла недолгая пауза. Потом прозвучал решительный ответ:

— Такого клана нет. Ну, уважаемый? Будешь платить?

Джет расплатился. Жара стала совершенно невыносимой, и продолжать беседу в таком же неспешном режиме не было никаких сил.

И совершенно ясно, что последний ответ был лишь полуправдой.

Забраться в салон кара, почувствовать, как вожденная прохлада овеивает лицо. Теперь домой!

Купленный нож Джет, не разглядывая, бросил на соседнее сиденье.

Кондиционер, включаясь, затрещал поломанной пилой — опять засорились фильтры.

И тут же на связь вышла Мелисса Робсон. Сразу перешла к делу:

— Я посмотрела ваш отчет. Мне кажется, дело касается центра Тордоса: тут точно

замешены пустынные.

— Плащ еще ни о чем не говорит...

— Он клановый. Я посмотрела расцветку. Мужской, желтый с белым рисунком. В нашей картотеке такой расцветки не значится.

— Так может — подделка?

— Нет! Я не поленилась и сходила в концертный зал. Плащик-то никуда не исчез!

Не поленилась она... осмотр места происшествия, между прочим, входит в прямые обязанности агента Робсон.

— Понятно.

— Джет, у нас зарегистрированы все кланы, кочующие в нашей части материка. Откуда взялись эти желтые?

— Я бы порекомендовал запросить архив в Бэсте. Тем более что плащ у вас. Может, такого клана нет сейчас, а раньше он был.

— Значит, отказываетесь помогать?

Джет вздохнул:

— Не отказываюсь. Но вы пока и не сказали, что вам требуется помощь.

Джет представил, как мисс Робсон хмурится и кусает губы. Замечательно!

— Требуется, — проворчала она. — Так что завтра мы идем смотреть шоу вашей Даны. Возражения не принимаются!

Мелисса отключилась, а Джет наконец снял сандалии и улегся на кушетку. Ветер из все еще шуршащего кондиционера заставил смежить веки. Хорошо!

Сон подкрался на кошачьих лапах, заманил обещанием покоя.

Но обманул.

Во сне Джет бежал по темному-темному коридору, потому что до взрыва осталось пять минут, и старый генерал не уточнил, какова мощность заложенной взрывчатки. И он снова успел. И была победа, которая казалась слишком легкой. И Марта в том сне была живая, и радовалась вместе с ним... Но, каким-то образом он знал, что скоро сон кончится, и нахлынет неприглядная реальность. В которой не должно быть места ни той радости, ни той боли. Настала другая жизнь. Вот как бы войти в нее с каменным лицом и холодным сердцем? Не жалеть о прошлом, ничего не ждать от будущего...

Последнюю мысль Джет додумывал уже проснувшись. А разбудил его инспектор Гус. Что же, Боб не виноват, что господин наблюдатель свалился в дневной сон. А потому вежливость требует ответить.

— Я слушаю.

— Здравствуйте, господин Дага. Прошу прощения, что беспокою в такой поздний час...

А ведь верно. На улице совсем темно!

— Думаю, вы не стали бы отвлекать меня по пустякам. Я слушаю...

— Вот именно! Не стал бы! Это вы точно подметили. Несколько минут назад со мной связалась Дана Тэн. Она утверждает, что кто-то побывал в ее гостиничном номере. Я пытался поговорить с мисс Робсон, но у нее включена блокировка. Вы ведь тоже заинтересованное лицо, дело касается пустынных... я подумал, может, вы... посетите, так сказать. Мисс Робсон будет вам признательна...

Угу. Мисс Робсон в принципе не умеет быть признательной.

— А кого-то из своих людей вы можете послать?

— Кого? — страдая, спросил инспектор. — У меня в офисе только ночной дежурный.

Все спать пошли.

— Ну, так разбудите кого-нибудь...

— Джет, я вас прошу.

— Ладно. Сейчас соберусь.

Джет обозвал себя мягкотелой тряпкой но, тем не менее, поднялся с кушетки и зашарил ногами по полу, выискивая обувь.

— Здравствуйте. Я ждала вас завтра, час уже поздний.

Дана смущенно улыбнулась, поправляя прическу. На взгляд Джета, попытка была заранее обречена на провал. Слишком уж отважно торчали в стороны рыжие прядки. Такие должны устоять и перед расческой и перед заколкой...

Образ клоунессы дополняли фиолетовые трико и оранжевая распашонка.

Поняв, о чем задумался поздний гость, Дана пояснила:

— Это один из моих старых костюмов для выступлений. Я вообще одежду почти не покупаю. Заходите.

Номер был самый обычный, типовой. На кухне горел свет, слышалась приглушенная музыка.

Чистая комната, застеленная постель, никаких признаков пребывания чужаков.

Дана жестом пригласила гостя присесть. Джет занял плетеное кресло возле окна.

— Я когда пришла, не сразу заметила, — начала она рассказывать. А потом... вот.

Она выдвинула ящик стола, в котором живописно перепутались самые разные предметы. Какие-то миниатюрные детали, псевдонейроны, упаковка инфодруз, косметика.

— Сама я такой бардак устроить не могла, а Бродяга — педант во всем, что касается чистоты и порядка. И еще, на кухне кто-то кофе пил. Не я. И сами понимаете, не Бродяга.

— Что-то пропало?

— Нет. Я специально проверила.

— А сами что думаете?

— Не знаю. — Она пожала плечами. — Ерунда какая-то. Сначала этот самоубийца...

Теперь вот еще. Вы не торопитесь, Джет? Хотите, я вас чаем угощу?

— С удовольствием. А кстати, где Бродяга? Может, он заметил еще что-нибудь, что пропустили вы?

Дана широко улыбнулась.

— Он готовит снаряжение к завтрашнему шоу. У нас очень много специфического оборудования, требующего тонкой настройки и специального контроля. Но я его сейчас позову, чтобы вам не скучно было!

Бродяга, видимо, все слышал, потому что появился из кухни, не дожидаясь прямого распоряжения.

Спросил: «Чем могу служить?», и приподнял брови. Очень по-человечески.

— Может, вы что-то заметили, что пропустила Дана? Вообще, вы давно на планете?

Сказал, и только потом сообразил, что обратился к андроиду на «вы».

— Восемь суток. Полных. У Даны договор на три выступления. Два дня после прибытия мы готовили зал. Позавчера был дебют. Второе выступление сегодня вечером. И еще одно — через двое суток, но в другом зале и не в полном объеме. Что касается того, что я заметил, когда мы вошли в номер. Был нечеткий след на полу в прихожей, у кого-то с подошвы насыпалось песку. Находился человек здесь не менее часа, не спешил. В вещах копался

скорей от скуки, кофе попил, оставил грязную кружку. Ушел незадолго до нашего возвращения. Если был не один, то другие ничем себя не проявили.

— Может, кто-то из obsługi гостиницы?

— Не виже причин. Здесь много пустующих номеров.

— Могло так случится, что у Даны здесь, на Руте, появились недоброжелатели?

— Нет. Дана здесь впервые, и насколько я знаю, врагами обзавестись не успела.

Джет собрался было уточнить, не бывал ли на Руте раньше сам андроид, но тут в комнату вошла Дана с подносом. Над чашками чая вился ароматный пар, рядом разместилась сахарница и вазочка с печеньем.

— Угощайтесь! — сказала она, устраиваясь на вертящийся стул. Специально придвинула его к столу так, чтобы и до подноса дотянуться, и собеседника видеть.

Чай был по-настоящему хорош. Он пах мятой, и Джет, пожалуй, поспорил бы, что эта мята когда-то росла на грядке. Это не ароматизатор, это — настоящее. Такой чай когда-то заваривала Марта.

— Я бы мог попросить инспектора, чтобы вам выделили постоянную охрану... — предложил он.

— Зачем? — Дана развела руками. — Я не та персона, чтобы кто-то захотел...

— Неужели вы не боитесь? Хотя бы немножко?.. все-таки события последних дней заставляют задуматься о таких вещах, как безопасность.

— Простите, Джет, но — нет. Я не боюсь. У меня есть Бродяга. Он — лучший телохранитель, какого вообще можно пожелать...

Лучший телохранитель встал за спиной хозяйки и картинно насупил брови. Угу. Андроид с чувством юмора...

Если бы Джету не пришлось его недавно сканировать, он бы скорей поверил в то, что для типовой внешности «модели третьего поколения» нашелся человеческий двойник. Но Бродяга — действительно робот. Сомнений быть не может.

— Однако насколько я знаю, робот не может причинить вред человеку. А если вдруг придется вас защищать... я имею в виду — всерьез защищать... может возникнуть противоречие.

— Вы имеете в виду древние постулаты? Джет, похоже, вы раньше никогда не имели дел с андроидами, так?

Пришлось признать, что так. На Примуле, Гауфе и Земле их почти не применяют.

— Третье поколение разрабатывалось именно как армейская модель. Противоречие, на которое вы намекаете, действительно приводило бы к постоянным сбоям настроек сектора си. Сущность проблемы — в предельно обобщенных понятиях «человек» и «вред». В настоящее время психологи-роботехники упрощают себе задачу, закладывая в первичные установки робота всего один объект, имеющий доминирующую значимость, а именно — биологические параметры владельца...

— Как вы профессионально объясняете...

— Ну, это же как раз моя специальность. Я училась на психолога-программиста. Правда, только до третьего курса. Так что ваш любимый первый закон, если перевести с языка программы, на самом деле звучит так — робот не может причинить вред хозяину, или своим бездействием допустить, чтобы хозяину был причинен вред... ну и дальше в том же духе.

— Значит, Бродяга при необходимости может причинить вред человеку?

— Если мне будет угрожать непосредственная опасность. Да. Может. Но есть несколько граничных условий. На самом деле это отдельная и очень сложная проблема. У меня сохранились еще студенческие записи, но их оказалось мало... я уже говорила, над некоторыми вещами мы продолжаем работать.

— Я заметил. Он ведет себя, как человек.

— Правда похоже? — обрадовалась Дана.

— Не знаю только, хорошо ли это, — в голосе Джета скользнула виноватая нотка. — Как-то стирается грань. Все время приходится напоминать себе, что перед тобой не человек. Нет, мне, пожалуй, не нравится. Он словно притворяется человеком...

— Бродяга! Вот скажи: ты притворяешься? Только честно!

Бродяга положил ладони на плечи хозяйке. Вид у него стал торжественный и строгий.

— Честно? Я всегда отвечаю честно. Нет. Я не притворяюсь. Заданный в программе стиль общения слабо отличается от стандартного. Он менее функционален и часто приводит к логическим нестыковкам и проблемам понимания. Но его вполне можно использовать.

— Вот видите! — гордо заявила Дана.

— А мыслите вы образами или формулами, или как-то иначе? — Джет не упустил возможности расспросить объект своего маленького исследования непосредственно.

Тот невозмутимо ответил:

— Разве андроидам могут быть доступны возможности самоанализа? Очевидно, это свойство исключительно человеческого разума. — И подмигнул.

Да, соврать Бродяга не мог. Но сейчас продемонстрировал, что при необходимости вполне может уйти от четкого ответа.

Дана собрала посуду на поднос и вышла из комнаты. Джет, как мальчишка, дорвавшийся до интересной игры, продолжил расспросы:

— Я заметил, Дана к вам по-особому относится.

— Возможно.

— Вас это не настораживает? Мне кажется, это неправильно.

Андроид улыбнулся (он не человек, напомнил себе Джет).

— Почему неправильно? Уверяю, господин Дага, Дана трезво оценивает происходящее. Но ей хочется, чтобы рядом был друг и собеседник, а не слуга. Согласитесь, вполне человеческое желание.

Отчего-то вспомнилась сценка, подсмотренная утром в кабинете инспектора Гуса. Если бы не сканирование, подтвердившее, что андроид — это только андроид, Джет всерьез усомнился бы в честности Бродяги.

Дана вернулась и словно поставила точку в начатом разговоре:

— Бродяга — уникал. И воплощение моей девичьей мечты.

— ...о прекрасном принце?

Она неискренне рассмеялась.

— Не так глобально. Всего лишь использовать в настройках моторные реакции, скопированные с живого человека. Раньше так никто не делал — незачем. А у меня получилось. Мимика, пластика, некоторые специфические навыки...

— А в качестве модели вы, конечно, использовали себя?

Дана мимолетно погрустнела и качнула головой:

— Нет. Тот человек давно умер.

Джет как-то сразу вспомнил, что время полночь, и что пора идти. «Мустанг» ждет под

окнами, завтра утром отчитываться об осмотре места происшествия перед звездой Интерпола.

— Я пойду. И так засиделся, мешаю вам отдыхать...

— Расстроила я вас? — Дана зябко поежилась. — Приходите завтра на шоу. Не заскучаете!

Когда за Джетом закрылась дверь, и он, наконец, остался один, вдруг привиделось: Дана медленно возвращается в кухню. Андроид садится в кресло, и девушка забирается к нему на колени, чтобы свернуться там калачиком, наподобие котенка, устроив голову на сгибе локтя. А Бродяга чуть меняет позу, чтобы ей удобней было лежать, и замирает.

Джета передернуло. Видение дышало патологией. Но он чувствовал, что так действительно может быть.

...когда Дана задремала, Бродяга осторожно отнес ее в постель. Поправил одеяло, притушил свет. Потом отправился в мастерскую, собирать «москитов».

Мелисса, разумеется, заставила себя ждать. Недолго. Так, чтобы легкое беспокойство не успело перерасти в раздражение средней силы. Что бы там Джет ни думал, а она за дни своего недавнего расследования успела неплохо изучить столичного гостя. Мелисса знала, что он ее дождется. А уж что она умела на отлично, так это играть на струнах настроения окружающих людей.

— Привет!

Ее темно-синий «Рекс» Визирианской сборки был украшен серебристыми росчерками молний. Хорошая машинка. Но «Мустанг» — лучше.

— Привет. Мисс Робсон, вы, как всегда, великолепны.

— Да ладно, Джет. Уж от кого, а от вас я никак не ожидала услышать настолько дежурный комплимент.

— В таком случае, беру его обратно, — хмыкнул он, подавая даме руку. — Идемте, скоро начало.

Небольшой уютный зал был заполнен на две трети. Стоило им занять места, как свет погас, и началось шоу...

Оно началось с того, что зал исчез. Возникла круглая поляна в лесу серебристых стволов и тоненьких вьющихся трав, унизанных росой. В росе дробились лучи солнца, там жила маленькая радуга. На поляну выкатился кубарем некрупный серебристо-голубой медведь, каким-то образом умудрившийся не поломать рудиментарные кожистые крылья. Уселся посреди арены, ухнул, хлопнул по траве массивной лапой. Роса взметнулась, словно была настоящей! Из-за стволов появилась Дана. Одета она была во что-то зеленое, легкое, и напоминала большой рыжий цветок. Вынесла два барабана. Один большой, выпуклый, покрытый странными узорами, навевающими мысли о первобытных племенах и диком шаманстве. Второй — маленький и высокий.

Большой она поставила перед медведем, опустилась в траву, и начала тихонько выбивать ритм на маленьком. Зверь откуда-то из зарослей достал колотушку, и ударил в свой барабан. Низкий густой звук стал фоном тому, что выбивала Дана. На арене-поляне появилось еще одно животное. Размерами и формой тела оно больше всего напоминало леопарда или гепарда. Только еще более поджарое и длиннолапое. Окрас бурый с белыми разводами, а морда темная. Знаменитые мабурские кошки — большая редкость. По

некоторым данным они разумнее собак и крыс. К сожалению, в природе уже не встречаются, потому что естественный ареал их обитания, тот самый реликт Мабуры, был почти полностью уничтожен гигантским метеоритом около сорока лет назад. Джет многое мог бы рассказать о родине этих кисок — на Мабуре ему часто приходилось бывать. В той, прежней жизни. Там жила Марта. Странно, он давно перестал вспоминать те времена. Каким образом они нашли лазейку? Как смогли снова подобраться, заставить замирать от того, давнего, уже пережитого бессилия?

Кошка сделала круг и остановилась напротив медведя. Дана перестала барабанить, отложила инструмент в сторону. Гул от низких равномерных ударов заполнил зал. Хлопнула в ладоши. С неба упали огненные шарики разной формы и размера. Упали, но до земли не долетели. Клоунесса подхватила их, начала жонглировать. Некоторые шарики она подавала кошке, и та ловко посылала их обратно, Джету показалось — лбом. Потом шарики один за другим лопнули, кверху заструились ленточки цветного дыма. Артистка вновь подняла ладони, словно для хлопка. Но оказалось, это уже не руки, а крылья. Серебристые сверху, и белоснежные изнутри. От движения крыльев по залу пошел ветер, доказывая зрителям — здесь все по настоящему, никакого обмана. Дана-птица разбежалась и взлетела. К тому моменту исчезла и поляна, и окружающий ее лес. Птица парила в ночной тьме, выхваченная лучом прожектора, а вокруг нее кружились звезды. Птица танцевала в воздухе в такт странной музыке, которая успела сменить мрачноватый ритм медвежьего шаманства...

— Бытовая гравюстановка, — шепнула Мелисса, — в противофазе. Такую используют спасатели на астероидах... а крылья и тело, скорей всего, голограмма.

Представление продолжалось, но Джет уже был вне его, спасибо критическим замечаниям мисс Робсон. Он увидел зал. Люди заморожено следили за полетом, не отвлекались, не переговаривались. Даже Мелисса не отрывала взгляд от танцующей под звездами чудесной птицы, просто старалась делать вид, что происходящее ей не в диковинку...

А потом что-то случилось. Джет уловил это краем глаза. Словно огромная птица в развороте над сценой уронила тяжелую куклу. Уронила, взмахнула крыльями и канула во тьме под потолком...

Зал испуганно выдохнул, уже представив на досках пола неподвижное тело... но тут же раздался облегченный смех. Дана сгруппировалась в воздухе, перевернулась через голову, а через миг уже раскланивалась в свете яркого прожектора.

Выступление продолжилось. Питомцы Даны демонстрировали самые разные умения. Кошка складывала из букв слова, которые ей предлагали зрители. Медведь, который оказался примуляньским пилионом, танцевал и показывал трюки с шестом. Красноклювая птица непонятной породы ассистировала, когда Дана показывала фокусы. И все время менялись пейзажи. Сцена то становилась каменистым островом посреди океана, то горной долиной, заросшей мхом. То оазисом в пустыне. Взлетали под потолок пестрые бабочки, планировали к земле золотистые листья. Веселые ритмы сменялись маршами, а те — плавными мелодиями, в которых читался то рокот прибоя, то шум дождя, то шорох листвы под ветром...

Музыка удивительно соответствовала действию. Мелодии были ясными и простым, и вместе с тем Джет, бывший столичный житель, в недавнем прошлом частый гость на презентациях и музыкальных фестивалях, не мог отнести ее ни к одному из известных стилей. Было в ней что-то архаичное. Туземное. Притом, именно здешнее, Рутанское.

Бродяга на сцене так и не появился.

Полтора часа промчались, как пять минут.

Когда загорелся свет, и стало понятно, что пора выходить, Мелисса сказала:

— Могло быть и хуже. Ладно. Мне понадобилось уточнить некоторые детали.

Собственно, за этим я вас с собой и позвала.

В коридоре к ним присоединился молодой и симпатичный полицейский, которого Джет рядом с мисс Робсон уже видел. Полицейский спросил: «Не помешаю?» и, не дожидаясь ответа, взял Мелиссу под руку.

В служебную половину их пропустили нехотя и только после того, как агент Интерпола показала значок.

Джет сомневался, что они смогут быстро найти артистку, а зря. Наткнулись на нее, как только зашли за сцену. Вернее, на них.

Дана стояла, уткнувшись носом в плечо андроиду, кажется, плакала. Высокий Бродяга обнимал ее за плечи. Сценка выглядела недвусмысленно...

— Какая гадость, — шепнула Мелисса. — Что, мужиков нормальных мало?

Полицейский хохотнул:

— Интересно, а как у них это получается технически?

— Есть много способов, дружок, — голос девушки звучал многообещающе.

Джет был уверен, что Бродяга все слышал. Андроид расчетливо дал гостям справиться с мимикой, после чего невозмутимо поздоровался.

Дана повернула к ним бледное лицо. Глаза показались Джету огромными, словно нарисованными.

— Как хорошо, что вы здесь... — выдохнула Дана. — Похоже, меня хотели убить...

В огромном неосвещенном пространстве за сценой жили сквозняки и странные шорохи. Мелисса сказала:

— В таком случае, может, пройдем в гримерную? Здесь как-то неуютно. Там все и расскажете. У меня к вам, Дана, кстати, тоже есть несколько вопросов.

— Мне надо зверей отправить на яхту... а потом я в полном вашем распоряжении.

Полицейский за ее спиной закрыл улыбку ладонью.

— Дана. — Мелисса подождала, пока все займут удобные места, и ринулась в атаку. — Мы пока проверяем все версии, ничего нельзя исключать. Вы понимаете?

— Понимаю.

— Возможно, дело касается вашего прошлого... я знаю, что несколько лет назад вы попали в очень опасную переделку...

— Да. Я была на «Хироне», когда его захватили террористы. Но террористов потом уничтожили. Мне кажется, это совсем не относится к делу...

— Но может, не террористы, другие недоброжелатели. Подумайте! Кто-то из прошлого.

Дана поежилась, словно от холода.

— Из прошлого... нет, никто из них не желал мне зла...

— Из них? — улыбка мисс Робсон стала хищной.

Клоунесса покачала головой:

— У меня очень маленький круг общения. Да, вы правы, это из-за «Хирона», наверное. Можно, я не буду рассказывать? Там очень много людей погибло. Знакомые...я всех своих знакомых могу пересчитать по пальцам. И им до меня не должно быть дела. Я же ушла из

дому, почти сбежала. Рэм, конечно, вошел в положение и даже помог... на самом деле, я быстрее поверю, что они просто постарались обо мне забыть понадежней, чем, что кому-то пришло в голову лететь сюда, выждать момент, чтобы убить. Дома это было бы сделать намного проще.

— Может, наследство какое... — подал голос полицейский.

— Ну что вы, я из цирковой семьи. У нас все общее...

— Ладно. Вернемся к сегодняшнему происшествию. У вас есть своя версия того, что могло случиться?

— За час до начала я проверил наше снаряжение, оно было в порядке. — сказал Бродяга. — Оно и сейчас в порядке.

Андроид привычно стоял за спиной у клоунессы. Джету его было отлично видно. Вчерашний разговор все не шел у него из головы. Хотелось сканировать Бродягу еще раз.

— Тогда в чем же дело?

Мелисса склонила голову и исподлобья уставилась на артистку. Должно быть, ей казался такой взгляд гипнотизирующим. Они сидели друг напротив друга, в широких креслах. Только Дана удобно устроилась, забравшись на сиденье с ногами и обхватив колени, а мисс Робсон элегантно закинула ногу на ногу.

— Кто-то изменил настройки перед самым началом шоу. Поставил таймер на отключение гравитационной установки. Упав с максимальной высоты, Дана могла получить серьезные травмы. Вряд ли это привело бы к гибели моей хозяйки, но травмы были бы тяжелыми. Кстати. Пульт стоит в операторской кабине осветителей. Она не запирается. Теоретически это мог сделать любой из зрителей, например, пока мы готовили сцену или перед началом представления.

— А как преступник мог знать, когда именно Дана воспользуется установкой? — Лениво поинтересовался полицейский.

— Там очень простая система. Задаешь, сколько установка должна работать после запуска, и все. Для Даны мы отводили на эту часть программы три минуты. Кто-то изменил на полторы.

— Чистое везение, что высота была такой небольшой, — кивнула Дана. — Простите. Я сначала подумала, что меня хотели убить, но теперь мне кажется, что это не так...

Не маньяк, подумал Джет. Не маньяк, а кто-то сильно обидевшийся на полицию, и желающий ей насолить...

Мелисса спросила:

— Вы так и не вспомнили, кому на Руте можете мешать? Кстати, вот еще информация. Человек, который выпал из окна гримерной после вашего первого выступления... Он не просто так выпал! На крыше здания напротив полицейские нашли энергетическую винтовку, из которой недавно стреляли.

— Такой штукой нельзя убить, — заметил Джет. — Во всяком случае, нельзя убить здорового человека. Это всего лишь усовершенствованная модель бинка.

— Значит, его, как и вас, Дана, хотели оглушить или покалечить, — кивнула Мелисса. — Или напугать. Дана, вы ничего не хотите нам сказать?

Та медленно покачала головой.

— Там еще был плащ пустытника, — напомнил андроид. — Клановый.

— Это ваш плащ? — Мелисса перевела взгляд на Бродягу.

— Нет.

— Пострадавший ждал Дану в примерной. Но обслуга зала клянется, что посторонние в служебные помещения не входили, — поделился информацией полицейский. — И уж конечно, не было пустынных. Их бы запомнили.

— Личность погибшего пока не установили. Но вряд ли он из местных, за последние дни никто не обращался в полицию по поводу пропавших людей.

Помолчали. Мелисса использовала паузу, чтобы посмотреть какую-то страничку в сети. Это видно, когда человек, пусть частично, погружается в виртуальность.

Дана чуть изменила позу, чтобы дотянуться до чашки с кофе. Кофе успел остыть. Мелисса и полицейский выпили его сразу, Джет так и не притронулся.

— У меня к вам, Дана, есть еще несколько вопросов. — Мелисса свернула невидимое окружающим окно и вновь уставилась на Дану взглядом из-под бровей.

— Я слушаю.

— Во-первых, чья была идея устроить гастроль именно на Руте? Может быть, вас сюда кто-то пригласил? Если да, то кто?

Дана кивнула. Отвечала она очень обстоятельно. Стараясь не упустить ни одной детали.

— На Руте мы оказались, можно сказать, случайно. Когда планировали гастроль, из-за изменений в навигационных правилах по ближайшим зонам, нам пришлось выбрать самый неудобный маршрут — через Визиря. Здесь нам проходить таможню, а это априори — очередь в несколько дней. Бродяга лучше объяснит. Он у нас за пилота. Ну, вот. Стали искать, кого в ближайших окрестностях могут заинтересовать услуги бродячего цирка. Связались с администрацией поселений на Руте и Атоме, и отсюда вскоре пришел положительный ответ. Связался со мной, сейчас вспомню...

— Артур Митчелл, — подсказал Бродяга. — Это я принял сигнал.

— Да, он. Мы договорились о двух выступлениях. Потом уже здесь ко мне подошел еще один человек, с предложением о выступлении в зале одного из местных заводов. Я подтверждение пока не дала, он ждет ответа до сегодняшнего вечера. Вот так.

— Предложение придется отклонить, — заметил полицейский.

Дана бледно улыбнулась:

— Я так и сделаю...

— Передайте господину Эннету, что я не мог ошибиться. Это точно тот самый андроид! Я еще из ума не выжил!

— Спокойно, спокойно, Льюис... я тебя ни в чем не обвиняю. Пока. Но ты должен понимать — непроверенная информация ничего не стоит. Ты сообщил мне о существовании робота уже после выступления у Митчелла. Мне нужно было проверить, насколько твои слова близки к истине. Тот факт, что андроид физически существует, еще не говорит о том, что он может быть настолько ценен для нашего дела.

В одном из подсобных помещений диспетчерской космопорта света почти не было. Ну, не считать же серьезной иллюминацией мерцание контрольной панели дежурного охранника? На этом фоне двое выглядели черными силуэтами. Льюис был низеньким и щуплым. Его собеседник — представительным, выше диспетчера почти на голову.

— Скажи мне, Льюис... с чего ты взял, что у него в голове сохранились интересующие нас сведения? Или ты думаешь, что я настолько глуп, что не смогу проконсультироваться у кого-нибудь из профессионалов? Информация почти наверняка была уничтожена. Что я могу предъявить Эннету, кроме твоих, согласен, достаточно логичных умозаключений?

— Но, господин Ке...

— Без имен, пожалуйста.

— Я объясню. — Голос диспетчера дрогнул. — Дело в том, что я узнал робота по его рег... регистрационному коду у нас в базе. Оказалось, что новый владелец почему-то сохранил прежние настройки. В случае перезаписи основных баз сектора си... ну, личных параметров андроида, если проще, этот код меняется. Новый собственник, как правило, желает настроить антропоморфа для своих нужд, и в этом случае проще снести всю старую информацию и установить новую систему. У нас в универе читали семестр по рロボпсихологии и программированию андроидов, поэтому я и знаю. Но раз код не изменился, можно надеяться, что сохранились архивы десятилетней давности.

— Меня удивило, как ты запомнил эти циферки, а не то, что ты учился в универе...

— А... да я не запоминал. Здесь в базе данных отмечена вся серия этих биороботов. Мы всегда проверяем ввозимое оборудование интеллектуального класса. А этот принадлежал лично командиру взвода, он специально отмечен. Ну, дальше просто. Все знают, как андроид достался сержанту Хейну...

— Звучит убедительно. Вот только... есть у меня подозрение, Льюис, что ты обо всем этом натрепал кому-то помимо меня. Времени у тебя было предостаточно.

— Я?

— Ты, ты. Что так удивляешься? Вокруг этого робота происходит какая-то возня. Ты на подозрении, Льюис. И если утечка была по твоей вине...

— Я? Я ни при чем! Клянусь чем угодно...

— Как пафосно... умоляю, избавь меня от своих клятв. И я надеюсь, что это все-таки тот андроид.

Льюис не успел моргнуть, как его собеседник покинул комнату. Не попрощавшись.

Он обождал несколько минут, чтобы убедиться, что остался один. Затем соединился с сетью.

Приятель отозвался сразу:

— Привет. Проблемы?

— Да. Мне пришлось рассказать об андроиде Келли. Ему не составит труда сложить два и два. Келли будет искать андроида для Эннета.

— Спокойно. Повтори медленно, еще раз.

— Мы все знаем, что у нашего общего друга Хейна, в ближнем окружении есть крот, который работает на Эннета. Этот крот наверняка уже передал своему начальству про «ступу». А если не передал, то, точно говорю, передаст в ближайшее время. Неучтенная установка — это же для Эннета резервный вариант, лучший вариант! Он в него вцепится, будьте уверены. Но без андроида и его памяти — это всего лишь куча бесполезных деталей.

— Понимаю. Что дальше?

— Дальше... вам нужно действовать расторопней. Иначе андроид достанется Эннету. У Келли в городе большие связи.

— Ясно. Что-нибудь еще?

— Ричард, у меня просьба. Если дело выгорит... Ну, если все получится... про меня не забудьте, ладно?

Инспектор Гус уже собрался уходить, задержался за просмотром последней статистики по миграционной службе. Что-то в этих документах его насторожило при первом беглом просмотре, и теперь он пытался понять, что именно. Мысли вяло переключались на посторонние предметы, потом вяло возвращались к цифрам, смысл которых упорно от него ускользал. Вот-вот должна была настать минута, когда инспектор свернет все виртуальные окна, потянется устало и не спеша тронется к выходу, решив отложить проблему до завтра.

Именно в этот момент дежурный от проходной сообщил, что пришел господин Келли, управляющий завода по производству пищевых концентратов и сублиматов. Роучер Келли — человек в городе известный. Гус был с ним немного знаком еще с давних лет восстановления экономики колонии, которую изрядно подкосила война. Экономике в те лихие годы приходилось восстанавливать, подчас, с оружием в руках, и полиция тогда зарекомендовала себя серьезной силой на страже порядка...

Гус поднялся навстречу позднему гостю, приветливо улыбаясь:

— Здравствуйте, господин Келли. Чем могу служить?

— Прошу простить за поздний визит. Меня привело к вам одно маленькое, но неотложное дело.

— Надеюсь, законное?

— Ну, разумеется. Видите ли... вы должно быть в курсе, что несколько дней тому назад наша компания пригласила выступить в зале завода артистку Дану Тэн. Она впечатлила нашего директора на дебютном концерте, и он поручил мне заключить с ней контракт. Все шло нормально, как вдруг сегодня она связалась со мной и сообщила, что выступление отменяется. Без всяких объяснений. Я попытался связаться с ней снова, но у меня не вышло — она отключилась от сети. Тогда я отправил секретаря выяснить, что случилось. И ему тоже ничего не удалось узнать. Эту артистку охраняет полиция. И как охраняет! Как сейф с бриллиантами. Вот тогда я и вспомнил о вас, уважаемый инспектор...

— А, понятно. Видите ли, какая история. У нас есть серьезные подозрения, что кому-то госпожа Тэн на Руте сильно мешает. Ее дважды пытались убить. Именно поэтому полиция и рекомендовала ей отменить последний концерт...

Келли недоверчиво приподнял бровь:

— Убить? У нас, на Руте? Удивительно. Если бы не вы мне об этом сказали, никогда бы не поверил... Послушайте, инспектор... сделайте одолжение, позвольте...

— Не может быть и речи. Чем меньше она появляется на людях, тем больше у нее шансов выжить! Я вообще жду — не дождусь, когда она со своим зоопарком улетит отсюда: пока ее не было, у нас было тихо!

— Вы меня не дослушали. Позвольте мне с ней переговорить. Возможно, когда ситуация разрешится, и вы поймаете, ммм... убийцу, а я надеюсь, это случится задолго до того времени, как артистам надо будет улетать, госпожа Тэн все же не откажется у нас выступить...

— Мне бы ваши проблемы, — вздохнул инспектор, одновременно вызывая офицера, приставленного охранять Дану.

— Макс? Как у тебя дела? Все тихо? Отлично. Предупреди госпожу Тэн, что с ней хочет поговорить Роучер Келли. Да, да тот самый... хорошо. Он подъедет... через четверть часа. Да, один. Отключаюсь.

— Благодарю, инспектор! — довольно улыбнулся Келли, попрощался и покинул кабинет.

Ну, пора и нам, подумал хозяин помещения. Наконец-то!

Джет устало потер виски. Он наконец-то закончил свой второй по счету рабочий отчет. Отчет касался анализа архивных документов о судебных случаях с участием туземного населения. За последние шесть лет. Таких было мало — два десятка, даже чуть меньше.

Ему в очередной раз подумалось: ерунда все это. Никому не нужная работа, которая призвана пристроить к делу одного совершенно конкретного человека. Которого и потерять жалко, и в метрополии оставлять — хлопотно.

Здесь, на Руте, не говорят: «Земля», не говорят: «Солнечная». Говорят: «Метрополия». И в этом есть какая-то глубинная правильность. Словечко весьма точно определяет отношение местных жителей к делам внешнего мира. В нем сквозит в нужной пропорции уважение и отстраненность, и даже доля превосходства. Да... метрополия. Мир корректных, вежливых, значимых, нестигаемых чиновников, чинуш и чинушек. Мир ими созданный, ими хранимый.

А я не знал. Марта, я не знал. Мы не знали. Дрались за него. Возвращались туда, как домой. Гордились им.

Да, собственно, я и сейчас... горжусь. Ведь не оставили в трудную минуту. Дали даже возможность работать. Или, правильней сказать, не работать. Имущество вот оставили. Даже почти простили за то, что я творил, когда тебя не стало. Кстати, тому уроду, который должен был тебя охранять, ничего не было. И я до него добраться не смог. Так что, жив он, здоров и сейчас, по словам одного моего приятеля, он здесь, на Руте. Может быть даже, снова кого-нибудь охраняет.

Поймав себя на ковырянии старых болячек и распускании нюней, Джет решительно поднялся.

В таком настроении вредно сидеть дома и пялиться в стену. Если в таком настроении сидеть и пялиться, то утром можно обнаружить себя лежащим поперек кровати, в одежде и обуви и с пустой бутылкой в обнимку.

Потому что это подруга-депрессия показала бледное личико. А технология борьбы с

ней, слава богу, давно отработана. Надо пойти куда-нибудь, где много людей. Желательно, незнакомых. Желательно, чтобы гремела музыка, чтобы выпивка была недорогой, а какие-нибудь местные девчонки глазели на тебя из-за дальнего столика. Потом одна, самая смелая, подойдет, и позовет танцевать. И можно будет включиться в незнакомый, но простенький танцевальный ритм, и шутить, пить, флиртовать. И забудется само, уйдет, то, что сейчас не дает покоя.

Уйдет? Уйдет. Всегда уходило.

Джет переоделся, прихватил деньги, на всякий случай заранее установил будильник на шесть утра. Усмехнулся не так давно обретенным знаниям: день на Руте на сорок семь минут короче стандарта. А год — в четыре раза длиннее. Что не мешает колонистам делить сутки на двадцать четыре часа, а год — на двенадцать месяцев. Месяцы, правда, ничем друг от друга не отличаются, потому что орбита у планеты — почти идеальная окружность, а ось вовсе не имеет наклона.

Непорядок, вообще-то. Прожить на планете две недели, и так и не узнать, где ближайшая к дому приличная забегаловка! Или неприличная. Все равно.

Ночной воздух расслоился на холодные и теплые пласты, и медленной рекой двигался вдоль улицы. Джет вступил в прохладный поток, и медленно пошел в сторону центра. Прохожих не видно. Благодать! От домов слышится музыка, голоса, запахи. Кто-то ругается, кто-то ужинает...

...а кто-то жаждет пообщаться по сети: пискнул, привлекая внимание, браслет. В такой-то час! Кто бы это мог быть?

Нужно было оставить браслет дома.

— Джет, доброй ночи! Не разбудила?

— Здравствуйте, Мелисса. Как ни странно, не разбудили. Чем могу помочь?

— У нас Дана пропала. Сбежала от охраны. И не отвечает на вызовы. Вик ее ищет, но пока безрезультатно. Если не найдет, завтра с него инспектор голову снимет.

— От меня-то что требуется?

— Ну, если вдруг где-то ее встретите, дайте мне знать, хорошо? Или, может, какие идеи появятся, где она может быть.

— Ну, у себя на яхте, например... а лучше всего спросить у Бродяги.

— Угу. Скажите еще, что она докладывает андроиду, куда пошла.

— Ваше дело...

— Джет! Но если вы ее вдруг увидите... могу я надеяться?

— Хорошо, я свяжусь.

— Отлично, пока!

Джет сделал еще несколько шагов в сторону центра, потом остановился.

Черт бы побрал звезду Интерпола! Сами не могут справиться, так нашли, на кого вешать проблемы...

И куда эта чокнутая клоунесса могла податься в такой час? Ведь знает, что это опасно.

И, кстати. Где Бродяга?

Жаль, что андроиды не выходят в сеть и вообще не пользуются виртуальными способами связи. Ведь придется сейчас ножками топтать в гостиницу, искать антропоморфа. А может он и не в гостинице? Ну, это-то как раз недолго узнать.

— Мелисса, прошу прощения... вы не в курсе, где сейчас Бродяга?

— Вот он как раз должен быть на яхте. Вик сказал, что он туда отправился еще днем.

— А что за яхта? Как ее найти?

— Называется «Которосль». А позывные должны быть в диспетчерской космопорта.

— Спасибо!

Джет прикинул расстояние и решил, что пешая прогулка — дело хорошее, но время дорого. А потому лучше все-таки воспользоваться каром...

Здание космопорта Руты строилось явно с расчетом на большой поток туристов. Наверняка это эпическое сооружение возвели еще до войны. Огромная полусфера была темной и немой. Не светился ни один огонек, парадный вход тоже оказался закрыт.

Проблема решилась через минуту, когда Джет утомился ждать ответа на сигнал вызова и решил на всякий случай объехать сооружение.

С другой стороны к основному куполу примыкал еще один, маленький куполочек, вот он-то как раз оказался обитаем.

Дверь приветливо распахнулась, дежурный диспетчер согласился выделить позднему гостю канал связи с одной из яхт, находящихся на орбите.

Бродяга отозвался сразу.

— Доброй ночи Джет. Что-то случилось?

— Да нет, пока ничего. Дана не появлялась? Наши доблестные полицейские умудрились упустить ее из поля зрения. Теперь ищут.

— Не появлялась. Но связывалась со мной сорок три минуты назад.

— Так вы знаете, где она?

— Судя по тому, что она запретила мне себя искать до утра, догадываюсь.

— И?

— Она сильно нервничала. Думаю, снимает стресс в каком-нибудь питейном заведении.

— А из-за чего стресс?

— Она не объяснила. Поднимитесь на борт, я дам вам просмотреть запись беседы.

— А на словах?

— Хорошо. Она первым делом спросила, все ли у меня в порядке, и не было ли каких-нибудь происшествий. Я ответил, что ничего стоящего внимания не происходило. Она немного успокоилась. Потом велела мне никуда с яхты не отлучаться. Добавила, чтобы я не искал ее до утра, и отключилась. Я тоже считаю, что это был опрометчивый поступок. Но, к сожалению, в данном случае ничего не могу сделать: приказ был прямой и однозначный. Разумеется, буду благодарен, если вы ее отыщете. У этой девушки дар попадать в истории.

— Я свяжусь, когда что-то узнаю.

— Джет, запишите номер прямого вызова яхты. Иначе вам снова придется договариваться с диспетчерской.

— Да, конечно.

Вычислить, куда именно Дана могла направиться снимать стресс, не составило никакого труда. Она на планете меньше недели, значит, ее надо искать либо где-то в центре, либо в кафе того концертного зала, где она выступала. Последнее весьма вероятно, если учесть, что от гостиницы до зала куда ближе, чем до центра Руты.

Туда-то и нужно ехать в первую очередь.

Кафе пользовалось популярностью: несколько каров пристроились у главного входа, а один черный «Самум-молния», потертый, но все еще представительный, встал так неудобно, что пришлось оставить машину за углом.

Как оказалось, Джет не ошибся. Правда, сначала он не узнал клоунессу. Ей удалось радикально справиться с прической. Зачесанные назад волосы гладко блестели.

И была она, кажется, пьянее бутылки джина, из которой постоянно доливала себе «на два пальца».

Рядом уже сидел претендент на ее благосклонное внимание — немолодой, полненький фермер в желтой майке со значком радиации на пупе. Фермер что-то говорил Дане, она не слушала, но кивала. Если так пойдет дальше, клоунессу отсюда, видимо, придется уносить...

Все, решил Джет, не мое это дело. Сейчас сигналю Мелиссе, пусть присылает своего Вика, в конце концов, это его работа.

А сам уже прикидывал, под какую ручку лучше всего вывести из зала немного перебравшую девушку.

Однако он не успел сделать ни того, ни другого: первым начал действовать фермер. Он опрометчиво положил ладонь Дане на колено. За что тут же схлопотал хлесткую затрепину.

Джет даже позавидовал скорости ее реакции. И меткости.

Ведь не промазала, даже в таком состоянии! Попыталась встать из-за столика. Почему попыталась, а не встала? Потому что оскорбленный в лучших чувствах фермер неуклюже ухватил ее за рукав. Наверняка хотел схватить за руку, а схватил за рукав.

Дана села снова, что-то шепнула на ухо неудачливому кавалеру, и тот шарахнулся от нее, как от чумной. Пожалуй, она вовсе не так пьяна, как показалось вначале!

Джет решил пока не ввязываться, подождать, пока девушка немного успокоится, и только потом подойти. Она сейчас в таком настроении, что, пожалуй, ни в чем не повинный господин Дага может тоже схлопотать оплеуху, если сунется под горячую руку...

Черт. Заметила. Придется раскрываться.

Он свернул в сторону девушки, еще издали приветливо махнул рукой.

— Вас Бродяга попросил меня найти? — хмуро спросила она.

— Нет. Почему я просто не могу зайти в клуб, выпить чего-нибудь...

Дана досадливо сморщилась:

— А я?

— Что?

— Почему я не могу просто зайти в клуб... чего-нибудь... выпить.

Нет, все-таки пьяная. Сильно.

— Дана, вы же знаете, что это может для вас плохо кончиться. Вы уже забыли, что...

— Я все помню.

— Между прочим, по вашей милости вся полиция на ушах стоит, ищет.

— Ну и что?

— И Бродяга за вас волнуется.

Она чуть прикрыла глаза, и ответила, сильно понизив голос. Ее из-за музыки стало почти не слышно.

— Джет, перестаньте одушевлять неодушевленное. Бродяга — робот. Он в принципе не может волноваться.

— Хорошо. Бродяга делает вид, что за вас волнуется. Так лучше?

— Да пошли вы все...

Она резко повернулась и сама пошла. К выходу.

Джет возмутился:

— Ну-ка сто-оп!

Он уже забыл, как всего минуту назад собирался вызвать Мелиссу и Вика.

— Дана, вы можете внятно объяснить, что происходит?

Обогнать ее и преградить дорогу оказалось очень легко. В этот момент на выходе никого не было.

Она помолчала несколько секунд. Так молчат обиженные дети, не желая начинать разговор с обидчиком. Потом все-таки сдалась.

— Могу. Давайте выйдем. Здесь жарко.

Улица дышала ночным покоем и сухой прохладой.

— От инспектора Гуса пришел человек. Тот самый, с которым мы договаривались о шоу. Сказал, что не хочет отменять программу, и предлагает ее перенести на более удобное время... но это был только повод для разговора. Только повод... Я не сразу поняла. Он незаметно перевел разговор в другое русло, стал расспрашивать про Бродягу. Откуда он у меня взялся, да как звали того человека, который мне сделал такой дорогой подарок. Короче, все свелось к тому, что он предложил мне продать андроида. Я сначала решила, что он шутит, но это было сказано всерьез...

— Понятно. Поэтому вы и связались с Бродягой, и велели не показываться на планете. Но что же сами-то повели себя так опрометчиво?

— А? Нет. Вы не правильно подумали. Я... расстроилась не из-за того, что у меня... хотели купить Бродягу. Я вежливо объяснила, что робот не продается, и что такие антропоморфы не диковинка. Можно просто заказать по каталогу... выбрать любую модель, от самых примитивных до самых современных. Он ушел от ответа, но тему не сменил... Джет, до меня не сразу дошло. Ему нужен был именно Бродяга. И не сам андроид, а его память. Помните, я говорила. Личность Бродяги... в ее основе — моторные и речевые реакции... живого человека. Кто-то когда-то залил в него слепок памяти... Очень фрагментарно, без фильтрации...

Она сосредоточенно разглядывала что-то у себя под ногами. Говорила монотонно, словно о каких-то незначущих, элементарных вещах, старательно произнося сложные названия и термины.

— ...там оказалось больше кинетической и соматической информации, чем памяти в том смысле, в котором мы ее привыкли понимать. Поэтому я им и воспользовалась... Я увлеклась, да? Джет, человек, о котором идет речь, умер почти пятнадцать лет назад. Он был военным, но до того, как я поняла, историком, ученым... Он много изучал местных пустынных... хорошо владел языком. Знал пустыню, особенно ту часть, которая лежит между Рутой и побережьем. Бродяга рисовал мне карту по памяти. На спор... Я сама даже не пыталась заниматься расшифровкой слепка, это работа для профи. Но, как я уже рассказывала, кое-что использовала. Ну, и оставила для Бродяги открытый доступ. Ну, мне было интересно, как на эти воспоминания отреагирует искусственный интеллект.

— И как?

— А никак. Как на беллетристику...

Она усмехнулась:

— Человека, который ко мне приходил, звали Келли. Такая фамилия странная... вот. В конце он предложил мне денег за право переснять файлы слепка. Я обещала подумать. Вот,

думаю...

— И вы не знаете, что именно вашему гостю нужно?

— Нет. Но... я сейчас.

Дана подключилась к сети — взгляд стал рассеянный, скользящий.

— Бродяга, добрый вечер. Не обижайся на меня, ладно? Я немного испугалась, что тебя могут похитить. Можешь мне подсказать, что такого знал Гнедин, ради чего кто-то пытается нас с тобой запугать?

Бродяга что-то ответил.

Дана кивнула:

— Спасибо. Меня не теряй, появлюсь на борту утром. Да, извини. Конечно, можно.

— Вот так. Джет, а что такое СТП-мега?

— Понятия не имею. Дана, одну минуту! Тут меня кто-то вызывает... Да? А, Мелисса, вы вовремя. Да, нашлась. Сейчас провожу в гостиницу...

Дана активно замотала головой:

— Не надо, сама дойду!

— Хорошо, пусть Вик идет сюда... Кафе на первом этаже зала Митчелла. Что?

Мелисса по ту сторону виртуальности, должно быть, поджала губы, и еще раз повторила. Раздельно:

— Нашли вашего самоубийцу. Труп везут в морг. Если интересно, приходите. И вы были правы, это никакой не пустынный! На горожанина он, правда, тоже мало похож.

— Джет, я пойду. До гостиницы два шага, не потеряюсь!

Джет рассеянно кивнул. Завтра утром он их обоих, и андроида и хозяйку, тщательнейшим образом расспросит.

— Значит, личность не установили?

— Вы много хотите. О том, что его нашли, я узнала десять минут назад. Но в нашей базе его, похоже, нет.

— А что вообще есть в вашей базе?

— Джет Дага, если это попытка меня оскорбить...

Краем глаза Джет видел, как Дана обогнула черный «Самум», вышла на улицу.

Машина почти сразу стронулась, догнала девушку. Отворилась дверца. Ничего себе, это что, авто клоунессы?

Нет, это кто-то решил ее подвезти.

В ухо бубнила Мелисса, Джет смотрел, как Дана залезает в машину.

Стоп. В машину. В чужую.

Черт! О, черт!

Дверь мягко прикрылась, и «Самум» сорвался с места так, словно за ним гнались все полицейские городка.

— Джет, что вы молчите?

Он не ответил. Он бежал следом, бездумно, сломя голову.

Круг замкнулся.

Тот, другой человек, который должен был охранять Марту, он, наверное, тоже не ждал подвоха. Ведь все было тихо и мирно, несколько недель полной тишины. Тот, другой, может быть, так же несся по пустым темным кварталам, нечего не в силах изменить.

Джет выдохся на второй минуте отчаянного бега, на третьем перекрестке. «Самум» еще маячил в конце улицы, но догнать его уже невозможно.

Остановился, ударил, что есть силы, кулаком по стене. Легче не стало. Надо что-то делать... вызывать Гуса... а, Мелисса на связи... даже все еще чего-то бубнит...

— Мелисса... только что... похитили Дану. У меня на глазах. Запоминайте: «Самум-молния», цвет черный, номер двести шесть...

Сбившееся дыхание мешало говорить. Нет, ну надо же было так глупо вляпаться!

И теперь виноватым будет не Вик, который потерял ее из виду аж полтора часа назад. Виноват будет он, Джет Дага. Который был рядом и ничего не сделал!

Не нужно было ее отпускать... Даже расспросить толком не удалось...

— Надо вам было сразу со мной связаться, — вставила шпильку мисс Робсон, — возможно, тогда ничего не случилось бы...

Все повторилось. Ночь похищения, чувство собственного бессилия и вины. Но тот, другой, который должен был охранять Марту — он опоздал. Он принимал неверные решения, суетился. Считал, что поступает правильно, и не слушал чужих советов. Он проиграл гонку со временем. Я сделаю все, чтобы успеть. На этот раз все будет иначе.

Будет? Будет.

Глубокая ночь. В кабинете инспектора Гуса притушен свет. За широким столом, над проекцией карты, склонились четверо. Сам инспектор, Мелисса, Джет и еще один полицейский. Этого четвертого Гус выдернул из постели и отрекомендовал специалистом по контактам с местным населением. Джету это показалось странным — уж с кем, с кем, а со специалистом такого направления его должны были познакомить в первую очередь. Однако нестыковка быстро разрешилась. Оказывается, специалист только что вернулся из месячной командировки. Его звали Дейв Кремер.

Бродяга тоже был здесь. Правда, чуть в стороне. Джет не мог не сообщить андроиду о похищении, а у инспектора не поднялась рука выдворить робота из кабинета.

— Так, дежурный докладывает, что у западного въезда «Самум» не появлялся. В этой части города его никто не видел.

— Судя по маяку, ее везут на юго-восток, — внес ясность андроид. — Расстояние — около пятнадцати миль отсюда.

— Что за маяк? — оживилась Мелисса.

Все посмотрели на Бродягу. Он невозмутимо ответил:

— А как, по-вашему, потерявшийся робот везде находит хозяина? У меня тоже есть маячок, по которому она всегда сможет определить, где я. Правда, у меня он встроенный. А у Даны на шее висит.

— Интересно, где они из города выехали? Мимо наших постов не проезжали. Все же предупреждены.

— Пятнадцать миль? Они точно уже за городом, — не согласился Кремер.

Инспектор покачал головой:

— Перед выездом они могли поменять кар на что-нибудь менее заметное. Спрошу у дежурных на южных и восточных выездах, может, у них какая машина вызвала подозрения...

Секунда на соединение с сетью, потом удивленное:

— Пост у торгового центра. Нет контакта с дежурным... надо проверить. Машин у нас там нет, но чтобы из центра туда доехать, потребуется не больше пяти минут.

Через пять минут они уже знали: дежурный на южном выезде находится без сознания. Его основательно огрели чем-то тяжелым по голове.

— Надо ехать в пустыню, — словно самому себе заметил Джет.

— Ладно. Едем. — Вздохнул инспектор. — Но робот должен остаться в городе. Если охота ведется на него, то мы не можем рисковать.

Джет качнул головой:

— Не так. Что бы мы ни решили, он все равно потопает в пустыню. Так работает программа. Дана — его хозяйка, и он должен сделать все, чтобы ее спасти.

Бродяга заметил:

— Чтобы я к ним сам пришел, надо как минимум, чтобы Дана оставалась живой. Это дает нам некоторую отсрочку. Но небольшую, потому что терпение у бандитов не безгранично. Если я не приду совсем, они могут заподозрить, что их план провалился, и убьют заложницу. Кстати, расстояние перестало увеличиваться. А теперь перестал работать маячок.

— Сможешь найти место, где это случилось? — Выкать андроиду прилюдно Джет не стал. Поднялся, всем видом показывая, что намерен начать действовать.

Инспектор тоже поднялся.

Но Бродяга сказал:

— Джет, выйдем на два слова.

Тот кивнул, они покинули кабинет, невзирая на неприятные взгляды представителей руганской власти.

— Что?

— Заранее прошу прощения, что обращаюсь именно к вам. Но больше мне сейчас обратиться не к кому. Может так случиться, что Дана еще не скоро вернется на яхту. Могу не вернуться и я. Сейчас за нашим зверинцем присматривает искин «Которосли», яхта специально приспособлена для перевозки животных и другого присмотра они не требуют. Но, если пройдет много времени, отсутствие присмотра может дурно сказаться на их физическом состоянии. В общем, вам надо будет отправить сообщение о случившемся в цирковую ассоциацию зоны Лойка. Тогда за ними кто-нибудь прилетит.

Бродяга выглядел смущенным.

Джет провел ладонями по затылку. Он был все еще под впечатлением от похищения. Согласился, конечно. Хотя и подумал, что вместе с этим соглашается и с возможностью ошибки. Которая для Даны может стать роковой.

Поселок — не поселок, кочевье — не кочевье. Поселение притулилось в круглой каменной чаше долины, частью укрывшись от солнца под навесом красной скалы, частью прижавшись к южным склонам. Все постройки здесь — временные. Некоторые из них представляли собой походные шатры кхорби, некоторые попросту — армейские палатки. Но среди них встречались куда более экзотичные сооружения. Например, те, что перешиты из тормозных парашютов какого-то летательного аппарата. Куски того аппарата использованы в качестве элементов каркаса.

Части жилищ не хватило места в тени, и в эти рассветные часы они оказались на солнце. Из пещеры под скалой вытекал прозрачный ручей и уходил в камни, наполняя по пути сваренную из металла поилку для животных. Над поилкой склонился рыжий от пыли науг, рядом лежали переметные сумки и седло. Людей почти не было.

— Кто там, Вурэ?

В откинутый полог шатра проникли лучи раннего рассвета, осветив простую утварь жителя пустыни. Пестрые ковры из шерсти, заменяющие пол, в углу — покрытый испариной бурдюк в проволочной оплетке, такие «корзинки» делают кустари-кхорби из найденных в пустыне материалов. Масляные лампы, вырезанные из кости. Плетеные из крашеной шерсти ширмы-загородки, отделяющие «ночную» часть жилища от «дневной». Сейчас они сложены кучей у стены. Медный помятый чайник с двумя носиками...

Вот только лежанка из шкур покрыта вполне обычной простыней. Складной пластиковый стол и стул тоже никак не вписываются в привычные представления о кочевой жизни.

— Это Меас-саа, твой сродник, — ответил молодой голос с улицы.

Хозяин шатра быстро опустил на лицо широкий башлык и шагнул из-под полога.

Навстречу одновременно с ним шагнул человек в полосатом плаще пустытника. Рыжие полосы плаща чередовались с серебристо-серыми. Прибывший кхорби был немного выше хозяина. Он, как полагается по закону учтивости, протянул вперед руки для приветствия:

— Давно тебя не видел, Саат.

— Я тоже рад встрече, Меас, — усмехнулся хозяин, слегка касаясь протянутых рук. — Как дела в кочевье? Все спокойно? Впрочем, я забыл о гостеприимстве. Зайди в мой шатер, погонщик!

Оба, как велит здешний обычай, удобно устроились на коврах. Не успел Саат крикнуть, как с улицы заглянул мальчишка. В халате желтого цвета он казался темнокожим. А может, виной тому, что паренек стоял против света. Зато так видно, что вихры у него русые. У жителей пустыни таких не бывает.

— Мэо спрашивает, не захотите ли вы чаю? — весело спросил он.

— Передай Мэо, что мы будем рады!

Саат, наконец, откинул с лица капюшон.

— Ох, Саат, — соблюдая давно устоявшийся ритуал, изумился гость, — твоя кожа совсем белая! Тебя не любит солнце пустыни.

И верно. У хозяина кожа куда светлее, чем у погонщика, вот только и белой ее никак нельзя назвать. Смуглая кожа среднего горожанина, который не слишком много времени

проводит на солнце. Это объяснялось просто: Саат был рыжий. Как у большинства рыжих людей, его кожа под солнцем краснела и быстро облезала, не оставляя следов загара.

Тот пожал плечами:

— Солнце пустыни многих не любит. Меас, я понимаю, у вас не принято переходить к делам, едва встретившись. Но я вижу, что твой науг не знал отдыха всю ночь. Какие новости?

Гость, соглашаясь, приподнял ладони:

— Ты правильно понял. И нам есть, о чем поговорить, погонщик тех, кто никуда не идет.

Вошла Мэо. Уж она-то как раз была чистокровной кхорби. Смуглая и темноволосая, она двигалась плавно, словно в танце. В руках девушка держала поднос с двумя пиалами, чайником и горкой лепешек. Открыто улыбнулась хозяину и гостю, поставила поднос между ними.

— Приветствую, Меас-саа. Ты давно о нас не вспоминал, я успела соскучиться...

— Хочешь, присядь с нами, Мэо, — позвал хозяин.

Но Мэо прекрасно понимала, что можно, а что нельзя. Откинула длинные косы назад, пояснила:

— Я лучше потом зайду. Когда вы поговорите. А то от ваших разговоров мне тревожно, даже делать ничего не могу.

Когда девушка вышла, Меас лукаво заметил:

— Я теперь понимаю, сродник, почему ты не позвал в свой шатер Сиан-ли... когда вокруг такие красавицы ходят...

Саат закрыл тему:

— У тебя красивая сестра, я ее помню. И все-таки, что случилось?

— Много чего. Во-первых, Катх-саа передал: на его караван было нападение пять дней тому назад. Тех, кто выжил, приютили люди Асхама.

Повисла пауза.

— Что-то еще? — рыжий видел, что Меас недоговаривает. Это могло означать, что погонщик не уверен в информации. Или же наоборот, уверен, но считает это внутренним делом кланов.

— Да. Есть еще караван, от которого много дней не было вестей. Слишком много дней. Их не видели у источников, они не оставляли знаков в штормовых укрытиях... однако мы не с того начали. Мои разведчики, как ты просил, были в долинах у Полой горы. Они видели людей вашей крови, их было много — как большое кочевье. Но разведчики говорят, никто из тех людей к нападениям на караваны не причастен. Там все строго. И все на виду.

— Понятно. А у вас как?

— Те, из Старых камней, приходили снова. Они приходили, чтобы показать, что сильнее нас. Я сказал мужчинам взять ружья, думал, будет драка. Они подожгли шатер, и мои люди убили одного из них. Теперь я жду, что они вернутся нас убивать. Я пришел за помощью, Саат...

Саат выругался на языке, который погонщику был незнаком, и долго молчал. Потом спросил:

— Когда это случилось?

— Вчера. До заката.

— Твои шатры все так же стоят у Каменных столбов?

— Да. Но я просил семьи сниматься. Когда я вернусь, весь клан будет готов выступить.

— Может оказаться поздно, — пробормотал хозяин шатра, поднимаясь.

Позвал:

— Вурэ!

Русый мальчишка снова заглянул в шатер.

— Позови Марко и Рэтха. И Алекса. Скажи, срочно. Скажи, чтоб Алекс прихватил карту. Ему, похоже, сегодня командовать. И пусть предупредит Тха. Его отряд выступит в ближайший час.

У мальчишки смешно отвисла губа:

— Но как же... солнце?

— Беги, малыш.

Вурэ исчез.

— Саат, скажи, почему ты сам не будешь командовать? И твои люди, и мои, тебе доверяют...

— Алексу тоже.

— Не так, как тебе. Ты в пустыне давно, тебя помнят и песок и камень.

— Только солнце здешнее не любит, — ввернул Саат.

— Зато любит Звезда.

Спутник Руты, ночное светило пустыни, так мал, и его орбита так далека, что жители именуют его Звездой. Старшей звездой, звездой пути. Она — один из основных ориентиров бредущего по пустыне каравана, оттого и произносится так, с придыханием, — Наэса-зэ, Звезда.

Меас раньше часто бывал здесь, в «кочевье тех, кто никуда не идет». За много лет он научился понимать здешних жителей, и даже видел больше, чем доступно им самим. Странная, смешенная группа людей, сложившаяся из бывших солдат, из осколков уничтоженных войной племен, из беженцев и бывших бандитов, все больше и больше походила на единое племя. И это племя училось драться за свое существование, драться не столько с пустыней, сколько с людьми, иными ее незваными обитателями. Меас был молод и считал, что его племени не худо было бы тоже этому научиться. С тех пор, как он стал погонщиком, в мире многое изменилось. В мире — да. Но традиции кочевий остались незыблемы. Его слушали — но лишь, если видели непосредственную угрозу благу рода. Если нет — делали, как считали нужным. Традиционно, погонщик кхорби не приказывает. Он может просить, но чаще просто высказывает свое слово. И его слышат. Или не слышат.

Когда-то клан Меаса серьезно помог Саату и его людям. Потом случилось, что Саат выручил молодого погонщика, когда из-за внезапной бури часть его людей не успела добраться до убежища в скалах. Потом счет взаимным услугам и уступкам перестал кого-либо интересовать. В лагере Саата всегда были рады людям в полосатых серебристо-рыжих одеждах. И почти все жители «кочевья тех, кто никуда не идет» имели желтые пустынные плащи, сработанные мастерицами клана Меаса.

Саат улыбнулся, покачал головой:

— Меас, мы сильно рискуем. Может оказаться, что наших сил не хватит, чтобы противостоять бандам. Особенно если учесть то, что ты рассказал. Видишь ли... если кланы смогут сняться и уйти глубже в пустыню... нам отсюда деваться некуда. А это значит, что часть наших людей все равно останутся охранять долину. Мы начинаем действовать, опираясь на косвенную информацию, на то, что доносят твои разведчики, и на сообщения нашего человека в одной из банд. Но нас мало. Наводить порядок в пустыне придется

общими усилиями. Я постараюсь сделать так, чтобы и полиция Руты тоже не осталась в стороне. Лагерь у Полой горы похож уже не на банду, а на военное подразделение. О целях которого мы ничего не знаем. А это касается города не меньше, чем пустыни. Я это к тому, что лучше, если бандиты пока будут находиться в заблуждении о вашей обороноспособности. С противником, который тебя недооценивает, легче справиться.

Теоретически, подумал про себя. К сожалению.

— Да, ты просил меня пока не показывать, что мы многому научились...

Саат поморщился:

— Ты хотя бы отслеживай оружие, которое к вам попало. Ведь не только от меня вы его получаете...

— Я делаю, что могу. Большая часть ружей хранится в семьях еще с той войны. Но ты мне не ответил.

— Да. Я воевал тринадцать лет назад. Но недолго. И командовал десятью солдатами и четырьмя техниками. Алекс же — профессионал. Он учился этому специально. Понимаешь, меньше шансов, что он сделает ошибку.

— Странный вы Народ... зачем учиться таком злему делу?

— Я там буду, Меас.

В шатер вошли созванные Вурэ люди. Четверо. И двое из них — кхорби, в плащах такой расцветки, какую давно никто не видел.

Шатер сразу перестал казаться просторным, шесть человек едва смогли в нем разместиться.

Огни города, отраженные облаками, остались далеко позади. В пустыне поднялся легкий ветер, он лохматил гребни дюн в свете прожектора. Полицейский кар тускло мерцал габаритами чуть в стороне, «Мустанг» Джета, оставленный еще дальше, был не виден. Мелисса сканером снимала отпечатки с корпуса черной машины. «Самум» освещался с трех точек, лучше, чем в витрине салона. Возле распахнутой дверки лежало тело водителя.

Кремер, успевший побродить с фонариком вокруг, подошел к Джету, заметил:

— Могу с уверенностью сказать лишь одно. Народ кхорби к этой смерти отношения не имеет. Водитель застрелен. К тому же тут чуть дальше стояла другая машина.

— Разве это можно определить? Следы на песке исчезают быстро.

— Не все и не всегда. Вот тут, с подветренной стороны... Ну, параметры мы, понятно, не снимем, но ясно, что машина была, и довольно большая.

Джет кивнул. И так понятно, что владелец кара вывез девушку из города, после чего бандиты его убили, чтобы не сказал лишнего. Наблюдателю центра Тордоса возле трупа делать было нечего. Он стоял снаружи и ждал, когда полицейские закончат работу. Кремера происходящее интересовало только с той точки зрения, не замешаны ли здесь пустынные. Он выяснил, что не замешаны, и теперь с нетерпением ждал возможности вернуться в город, к недосмотренным снам.

— Кстати, раз уж вы здесь, — спросил Джет, — не подскажите, какой клан кхорби носит желтые плащи?

— Нет такого клана, — Кремер нахмурился, — и никогда не было. Желтый плащ, это своеобразный подарок, если кхорби принимают в семью кого-то, кто принадлежит другому Народу. Если вы мне покажете контурный узор, который обязательно есть на плаще, я вам скажу, в какой клан и за какие заслуги был принят чужак...

— Значит, теоретически, это мог быть кто-то из горожан?

— Вполне. Особенно, если он по каким-то причинам много времени проводит в пустыне. Я бы предположил, что это контрабандист. Или кто-то из лагеря Саата.

— Это кто?

Кремер пожал плечами:

— Есть такое вольное поселение на юго-западе от Руты. Довольно далеко, кстати. Не то секта, не то просто бродяги. Пополам и наших, и кхорби. Но они тихие, никого не трогают, с кланами торгуют. Я был там пару раз...

Инспектор включился в беседу, попутно стряхивая платком песок с ладоней:

— Никогда бы не поверил. У нас — и убийства. Целых два убийства! Здесь, в Руте... с самой войны такого не было.

— Ну почему? В том году, в пустыне. Нашли тело кхорби. Опознать так и не удалось, он без плаща был. Солнце за неделю превратило его почти в мумию...

— Ну, это внутренние дела кочевников, это нас не касается, — качнул головой инспектор. У меня на вверенной территории такого нет.

Джет заметил:

— По конституции они такие же граждане, как горожане, должны подчиняться тем же законам.

Инспектор хмыкнул:

— Джет, вы еще не до конца прониклись нашими реалиями. Кочевники живут сообразно своим традициям. Разводят наугов, торгуют, я не знаю... чем им еще заниматься? Неужели вы думаете, что у полиции есть возможность разбираться в клановых дрызгах? Десять лет назад мы основательно зачистили от банд местность вокруг города, дали возможность племенам вести оседлый образ жизни. Многие так и сделали, живут среди нас и чувствуют себя защищенными. Остальных тоже никто не гонит, некоторые кланы специально меняют свои традиционные маршруты, чтобы попасть в Руту или Бэст на ярмарки. Но в их дела мы не вмешиваемся. Наше дело — город и поселки. Трасса на Бэст, охрана космопорта. Это все.

— Инспектор! — позвал от тела Вик. Вид у него был печальный, должно быть, за время пути успел послушаться о своих профессиональных качествах. А ведь ему тоже ничего не будет. Ну, может, кроме выговора. Слишком уж здесь все благодушны. Привыкли к тишине и покою.

Джет поймал себя на злорадных мыслях, и понял, что устал. Не от безделья, а от осознания собственной ненужности.

— Слушаю.

— Мы установили, кто это.

— Да? И кто?

— Эндрю Нилсон. Живет на Каменном спуске, дом четыре.

— Один?

— Нет, с матерью.

— Надо бы туда съездить... только на чем?

Инспектор почему-то повернулся к Джету. Тот пожал плечами:

— Сейчас ночь. Пусть хоть выспится старушка.

— Да, пожалуй... а вы Джет, что думаете по поводу всего происходящего?

— Я думаю, что мы упустили что-то важное. Что в пустыне происходят события, о

которых мы не знаем, а должны бы знать. И что все происходящее как-то взаимосвязано друг с другом. Вот кстати, вы мне напомнили. Бродяга!

Андроид, до того безучастно стоявший на границе света прожектора, подошел.

— Надо было сразу об этом спросить, но как-то не получалось. Все ж таки, что это такое — СТП-мега?

— Экспериментальный армейский телепортатор. За месяц до начала вторжения на Руту его здесь успешно испытали. Особенность в том, что он позволяет перемещать объекты на астрономические расстояния с предельной точностью и при этом не является парным устройством. То есть, совместим со стандартными телепортационными устройствами. В дальнейшем от его использования все же отказались: традиционные способы надежней, проще и не зависят от многих местных факторов. В плюсах его применения было только одно: скорость заброски десанта и неограниченное число перемещаемых объектов, при наличии необходимой энергии, разумеется.

— И при чем здесь Дана?

— Дана тут не при чем, вы правы. Но, настраивая мой сектор си, она использовала память лейтенанта Гнедина. Гнедин был ранен, защищая этот СТП. Аппарат установили, но отладка занимает много времени. Десантная группа ФСМ успела подойти раньше, чем подкрепление, и отряду из десятка человек пришлось держать оборону, пока техники проводили подстройку. Бандиты понимают: если им нужна информация, то заставить меня ее дать может только хозяйка.

Инспектор подался вперед:

— Кто такой Гнедин? Знакомая фамилия. Это не тот ли Гнедин, который...

— Не тот. Сын. — Поправил Бродяга. — Странно. Я был уверен, что сержант выполнил приказ. А теперь выходит, что напали на них тогда не случайно.

...площадка была идеальной для развертывания «Ступы», она же СТП-мега, но, к сожалению, для обороны годилась плохо. Особенно, если окажется, что у противника есть флаеры. Прошел такой слух перед самым выходом, что бригадир Шэнк получил новую технику и боеприпасы. Гведи уже почувствовали себя в зоне Визиря, как дома. Незначительные силы Солнечной, оставшиеся в системе, могли лишь бессильно наблюдать, как от межевого узла подходят все новые корабли: у Руты скапливался флот обеспечения.

Планетарные части держали оборону, но понимали — если командование группы войск Федерации Свободных Миров вдруг решит, что Рута им действительно нужна, они проведут такую артподготовку, что тут не останется ничего живого. И все же, пока враг считал планету лишь тактической целью, колониальному правительству и дислоцированным здесь пограничникам худо-бедно удавалось удерживать крупные города...

С времен, когда несколько бывших колоний объединились сначала в экономический союз, потом — в политический и объявили о своей независимости от старой Солнечной Федерации, прошло с полсотни лет. И все это время ФСМ стремилась расширить свою зону влияния не только за счет новых открытий, но и в первую очередь — за счет не самых разработанных координационных систем, созданных Солнечной. И с этой точки зрения межевой узел Руты был для них сам по себе серьезной стратегической целью. А планета — что планета. Рано или поздно, не имея контактов с метрополией, она сдастся...

Стас еще раз наметанным взглядом осмотрел местность и подозвал сержанта Хейна, его солдаты были приданы лейтенанту инженерной службы для усиления. На них и ляжет вся

трудность обороны, случись что. Вечерний сумрак уже спустился в долину, сгустился туманной дымкой у подножия скал, сделал их густо-фиолетовыми. Красиво.

Уже два раза развертывание системы прошло без сучка, без задоринки. Этот раз должен стать третьим.

Поежился от нехорошего предчувствия — тихо. Бой шел за грядой, но извилистое ущелье уже не доносило звуков. Еще недавно скалы отражали отдаленное уханье, шум разрывов. Но час назад за горами все замерло. Тишина. И чувство такое, что все происходящее, и недалнее сражение, и опасность флаерного налета, — все эфемерно. А пятнадцать человек, один армейский кар-платформа, андроид службы техподдержки и ящики с элементами будущей установки — одни в пустыне. И сам мир уменьшился до размеров этой долины.

— Страшно, командир? — без тени насмешки спросил Хейн. Старше Гнедина чуть не вдвое, сержант был вежлив в интонациях, но если никого из солдат не было рядом, иногда позволял себе такой вот неуставной разговор. Стас мог бы напомнить о субординации, но считал, что для этого нужен более серьезный повод.

— Нет. Не страшно. Непонятно.

Хейн сплюнул под ноги, заметил:

— Вот и мне тоже непонятно, почему ваш прибор нужно ставить именно здесь? Неудобно, второй выход из долины слишком узкий и отступать туда будет трудно...

— Рискованно, да. Но выбор у нас невелик: или использовать для прикрытия этот массив, или открывать портал за городом, в песках. Но вы сами понимаете — в этом случае вряд ли мы сможем как-то помочь Самиру. Ущелье — одно из самых удобных для прохождения людей и техники.

Решение о переброске войск было принято стихийно — никто не ждал, что гведи положат столько усилий на то, чтобы прорваться к городу. Но именно сейчас становилось ясно — они хотят использовать планету как опорную базу. И вот — оборона города трещит по швам, и прикрытия с воздуха недостаточно, чтобы остановить солдат ФСМ.

— Как знаете...

— Вы стрелков в устье поставили?

Сержант медленно кивнул. Стремительно темнело. Уже и вершины скругленных выветриванием скал распрощались с последними отблесками света, стали сизыми на фоне синевы. Синева поднялась с востока, затопила небо и уже поблескивала крупными звездами.

— Надо еще снайпера отправить вон на ту вершину. Если гведи придут, то оттуда...

— Я-то отправлю, — поджал губы. — А кто здесь останется?

Стас не ответил.

Хейн развернулся, пошел отдавать распоряжения.

Если, паче чаяния, враг сюда доберется, то на рассвете. Гведи устали, они только что выдержали бой, и вступать в новый, да еще подниматься для этого по ущелью, через две долины, да в темноте... нет, скорей, они остановятся до утра и будут дожидаться подхода основных сил. И все же иметь своего человечка на стратегической высоте необходимо.

В этот момент за спиной Стаса неуверенно замерцал, а потом уже и ясно разгорелся свет. Он обернулся, выругался. Вся рабочая площадка оказалась ярко освещена. Как на ладони. Большая рама телепортатора, почти собранная, сразу привлекла его внимание. Техники копошились возле нее, наводили силовые экраны. Опыт подсказывал, что настройка полей займет не менее получаса. И раму нужно надежно закрепить, чтобы пройти

могли не только люди, но и машины. Потом столько же будет подстраиваться канал связи. Долго, мелькнула мысль. Мы тут, как мыши в мышеловке. Да еще эта подсветка...

А в темноте монтажники не смогут работать.

Мышеловка и есть.

— Хейн, — негромко позвал Стас, — в ущелье все тихо?

— Все тихо. Вы бы приказали, лейтенант, убрать иллюминацию...

— А может, наоборот? Поставим пару прожекторов на выходе, пусть бьют вдоль, никто не сунется.

— Пешком-то не сунутся... а если у них машины? Ваш прожектор сработает, как приманка.

Гнедин махнул рукой инженеру:

— Эрик, уберите прожекторы. Освещение должно быть по минимуму.

Сержант окончательно убедился: не умеет это лейтенантик приказывать. Не оперился еще, не был в настоящем бою. Вот и у техника, как будто вежливо попросил.

И тот, хоть и согласился, но нехотя. Даже показалось на секунду, что он готов спорить.

В этот момент на вершине скалы мигнул фонарик. Мигнул и сразу погас, и словно ответом этому мерцанию стал тихий хлопок выстрела. Если бы бой за горами еще продолжался. Если бы в тот момент на площадке кто-нибудь разговаривал, этого звука никто бы не услышал.

Два из четырех прожекторов погасли, оставшиеся заметно убавили яркость.

— Не то, — прошептал Гнедин, и добавил, уже в полный голос: — Эрик, свет в ущелье! Быстро! Хейн, давай за мной! Остальные — держать периметр!

Сержант, сплюнув, помчался исполнять.

Ущелье выглядело пустым. Даже песок не под чьей ногой ни разу не посыпался.

Хейн поинтересовался:

— Что дальше?

— Тихо!

Сначала Стасу показалось, что гудит сама пустыня — ветер гонит песок, причудливо воеет в скалах. Но звук приблизился. Он был рядом, за скалами, только не поймешь, где. И слева, и справа.

И тут же, с противоположной стороны долины, откуда гведи не могли прийти в принципе, раздались шум и стрельба. Один из прожекторов вспыхнул маленькой звездой, и мгновенно погас, схлопнулся в тусклую бордовую кляксу.

Стас выругался и открыл огонь. Как учили в академии, прицельно, по замеченному движению возле камней. Выстрел ознаменовался чьим-то криком.

Трое монтажников лихорадочно продолжали сборку, один помогал товарищу обрабатывать рану. Оставшийся прожектор высвечивал часть рамы телепортатора и скалы за ней. Мир стал плоским и контрастным, угольно-черные тени делали пейзаж нереальным, фантастическим. Стасу казалось, что тени выдают врага, скрывшегося за камнями, но тени сами принадлежали камням и были неподвижны. Началась перестрелка.

Стас попытался связаться с городом, где разместился временный штаб, но связь оказалась ненадежной, чего и следовало ожидать. Слишком уж далеко эта долина от сетевых терминалов Руты.

Он лишь успел передать, что их атакуют. И то неизвестно, дошло ли это сообщение до штаба.

Сколько их там поднялось по «козьей тропе», солдат ФСМ? Явно немного, иначе они так не осторожничали бы...

Может, чего-то ждут?

Сержант стоял рядом.

— Хейн, — шепнул Стас, — в случае, если дело покажется безнадежным, или если меня убьют, «ступу» надо взорвать.

Тот кивнул и бровью не повел. Но Гнедину все равно примерещился ехидный прищур. И обязательное в таких случаях «ну-ну».

Лейтенант Гнедин не успел закончить академию, война началась раньше, чем он перешел на третий курс. Оттого Стасу все время казалось, что он занимает не свое место. Что командовать должен кто-то более опытный, более знающий, умный. Но при том он осознавал: раз я здесь, значит, отвечать за результат буду я, и никто другой. И фамильная гордость не позволяла даже предположить, что «не справлюсь». Отец сейчас, в эти самые, может, часы, командует целым флотом. Так неужели же сын не справится с десятком человек? Тем более что уже два раза переброска прошла идеально.

Стрельба на время прекратилась.

Потом возобновилась, но уже от ущелья. Стало понятно, что это именно захват портала. Со стороны гведи пробираться сквозь глубокий тыл рутанской армии — шаг рискованный, если не сказать самоубийственный. Мысль эту Стас додумывал уже на бегу.

Солдаты Хейна короткими очередями сдерживали продвижение противника вверх по ущелью. Спасибо Эрику, этот участок был виден как на ладони. Те пытались огрызаться одиночными выстрелами, чем лишь обозначали собственное присутствие. Подумалось: если их не много, и если они — спецы, могут пойти через скалы. Удержим ли?

И сам себе ответил: «Удержим».

Со стороны «козьей тропы» жажнул взрыв, такой мощный, что вспышкой осветило всю долину, а земля под ногами дрогнула. Второй волной прокатился шум обвала. Тут же над гребнем вспыхнули прожекторы большого флаера. Стас вскинул «мерг», боевые заряды которого он не успел еще растратить, словно специально берег на этот случай. Автоматика наведения пискнула, сообщив, что зависшая машина — в прицеле и можно стрелять. Упор на плечо, плавно выжать спуск и дополнительный крючок компенсатора...

Нет, мимо. Флаер сместился, выцеливая что-то под собой. В голове должны бы крутиться параметры известных летающих машин, а вертится нецензурная брань да еще простейший алгоритм: «Упор, прицел, дождаться сигнала, спуск, компенсатор... упор, прицел...»

Два мимо, один в цель. Машина сбросила газовую бомбу и, набрав высоту, ушла за гребень.

Погас второй прожектор.

Маску на лицо, инфракрасные очки — и дальше, в зеленоватое мерцание остывающих камней, туда, где завертелся бой тени против тени...

И вдруг — словно из-под земли, человек с разрядником в одной руке, с ножом — в другой. И лица его ты не видишь — на лице точно такая же маска, как у тебя. Или очень похожая.

Почему-то оттого, что лица не видно, приходит облегчение. Движения, вбитые когда-то в тренировочном зале академии, просыпаются в теле раньше, чем успеваешь осознать необходимость что-то делать. Трещит, сопротивляясь напору, слабенький энергетический

щит, но он не сможет устоять перед прямым ударом вооруженной руки. И ты убиваешь первого в своей жизни врага. Только лишь для того, чтобы тотчас оказаться на песке — с двумя дырками в теле. Твой собственный щит тоже не пережил этой дуэли. Ты, приподнявшись на локте, стреляешь туда, где помстилось движение более светлого пятна на фоне более темных. Промахиваешься. Кто-то испытывает на тебе разрядник, и ты слышишь собственный придушенный хрип, слишком тихий, чтобы его услышал еще кто-то. Потом с тебя сдергивают маску. Легкие обдает холодным огнем, дышать становится невозможно, сознание гаснет.

Но ты все же успеваешь услышать:

— Ну, нет! Парень — мой...

...А через какое-то время Стас пришел в себя. Было тихо, вроде бы. Было больно. И был монотонный голос прямо в ухо:

— Допуск, парень, ну же, соберись! Нам нужен код... Мы отбились, слышишь? Давай же, вспоминай!..

Нет, был еще один голос:

— Его надо в больницу... и помощь звать. До рассвета они, может, не сунутся. А «Ступа» готова к запуску, только код ввести. У нас часов шесть форы...

И снова:

— Как тебя... лейтенант... ну, очнись же... соберись, нам нужен код допуска к системе.

Меня она не признает...

Он попытался, честно попытался назвать нужные цифры и буквы. Не получилось.

Дана очнулась, когда ее вытаскивали из машины. Руки, связанные сзади, ныли. Она попробовала шевельнуть пальцами, и не поняла, получилось или нет. В голове шумел не выветрившийся еще алкоголь. Кто-то перекинул ее, словно неживой сверток, через плечо. Кто-то заржал и смачно оттянул ладонью пониже спины. Страшно? Нет пока. Обидно до слез.

Прав был Бродяга — нельзя ей одной ходить-бродить. Видно, она из тех, кто сам притягивает неприятности. Могла бы сейчас сидеть тихонько на яхте... или репетировать с пилионом новый трюк... как он там? И Бродяга... он же бросится ее искать! Обязательно бросится, и никакой запрет не поможет... черт. Нужно было потихоньку переоформить собственность на кого-нибудь другого... скажем, на Джета. Джет не отказал бы, он славный... только хмурится часто.

Ночи в пустыне холодные. Хорошо хоть, ветра нет. Обзор ограничен спиной несущего ее бандита. Впрочем, темень такая, что хоть смотри, хоть жмурься — результат один. Здешний спутник, Наэса, слишком мал, чтобы что-то освещать.

Звук шагов изменился. Теперь уже не шуршание песка. Камень? Дорожное покрытие? Мы на трассе?

Ой, не похоже. Дана попыталась хоть немного изменить позу, чтобы стало легче дышать. Но бандит двинул плечом:

— А ну, не дергайся, шалава...

Скрипнула дверь, метнулись лучи фонариков.

— Куда ее?

— Давай пока вниз, потом посмотрим.

Лестница. Длинный коридор, освещенный желтоватыми фонарями под потолком.

Гудение генератора. Двери слева. Наверное, такие же есть и справа. Похоже на подвал какого-нибудь учреждения. Только старый, заброшенный.

Девушку внесли в самую дальнюю комнату по левой стене. Не церемонясь, скинули на пол. Один из похитителей хлопнул ладонью по сенсорной панели — мигнул бледный осветитель, затрещал, включился вполнакала.

Бандиты вышли. Но не успела Дана пошевелиться, из-за двери послышался приглушенный разговор:

— Ну, что, надо караулить до приезда Хейна. Один на стену, чтобы не прозевать. Ну и здесь, для страховки. Кто куда?

— Я — наверх. Не люблю эти подвалы. Воняет.

— Значит, Бад, тебе внизу караулить. Мы со Стефаном вас сменим.

— Всегда, чуть гнилое дело, так сразу я...

— Ну, извини... судьба.

Тоже философ, подумала девушка со злостью.

Через минуту она услышала, как удаляются шаги, кто-то завозился, устраиваясь возле двери. Холодно, неудобно. С трудом села, опершись спиной о стену. Руки не ощущались вообще. Хотела попросить охранника, чтобы развязал, но потом передумала: лучше лишний раз к себе внимания не привлекать. На всякий случай. Вдруг охранник — это как раз тот, кто ее по попе хлопнул?

Осмотрелась.

Пустая коморка-камера. Под самым потолком ниша, за которой, возможно, вентиляционная шахта или окно. Если скрючиться в три погибели, то туда можно забраться. Даже есть изогнутая труба, которая может помочь в этом деле. Труба уходит в стену примерно в двух метрах над полом.

Но самая важная сейчас проблема — проблема связанных рук. Дана-циркачка после нескольких неудачных попыток смогла все же извернуться и перетянуть узел вперед. Это оказалось труднее, чем когда делаешь нечто подобное на публику, со сцены. И руки безобразно затекли, и узел вязали специально так, чтобы трудней было выкрутиться.

Но получилось. Отдышавшись, она взглянула на свои распухшие, посиневшие ладони. Предчувствие не подвело. Действительно, связали ее надежно, в несколько оборотов. Очень похоже, что чьим-то поясом.

И что теперь делать? Она прикусила губу: от бессилия и обиды хотелось плакать. Еще раз попыталась пошевелить пальцами. Они дернулись, но она опять не почувствовала.

Решила осмотреть камеру снова, тщательнее, вдруг найдется что-нибудь, что поможет, если не перерезать, то хотя бы перетереть пояс? В книгах герои всегда находят какую-нибудь железяку, или осколок стекла, или гвоздь...

В камере действительно никто и никогда не прибирался. Здесь было много песка, в углу валялся восторженный куль какой-то ветоши. Не было только ничего колюще-режущего.

Она закрыла глаза, и сидела так несколько минут, поднимая лицо. Словно сквозь веки могла видеть тусклый плафон. Потом поняла вдруг свою ошибку. Не надо было пытаться освободиться. Стоило с самого начала связаться с городом. С полицией, с Бродягой, с Джетом. Да хоть бы с заносчивой красавицей Мелиссой. Лишь бы услышали, помогли.

Она сосредоточилась на подключении, но сервисный узел не отзывался. То ли они слишком далеко оказались от башен рутанских сетевых терминалов, то ли тут кто-то пользуется глушилкой...

Попытаться еще раз?

Дана медленно, по стеночке, поднялась на ноги. Чувствовала она себя паршиво, но ее хотя бы не били. Все могло быть куда хуже.

Правильно, усмехнулся внутренний голос. Вот так себя и успокаивай. Действительно, могло быть хуже... есть, с чем сравнивать, да?

Цель простая — дойти до трубы. Рисковать, и топтать через центр этой огромной, шикарной, просторной камеры мы не будем. Мы пойдем другим путем. Чтобы, в случае чего, просто опереться о стену и не упасть...

До трубы она добралась легко и быстро. Сама удивилась тому, как с каждым новым шагом возвращается уверенность в собственных возможностях.

Труба оказалась толстой и ржавой. Надежда найти у нее какую-нибудь достаточно острую зазубрину оказалась напрасной. Ни крепежей, ни следов латки.

Извини, — судьба!

Зато удалось выяснить, что за нишей скрывается именно окно. Затянутое прозрачным пластиком и закрытое решеткой, выходом оно могло бы послужить, только если бы у Даны вдруг обрелось мощное и надежное оружие...

Режущим предметом послужил бы прут той решетки, но со связанными руками туда не добраться. Почему-то подумалось — Бродяга бы смог. Где ты, Бродяга?

Дана ногами разворошила тюк в углу. Это оказалось большое, изорванное в клочья полотнище. Следы от строп навели на мысль о парашюте. В тюке жила вековая пыль, она взвилась, мгновенно заполнив помещение. Еще там жило семейство бледных сороконожек. Насекомые на вторжение обиделись и мгновенно разбежались по углам, скрылись в щелях. Вот бы мне так же, подумала Дана.

Время шло, ничего не менялось. Она как-то умудрилась задремать, устроившись подальше от уютного домика сороконожек, справедливо рассудив, что они туда обязательно вернуться.

Проснулась от шума на улице. Шумел двигатель кара, неразборчиво звучали голоса. Дана прислушалась, но ни слова не смогла разобрать. Голоса разорвала вспышка смеха, и ей представилось, что похитители в красках описывают кому-то, как легко и просто им удалось ее скрутить. Что ни говори, а ведь Дана сама села в машину к бандитам. Так задумалась о разговоре с Бродягой, что ни на что не обращала внимания. Глупо получилось. И действительно, с их точки зрения должно быть смешно.

Постепенно шум за окном затих, но через какое-то время она смогла разобрать отдельные слова:

— ...себя ведет?

— Да тихо вроде. Мы даже удивились. А сначала мне так врезала, я чуть сам из кара не выпал!

— Понятно.

Еще один голос:

— Да испугалась она. Это, в шоке.

И снова:

— Понятно.

Дана услышала, как отодвигается засов. В камеру вошли трое. Двоих она видела раньше, один видимо, был тем, кого они ждали. Немолодой, с длинными залысинами, не полный, но крупный. Одет в песочного цвета камуфляж. Он приблизился к сидящей под трубой девушке,

склонился над ней, вглядываясь в лицо.

Спросил:

— И как же нас зовут?

Можно было ответить. Что этим людям до ее имени? Пока она размышляла, незнакомец приподнял бровь и вдумчиво произнес:

— Деточка, ты нам нужна, только чтобы заполучить одного робота. И для того, чтобы этот робот сказал мне несколько циферок и буквочек. Как только это случится, мы отпустим вас обоих на все четыре стороны. Видишь ли, моя радость... дело могло бы и не дойти до нашей встречи, кабы не ретивый инспектор с этой его блондинкой. Нужно было приставлять к тебе охрану? Поговорили бы мирно с... моим представителем в Руте, мы бы тебе даже честно заплатили за те сведения, которые нам нужны. А так извини. Судьба.

Вот кто автор изречения, отстраненно подумала Дана. А ведь я его запомнила. И я тебе не верю.

— Ну, что же. Раз ты упорно не хочешь вести цивилизованную беседу...

В эту секундную паузу Дана твердо решила, что вот теперь ее точно будут бить. Тело, помимо воли, сжалось в ожидании удара.

Но удара не последовало. Последовало мягкое продолжение:

— ...и не надо. В знак доброй воли я на минуту выключу «глушилку». Связь здесь, в цоколе, очень плохая. Но я верю, ты сможешь правильно распорядиться этой минутой. Ну же! Время пошло!

Непослушными губами Дана попросила:

— Развяжите руки!..

— Ого! — усмехнулся человек, — старательно они тебя. Ну, сейчас, обожди... — достал нож и легко разрезал путы.

Дана задохнулась от боли, когда кровь начала снова циркулировать, упала, прижав пульсирующие ладони к груди.

Но при этом какой-то внутренний таймер отсчитывал секунды в ее голове. Незнакомец так и не ушел — его силуэт загораживал лампу.

Она хотела вызвать Джета. Она даже думала, что вызвала Джета, но на вызов в ушах зазвенел голос андроида.

И тут вот нужно было разорвать контакт. За секунду Бродяга бы не успел вычислить координаты. Но сознание мутилось, и этот силуэт над ней, словно скала...

Дана прошептала:

— Бродяга... Бродягушка, помоги мне...

Незнакомец подождал еще несколько секунд, потом сжал в руке какой-то приборчик и довольно заметил:

— Хорошая девочка! Все правильно сделала. Теперь осталась наша работа.

Он наклонился и поощрительно погладил Дану по голове. Как маленькую.

Бандиты вышли. А Дана разрыдалась. Неслышно, уткнув лицо в колени.

Джета разбудил сигнал коммуникатора. До часа, когда нужно было ехать к госпоже Нилсон, было еще порядочно времени. Джет спросонья удивился, почему это сигнал идет не по сети.

А потом перестал удивляться: поговорить с ним хотел Бродяга.

Наблюдатель центра Тордоса именно в этот момент почувствовал, что ночью все

изменилось. Прошлое срослось с настоящим, замкнулись круги, и у него появился второй шанс. Не исправить прежние ошибки, это невозможно, и Марту не вернуть. Но почему-то казалось, что это его дело — хотя бы в память о Марте.

— Бродяга, слушаю тебя.

— Дана выходила на связь. Только что.

— Подробности?

Повисла короткая пауза, и Джет дорого бы дал, чтобы увидеть в тот момент лицо Бродяги. У Бродяги очень выразительная мимика. Джет раньше редко встречал андроидов, но у тех, что встречал, был стандартный набор выражений лица. Чаще всего — идиотская благодатная улыбка.

А ведь Бродяга улыбается, только когда смотрит на Дану, вспомнилось вдруг. Интересно, его так запрограммировали, или само получилось?

— Никаких. Я даже направление успел засесть весьма условно. Она звала на помощь. Джет, это был приказ, которого я не могу послушаться.

— Понимаю. Сколько у нас времени?

— Не знаю. Они будут ждать. Возможно, время от времени будут давать ей связаться со мной, чтобы я смог уточнить курс. Я подсчитал шансы на успех и пришел к выводу, что привлекать полицию нерационально. Если бандиты хотя бы заподозрят такой расклад, моей хозяйке придется плохо.

Джет потер ладонями виски, собираясь согласиться. Потом передумал. Сказал:

— Я оставлю сообщение для Мелиссы. Оно будет доставлено через сутки. Суток нам хватит? В нем будут координаты, или хотя бы направление, в котором следует искать похитителей.

— Согласен.

— Расстояние ты смог определить?

— Приблизительно тридцать миль в сторону западного хребта. Судя по карте, там нет оазисов. Голая пустыня.

— Жаль. Ну что же, поедем на моем каре. На рассвете я должен быть вместе с Виком у матери погибшего водителя. Может, хоть там чего-нибудь выясним... хотя...

— Сколько времени это займет?

— Думаю, не долго. Я дам знать, жди меня у западного выезда. Только у полицейского участка не маячь, заметят, могут проблемы быть.

Джету послышался явственный смешок:

— Вы там тоже поосторожней. Не проговоритесь!

Ах ты!.. Ну, Дана, запрограммировала андроида на мою голову, больше восхищенно, нежели раздраженно, подумал Джет.

Совещались недолго. Саат и Алекс помногу раз уже проиграли возможные сценарии действий бандитов. Никак не получалось свести концы с концами. С одной стороны, кто-то предпринял массу усилий, чтобы объединить банды в единый лагерь. Причем, сделать это тайно, не привлекая внимания рутанских властей. С другой стороны, к чему тогда постоянные нападения на кхорби? Убийства, грабежи... все это началось не так и давно. Куда позже, чем появился лагерь у Полой горы. Кхорби — мирный народ, их история не знала войн, но зато они вездесущи, как пустынный ветер и, что важно, контролируют практически все источники воды в пустыне. Может, в этом причина? Или же маленькие

банды действуют независимо? Тогда у Народа кхорби один выход — уйти подальше в дюны, и там дожидаться, чем все закончится. Что-то случится обязательно, ведь для чего-то же у Полой горы скапливаются и силы, и техника, и снаряжение. Не нужно быть семи пядей во лбу, чтобы понять, что целью будет город. Вот только, зачем бандитам Рута? Но как раз это Саат надеялся выяснить. С большой осторожностью в одну из банд втерся житель «кочевья тех, кто никуда не идет». Связь с ним была нерегулярной и чаще всего случайной, но благодаря этому человеку теперь племя Саата знало намного больше, чем все остальные.

А уж после того, как Меас попросил своих многочисленных сородичей целенаправленно наблюдать за бандитами, картина стала почти полной.

Тха покинул шатер, как только выяснилось, что никаких поправок для его отряда не будет. Готовиться пустынною было не нужно. Осталось предупредить людей, дожидаться, когда солнце свалится с зенита, и выступить в тени скальной гряды. А первый час от злого светила их будет прикрывать ущелье.

Вышел Меас-саа, он вернется в свое кочевье с отрядом Тха. Так будет быстрее. Меас, у которого за спиной был только что выполненный ночной переход, чувствовал себя разбитым, но предложение отдохнуть решительно отклонил.

В конце концов, остались только Алекс и Саат.

Алекс, высокий бородач, когда-то служил в десанте, был командиром боевой группы. Потом какое-то время — сотрудником Бюро Космических Исследований. Совсем недолго. Что-то у него там не сложилось, и он перебрался на Руту. В городе свел знакомство с жителями пустыни, а потом все тот же Меас привел его сюда, к Саату.

Рыжий погонщик племени отщепенцев поначалу относился к новичку подозрительно, пока не узнал его ближе. Алекс казался большим и сильным, но добродушным зверем. Он любил вкусно поесть, заразительно смеялся и знал массу анекдотов. От бывшего десантника веяло спокойной уверенностью.

Через месяц после знакомства Саат рассказал Алексу о своих подозрениях относительно дел, творящихся в пустыне. Тот помрачнел и ответил:

— Вот не верил я умным людям, а ведь правы были.

— Ты о чем?

— Да о том, что моя профессия меня и на краю света найдет. Ладно. Обрисуй ситуацию.

— Все просто. Некто начал объединять пустынные бандитские группировки, подминать их под себя. Еще год назад в окрестностях Руты о бандитах никто ничего не слышал. Сейчас, если послушать кхорби, постоянных лагерей только в нашем квадрате — два, как минимум.

— Да, Меас говорил что-то, но я не придавал значения.

— Я подозреваю, затевается что-то масштабное, подготовка ведется очень осторожно...

— Ладно, понял. Но мне казалось — это работа полиции?

— Полиция не вмешивается в дела пустыни. У них не так много сил, да и влияния тоже. Штат не укомплектован, техника старая. Да и с чего бы им сюда лезть? Семь лет полной тишины и благоденствия расслабят кого угодно... Я недоговорил. Неделю назад ко мне приходил человек. Вроде, проситься в клан. Из его намеков и дурак сделал бы верный вывод: почву прощупывал, хотел выяснить, что тут у нас за контингент, и не удастся ли использовать нас в своих целях.

— Чем кончилось?

— Ушел. Сказал, что за семьей. С тех пор я его не видел. Предупреждая вопросы, из

наших с ним никто не стал связываться.

Алекс улыбнулся:

— Да я уж тоже понял, что у вас тут за контингент...

Сейчас Алекс нехотя поднялся с циновок, потянулся. Саат, напротив, остался сидеть, сгорбившись над пиалой остывшего чая.

Десантник спросил:

— Что-то не так? Не вижу энтузиазма.

— Все так. Вот, прочти.

Он кинул приятелю прозрачный компакт, варварски исписанный по верху графитным карандашом. Вряд ли монитором после такого обращения кто-нибудь сможет воспользоваться.

Тот бегло просмотрел текст:

— ...«появление этого человека вызвало сильное волнение среди их командиров. Я так понял, речь шла о некоем андроиде. Мозг андроида содержит данные, которые могут серьезно повлиять на ход операции, вплоть до изменения приоритетных целей. Я попросил Ники Митчелла предупредить хозяйку робота...». И что?

— Что за приоритетные цели, ты понял?

Алекс качнул головой.

— По-прежнему богатое поле для гадания. Чего они хотят добиться? Хотя, есть вариант.

Саат испытующе посмотрел на десантника и пожал плечами. Все предположения, которые могли придти ему на ум, он уже перебрал.

— Я спросил себя: почему именно Рута? Это не самый крупный город планеты, хотя и здесь есть, чем поживиться. Все равно шансов встретить сопротивление слишком много. Не лучше ли начать с поселков? В окрестностях того же Бэста их намного больше, чем тут. Многие группы бандитов пришли с севера, то есть им до Бэста, теоретически, было ближе, чем до Руты.

— Там, кстати, море рядом. Климат мягче, зелень.

— Вот именно. А сегодня до меня дошло. Рута, это еще и самый крупный порт на планете! У Бэста — класс дельта, там имеют право на посадку только торговцы. И то не все. Рутанский космопорт альфа-класса в состоянии принять, если потребуются, даже тяжелые атмосферные корабли. И еще. Рута — контроль над самим портом, а это — выход на швартовочные спутники, то есть, это контроль и над связью в этой части зоны Визиря...

Саат бледно улыбнулся:

— А не слишком ли круто? Алекс, последняя космическая война кончилась десять лет назад.

— Не-а. В самый раз. Иначе не сходится... эй, ты мне не нравишься. Все в порядке?

— Почти. На передовой можешь на меня не рассчитывать, но в целом самочувствие сносное.

— Знаю я... ингалятор твой где?

— Закончился. Не бери в голову, завтра Рома из города привезет. С запасом.

Алекс кивнул, но все же дал себе зарок позвать сюда Мэо. Девушка считалась ученицей шаманки, и исполняла в становище обязанности медсестры.

Он несколько раз пытался разузнать поподробней о рыжем погонщике у всех подряд, начиная с Меас-саа, заканчивая самим Саатом. Непонятное уважение, которым тот был окружен, его странная болезнь, не поддающиеся современным лекарствам, достаточно

глубокие знания в самых разных областях. То, как его принимает Народ кхорби. Весь Народ, а не только клан Меаса.

Узнать удалось немного. Только то, что он родом с Руты, и Меас помнил его еще подростком. Что он ремонтирует, а иногда и заново собирает из найденных в пустыне деталей самые разные вещи. Полезные вещи. В том числе — оружие, и даже учит кхорби им пользоваться. Основам самообороны тоже учит. Очень неплохо играет в шахматы. Когда-то всерьез занимался боевыми единоборствами. Да, в спарринге Саат Алексу проигрывал всегда. Но у того осталось впечатление, что это только благодаря непроходящей астме и как следствие — быстрой усталости. Саата удручающе часто валили с ног приступы удушья, перемежаемые сухим кашлем, от которого помогали только некие ингаляторы, доставляемые из города. После приступа рыжий отлеживался не менее часа.

Несмотря на все это, Саат жестко руководил общиной. Это никогда не бросалось в глаза, но все важные решения принимались под пологом его палатки. Это к нему приходили пустынные с просьбами о помощи и предложениями дружбы.

Становище жило небогато. Торговали с кхорби полезными мелочами, воссозданными из деталей, найденных в пустыне или изготовленными собственноручно. Учились разводить наугов и ухаживать за ними. В долине было даже маленькое стадо. Маленькое, потому что наугов требуется кормить. Пусть они и неприхотливы, и пьют куда реже других животных, но лагерь Саата — не кочевье, чтобы искать новые места для их кормежки. У кхорби покупали шерсть, молоко, мясо. А еще — обломки, детали приборов и сломанное оружие, которое те тащили из пустыни. В Руте бывали редко: город далеко, смысл мотаться туда-обратно? Но связь поддерживали. У многих там жили родственники и друзья...

Никогда не загадывали о будущем. И от настоящего ничего хорошего не ждали.

И все-таки...

Уже стоя у выхода, Алекс обернулся:

— Вот скажи, Саат. Давно хотел спросить, да все повода не было. Сейчас-то понятно, а вот раньше, когда все это только начиналось... зачем оно надо было? Тебе?

— Если быть точным, то началось все не с меня. А я молод был и наивен. И думал, что скоро умру. Тогда мне казалось, что я слишком мало успел сделать. Хотел, кажется, след оставить. Если не в истории, так... а чем кончилось, сам видишь.

Из ответа Алекс не понял ничего, кроме того, что этим вопросом он зацепил какую-то тайную струну в душе приятеля. Добрый знак. Но Мэо лучше все-таки позвать. Пусть хоть молоком его напоит, что ли?

Теперь Алекс уже в себе пытался найти и не находил ответ на вопрос: чем меня-то зацепил этот не самый здоровый и не самый компанейский человек? Почему я сейчас здесь? Ведь тогда, три года назад, всерьез собирался уйти. Ничего не держало. Даже подумывал покинуть Руту и забраться еще дальше. Но остался. Почему? С чего началось?

А было так.

Алекс завел привычку тренироваться на закате, на относительно ровной площадке под нависающей скалой. Сначала занимался в гордом одиночестве, потом стал замечать, что за ним наблюдают. Наблюдали, как потом выяснилось, Саатовы ученики. Трое — бывшие горожане, двое — местные. На третий день появился сам Саат. Тогда еще Алекс не знал, кто этот чуть сутулый, костлявый кхорби. Саат носил клановый плащ, и Алекс даже не усомнился в том, что посмотреть на его занятия пришел пустынный.

Смотрел минут десять. Потом предложил:

— А теперь давай со мной.

Алекс кивнул. И попался.

Нет, короткий рукопашный поединок он выиграл, но Саат достал его дважды, а такого давно не бывало.

Усмехнулся, вспомнив, как был тогда и рад, что нашел себе партнера для тренировок, и раздосадован. И как удивился, когда кто-то из учеников попытался подставить рыжему плечо. Огреб тогда парень и от учителя, и от товарищей... А кто это был, уже не вспомнить.

Госпожа Нилсон жила на отшибе в частном доме, окруженном высокой оградой.

Вик вошел во двор первым. Именно ему, как представителю власти, предстояло рассказать пожилой женщине о смерти сына. Он нервничал и часто оглядывался на Джета, но тот не собирался облегчать ему задачу.

Очень вежливая пожилая дама ходила медленно, зато улыбалась заразительно.

У Вика духу не хватило вывалить ей всю правду, спросил сначала про машину.

Та развела руками:

— Сынок мне купил. Увидел, что мне ходить трудно, вот и купил. Неделю назад. Да я в ней и посидеть-то не успела. А что случилось? Эндрю честно заработал эти деньги, он у меня молодец. Работает гидом в известной фирме. Он ни в чем не виноват, спросите у кого угодно!

— Дело в том... — Вик замялся, подбирая слова. Ему еще ни разу не приходилось говорить такие вещи, — что ваш сын, Нилсон Эндрю, сегодня ночью был убит. В пустыне. Извините...

Женщина побледнела и поднесла пальцы к бескровным губам:

— Не может быть! Вы, наверное, ошиблись!

Джет подхватил ее под локоть, предложил:

— Вы присядьте, пожалуйста. Нам нужно задать вам несколько вопросов.

Она послушно отошла к лавочке, устроенной под навесом, который не дает солнечным лучам проникать в окна. Навес был полупрозрачный, голубой. Из-за этого лицо госпожи Нилсон стало казаться еще более бледным.

— Да, да, конечно, — сказала она тихо. — А как же... а что же мне теперь делать?

— Прежде всего, ответить на наши вопросы, это нужно, чтобы поймать преступников. А потом... сегодня днем с вами свяжется специальный человек из полиции, и все расскажет. Куда идти, и что делать.

— Хорошо. Но я же ничего не знаю. Я представления не имею, кто мог бы... кто желал Эндрю смерти.

— Это и не нужно. Вспомните, пожалуйста, когда именно ваш сын ушел из дома?

— Вчера. Днем еще. Сказал, что повезет группу в кочевье. Четверо туристов и он. Собирались выехать ближе к закату, чтобы было выгодное освещение, но и чтобы от жары не мучиться. Скажите, а вы не ошиблись? Это точно мой сын?

Джет покачал головой:

— К сожалению. А какие планы на ночь, он не говорил?

— Да какие планы, — всхлипнула женщина. — Туристы разные бывают. Иногда съезжают, посмотрят на пустынных, и сразу назад. А бывают такие любопытные, остаются в становище на целую ночь. Эндрю никогда не знал сроки своего возвращения...

Джет еще не бывал в кочевьях Народа кхорби. Но историю рутанской колонии представлял себе неплохо. Не слишком длинная это была история.

Шестнадцать лет назад здесь кипели бои. На планету, несмотря на заслон орбитальных сил, прорвались десантные отряды гведи и попытались закрепиться. Рута с момента основания колонии была миром приграничным, независимым. Жителям казалось — выбор,

какую из сверхдержав поддержать, остается за ними. Однако эти фантазии быстро развеялись. Вторжение со стороны вооруженных сил ФСМ в зоны, подконтрольные Солнечной Федерации, началось именно от межевого узла, расположенного на границе системы Руты, сразу за здешней версией облака Оорта. Регулярные части зоны Визиря сдерживали атаку. Часть флота интервентов смогла пробить заслон и прорваться к единственной обитаемой планете системы. У гведи был план создать здесь большую опорную базу. Однако планета оказалась крепким орешком. Как водится в таких случаях, в результате больше всего досталось местным кочевым племенам. Их древняя культура оказалась наименее устойчивой к воздействию силовых снарядов и ковровых бомбардировок. То, что сейчас показывали экскурсоводы немногочисленным туристам — всего лишь неточная реконструкция, почти театрализованное шоу. Говорят, война сильно откатила кочевья по исторической спирали. Говорят, у пустынников в былые времена была своя письменность и искусство, и даже уникальная политическая система, обладающая многими признаками государства...

Прорыв чудом удалось заткнуть и даже выдворить гведи с планеты. Вот только за победоносной армией всегда тянется самая разная шваль, охочая до легкой поживы. Так что мир на Руту пришел еще не скоро. Но пришел.

Города восстановились, производство работает.

И кхорби все так же кочуют по пустыне, следуя своим неведомым тропам.

— Скажите, — наконец решился вставить слово Вик, — как давно ваш сын начал работать в этой фирме?

— Давно. Врать не буду, но почти с самого ее основания...

Дальнейшие расспросы помогли добавить несколько штрихов к психологическому портрету погибшего, и больше ничего. Честно говоря, Джет боялся, что ему придется сканировать пожилую женщину. И был рад, когда оказалось, что этого не нужно, по крайней мере, прямо сейчас. Что бы он там ни говорил своим клиентам, а полностью отрешиться от чужих эмоций у него никогда не получалось.

Вик остался фиксировать детали и получать подтверждения точности записи, а Джет решил, что пора. Бродяга, наверное, его уже ждет.

Солнце не успело подняться, но основательно прокалило городские улицы, быстро разогнав скопившуюся за ночь прохладу. Ну что же, вперед. В салоне «мустанга» пахло сосновой корой и влагой — любимый утренний запах. Едва заметный, и в отличие от других ароматизаторов, вовсе не имеющий химического, парфюмерного оттенка.

При свете дня в бардачке за панелью виртуального контроля Джет увидел костяной ножик кхорби, и усмехнулся: не ошибся тот торговец. Я действительно собрался в пустыню.

Машина мягко катила по улицам, сама выбирая наиболее удобный маршрут. Джет разбирал последние сутки на короткие отрезки-действия, еще раз проверял отмеченные версии, взвешивал правильность собственных поступков. По-прежнему ему казалось, что инспектора Гуса следовало предупредить о наметившейся прогулке в пустыню. Хотя бы для того, чтобы их интересы не пересеклись в самый ответственный момент, чтобы не помешать друг другу. Он решил еще раз обсудить это с андроидом, как только они встретятся.

Когда «Мустанг» пересекал старую площадь, на связь неожиданно вышла Мелисса.

Звезда Интерпола была возбуждена, и говорила так быстро, что Джету пришлось ее прервать и попросить повторить, но спокойно.

— Повторяю спокойно, — послышался чуть обиженный, но при этом полный

превосходства голос, — можете меня поздравить! Я все выяснила про желтый плащ, который нас всех сбил с толку: это все-таки пустынные, их рук дело!

— Да почему?

— Потому что именно такие плащи, именно такого цвета и именно с таким узором носят люди чужой крови, но принятые в клан. Например, за какие-то заслуги. Между прочим, узор не бессмысленный! По нему кхорби понимают, в какой именно клан вошел чужак, на каких правах и с каким статусом, вот.

— Мелисса, я вас расцелую, если вы мне сейчас скажете, что знаете, в какой клан и за какие заслуги попал наш покойник.

— Ну... почти. Я не знаю, что за клан, но знак птицы однозначно указывает на оказание помощи в трудную минуту.

— Отлично! Вы очень помогли. Пожалуй, я прогуляюсь в пустыню, до ближайшего кочевья...

— Я с вами.

— А кто будет заниматься убийством гида? Я лицо почти частное, и поездка входит в круг моих обязанностей. Гус будет только рад, когда моя персона перестанет маячить у него перед глазами.

— Вы излишне самокритичны, Джет. Но все-таки... будьте осторожны там, ладно?

Джет улыбнулся:

— Договорились!

Бродяга действительно его уже ждал. Когда андроид забрался на соседнее сиденье, Джет поделился с ним своими догадками:

— В картине не хватает многих кусков, но теперь хотя бы ясно, что поиск следует начать с ближайших кочевий. Выясним, что за человек навещал Дану и погиб, выпав из окна гримерки, почти наверняка сможем выяснить и его связи. Думаю, под таким соусом мы вполне можем подать инспектору наш сегодняшний выезд в пустыню.

— Пожалуй.

— Тогда я сейчас с ним поговорю...

Джет вышел в сеть и дождался, пока инспектор ответит на вызов.

Инспектор узнал Джета, поздоровался. И даже поинтересовался, как у него самочувствие после бессонной ночи. Без ехидства поинтересовался. Как у товарища по несчастью.

Джет ответил:

— Хорошо. Я вот по какому поводу вас беспокою: решил посетить ближайшее кочевье. Собираюсь показать пустынным тот плащ, который нашли у Даны в гримерной. И еще мне понадобится снаряжение для прогулки в пустыню. Мне и Бродяге.

— Мне не нужно, — напомнил Бродяга. — Меня делали для куда более тяжелых условий эксплуатации.

Джет посмотрел на его рабочий комбинезон и поверил.

— Вам понадобится оружие, — решил инспектор. — Судя по событиям минувшей ночи, сейчас соваться в пустыню с пустыми руками может быть опасно.

— Разумеется.

— В таком случае, подъезжайте к служебному входу офиса.

Джет отключился, и увидел, как андроид вытащил из кармана миниатюрную «Мэрилин»

бету», оснащенную разрядником и лазером. Серебристый сороказарядный пистолетик выглядел ухоженной игрушкой.

— Ты же по идее не можешь стрелять в людей?

— Разве? — поднял бровь Бродяга. — Впрочем, стрелять в людей я и не собирался.

Осталось предположить, что похитителей Даны андроид к роду людскому не относит.

Джет сказал:

— Что-то ты мутишь, Бродяга. Может, ты никакой не андроид?

— А кто же я? Нет. Самый обычный антропоморф третьего поколения по классификации компании-разработчика. Могу продиктовать регистрационный код. Правда, он двадцатичетырехзначный. Хозяйка у меня необычная, это да.

Джет вспомнил объяснения Даны о законах роботехники в адаптированном для реальной жизни варианте, и почему-то это его совершенно не успокоило.

Кар подкатил к служебному входу офиса полиции. Там их уже ждали.

Инспектор передал Джету желтый плащ. Тот мягко зашуршал под пальцами. Знали кхорби какой-то секрет, который делал их вариант одежды для пустыни более надежным, чем продукция местной фабрики снаряжения.

Коллеги инспектора приготовили для господина наблюдателя целый арсенал. От лучемета до связки акустических бомбочек. Были также беззвучные, и страшные по производимым повреждениям гравитационные гранаты, несколько упаковок патронов к огнестрельному оружию, съемные блоки для импульсной винтовки, сама винтовка и много чего еще. Вот только содержалось все это абы как. Оружие не терпит небрежного обращения, и на взгляд Джета, половину из принесенного арсенала можно было смело утилизировать.

На прощание Джет спросил, не знает ли инспектор кого-нибудь в городе, кто был бы в хороших отношениях с пустынниками.

Инспектор поправил:

— Они называют себя «Народ кхорби». Есть такой человек. Михаэль Стоун. Дом у него здесь, на Аллее колючек, однако он по полгода проводит в пустыне. Но вчера я его в городе видел, так что есть шанс. Возможно, он еще не успел покинуть Руту...

Стоун оказался мужиком мрачным и подозрительным. Первое, что он сделал, увидев у своего крыльца незнакомцев, потребовал предъявить документы. Джет сунул в декодер у входа свою личную карточку, но Стоун мрачно потребовал подтверждения полномочий. Пришлось доставать еще и удостоверение наблюдателя. Только после этого дверь нехотя отворилась. Хозяин, которому было далеко за пятьдесят, хмуро оглядел гостей, потом принялся снова придирчиво рассматривать документы Джета и техпаспорт андроида.

В конце концов, что-то решив для себя, он все-таки пригласил их в дом.

Квартира оказалась маленькой и неухоженной. Михаэль Стоун жил бобылем. В глаза бросилась импульсная винтовка, стоящая у стены. Без чехла. Джету подумалось, что стоит она здесь отнюдь не для красоты.

Стоун поинтересовался, чем может служить представителю власти.

Джет рассказал. Разумеется, в двух словах. Разумеется, опуская подробности.

Хозяин по ходу рассказа только кивал.

— Спohватились! — заметил он в результате, с изрядной долей ехидства в голосе. — Конечно, стоило кому-то из городских нарваться на пулю, сразу завертелись, как маххо на

углях! А что в пустыне творится, им дела нет! И когда эти недобитки стали ставить условия кочевьям — хоть бы что. И когда они себе по всей пустыне базы ставили — всем насрать... Нет, сейчас уже поздно, ничего не изменишь. Их слишком много...

— Спокойней, господин Стоун. Мне всего лишь надо найти похищенную девушку.

Стоун заржал.

— Девушку... похищенную... да ее уже, вашу девушку, надо в песках искать... зарытой поглубже...

— Дана жива, — заметил Бродяга. — Она где-то в тридцати километрах отсюда. На западе. Точнее сказать не могу.

Стоун посерьезнел. Спросил:

— Кто похитил — знаете?

— Эндрю Нилсон, гид. Но это как раз его убили на выезде из города.

— Понятно. Значит, не знаете. А ведь сколько раз говорил я нашим полицейским... доиграетесь! Пустыня еще себя покажет!

— Не отвлекайтесь!

— Значит, так. Вероятней всего, это те, кто контролирует территории, прилегающие к городу. Эти ублюдки совсем страх потеряли... Главный в банде — Саймон Хейн. Не знаю уж, настоящее ли это имя... собрал вокруг себя недобитков армии захвата, здешних отморозков тоже под себя подгрел. Торгует потихоньку через подставных лиц, организовал перевалочную базу для контрабандистов, но осторожничает, шакала. Поскольку полиция в сторону пустыни не смотрит, он активно вмешивается в жизнь кхорби. Людей своих не сдерживает, и те в кочевьях что хотят, то и творят. Причем, чем дальше, тем больше. Похоже, народ кхорби целенаправленно натравливают на горожан. Я сам видел оружие в кочевьях, и это отнюдь не копыя с костяными наконечниками. Полиция, конечно, ни ухом, ни рылом... меня пустынные уже почти не слушают. Короче, зреет тут такой гнойный нарыв, что если ничего не сделать, получим вторую Илью. Только боюсь, время уже упущено.

— Я понял. Спасибо за информацию. Первое, что я собираюсь сделать, это все же посетить ближайшие кочевья. Мне нужен ваш совет.

— Понятно, что совет. Что же еще? Самое главное, у кхорби железом сразу не трясите. Назовите погонщику мое имя, скажите, что старые знакомые. Может, тогда сначала выслушают, а уж потом будут убивать. Я не шучу.

Стоун проводил их до ворот, и уже отвернувшись, пробормотал:

— Девушку похищенную... надо же, «похищенную»...

Через четверть часа «Мустанг» вылетел за городские ворота. Бродяга исполнял роль штурмана — он знал направление «хоть бы приблизительно».

В кабине стало жарко, несмотря на кондиционеры. В остальном кар оправдал ожидания Джета — по песчаному бездорожью он шел ровно и мягко. Вскоре город исчез из виду. Впереди замаячила гряда невысоких скал, превращенных выветриванием в причудливые статуи.

Джет следил за дорогой и одновременно пытался соединить воедино всю новую информацию. По всему выходило, что нарыв, о котором говорил старый Стоун, уже созрел, и вот-вот лопнет. И размеренный покой провинциальной жизни Руты на самом деле — фикция. Видимость, обреченная на пустоту. Почему так, он не смог бы внятно объяснить, но каждое новое событие, происходящее в Руте и окрестностях, слишком уж ладно

укладывалось в общий ряд. Каждое в отдельности оно вызывало смутное беспокойство. Все вместе они легли на душу Джета нешуточной тревогой: что-то готовилось. И господин Дага мог поклясться чем угодно, что добром это «что-то» не кончится.

Джет спросил:

— Ты же бывал раньше на этой планете. Можешь что-нибудь рассказать про кхорби?

— Я уже рассказывал. Дело было во время войны. Тогда мою память корректировали несколько раз, так что сведенья могут быть неточными. Что же касается не прямых данных... Джет, напоминаю: Дана создавала мою индивидуальность на готовом материале — слепке памяти некого Стаса Гнедина. Парень он был образованный, и военная карьера, насколько я понимаю, привлекала его лишь как дань семейной традиции. Его отец был адмиралом, командовал четвертым флотом Солнечной. Дед тоже был военным. А Стасу всегда нравилась история, он в юности интересовался культурой кхорби. Кое-что из его знаний и умений перепало и мне. Еще ему нравилось что-нибудь мастерить. Делать руками. И... нет. Это к делу не относится. Кстати, офицером он все-таки стал. Если бы он тогда не погиб, сейчас ему было бы около тридцати пяти.

— Кстати, о причинах похищения Даны. Других вариантов быть не может? Я про их цель. Телепортатор-то зачем бандитам?

— Согласен, версия фантастическая — кто-то должен не просто помнить те события. Он должен был участвовать в них. Он должен был знать мой серийный и кодовый номер, помнить его, догадываться, что слепок памяти все еще не стерт... и должен был быть уверен, что мы сюда прилетим.

Джет остановил кар в тени одной из скал.

— Куда дальше?

— Направление то же. Дана больше на связь не выходила. Кстати, Джет, взгляните вправо... ничего не видите?

— Флаги какие-то. Может, уже кочевье?

Джет на всякий случай вызвал инспектора, хотя предпочел бы проконсультироваться со Стоуном.

— Западное направление? Это с большой вероятностью караван погонщика Меас-саа. Большое племя, около ста человек. Это их обычный маршрут. Настроены к нам нейтрально, иногда привозят сувениры на продажу. Хотите начать с них? Что же, почему нет. Они, кажется, сотрудничают с одной из турфирм. Точно сейчас сказать не могу, но что-то такое вспоминается.

— Понятно. А ты как думаешь? — повернулся Джет к андроиду.

Тот молча переложил «Мэрилин-бету» в карман под правую руку.

— И все-таки, никакой ты не андроид, Бродяга, — подвел итог Джет.

— Я не буду стрелять в людей. Я вообще не собираюсь стрелять. — Невозмутимо ответил тот.

— Тогда пошли. Подожди только, я плащ накину...

«Плащ пустытника», выданный инспектором Гусом, был произведен на местной фабрике. Внешняя его сторона блестела, как алюминиевая фольга, оттого путешествующий в нем человек в ясную погоду отсвечивал издали. И еще никому пока не удалось использовать отражающую способность ткани для маскировки.

Плащ этот плащом только зовется. На самом деле это такой мини-скафандр, оснащенный системой охлаждения, запасом воды и медикаментов. Джет попрыгал на месте,

прилаживая все приспособления и снаряжение. Кажется, можно идти.

Бродяга невозмутимо вышагивал рядом в своем комбинезоне. Даже рукава не закатал.

— И что, совсем не жарко? — любопытствовал Джет.

— Что мне будет? Нет, не жарко.

— А меня в пот бросает от одного твоего вида.

Бродяга хитро подмигнул, и дотронулся до руки недоверчивого господина Даги.

От ладони андроида веяло прохладой. Живой холодильник!.. Не живой, поправил себя Джет. Это робот. Просто робот. Почему я об этом всегда забываю? Нет, Дана не права. Робот должен вести себя, как робот. Быть послушным слугой, исполнять приказы и молчать, когда не спрашивают. А дружить надо с людьми. И влюбляться — в людей! И то, что Бродяга — только похож на человека, это не честно, не справедливо. И в первую очередь по отношению к нему самому.

Кочевье приблизилось. Стали отчетливо видны куполообразные шатры, украшенные яркими полотнами гобеленного плетения. В ткань порядком набился песок. Чуть в стороне стояли волокуши и носилки, в большинстве — загруженные. Кто-то только что прибыл? Или собрался покинуть стойбище? А больше всего похоже, что часть клана, а может и весь клан, собралась сниматься. Вот и еще подтверждение: снятый уже с каркаса, но не увязанный пока шатер.

В стороне сбились в кучу несколько наугов.

— Пахнет паленым, — заметил Бродяга. Джет принюхался, но не уловил никаких особых запахов.

— Куда все делись? Может, сиеста?

Бродяга неожиданно проявил знание предмета.

— Сейчас они, скорей всего, отдыхают, спят в шатрах. День для кочевья — не самое лучшее время. Но в любом случае, должна быть какая-то охрана. Судя по словам Стоуна, Народ кхорби не может чувствовать себя в безопасности...

— Удивительно, что полиция только сейчас заинтересовалась делами пустыни.

Бродяга улыбнулся:

— Но в результате к пустынникам едем мы с вами, а не инспектор Гус.

Они миновали несколько шатров и вышли на площадку, устланную плотной тканью и тщательно очищенную от песка.

— Это называется «ми-йоо», судилище, — заметил Бродяга. — Шатер напротив принадлежит погонщику. Погонщик — глава клана... Ага. Нас заметили. Джет, осторожно.

Они появились, словно соткались из песка. Человек десять, одеты в одинаковые полосатые плащи. Рыжий чередуется с серым и оттого кажется еще более ярким. Вооружены короткими, кажется, костяными, копьями, и...

— У них пистолеты, — шепнул Джет.

— Вижу. «Мастер-3», армейский образец. Нечему удивляться. После войны у кхорби осело много всякого оружия. И не только оружия.

Серо-рыжие приблизились, встали в круг, опершись на копья и выставив вперед пистолеты. К слову, огнестрельным были вооружены только четверо из десяти. Но Джету и Бродяге этого вполне бы хватило.

Полог шатра откинулся, появился еще один человек. Видимо, сам погонщик. Оружие тут же было опущено, круг охранников распался, пропуская фигуру в ярком, тоже полосатом,

одеянии. Правда, грязном и порванном в нескольких местах.

Погонщик стащил с головы капюшон. Выглядел он усталым, словно целый день занимался непосильным трудом. Возможно даже, на солнцепеке.

Медленно достал пистолет, такой же, как у остальных, направил на Джета, спросил:
— Кто такие?

На базовом спросил, но с сильным акцентом.

Джет не успел даже ничего понять, когда Бродяга вдруг развернулся и со всей силы толкнул его на натянутое полотнище. Пуля прошла мимо, а андроид вдруг что-то выкрикнул. Язык пустыни показался Джету гортанным и резким. А может, это слова такие были... Нацелившиеся было пострелять, кхорби замерли в нерешительности. Погонщик сощурил и без того узкие глаза и что-то ответил. Бродяга поднялся и помог встать Джету. Шепнул:

— Похоже, мы правильно зашли...

И уже громче добавил:

— Спокойно, погонщик, мы в кругу ми-йоо. И мы — друзья Михаэля Стоуна. Если тебе это имя что-то говорит.

Погонщик немного отвел в сторону свой пистолет, и заметил, поморщившись:

— И что вы знаете о круге ответов?

Бродяга снова быстро заговорил на местном языке.

Результатом переговоров стало то, что погонщик пригласил их в шатер. Это было весьма кстати — Джет давно ощущал себя консервами «наблюдатель центра Тордоса в собственном соку».

Через час они уже знали невеселые подробности, предшествовавшие их появлению в становище кхорби. На рассвете сюда заявили люди Хейна. Того самого бандита, о котором предупреждал Стоун. Собирались вволю пограбить и пострелять. Но, во-первых, бандиты не смогли застать кхорби врасплох, а во-вторых, они вообще не ждали сопротивления. Вышла стычка. В результате было убито несколько животных и парень, слишком уж рьяно защищавший клановое имущество. Кроме того, сгорел один из шатров. Первая стычка с бандитами у кхорби случилась еще раньше, за сутки до этого. Один из бандитов был убит, и племя решило сниматься, не дожидаясь мести. Но не успело.

Погонщик оказался неожиданно молодым человеком, но умным и расчетливым. Он узнал желтый плащ, предьявленный Джетом для опознания. Более того, он даже назвал имя:

— Николас Митчелл. Горожанин. Торговец. Ходил с кланом Танхо-саа. Погонщик ему доверял — Ники когда-то достал лекарство для его родственницы. Жаль. Это был достойный человек. Сейчас клан Танхо должен находиться далеко на юге отсюда.

Николас Митчелл. Судя по фамилии, родственник владельца самого большого концертного зала Руты. Тогда понятно, почему тамошние работники утверждали, что никто посторонний в служебные помещения не входил. Но только это и понятно. Зачем Митчелл номер два туда пошел? Почему был убит? Может, случилась ошибка, стрелок ждал Дану, и не думал, что в ее примерке появится кто-то другой? А пришел Митчелл к Дане... зачем? Попытаться купить андроида? Как это сделал, по ее словам, человек по фамилии Келли? Кстати, черт. Нужно было об этом Келли еще вчера рассказать инспектору.

Ладно, об этом — еще успеется. Вызвать Гуса недолго. Сейчас главное — Дана.

Джет осторожно рассказал погонщику о цели поездки в пустыню, но Меас ему не поверил, и слишком устал, чтобы вникать в детали. А вот на Бродягу смотрел с неприкрытым интересом.

— Я одного не понимаю, почему вы не обратились за помощью в полицию? Если говорите, что бандиты появились в пустыне не вчера? — на самом деле Джет догадывался, почему. Но если сейчас оборвать беседу, то они гарантированно останутся ни с чем.

Меас-саа нетерпеливо дернул ладонью, так, словно сбрасывал с пальцев неприятную жидкость.

— Город это город, пустыня это пустыня. Разные... системы. Скажи лучше, как получилось, что твой друг оказался в песках без защиты? И не обгорел?

Джет посмотрел на андроида. Отвечать на этот вопрос самому, отвечать правду, не хотелось. Возможно потому, что кхорби назвал Бродягу его другом. И в этом была доля истины.

— Меня называют Бродягой. И я не человек, робот. Мне не нужен плащ пустытника, моя система охлаждения позволяет обходиться без него.

Погонщик нахмурился:

— Робот? Непонятно. Ты похож на моего сродника. Немного. Так что вы все-таки ищите в пустыне на самом деле?

Бродяга ответил, не задумываясь:

— Бандиты, возможно, те самые, что напали на ваш караван, похитили мою хозяйку. Я иду за ней.

— А он?

Погонщик хмуро кивнул на Джета. Было похоже, он ищет причины отложить разбирательство хотя бы на час и отдохнуть. Голос прозвучал предельно холодно. Возможно, именно в этот момент погонщик всерьез рассуждал, пристрелить ему непонятных гостей прямо сейчас, или подождать до вечера. От ответа андроида зависело очень многое. Что он скажет? Что об этом подумает погонщик? Как поступит?

Но Бродяга не подвел. Улыбнулся уголками губ, ответил:

— А он — со мной.

За таким ответом могло таиться что угодно. Или совсем ничего.

Удобный, короткий, многозначительный ответ.

Молодец, Бродяга.

Джет сказал:

— Недалеко отсюда у Хейна должна быть база. Что-нибудь о ней знаешь?

— Да. Знакомое место.

— В таком случае... можешь объяснить дорогу?

Меас-саа качнул головой, и Джет не смог понять, соглашается тот, или отказывает.

На всякий случай он пояснил:

— Нам нужно только знать, как туда незаметно добраться. И все. Ни о какой другой помощи речи не идет.

Меас посмотрел в глаза собеседнику и ответил:

— Сейчас неудачное время, в пустыне началось... началась война. Я могу указать вам дорогу, но сейчас в старых камнях никого нет.

Джет прикрыл глаза. Он подспудно ждал чего-то подобного. С того момента, как на Руте объявились Дана и Бродяга, события начали разматываться стремительно, теперь вряд ли их удастся остановить.

— Все-таки, я хотел бы там побывать. Может, удастся узнать что-то...

Погонщик кивнул и вышел из шатра.

Бродяга объяснил в пустоту:

— Здешние кочевые племена никогда не воевали. Я имею в виду, до той войны. Потому нет понятия «вождь». Погонщик — тот кто выбирает маршрут движения, и кому принадлежит последнее слово на торгу. И все. Это люди нашего мира научили их сначала защищаться, потом убивать. Изначально Народов на Руте было несколько. Кхорби — кочевники и торговцы. Мхентхи — жители оазисов. Именно их товары и перевозили кхорби. Сейчас эту функцию частично выполняют фермы и поселки колонистов. Был еще Народ Тхаати, они населяли побережье. Погибла уникальная культура...

— Бродяга. Эти знания тоже из чужой памяти?

— Да. И язык. Гнедин в юности много времени проводил в кочевьях. Был почти своим в некоторых кланах.

Вскоре вернулся погонщик в компании двух сородичей.

— Они пойдут с вами, — просто сообщил он.

Джет открыл рот, чтобы поблагодарить, Но Меас приподнял ладони, показывая, что сказал еще не все.

— Когда побываете там, возвращайтесь в город. Но если... опоздаете, или обстоятельства сложатся не в вашу пользу, идите в лагерь Саат-саа. Мне почему-то кажется, что вы ему понравитесь.

Отправились сразу же. Джет не говорил об этом вслух, но чем больше он узнавал, тем мрачней казались перспективы. Для Бродяги все просто: он помыслить не может остановиться, когда хозяйка в беде. А вот он, Джет Дага, наблюдатель центра Тордоса, мог ведь так ничего и не узнать. И, может статься, на следующей неделе на рассвете проснулся бы оттого, что к его горлу кто-то приставил холодный нож, или острое копьё, или пистолет...

Дана очнулась от скрежета засова. Подняла голову на звук.

Вошел давешний Стефан, поставил под осветитель кружку с питьем. Рядом положил какой-то брикет в яркой упаковке. Оглянулся в поисках пленницы, увидел, кивнул.

— Не спишь? — спросил громогласно, — и правильно делаешь, что не спишь. Мне тоже что-то не спится.

Дана демонстративно отвернулась к стене. Добраться до распахнутой двери и при этом разминуться с бандитом не представлялось возможным.

На рассвете прибыли еще машины. Снова кто-то громко разговаривал на улице, даже ругался. Дана слышала все это сквозь дрему, но специально не пыталась разобраться, о чем идет речь. Ей было паршиво. Даже к принесенной еде притрагиваться не хотелось.

Еще спустя какое-то время, возле двери ее камеры остановились несколько человек.

— А сюда, деточки, нельзя, — послышался голос Стефана.

— Да ладно, мы только посмотреть, — молодой наглый голос.

— Одним глазком, — еще один молодой голос. — Очень хочется посмотреть...

— Сказано, нельзя!

— Но если очень хочется, Стэф, а?

— Чего тебе хочется? Ляг, поспи...

— Посмотреть! — третий голос. Гласные тянутся, словно человек пьян или под кайфом. Или просто глумится? — Ну, может быть, еще потрогать... а что, хорошенькая шлюшка?

— Вы бы, дети, шли отсюда. От греха. Эта дамочка нужна Хейну.

— А мы никому не скажем, а, ребята? Ну, должны же мы отдохнуть после долгого трудового дня!

Дана поднялась на ноги и еще раз оглядела место своего заключения. Сейчас-то руки у нее свободны. И это — большой просчет со стороны бандитов. Те времена, когда в подобной ситуации ей оставалось тихонько сидеть и ждать своей судьбы, давно в прошлом. Сколько их там? Судя по голосам, трое. Трое, это ничего...

Неловкое движение, и кружка с водой опрокинулась на бок. Дана расстроилась: возможно, другую такую кружку ей больше не принесут... стоп! А что это приклеено к донцу?

Всего лишь клочок бумаги, на котором графитным карандашом нацарапано: «во время переброски. Красные скалы».

Она поспешно оторвала бумажину от кружки, порвала, а обрывки сунула в куль с ветошью. Там-то их точно никто не найдет. О содержании можно было только гадать. Хотя, что тут гадать, и так ясно: или кто-то ей хочет помочь, или это провокация.

Невесело улыбнулась: в такой ситуации, безусловно, придется быть оптимисткой. Потому что терять все равно нечего.

Из коридора слышалась какая-то возня, несколько глухих ударов. Потом дверь с хлопком открылась. Дана примерно догадывалась, что увидит.

Действительно трое. Двое — совсем юнцы, один постарше. Сильные молодые особи, перехватившие какой-то дури. Сейчас им море по колено, и хочется веселья.

Облизнула пересохшие губы.

— А ничо так, — заметил один из юнцов. Это у него слова тянулись, как теплая жвачка.

— Эй, там, не бойся, не обидим! — хохотнул тот, что старше. И шагнул вперед.

Дана отступила, давая себе простор для маневра.

Сказала тихо:

— Уходите... я же... я же не хочу никого калечить...

Но парни не видели, что боится она того, что сама может сотворить, ударившись в панику, а вовсе не их.

Тот, что шагнул вперед, вознамерился сгрести Дану за куртку. И сам не понял, как оказался лежащим на полу, с рукой, вывернутой так, что невозможно пошевелиться. Остальные тоже не сразу поняли. Только после того, как их приятель взвыл от боли.

Дана посмотрела на противников шальными глазами, голос ее прозвучал нетвердо:

— Я же просила... уходите, а?

В просвете между двумя фигурами виднелся коридор. Там на полу сидел Стефан, зажимая пальцами колотую рану в животе. Из-под пальцев текла кровь.

— Ах ты, сучка, — прошипел один из парней, раскрывая складной ножик. — Ну, держись!

И Дана держалась. Все было, как на тренировке. Нет, с одной стороны, все было проще, чем на тренировке — противники почти ничего не умели, полагались на собственную силу и ловкость. То, что комната такая маленькая, тоже было на руку Дана. С другой стороны... будь ты хоть дважды мастер, а против троих дюжих мужиков долго не продержишься...

Поэтому, когда оказалось, что проход свободен, она выскочила из каморки, и побежала по коридору. Помнила, что там, в конце будет лестница, по ней надо подняться. И дальше, неважно, как и куда. Лишь бы покинуть это здание.

Наверху она никого не встретила, выпрыгнула из оконного проема первого этажа.

Солнце только вынырнуло из-за дальнего хребта, и еще не жгло с обычной нещадностью. Ей даже показалось, что это действительно шанс.

Дана бежала, не задумываясь, в какой стороне город. Все внимание было сосредоточено на том, чтобы не упасть.

К тому, что случилось дальше, она оказалась совершенно не готова. По ней открыли огонь, откуда-то с крыши, или с верхнего этажа. Первый выстрел выбил каменную крошку из случившегося рядом огрызка стены, второй заставил ее споткнуться и покатиться по песку.

Пуля попала в ногу.

Дана прикусила губу и попыталась отползти за камни. У нее получилось, но что дальше?

Посмотрела на рану, и ничего не поняла. Штанина быстро пропитывалась кровью, дотрагиваться было страшно и больно...

Пока Дана пыталась выпростать раненную конечность из ботинка, прошла минута. Этого времени хватило, чтобы от здания до того места, где она укрылась, кто-то смог дойти. «Кем-то» был Хейн. И снова его силуэт, подобно скале, закрыл источник света.

— Набегалась? — насмешливо спросил он, — Живая?

— Следили бы лучше за своими отморозками, — дерзко ответила девушка.

— Прослежу, — на лице Хейна отразилась досада, — непременно. Идти сможешь, спортсменка?

Дана молча, придерживаясь все за тот же кусок старой стены, поднялась, и осторожно наступила на раненую ногу. Показалось, будто в яму попала. Нога тут же подвернулась, а боль заставила девушку зашипеть рассерженной змеей.

Бандит, без разговоров, подхватил ее на руки и понес обратно. И это было куда обидней неудавшегося побега.

Ее приволокли в ту же самую камеру, но там уже никого не было. Мрачный незнакомый парень относительно чистой тряпкой стал перевязывать поврежденную голень, предварительно вколов обезболивающее. Дана решилась спросить, что со Стефаном, но тот сделал вид, что не услышал вопроса.

Оказалось, что ногу Дана зацепила не сама пуля, а острый осколок камня, ударивший рикошетом. Получился глубокий неровный порез. От боли она оступилась, и к порезу добавились вывих и растяжение. Наступить даже на туго перевязанную ногу она не могла.

Как и следовало ожидать, новой порции воды ей никто не принес. Ждать стало совершенно невыносимо. Рана снова заныла, Дана чувствовала, как в ней пульсирует кровь. Отключиться от этих ощущений не получалось, и время текло мимо медленной патокой, черной и блестящей. Оно не имело измерений, и когда за ней все-таки пришли, девушка не смогла бы сказать, день сейчас, или уже наступает вечер.

Тот самый парень, что перематывал ей ногу, появился в компании Хейна, поднял на руки и понес уже известным путем.

Хорошо хоть, не через плечо, как в прошлый раз.

Возле крыльца стоял большой грузовой кар, переделанный для транспортировки людей: в кузове у стен были привинчены кресла, снятые с других машин. Судя по конструкции, не только наземных.

Дану усадили в одно из этих кресел, Хейн устроился в кресле напротив, парень, притащивший ее — у задней двери. Дана услышала, как хлопнула дверца кабины, тут же мягко загудел мотор. Никто не проронил ни слова.

Кар плавно покачивало, лекарство, которое вкололи Дане во время перевязки, должно быть, содержало успокоительное. Она начала клевать носом, и каждый раз, просыпаясь, сильно вздрагивала. Следить за дорогой не было никакой возможности, перед глазами маячила ненавистная физиономия старшего бандита. Не мудрено, что она предпочитала ехать с закрытыми глазами.

Очередной раз ее разбудил не толчок машины, а тихий голос Хейна, общающегося с кем-то при помощи коммуникатора. Должно быть, мы слишком удалились от городских сетевых вышек, поняла Дана, и работает только спутниковая связь. Что отвечали Хейну, было почти не разобрать, а вот его слова слышались четко. Она не стала показывать, что проснулась.

— Нет, я продолжаю утверждать, что договоренность не была нарушена. Кто вам вообще сказал, что мои люди причастны к нападению? Нет. Мы соблюдаем осторожность. Мои люди уже сейчас отправляются в город... да, мы выступим по первому же вашему сигналу... Да, мы не собираемся болтаться на точке до бесконечности... если ваш хозяин считает, что с имеющимися силами не сможет пройти ущелье... нет, я действую исключительно в интересах проекта. На этом все...

Спрятав коммуникатор в карман, Хейн вздохнул:

— Разумеется, в интересах проекта, в каких же еще... девочка, не подведи меня ладно? Я на тебя все поставил. Даже немного больше, чем все.

Седло науга может показаться удобным только тому, кто привык к такому способу передвижения с детства. Саат, например, выглядел верхом на буром звере органично и держался в седле уверенно. А вот Алекс так и не освоился. Добился только того, что науг терпел его на своей спине. И то, именно этот, конкретный науг.

— Говорил, надо хоть одну машину собрать, — пожаловался он приятелю, как только закончился первый переход, и стало возможно думать о чем-то кроме равновесия.

— Мгм. Варианты источников энергии?

— С тобой неинтересно. Любую мечту губишь на корню.

В этом месте соединялись два ущелья. Одно спускалось от отрогов Полой горы, другое, видимо, было руслом пересохшего ручья. Тенихватило всему большому отряду.

Саат крикнул:

— Четверть часа на отдых!

— Пойду, отправлю разведчиков вниз, — вздохнул Алекс. — Хоть и не ждем пока никого, а меры предосторожности надо соблюдать.

— Давай. И к источнику. Помнишь?

Алекс кивнул.

Они нашли удобное место для засады, в скалах над ущельем, которое в том месте расширяется и становится глубже. Узкую площадку, метра три шириной, снизу разглядеть невозможно, а сверху смотреть некому. Одна беда: до ближайшего источника больше часа ходьбы. Значит, необходимо иметь своих людей и там. Чтобы в случае чего не вышло сюрприза.

Сил, скопившихся у Полой горы, следовало опасаться больше всего. Вряд ли бандиты задумаются, прежде чем начать убивать пустынных, которых они в грош не ставят. Если, конечно, караван окажется на пути. Это следовало предотвратить.

Отряд, который сейчас остановился на отдых, скоро разделится. Часть останется здесь, прикрывать единственный удобный путь на равнину от лагеря бандитов. Это обезопасит и караван Меаса, и другие кланы, проложившие путь по границе дюн. Часть спустится к югу — на случай, если бандиты двинутся по разведанным тропам, в поисках источников воды. Рано или поздно, а кхорби придут к старым колодцам, и сразу же окажутся в безвыходном положении...

По данным на это утро, было уничтожено два каравана кхорби. С кланом Меаса проверить тот же сценарий не удалось. Наученные Алексом и вооруженные Саатом, кхорби заняли круговую оборону, огорожив часть шатров груженными повозками, и дали достойный отпор врагу. У них убили одного парня, и сгорел шатер, а имущество почти не пострадало.

Более того, отступившие бандиты встретили на пути группу Тха, и не смогли уклониться от стычки. Ушло лишь несколько человек.

С тех пор вестей от Меаса не поступало, но это Саата не сильно беспокоило. Вот если от него никто не придет и к вечеру...

Он перебрался под скалу, чтобы можно было присесть и с пользой потратить только что им самим назначенные минуты отдыха. Вокруг устраивались его солдаты. И это было странное ощущение. Раньше Саат не задумывался, что все они, и кхорби, и жители иных

миров, и колонисты, в сущности, идут за ним. Не за идеей, не за наживой. За его умением видеть происходящее, за его пониманием, что правильно, а что нет. А право на ошибку было уже единожды истрачено. Следующая ошибка будет стоить жизни не только ему самому, — всем, кто поверил и решил разделить с ним этот путь. У маленькой общины «тех, кто никуда не идет», был альтернативный вариант. Остаться в своей долине, организовать оборону и, так или иначе, переждать период смуты и убийств. На памятном совещании в шатре Саата он был еще раз озвучен. И еще раз отклонен.

Погонщик некоего кочевья знал: сейчас в маленькой долине уже не осталось ни одной палатки, ни одного шатра. Люди перебрались в верхнюю пещеру. Она невелика, и теперь битком набита припасами и имуществом. Она неудобна для жизни — три зала соединены лазами-шкуродерами, в которые трудно протиснуться даже от природы миниатюрным кхорби. И вода там пахнет известкой.

Но у пещеры всего один, незаметный снизу вход. В ней можно пережить самые трудные, первые дни войны. И ее оборонять куда проще, чем всю долину...

Знать бы еще ответы на основные вопросы. Те, что прочно застряли в мозгу: кто объединяет банды? Зачем объединяет? Согласуются ли действия одиночных группировок? Есть ли еще большие лагеря?

Действовать, не зная ответов на эти вопросы, значит, действовать вслепую. Но пока ничего другого не оставалось.

Отдохнуть не получилось. Вернулся Алекс в сопровождении незнакомого парня-кхорби. Тот поднял ладони в приветствии и, не дожидаясь встречного жеста, заговорил:

— Тха велел передать, что они проводят Меаса до открытых песков, клан выступил два часа назад. Пока шли, разведчики видели караван из машин. Это было у красных скал.

— Сколько машин?

Он показал на пальцах. Четыре. О том, какие именно, спрашивать бесполезно. Это могли быть и туристы из города, выбравшие на редкость неудачный день для сафари. Могли быть бандиты. В кольце красных скал укрылся оазис, один из пяти в пределах четырехчасовой езды от города. А где оазис, там открытая вода.

— Я понял. Хорошо.

— Это не все. К Меасу приходили люди из города. Погонщик говорил с ними. Он хочет, чтобы вы встретились. Я видел этих людей...

Саат приподнял брови. В последний раз, когда его сродник выказывал такое желание, сам Саат приобрел хорошего друга, а клан «тех, кто никуда не идет» заполучил толкового военного консультанта. Речь, разумеется, об Алексе.

— И где они?

— Ушли. У них тоже есть машина.

— Говоришь, видел их...

— Двое. Мужчины. Из города. Один странный — плаща не носит. У второго плащ блестящий.

Саат потер виски, переспросил:

— Что значит — не носит плащ?

— Совсем не носит. Одежда с рукавом, а плаща нет.

— Возможно, андроид, — предположил Алекс. — С трудом можно поверить, что кто-то сунется в пустыню без снаряжения.

— Я один раз сунулся, — хмыкнул Саат. — Выбора не было.

Алекс качнул головой, но погонщик достаточно хорошо знал его, и видел, что сначала он хотел покрутить пальцем у виска.

Вот она, база. На вид — полуразрушенное двухэтажное здание, как здесь принято — с крышей-полусферой и ставнями, откидывающимися вверх. Джет оглянулся на андроида, но тот пожал плечами. Он тоже видел это место впервые.

— Хорошо. Я пойду вперед, а ты прикроешь.

Один из кхорби качнул головой, что-то сказал. Бродяга перевел:

— С этой стороны раньше всегда стояли наблюдатели. Рисковать не стоит, вдруг там кто-то остался, или бандиты решили вернуться? Он знает, как подойти незаметно. Он говорит, что вам стоит снять плащ. Издалека светитесь.

Солнце склонилось к горизонту, но припекало по-прежнему нещадно. Джет, поворчав, скинул демаскирующую одежду и остался в светлых брюках и тонкой безрукавке бежевого цвета. Руки конечно, обгорят. Но не важно.

Кхорби повели их вокруг здания, на почтительном расстоянии, чтобы всегда оставаться под прикрытием дюн. Наконец, стало ясно, что подобраться к бандитской базе можно — но очень, очень осторожно. С этой стороны несколько строений было разрушено почти до основания, но все же они давали какую-никакую защиту.

Бродяга сказал:

— Если Дана здесь, то где-нибудь в основном здании... я пойду вперед.

— Нет.

Джет вспомнил про «Мэрилин-бету».

— Джет, я не могу стрелять в людей, помните? Пока хозяйке не будет угрожать непосредственная опасность.

— Хорошо. Пойдем вместе. Кхорби пусть ждут здесь и уходят при первом признаке опасности. Переведи.

Бродяга перевел.

— И... Бродяга. Обращайся ко мне на «ты».

Действовать придется на свой страх и риск — они сами так решили, не оповестив о своих планах полицию. Нельзя позволить, чтобы Дана провела в плену лишние минуты.

Путь до основного здания показался Джету невероятно долгим — давненько он как следует не тренировался. Опустился, потерял форму, забыл, как оно бывает, когда нужно вскакивать по сигналу зуммера и бежать спасать мир, выслушивая вводную на ходу. Это Бродяга весь путь проделал легко и ловко, в полтора раза быстрее Джета. Одно слово — андроид.

Зря они опасались. Первый этаж здания был пуст. Поднялись и на второй, частично лишенный перекрытий и крыши. Там были оборудованы огневые точки. Причем, оборудованы так хитро, что снаружи их и не видно. Бродяга оценил позицию, и поделился с Джетом мнением, что будь здесь стрелок, он их, пробирающихся в камнях, обязательно бы засек и подстрелил.

Джет оставил Бродягу наблюдать за окрестностями, а сам тем временем исследовал комнаты.

Обнаружил те, где бандиты спали. Там остались лежанки, посуда. Выглядело все так, словно отсюда уходили поспешно, прихватив лишь самое необходимое. Эта комната напрямую соединялась с кухней. Джет ожидал обнаружить в ней что угодно, вплоть до

вяленного мяса угнанных у пустынников наугов. Все, что угодно, только не брикеты пищевых концентратов фабричного производства. С полной маркировкой.

Он бездумно достал один брикет, поднес к окну. Прочитал яркие надписи, присвистнул, снова прочитал, не примерещилось ли от перегрева. Позвал:

— Бродяга! Иди сюда, посмотри.

Андроид зашел, не прошло и полминуты. У него очень хороший слух. Взял брикет, прочитал:

— Мясо сублимированное, комплект «Дорожный», состав... срок годности... произведено компанией «Штаен» Лига-Гведи-3, город Алона... фабрика «Штаен».

— И во что мы вляпались, а Бродяга? — обескуражено спросил Джет.

Лига-Гведи — столичная планета Федерации Свободных Миров. Гведианская еда в развалинах на Руте?

Бродяга посмотрел дату изготовления и согласился:

— Вляпались — не то слово. Пойдем, что покажу. Тут лестница вниз. Похоже, у здания солидный подвал.

Лестница вела во тьму. Джет хлопнул себя по карманам, забыв, что фонарик остался в плаще, а плащ он снял.

— Бродяга, ты чего-нибудь видишь?

— Коридор. Двери. Та, что слева от тебя, открыта.

«От тебя». Джет улыбнулся. Черт знает, почему, но ему так было приятней. И проще.

— Держись за правую стену. По той стороне все двери закрыты.

Из-за одной такой двери Джету и послышался слабый шорох. Он замер, прислушался. Но все было тихо. Нашарил круглую ручку, слегка потянул. Дверь открылась. Не то, чтобы совсем беззвучно, но и не оглушающее громко, как было бы, если бы ей в последние дни не пользовались.

На этот раз шорох прозвучал отчетливо. Что-то в темноте задвигалось, упало, прощуршав. А потом Джет услышал хрипловатый голос:

— Эй, кто там ходит... не двигайтесь. Я хорошо стреляю на звук.

Бродяга заглянул в комнату через плечо Джета и спокойно заметил:

— У него нет оружия. И он нас не видит — смотрит правее двери. А еще он ранен.

В темноте выругались.

Джет спросил:

— Вы кто? Рана тяжелая?

— Да пустяк... ножиком подрезали. Думал, загнусь здесь. Вы люди Эннета?

Джет хотел спросить, кто этот Эннет, но в последний момент передумал:

— А ты кого ждал встретить?

Раненый хохотнул, потом закашлялся.

— Кого угодно. А в первую очередь — дикаря с костяным ножиком в одной руке и с пистолетом — в другой.

— Помочь тебе вылезти? Мне не кажется, что это место удобно для беседы.

— Я бы и от перевязки не отказался. И от жратвы.

Перевязкой занялся Бродяга, пустив на это остатки куртки пациента. Действовал он с большим знанием дела, и Джет даже порадовался, что его собственный навык оказания первой помощи остался невостребованным. Раненый вот-вот был готов потерять сознание от потери крови. И рана его, хоть и казалась маленькой и не серьезной, заставила Джета

задуматься, — глубину ее невозможно было определить. Когда Бродяга закончил с перевязкой, они с большой осторожностью подняли бандита по лестнице.

— Зовите меня Стефан, — представился пациент, — вам, должно быть, интересно, что происходит, и почему вы нашли здесь меня, а не нашего общего друга — Хейна?

— Разумеется.

— Я расскажу... но главное, запомните: вас этот ублюдок кинул так же, как и меня... он... намерен по-своему... вести игру. У него есть... туз... туз в рукаве... кхорби... неет! Девчонку он не выпустит, она ему нужна...

— Он бредит? — обеспокоился Джет.

— Нет. Пока нет. Надо его напоить и дать отдохнуть. А там посмотрим.

Но может, когда придет в себя и оценит обстановку, он наоборот откажется отвечать. По возможности надо расспросить его сейчас.

— Эй, Стефан! погоди спать. Что у вас там вышло с Хейном? У меня мало времени.

— Он заподозрил... он думает, это я на Эннета... а это его любимчик... а вы... я вам ничего не должен...

Черт!

— Бродяга, можешь что-нибудь сделать?

— Я с собой аптечку не ношу.

— Жаль.

Вместо ответа Бродяга хлестко ударил пострадавшего по щеке. Тот распахнул уже сомкнувшиеся, было, веки:

— Что?

— Кто такой Эннет?

— Богатый, гааад... всех купил...

Больше от Стефана они ничего не смогли добиться — он был в полузабытьи.

— Ну, и что дальше? — спросил Джет.

И сам себе ответил:

— Свяжусь с инспектором. Пора поделиться новостями. А Стефан этот... ну, не бросать же его здесь... может, отвезти к кхорби?

Инспектор не отозвался. Мелисса тоже. Не то приемники далеко, не то что-то глушит канал.

В кузове, хоть и защищенном, и переделанном для перевозки пассажиров, днем стало невыносимо жарко. Если Хейн и его помощник имели возможность прихлебывать из большой металлической фляжки, то Дане никто и не думал предложить воду. Она дремала в полуобмороке, удивляясь собственным видениям, слишком ярким, и совершенно бредовым. Движение машины, шорох песка, зной — все вместе добавляло бреду особой конкретики и четкости. Странные, изломанные фигуры в цветных плащах, кособокие здания, искаженные перспективы. Необходимость куда-то идти, и ощущение, что тело не слушается, парализовано. Страх — и невозможность выразить его криком — горло, челюсти, все сводит, и не выдавить даже тихий стон, не то, что крик. И понимание, что все это — бред больного воображения, но вырваться из него невозможно, как невозможно укрыться от зноя пустыни...

Очнулась она от тишины. Машина стояла, ни Хейна, ни его помощника в ней уже не было.

Дана вяло поддержала ремень, которым ее закрепили в кресле. Высвободиться сразу ей не удалось. Потрясла головой, сосредоточилась. Видения отступили, но мысли остались тяжелыми и вялыми, за них очень трудно было удержаться. Есть не хотелось, не взирая на то, что во рту не было ни крошки со вчерашнего вечера. Более того, мысль о еде вызывала приступы тошноты.

Так, еще раз. Этот ремень должен как-то крепиться, даже если он завязан узлом. Провела по нему ладонью — есть! Защелка. Пальцы стали ватными, а защелку заело, кроме того, в нее успел набиться песок. Но вода камень точит — сто пятая попытка увенчалась успехом. Ремень отщелкнулся, и песчаной змеей втянулся в катушку.

Руки безвольно повисли, и Дана несколько секунд отдыхала, зажмурив глаза. Слабость была следствием перегрева, но понимание этого замечательного факта ничем не могло помочь. Бежать в таком состоянии, да еще без защитного плаща — самоубийство.

Но может, — лучше самоубийство?

Зверей отправят в ассоциацию, шапито вместе с яхтой продадут каким-нибудь хорошим людям. А Бродяга... андроиду отформатируют память, установят базовую личность, и он затеряется в массе собственных подобий...

Улыбнулась: ну-ну. Такой решительный поступок — и всего лишь чтобы насолить какому-то бандиту. Ну, нет. Бывали ситуации и похуже.

Дана открыла глаза, и с новым интересом осмотрела помещение. То, что она искала, лежало у дверей — та самая фляжка, которой всю дорогу спасался Хейн.

Добралась до нее на четвереньках, поспешно свинтила крышку. На дне слабо булькнуло, но два глотка почти горячей воды не принесли никакого облегчения.

Возвращаться в кресло было выше всяких сил. Она привалилась к стенке кузова и закрыла глаза. Больная нога ее почему-то не беспокоила.

Бредовые видения снова придвинулись, на этот раз трансформировавшись в безликих, одетых в черное людей, в руках которых застыли направленные в нее лучевые пистолеты. Они спрашивали о чем-то и угрожали, но Дана не могла ответить: по прежнему не получалось выдавить из себя ни звука.

Бред отступал, когда мимо машины проходили люди, когда раздавались голоса, и возвращался, стоило только наступить тишине.

Потом... Дана услышала голос Хейна и, прижавшись ухом к двери, попыталась разобрать, о чем и с кем он говорит. Это оказалось нетрудно — бандит подошел к самой дверце кара.

— Послушай меня теперь, и попытайся посмотреть чуть дальше своего носа. Ты, придурок, хоть понимаешь, что сейчас происходит? Думаешь, все круто, да? Что мы сейчас с лету возьмем город, приедем мэра и получим, наконец, все то, что нам задолжало правительство за эти десять лет? Надеешься на легкую добычу и веселую жизнь? А я тебе вот что скажу. Тобой, и другими тупицами вроде тебя, Эннет и его шайка расчищают себе дорогу. Дорогу вверх. Или ты думаешь, когда гведи будут здесь, а они будут здесь, потому что это на их деньги мы живем последние два года... так вот, ты думаешь, что они оставят нас в покое? Наша планетная система имеет стратегическое значение. Здесь жежейой узел, слышал вообще такое слово? Да, это далеко, и кажется, что Руту проблемы военных, которые этот узел охраняют, не касаются. Вспомни, чем кончилось шестнадцать лет назад. Да, тогда мы удара не ждали. И сейчас в астероидном кольце военных баз больше, чем тогда. Я знаю, что говорю, сам вышел из этой системы... Но гведи придут сюда. На Руту. Город и порт мы

для них зайдем. Гарантированно. Они придут на готовое. А теперь ответь, будь ты на их месте, что бы ты сделал, когда планета перешла бы под твою власть? Правильно. В первую очередь избавился бы от всякой швали. От нас с тобой, вот от них, от тех, кто сейчас делает за ФСМ грязную работу...

Дана, как бы ей ни было плохо, суть разговора уловила, и подумала, что Хейн прав. Впрочем, если бандиты готовят почву для вторжения, плохо придется всем.

— ...разумеется! Конечно, нам всем гарантируют свободу и нормальную спокойную жизнь. И деньги. А я тебе предлагаю другое. Бросай все. Слышишь?! Вот прямо сейчас Возьми с собой самых надежных и проверенных. И выдвигаемся в сторону второй базы. Завтра к вечеру ты должен быть там. Опоздаешь — сам виноват. Это мое последнее слово!.. Какая разница, что скажет Эннет?! Мы для него — разменные монеты. Что будет дальше? Все очень просто. Мы откроем свой портал. Свой, понимаешь? И свалим отсюда. На чем? Какая разница? Телепортатор, о котором я говорю, способен соединиться с любой парной установкой, причем, радиус его действия сильно превосходит обычные модели... а вот это уж мое дело, откуда он у меня взялся. Ну, так как, ждать тебя? Ну, так думай! Только не затягивай с этим. Жду ответа.

Дана не ожидала, что дверь распахнется, и чуть не выпала на песок, под палящее солнце. Бандит подхватил ее, впихнул обратно в машину, ловко поднялся следом — вместе с током раскаленного воздуха. Медленно прикрыл дверь, медленно отстегнул маску и стянул капюшон.

— Шустрая девочка, — ласково заметил он. — Не ожидал. Слышала, о чем мы говорили? Слышала? Ну?

Дана кивнула.

— Отлично. Значит, должна понимать, что ты у меня — единственный шанс. Единственный, поняла? Твой робот должен тебя найти, и ты заставишь его продиктовать мне коды доступа.

— Что потом? — пересохший язык с трудом ворочался, и Дана сама удивилась, как хрипло, надтреснуто прозвучал ее голос.

— Потом?

— Если я заставлю... Бродягу... вы же все равно меня убьете...

— Нет, почему? Чем хочешь поклянусь. Как только выяснится, что коды действуют, мы вас отпустим.

— Как... проверишь?

— Найду способ. Ну?

— Я все... сделаю...

Он наклонился к самому лицу девушки, снисходительно потрепал ее по щеке:

— Хорошая девочка... покладистая. Сама понимаешь, что будет, если попытаешься меня подставить. Мне и моим ребятам терять будет нечего. Поняла меня?

Дана дернулась, попыталась отстраниться от Хейна, но он цепко ухватил ее за подбородок:

— А теперь ты поговоришь с андроидом. Недолго. Чтобы он понял, где тебя искать. И без фокусов, поняла?

— Да.

— Отлично. Время пошло.

Хейн отстранился, но продолжал на нее смотреть. Словно знал, что ей это неприятно.

Дана соединилась с сетевым терминалом, и поняла, что даже без глушилки связь будет очень плохая.

— Бродяга, — позвала она, — Бродягушка, слышишь меня?

— Слышу. Ты как?

— Очень жарко. Бродяга, им нужны коды допуска к телепортатору... они сказали, что если все будет по-честному, меня отпустят. Я им не верю, но не вижу других вариантов.

— Я отследил координаты. Ты держись там, ладно? Мы идем.

— Ну, достаточно. Хватит, поговорили.

Хейн включил глушилку — выглядел он сильно недовольным.

Кхорби честно дожидались Джета и Бродягу там, где они расстались. Появление Стефана не вызвало у них никакой реакции. Джет попросил Бродягу узнать, примет ли клан Меаса раненого.

Бродяга перевел. Один из кхорби, тот, кто в паре был старшим, двинул ладонями в характерном жесте сожаления:

— Меас не будет рад: его клан уже снялся. Караван движется тайной тропой, и будет плохо, если чужак узнает.

— Ладно, — подумав, решил Джет. Несем его в машину: без плаща он долго в пустыне не протянет. Там у меня есть аптечка, может, найдем, как привести его в сознание.

Так и сделали. Стефана уложили на заднее сиденье, кхорби пришлось потесниться, но салон «Мустанга» все же вместил всех пятерых. Джет покопался в бардачке, вытащил оттуда портативную полевую аптечку-модуль. Подумал и протянул ее Бродяге — андроид успел доказать, что разбирается в вопросе.

Тот произвел несколько манипуляций с настройками, проверил блоки капельниц. Ну что ж — пациент попал в надежные руки. Пора было ехать.

— Все, скоро должен очнуться.

Джет подумал, что неплохо бы перекусить. С самого утра ничего не ел. Андроиду-то хорошо, ему регулярная кормежка не нужна. Он энергию, похоже, прямо от здешнего солнышка берет, и выглядит бодрячком. А кхорби, наверное, тоже не отказались бы от перекуса...

Кхорби не отказались. Джет даже порадовался, что его «Мустанг» укомплектован для выездов в пустыню. В комплект входят и полуфабрикаты, которые превращаются во вполне съедобные блюда, стоит только нарушить упаковку. Запас брикетов был рассчитан на три дня автономного путешествия по пустыне — но для одного человека. Теперь от него останется только половина, но ведь еще не поздно вернуться в развалины и пополнить запас за счет бандитов.

Стефан пришел в себя какраз, когда с едой было покончено. Бродяга тут же потянулся к нему с фляжкой. Но тот не дал себя напоить — трясущейся рукой перехватил флягу, сделал несколько крупных глотков. Отдал. Джет видел, как цепко перебегают взгляд пленника с лица на лицо. Словно пытается запомнить. Или что-то себе объяснить.

— Не похоже, чтобы вы были людьми Эннета — наконец резюмировал раненый. — Он не якшается с дикарями. Ну, и кто же вы, мальчики?

Джет и Бродяга переглянулись: уж больно изменились интонации бандита. Стали даже немного покровительственными. Джет сказал:

— Давайте так: ответ за ответ. Вопрос номер один. Куда направился Хейн?

— Красные скалы. Там он будет ждать своих людей. А куда отправится дальше, не имею понятия. А я, кажется, знаю, кто вы. Точнее не вы, а он... — небрежный кивок в сторону Бродяги. — Это ведь тот самый андроид, которого так ждет Хейн, верно?

— Андроид знает кое-что, крайне важное. Хейну нужна информация, нам... мне нужна пленница. Хочу предложить обмен.

Стефан прищурился:

— И кто же ты такой, а?

— Джет Дага, официальный наблюдатель центра Тордоса на Руте. Как получилось, что тебя здесь бросили? Ведь тебя здесь бросили.

— А, это... Саймон... заподозрил, что я веду двойную игру. Думал, что это я сливаю инфу Эннету. А когда его мальчики меня подрезали, он просто забыл прихватить меня с собой.

— А ты, выходит, чист?

— Чище некуда. Во всяком случае, во всем, что касается Эннета.

— Но ты обрадовался нам, даже предположив, что мы — от него.

Стефан невесело хмыкнул:

— Я бы и дикарю с копьем обрадовался: все легкая смерть. А ты ищешь Саймона... наблюдатель центра Тордоса. Наблюдатель... у тебя выправка военная. А спрашивать ты любишь, как следак. Хорош врать...

— Это я сейчас наблюдатель, — пожал плечами Джет. — У меня, вообще-то длинная биография. И нет никакого желания ее пересказывать.

Стефан присвистнул, и даже немного передвинулся, чтобы лучше видеть Джета. Правда, из-за спинок передних сидений ему все равно удавалось разглядеть лишь кусочек профиля.

— Ссылный, что ли? Отстранили от серьезных дел, разжаловали, отправили в нашу глушь?

Джет поморщился: почти в точку. Почти.

— Около того, — кивнул он. — С девушкой все в порядке?

— Около того, — передразнил Стефан. — Хейн злой, как черт. Она его парням чуть руки-ноги не переломала. А потом попыталась сбежать. Неудачно. Сам же он ее и подстрелил...

Джета словно холодной водой окатили: подстрелил? Что это значит? Может, впору искать труп в одной из каморок того подвала?

— Да нет, — угадал его реакцию Стефан, — не на смерть. Так, ногу слегка продырявил, чтоб не бегала.

— Дана только что выходила на связь, — прервал их беседу Бродяга. — Я примерно знаю, где ее искать. Вводи координаты, Джет. Попробуем проложить курс...

Стефан перевел офанарельный взгляд с Джета на Бродягу:

— Так он не андроид?

Удивлению бандита не было предела.

Разумеется, никто ему ничего не стал объяснять. Джет еще раз посетил продовольственный склад бандитской базы, и позаимствовал, помимо продуктов, канистру воды.

Возле скал, похожих на причудливые статуи, они попрощались с кхорби. Тем пришла пора догонять свой караван. А путь «Мустанга» лежал в один из широких каньонов. Судя по карте, за ним начнутся дюны. И если от устья держать курс строго на юго-запад, то они, по

идеи, вскоре окажутся у тех самых «Красных скал». Навигатор сообщил так же, что место является известным оазисом с источником воды.

Стефан внимательно прислушивался к разговорам Джета и Бродяги, но хранил молчание. У него не было защитного плаща, и сам он слишком ослаб от раны, чтобы попытаться действовать. И как действовать он тоже пока не представлял. Знал лишь одно — Хейн отнюдь не обрадуется, если снова его увидит.

Молчание почему-то стало казаться давящим. Оно угнетало. Слышался лишь треск камней под колесами кара. А потом заговорил Бродяга:

— Когда-то каждый караван Народа кхорби имел свою разведанную тропу. Первые наэзере они двигались с севера к юго-востоку, от оазиса к оазису, от селения к селению Народа мхентхи. Потом возвращались на север, но уже иным путем, через другие оазисы. Астрономический год здесь долгий — за это время они успевали сделать три-четыре полных круга. Да они годы и не считали — время определялось исключительно по движению Наэсазэ. Жители города Руты так и не переняли их календарь, хотя он удобен. Кхорби тщательно хранили тайны источников, чистили от песка, оборудовали места стоянок. Можно сказать, что каждый клан за несколько столетий натропил свой шелковый путь. Товары, которые перевозили караваны еще пятнадцать лет назад, сильно отличались от тех, что возят сейчас. Раньше кланы оазисов сами обеспечивали себя большинством предметов обихода и едой. С севера везли керамику, красители, драгоценности, изделия из металла. Чаще всего — из бронзы, но серебро и золото тоже использовалось довольно широко. С юга — шерсть, стекло, бисер. Вы, Стефан, зря называете кхорби дикарями. Я могу рассказать о том, в каких богов они верили до прихода иномирян. Это сложная, интересная культура, которую следовало бы изучать, а не уничтожать.

Повисшую паузу разрядил Стефан:

— Вероятно, раньше так и было... но сейчас...

— У кхорби нет специального понятия, обозначающего слово «война». Это слово они позаимствовали у нас.

— Они что, раньше никогда не сражались между собой?

— Трудно вести полномасштабную войну, когда между оазисами огромные расстояния, а кланы кхорби — единственная связь между ними... — включился в разговор Джет.

— А сами кхорби? Что, никогда не задумывались, что если уничтожить жителей оазиса, то все их имущество можно присвоить?

— Кхорби — торговцы. Они прекрасно понимали, что если сделать так один раз, то во второй торговать будет не с кем. — Джет сказал то, о чем сам только что догадался.

Бродяга добавил:

— Кроме того, они никогда не желали себе оседлой жизни. Их жизнь — движение. Правда, если так будет продолжаться, на Руте не останется даже памяти о трех Народах. Разве только — осколки посуды и украшений, оставшиеся в песке на пути караванов...

Стефан молчал долго, несколько минут. Потом ответил:

— Грустная история. Я даже на минуту забыл, где мы находимся... придут гведи, и ничего не останется не только от кочевников — от горожан тоже.

— А это еще что? — вдруг нахмурился Джет, — для вечера вроде рано...

Действительно, в каньоне стало сумрачно, а небо вылиняло. Голубой цвет сменился белесым.

— Ветер наверху, — оценил обстановку Стефан. — В дюнах песчаная буря. То-то два дня хоть бы ветерок...

Песчаная буря действительно разыгралась не на шутку. Вскоре совсем стемнело, и солнце превратилось в желтый кружок, по которому точно скользила, непрерывно меняясь, тонкая вуаль. Ветер поднял песок, песок встал стеной, смазывая очертания ближних барханов.

Джет увидел, какие дела творятся, и поостерегся выводить «Мустанг» из-под надежной защиты каньона. Спросил в пространство:

— И надолго это?

Он слышал, что на Руте такое бывает. Но за почти четыре недели пребывания, впервые воочию увидел, на что способна здешняя стихия. И понимал, что его спутники знают о климате планеты много больше.

Стефан, похоже, из местных. А у Бродяги — двойной опыт. Свой собственный, и Стаса Гнедина, который отсюда родом.

— Может, на час, — вздохнул Стефан, — а может на неделю. Это нужно было с прогнозом свериться.

Джет в досаде хлопнул себя по лбу, и попытался связаться с инспектором Гусом. Но связи не было.

— Значит, будем отдыхать, — решил он. Вряд ли люди Хейна рассчитывают, что к ним кто-то доберется в такую погоду. Стефан, как рана?

— Как... никуда не делась.

— В любом случае, попытайтесь отдохнуть. Используйте передышку — потом, может, такой возможности не будет. Бродяга, подежуришь?

— Вот почему я знал, что ты это скажешь?

Ну Дана... снимаю шляпу...

Но это была последняя связная мысль Джета: он провалился в сон.

Джет проснулся в полной темноте, спина ныла.

Ему приснился тревожный сон. Марта что-то втолковывала ему, требовала, чтобы он запомнил, о чем-то просила. Что-то он должен был сделать для нее, когда проснется. Но вот что? Стоило открыть глаза — забыл.

Стефан громко сопел сзади, иногда могуче всхрапывая. В ответе контрольной панели лицо Бродяги казалось изваянием. Джет попросил:

— Бродяга, расскажи, как вы встретились с Даной... Вы же не на Руте встретились? и кто тебе дал такое прозвище?

— История простая... если помнишь, меня использовали в качестве носителя слепка памяти Стаса Гнедина. Никто из людей, тогда находившихся рядом, не был ни роботехником, ни программистом. Программирование андроидов — трудная задача, вот настраивать искусственный интеллект довольно легко, чем мои тогдашние хозяева и воспользовались. Слепок навесили отдельной секцией с открытым доступом. В результате они не смогли выделить нужные фрагменты, так что ключ в систему идентификации СТП-мега вводил я. Переброска завершилась успешно, но тот, кто был зарегистрирован, как мой хозяин, погиб. Это тоже... сильно влияет на скорость реакций робота. Меня закрепили за Рутанским муниципальным госпиталем, а через пару месяцев я попал в группу сопровождения раненных, которых отправили в эвакуацию. Медики поставили в дополнение

море своих программ. Программы вступали в конфликты между собой. Часть не согласовывалась с системой приоритетов. В общем, я из ценного прибора стал чем-то вроде туповатого санитара. Именно так меня и стали использовать в той больнице, где я очутился.

— Наверное, это обидно?

— Джет, мы об этом уже говорили: я робот, и как любой робот, не умею составлять оценочных суждений, применимых к самому себе. Мне ставят задачу, я ее выполняю. Если на каком-то этапе задачу выполнить невозможно, ее сменяет другая приоритетная задача. Например, сейчас — я физически не могу продолжать поиск Даны, и потому выполняю твою просьбу, рассказываю о нашей встрече. Самоанализ — черта человека, а не полифункционального антропоморфного автомата, которым я являюсь. Ты будешь слушать?

— Извини.

— У нас в больнице был один пациент, он готовился к выписке. Он был «робинзоном», оказался один на негостеприимной планете. Прошел курс реабилитации, и теперь при любой возможности сбегал из палаты. Его спрашивали — «почему?». Но он либо отмалчивался, либо задавал какой-нибудь встречный вопрос. В палату он возвращался нехотя, и только если за ним кто-нибудь придет. Часто посылали меня. Первые несколько дней я находил его в самых разных уголках больницы. Он или разговаривал с людьми, или изучал плакаты на стенах, или просто смотрел в окно. А потом он застрял в одном холле, и я его неизменно находил там. Надо сказать, он по профессии, это следует из документов, внесенных в историю болезни, сам врач. Доктор Игорь Петрович Седых.

— Не слышал о таком.

— Правильно, почти четыре года прошло. А тогда это была история известная. В холле он разговаривал с Даной. Я ее там впервые и увидел. Сейчас посмотришь — совершенно другой человек. Они стояли каждый у своего окна, на расстоянии метров шести, друг на друга не смотрели, но разговаривали. В холле всегда стояла тишина, и они могли позволить себе говорить вполголоса. Я останавливался на равном удалении от них, ждал, пока в разговоре наступит пауза, и говорил: «Игорь Петрович, меня просили проводить вас в палату». Он оборачивался, и отвечал: «Все бродишь за мной, бродяга?». Но не спорил. Так происходило, наверное, неделю. Однажды вместе со мной на поиски сбежавшего пациента отправился его лечащий врач. Увидел эту сцену, и тут же запретил мне прерывать их беседы...

Я уже говорил, что в связи с неправильной эксплуатацией и отсутствием профилактики я тогда скорее всем мешал, чем приносил пользу. Но истории болезней некоторых пациентов тоже хранились в моей памяти. По просьбе Игоря Петровича я нашел упоминание об этой девушке. Тогда ей было восемнадцать или чуть больше. И она была одной из пятнадцати студентов, выживших после захвата террористами учебного центра в системе Хирон. В момент захвата их там было сорок, да семь преподавателей. Но и из тех, кого десантники вытащили оттуда живыми, двое на момент нашей встречи умерли. Причем, один из них покончил с собой. Террористы удерживали учебку двое суток. Я не знаю, что она там видела, и что пережила. Собственно, на этом моя информация о Дана исчерпывается. Она мне никогда не рассказывала, что было до нашей встречи. Разве только мельком, случайными фразами...

— Надо же! Я ведь мог быть там, у Хирона. Но как раз тогда наш отдел задействовали в зоне Лойка, там участились нападения на системники. Наше командование решило, что информацию о маршрутах судов пиратам кто-то сливает.

— Внимания на меня не обращали, и я слышал многие разговоры. Разговор в кабинете у зав. отделения тоже слышал, он состоялся в день выписки. Седых не собирался задерживаться в больнице, врач его уговаривал остаться, чтобы помочь вытянуть Дану из глубочайшего стресса, потому что только ему она хотя бы отвечала. Он согласился, но с тем, что жить будет в гостинице, а потом добавил: «Я покопался в биографии девушки. Она психолог-роботехник. Да, студентка. И что? Зато отличница. Дайте ей, вон, бродягу в личную собственность. Там по ее специальности работы — непочатый край. Конечно, это только предположение, но хуже-то не будет...». «А вы возьметесь ей сами это предложить?», спросил врач. И Седых ответил: «Возьмусь». На следующий день в мой паспорт в очередной раз внесли коррективы. Вот так я и стал собственностью Даны. Она сначала вообще на меня внимания не обращала. Но трудами того же бывшего пациента, я ходил за ней всюду, как привязанный. Волей-неволей ей пришлось начать разбираться с проблемой. И она закопалась. А потом наткнулась на слепок памяти, и... через месяц ее выписали.

— А цирк?

— Не знаю. Это из ее прошлого. Просто однажды поговорила с кем-то в зоне Лойка, и тут же стала ученицей известного артиста. Сначала участвовала в его шоу, потом начала готовить самостоятельные номера. Отдельно мы выступаем чуть больше года.

— Понятно...

Повисла пауза.

Многое в поведении Даны действительно стало понятно.

И, наконец, вспомнилось, что именно говорила ему Марта во сне:

— ... Джет, если ты его встретишь, это для меня: сначала поговори, ладно? Пожалуйста, это важно. Я тебя больше ни о чем не прошу, просто поговори.

И он почему-то понял, что имеется в виду тот, другой. Человек, который должен был ее сберечь, но не сберег.

Ближе к вечеру кхорби забеспокоились, а потом Саат и сам различил признаки приближающейся песчаной бури.

Ущелье не могло послужить хорошим укрытием. Это ко всему привычные науги способны стоически пережить неприятность, просто сбившись в плотную кучу. Они так даже передвигаться способны. А людям, особенно не кхорби, придется трудно.

Хорошо было то, что и бандиты вряд ли покинут свою базу до окончания шторма, так что можно было не беспокоиться об охране каньона. Но до надежного укрытия — системы гротов у родника — было три километра. С учетом пересеченной местности и того, что буря начнется в ближайшие полчаса — это плохая новость.

Удручало и то, что придется возвращаться. А ведь до выхода в дюны оставались считанные часы хода. Но по данным разведчиков, искать укрытие ближе к дюнам не стоило и пытаться. Там стены ущелья раздвигаются, кое-где перегораживая путь впечатляющими осыпями. Там появляется песок, нанесенный в устье ущелья переменчивыми ветрами.

У родника они наверняка встретят тех, кто остался в засаде, организованной Алексом.

Снялись мгновенно, но ветер поднялся почти сразу. На лица были накинута шерстяные маски, они спасали от пыли. Маски кхорби не имели ничего общего с теми, что производились на фабрике Руты. Их делали из особого материала, приготовленного из пуха детенышей науга определенного возраста. Получалась не ткань, а пористый многослойный

фильтр, который мягко приникал к коже и позволял почти свободно дышать даже в сильную бурю.

Беда в том, что это относилось только к здоровым людям. Саат, с его искалеченными легкими, начал задыхаться почти сразу. Он на всякий случай намотал повод на руку, а больше ничего сделать было нельзя.

К тому же вместе с песком и ветром пришел холод: пустыня стремительно остывала. В такие бури в лагере обычно закрепляли все, что можно закрепить, а что нельзя — прятали в шатры и палатки. Семьи собирались в больших ярких шатрах, у каждого клана свой узор. А цвет принадлежит всему роду. Так повелось исстари, и кочевье Саата незаметно и органично переняло древнюю традицию кхорби.

Ветер гнал песок вверх по ущелью, как по огромной трубе. Небо начало темнеть. Мимо, плавно обтекая погонщика, шли науги и люди, их подгонял ветер. Прижимал к ногам, трепал одежды. Подвязанная ткань надувалась парусами...

Науг Саата почти остановился, и тот хлопнул его по крупу, подгоняя. Движение вызвало укол боли за ребрами, и погонщик сжал челюсти: это был еще не приступ, слабый отголосок того, что последует потом.

Нужно было заставить животное идти быстрее, они уже оказались в арьергарде группы. Это удалось ему только при помощи костяного ножа — катхаи. Науг дернул мордой и прибавил шаг.

Мучительно долгий путь завершился у развилки. Здесь нужно было подняться по камням, остаткам древнего обвала, до расщелин, верхняя часть которых представляет собой неглубокие гроты. Их когда-то создали кхорби, специально, чтобы было, где с удобством отдохнуть после долгого пути.

Но, чтобы проделать этот последний отрезок, нужно было спешиться и вести животное в поводу.

Саата скрутило, едва он успел коснуться ногами земли. Повод выскользнул из рук, науг невозмутимо пошел дальше, следом за другими животными. Протокнуть холодный воздух в легкие не получалось, перед глазамиплыли теимные пятна.

Как назло, Рома вернулся из города, но лекарства не привез: институт был закрыт без объяснения причин. Теперь предстояло выяснить, долго ли организм протянет без ингаляций и дорогих препаратов. На данный момент рекорд составлял две с половиной недели. Но тогда условия были почти оранжерейные — ни ветра, ни пыли. И не нужно никуда идти.

По прежнему опыту Саат знал, что сейчас ему лучше найти удобное место и лежать, пока приступ не отступит. Он неловко оперся о камни, но встать не смог. На полы плаща лег тяжелый песок, и стало страшно. Он никогда не думал, что умрет так бездарно. И на помощь не позвать.

Неимоверным усилием заставил себя распрямиться. Теперь нужно было влезть на ближайший камень. Поражения быть не может, просто потому, что не может...

Сорвался. Еще попытка...

Чьи-то руки подхватили его за плечи, вздернули на ноги. Кто-то перекинул его руку через плечо, и осталось только перебирать ногами, и мучиться мыслью, что чуть только что всех не подвел...

В гроте было темно, даже тот слабый свет, что плавился снаружи, сюда не проникал — потому что вход завесили лоскутом плотной ткани.

Саат почувствовал, как к лицу прижали кислородную маску — это прикосновение было одним из самых узнаваемых и привычных — и сделал несколько пробных вдохов. Кажется, стало немного легче, а может, показалось.

Зажегся тусклый «вечный» фонарь. В его зеленоватом свете замелькали обеспокоенные лица.

— Прибил бы твоего поставщика, — услышал он облегченный голос Алекса. — Ну что, жить будем, или как?

— Куда ж я денусь?

Саат приподнялся, тут же почувствовав чье-то плечо, спросил:

— Все здесь?

— Да все, все, — успокоил Алекс. — Все и еще немножко. До нас подошел Тха со своей группой. Так что у нас тесно. Пить хочешь?

Ну что же. Можно отдыхать. Тем, кто сможет...

Это место на всех картах Руты называлось «Полая гора», из-за подземной пещеры и озера ледяной воды в ней. Пробраться к озеру можно только с риском для жизни, пологих берегов у него нет, а единственная расщелина, ведущая туда, заканчивается крутым обрывом в десяти метрах над водой. Спускаться туда бессмысленно еще потому, что вода имеет горько-соленый вкус. Озеро не питается никакими источниками, и кажется, существует в таком вот виде со времен возникновения рутанских пустынь и этого древнего хребта.

У самого входа в расщелину, ведущую к озеру, на камушек присел молодой человек. Чувствовал он себя хуже некуда. Болела жестоко намозоленная вчера нога, немного болела голова, после ночи, проведенной в неудобной позе, ныла спина. А утром его еще ждал сюрприз в виде непланового дежурства.

Парня звали Валентин Риммер, и еще три наэзере назад он даже предположить не мог, что судьба подложит ему свинью таких размеров. С отцом и братьями они владели ремонтной станцией на середине пути между Рутой и Бэстом. Имелся и свой гараж, и небольшая флаерная стоянка. И хотя малый воздушный транспорт на этой планете не самый популярный, станция приносила доход. Отец умер, хозяином стал старший брат Валентина, решивший все устроить по-новому. Но переделки не задались, и Риммеры оказались на грани разорения. Именно тогда у них остановился человек из города, судя по машине — важная шишка. Старшего брата не было, средний в дым напился, и гостя принимал сам Велли. Гость посмотрел на царящий на станции бардак и предложил:

— Я бы купил у вас эту точку. Вам ее все равно не вытянуть. А на Руту скоро придут большие перемены, и деньги вам могут понадобиться.

Велли, конечно, ничего не решал сам, но пообещал, что поговорит с братьями. Гость намекнул, что заинтересован в покупке всерьез.

Больше книг на сайте - Knigolub.net

Они просидели до утра, уговорили бутылку синтетического, но неплохого виски. На прощание гость оставил визитку и предложение связаться с ним, как только решение будет принято.

Старший сначала наотрез отказался продавать. Сумма казалась ему слишком уж незначительной. Но прошло всего несколько дней, и обстоятельства слегка изменились. На пороге появился судебный пристав с документами, из которых следовало, что отец троих сыновей, кроме семейного бизнеса оставил им в наследство солидный долг, который и надлежало вернуть в течение недели.

Тут уж выхода не было, и сделку заключили в рекордно короткие сроки. После уплаты долга у каждого из братьев на руках оказалась не слишком большая сумма. Они перебрались в Руту. Двое нашли работу во флаерных и автомастерских, а Велли никуда не хотели брать. Может, оттого, что такой вот он невезучий, а может, из-за отсутствия какого бы то ни было диплома. Младший брат семьи Риммер окончил школу заочно, с большим скрипом, и с тех пор никогда и ничему не учился. Да и характер у него был — не сахар. Впрочем, технику он любил и понимал.

Он помыкался по гостиницам, свел знакомство с не самыми честными людьми в городке, спустил остатки денег в клубе азартных игр, и однажды обнаружил себя голодным и

нищим на городской улице, без всякого представления о том, куда бы податься.

К братьям идти было бесполезно, они сами едва сводили концы с концами, да и задолжал он им, если честно. Так началась самая неприятная неделя в его жизни. Неделя, когда он раз в сутки приходил к центру социальной поддержки коренного населения Руты, и в компании немногочисленных осевших в городе кхорби получал порцию бесплатной еды. Днем прятался в каких-нибудь затененных подворотнях, ночью... ночью бесцельно бродил от дома к дому, и уже всерьез подумывал, не ограбить ли какого зеваку.

На излете недели ноги вывели его к северной окраине города. Там он незаметно прибил к компании, пьющей за чей-то счет дешевую водку. Время близилось к рассвету, с устатку да с голодухи водка подействовала расслабляющее. Не прошло и пяти минут, а Валентин уже откровенничал с первым подвернувшимся собеседником. Собеседник выслушал его очень внимательно, с пониманием. А потом предложил:

— Хочешь каждый день нормально жрать, иметь собственный лучевик и перестать бояться наших жирных ленивых полицейских?

Кто же этого не хочет? Велли расхохотался и согласился. И вот уже третью наэзере он живет в полевом лагере возле Полой горы, толком не понимая, кому подчиняются все эти люди. С кормежкой и оружием вербовщик не обманул. Оружие было новое, и совсем не походило на те поделки, которые были у братьев раньше. Одежду тоже ему выдали. Новую, приличную одежду и надежный защитный комбинезон. И с полицией все было по-честному: у Полой горы ни одного полицейского и днем с огнем не найдешь. Вот только его забыли предупредить о таких немаловажных вещах, как необходимость посещать учебные занятия и стрельбища. И про дисциплину, которая стала основой жизни лагеря, тоже не предупредили.

Нет, сам он ту дисциплину не нарушал. Старался делать, что велено. А уж то, что надлежало работу он выполнял спустя рукава... но за это с него не спрашивали. Этого словно вообще никто не замечал. Командиры были заняты «воспитанием» тех, кто регулярно затевал драки, без предупреждения покидал лагерь или напивался тогда, когда должен был находиться на дежурстве или тренировке.

Валентин видел, как наказывали самых злостных нарушителей и, имея такой пример перед глазами, старался оставаться в рамках здешних правил. Хотя за последние дни ему уже пару раз приходила в голову мысль о побеге.

Эту мысль подогревали слухи, что лагерь у Полой горы — не единственное место, куда в пустыне может податься человек. Были другие.

Там жили вольно, никому не подчинялись, и делали что хотели. Уж во всяком случае, с городским начальством не считались, да и с пустынниками тоже. Что требовалось, брали силой. И никто не приказывал держаться тайно и «в контакты не вступать».

Был случай. Всего через пару дней после того, как Велли попал в этот лагерь, произошел большой побег: аж два десятка человек ночью скрытно покинули территорию. Искать их, на удивление, не стали. Но Риммер помнил, какая промывка мозгов последовала за этим.

В пустыне были еще те, кто подчинялся тем же командирам, но базы у них были свои. Независимые.

Пост на склоне Полой горы был самым неудобным. Расчищенная площадка, обложенная по кругу мешками с песком — вот и весь пост. Ни намека на защитный тент. Велли приспособился, когда становилось совсем невыносимо жарко, забираться в расщелину,

поглубже. Туда, где от озера тянет отчетливым холодком. И ничего, что в том месте даже отсвета от входа не видно. Что с этим каньоном станется-то? И кроме Велли есть наблюдатели. К тому же он прячется совсем ненадолго.

Смена все не шла, и Риммер начал беспокоиться, что о нем забыли. Сверху он видел, как в командирскую палатку заходят люди. Даже видел, как в долину возвращаются разведчики, идущие со стороны дюн.

Мысль, что ждать осталось недолго, вызывала возбуждение, даже азарт. Что цель атаки — Рута, Валентина не то, чтобы радовало, но вызывало легкое мстительное чувство. Не захотели со мной по-хорошему? Так нате вам по-плохому! И он ждал начала акции — это для него означало, что можно будет забыть об изнуряющих тренировках, плановых и внеплановых дежурствах, о камне, который оказался под дном палатки как раз в том месте, где он спал.

Вот с мозолью было хуже: местного медика Валентин побаивался.

— Эй, Риммер, тебя там взводный ждет. Спускайся, я тебя сменю!

Взводный вчера принимал зачеты по стрельбе. Велли сдал. Но от провала его отделяло всего одно очко. Какая пытка будет сегодня?

Возле командирского шатра собралось уже человек сорок. И это была не учебная группа, к которой относился Велли, с большинством присутствующих он не был знаком. Некоторые — совсем новички.

Валентин с тревогой отметил, что здесь почти исключительно те, кто хотя бы раз нарушил дисциплину лагеря.

Взводный вышел из шатра, сказал:

— Решением командования, вы все отобраны в ударную группу. Цель группы — расчистить дорогу для продвижения основных сил. Ваша задача — обеспечить нам быстрое и беспрепятственное прохождение и добыть транспорт. Особо хочу отметить: должны быть уничтожены все устройства связи, вплоть до альтернативных. Даже кхорби на науге, если доберется до города, может причинить всему делу существенный вред. Что касается транспорта... на вашем пути есть колониальное поселение. Все понятно? Выступите на закате.

— Э... командир! Не сердись, но это не выйдет! — крикнул кто-то из задних рядов.

— Что?!

— Буря идет. А в бурю соваться в пустыню — самоубийство!

— Кто сказал?

— Я сказал! — вперед шагнул широкоплечий мужчина лет за сорок. Велли его видел пару раз, а имени не знал.

Взводный поднял лучевик, но именно этот момент выбрал поднимающийся ветер, чтобы дернуть его за полу. Ухмыльнулся, спросил:

— И когда, по-твоему, начнется буря?

— Уже начинается. Четверть часа, максимум.

— В таком случае, выступаем, как только она закончится. Ты! Далеко не уходи, есть разговор. Остальные — по палаткам. И закрепите свое барахло, чтобы не унесло!

— Как звать? — обернулся он к широкоплечему.

— Шнур.

— Ну, пошли со мной, Шнур.

Они скрылись в командирской палатке, а Велли подумал: на его месте мог быть я. Ведь

я тоже видел, что буря подходит, но промолчал. А сейчас выделился бы, может, меня б заметили... а этот Шнур явный уголовник.

Алекс сидел у входа в грот и вслушивался одновременно в завывания ветра на улице и в звуки, поселившиеся в пещере. Темнота не была полной — на каменном столе зеленовато мерцал фонарь. Если взглядеться, можно различить завернутые в плащи фигуры на полу. Они лежали плотно друг к другу. Кто-то спал, кто-то еще ворочался, кто-то спать и вовсе не собирался, шепотом разговаривая с соседом на самые обычные, человеческие темы. Война была еще далеко. Никто из присутствующих не видел, как бандиты расправлялись с кхорби, и противник казался им пока абстрактной величиной. Они еще не научились называть противника — врагом.

Рядом тяжело дышал Саат. Он не спал, и Алекс мучительно искал тему для разговора. Темы не находилось, взгляд плавно перетекал на лампу, на лица спящих. Где-то недалеко, за тканой шторой шевелились, переступали, всхрапывали лохматые науги.

И непонятно, ночь сейчас, или близится утро?

Саат спросил:

— Не жалеешь, что с нами связался?

— Не знаю. Возможно, стоило еще раз предупредить мэра Руты...

— Мэра мы предупреждали уже четырежды. В самый первый раз он провел собрание, и кажется, организовал рейд по окраинам в целях выявления тайных притонов. Это все. Алекс, я спрашиваю не об этом.

— Я жалею о многом. Но это задним числом. У меня было время поразмыслить, не находишь?

— Но ты остался.

Потому что это для меня — второй шанс. Второй и последний. Потому что тебя я не сдам. И другим не дам. А еще мне нравится Мэо, но вот об этом тебе как раз знать необязательно. Потому что мне нравится Мэо, а Мэо нравишься ты.

— Остался. И собираюсь дальше оставаться. И давай на этом остановимся.

— Я только хотел тебя поблагодарить. Подумалось, что больше, может, такой возможности и не будет.

— Ты эти настроения бросай. Не дело это, перед началом...

Саат тихо засмеялся:

— А вы, десантники, все такие суеверные?

— У меня на груди кроличья лапка висит, — хмуро отозвался Алекс. — И по вторникам я не бреюсь.

Прохлада, которую принесла буря, вскоре выстудила кузов, и Дана забралась с ногами в кресло, чтобы было не так холодно. Бандиты в машину не вернулись, из этого можно сделать вывод, что где-то рядом есть нормальное укрытие.

Отрезанная от опасности опасностью куда более серьезной, Дана смогла даже заснуть. И пускай сон ее был тревожен и неглубок, он все равно дал отдых измученному сознанию. Дана искала выход, и не находила. Она была убеждена, как только Хейн получит требуемое, он тут же убьет их обоих. Наплевав на все свои обещания.

Поиск выхода, мысль, запущенная по кругу. Как узнать, сколько всего бандитов? Кто будет противостоять Бродяге, и что предпримет андроид, если сочтет, что его хозяйке грозит

непосредственная опасность?

Ответов не было.

Так она маялась до утра. То, что оно пришло, это самое утро, стало ясно, когда за окном немного посветлело. Дана выбралась из своего кресла, стуча зубами, приникла к окну. В сумеречном свете было видно, как скользит пылевая поземка по поверхностям дюн. Их контуры от этого казались смазанными.

И все-таки это означало, что буре приходит конец. Может, удастся сейчас выбраться? Перебраться в кабину кара, соединиться с его управляющим узлом...

Неужели же идея не стоит попытки?

В таком случае, чего мы ждем?

Очень хотелось пить и есть. Но в кузове не было даже тени съестного. Что же, это отличная отговорка на случай, если ее поймают.

Вперед!

Дверь была заперта. Разумеется, кто же оставит пленницу за открытой дверью? Даже сильно хромую и голодную пленницу. Но замок у кузова вовсе не предназначен, чтобы под него сажали людей. Это совсем несложный замок, настроенный на электронный сигнал. И сенсор у него где-нибудь под обшивкой...

Можно даже попробовать просто отжать язычок, вот только подходящего инструмента, жаль, нет...

Хотя, почему это нет? Вот эта стальная пластинка, часть крепежной конструкции одного из кресел, вполне может подойти.

Замок сопротивлялся почти час, и взят был скорее измором, чем ловкостью рук. Дана сама удивилась, как ей хватило сноровки и терпения, чтобы проделать этот трюк. Фокусы с замками ей редко удавались. Помнится, это сильно раздражало мастера Рэма, и он даже один раз обозвал ее притворщицей. А потом еще один раз — бездарью.

Сегодня тоже гордиться было нечем. С этим самым замком мастер справился бы за секунду, причем, не повредив внутренней обшивки. А может, и того меньше.

И все же, путь свободен!

Дана чуть приоткрыла дверцу и задохнулась от холодного воздуха, состоящего из колких песчинок. Песок тут же набился в нос, попытался залепить глаза, пристал к губам. Про волосы и говорить нечего.

Но отступать поздно.

Дана закрыла лицо рукавом куртки, и спрыгнула в песок. Ногу прошило нешуточной болью, и она несколько секунд стояла, прижавшись лбом к металлу кузова — казалось, любая попытка сделать шаг приведет к падению. Потом все же двинулась. Ощупью, зажмурив глаза. По полшажочка за минуту.

Только добравшись до кабины она поняла, какую ошибку совершила: здесь, снаружи, она не может потратить час на взлом. Силы кончатся раньше. Да ей отсюда, с земли, до проклятого замка даже не дотянуться!

И что теперь? Возвращаться назад?

Ну уж, нет. Пусть это глупо, пусть это — истинное самоубийство, но другой попытки сбежать может и не будет. В конце концов, здесь наверняка есть другие машины...

Сквозь прищуренные веки, сквозь ресницы, она попробовала оглядеться. Это возможно, если смотреть по ветру, прикрывая ладонями глаза.

Всего машин — четыре. Но три стоят компактной группой под защитой темной скалы.

От Даны их отделяет метров пятнадцать.

Пятнадцать метров ветра и стелющегося песка. Без поддержки, без опоры. Ну? Пойдешь?

Да. Нельзя бояться.

И она пошла. Ветер уже не сбивал с ног, но мелкий, струящийся змейками песок мгновенно набился в обувь. Ноги утопали по щиколотку и глубже, и с каждым шагом все трудней было вытаскивать их из песка. Шаге на седьмом она упала. В страхе обернулась назад — кар был уже далеко. Теперь казалось проще как-нибудь доползти до машин, маячащих впереди, чем вернуться к нему.

Но ползти по песку, подволакивая больную ногу, тоже оказалось неудобно. Неудобно, но надо, надо. Пока есть силы и видна цель.

Второй раз Джет проснулся от тишины: бурю за окном словно выключили. Светало. Бродяга все так же сидел рядом, на пассажирском сидении, кажется, даже позу не поменял. Не было слышно и храпа Стефана. Джет обернулся и увидел, что тот не спит, а хмуро смотрит в законный сумрак.

Там и вправду было на что посмотреть: дюны напоминали закаменевшее море. Причем, не просто море, а дикий ледяной океан, исхлестанный дождями, подернутый туманом: именно такой эффект добавлял пейзажу гонящий поземку ветер. Грозная стихия. Мрачная и неживая...

Но этот ветер уже не сможет быть препятствием для кара. Можно ехать.

Ехать, да. Но что дальше? Ну, не верил он, что бандиты вот просто так, по доброте, отпустят Дану. Даже если Бродяга и вправду отдаст им вожделенные коды.

Он повернулся к андроиду, спросил:

— Как собираешься действовать?

— Собираюсь пойти туда. Без вас — нет необходимости рисковать твоей жизнью и его жизнью — Бродяга кивнул на Стефана. — Шансов у нас с Даной мало, около семи к ста. Но эти семь я собираюсь использовать.

Стефан прокашлялся:

— Я бывал у красных камней. Это группа скал в пустыне, кольцевая группа. Но в северной части скалы низкие. Так, торчат несколько зубов... внутри оазис. Есть колодец, его еще кхорби делали. Под скалами сложено укрытие. Наверняка бандиты заночевали там. И наверняка пленница тоже там. К кольцу можно подобраться незаметно — с юга.

Джет и Бродяга переглянулись. Поверить? Стефан ничем еще не доказал, что достоин доверия. Впрочем, его бросили умирать. Скорей всего, он крепко обижен на Хейна, и именно этим продиктовано его поведение.

Если его предложение — не хитроумная ловушка.

Джет перевел взгляд на предмет своих раздумий. Стефан выглядел каким-то усохшим. Словно за ночь стал меньше ростом и вдобавок похудел.

Утром вообще все выглядит несколько иначе. Проще, яснее.

Джет прикинул в уме, каковы будут шансы, если все же действовать сообща. Пожалуй, шансов будет больше.

— Геройство, оно конечно, хорошо, — сказал он. — Но в данном случае... твой план действий... не кажется правильным.

Слова подбирались с трудом, и он успевал в уме бранить себя за косноязычность.

Бродяга качнул головой:

— Вы мне ничем не обязаны. Да и в противном случае...

Стефан перебил его:

— Я не договорил. Мое предложение такое: машину оставляем внизу. Я показываю вам место... в скалах есть оборудованный наблюдательный пункт. Ну, на случай, если лагерь нужно будет защищать. Точка дает прекрасный обзор на вход в кольцо, но при желании стрелок сможет контролировать и большую часть лагеря... Кстати, с андроидом могу пойти я.

Джет выдохнул, прогоняя мрачные предчувствия. Он и сам готов был пойти в лагерь бандитов с Бродягой — если бы был хоть единый шанс, что его выпустят оттуда живым.

— Тебе-то это зачем? — мрачно спросил он у Стефана.

— Мне-то? — ощерился тот, — есть, зачем!

— Хочешь отмстить Хейну?

Ответ прозвучал через минуту. Джет даже решил, что их невольный спутник не собирается развивать эту тему. И в его голосе Джету послышался вызов и предупреждение.

— Я действительно не человек Эннета. Я человек Саата.

— Этот Саат — у него своя банда?

Но ответил не Стефан, а Бродяга:

— Вряд ли. Саат-саа, нам про него говорил Меас, помнишь? Стефан, поправьте, если я ошибусь. Среднего роста, глаза серые. Возраст около тридцати пяти. Два пулевых ранения. А, да. Рыжий. Так?

— Три ранения. Но в целом... вы знакомы?

Бродяга хмыкнул:

— Было дело. Пожалуй, прав Меас — нам следует встретиться. Мне не нравится идея с вашим участием, но это действительно добавляет Дане шансов, потому отказываться не буду. Но отправляться надо прямо сейчас. Иначе будет слишком жарко.

Джет еще раз прикинул, можно ли доверять такому добровольному помощнику. По словам Бродяги, вроде, можно. Но вообще-то очень не хочется.

— Значит, Саат. И что же он делает в пустыне?

— Живет. Ну? Принимаете мое предложение?

— Пожалуй, да. Единственное, твоя рана...

— Потерплю.

— Снаряжение...

И тут Джета осенило: плащ-то для Стэфана похоже, был!

Он вытянул из-под сиденья пакет с имуществом покойного Николаса Митчелла.

— Держи. Пригодится.

Но Стефан почему-то долго не распаковывал пакет, вглядываясь в узор на желтой ткани.

Потом медленно спросил:

— Откуда это у вас плащик Ники?

— Ники?

— Ник Митчелл, предприниматель из Руты. Он иногда помогал мне с доставкой почты там, где сеть работает ненадежно.

— К сожалению, должен сообщить, что ваш знакомый погиб.

— Черт. Как, если не тайна?

— Не тайна. Его убили...

Джет подумал, и пересказал максимально урезанную версию происшествия. В конце концов, об этом даже городской Ньюс сообщал...

Реакция Стефана оказалась неожиданной:

— Выходит, это я его подвел. Я попросил его поговорить с хозяйкой... — он кивнул на Бродягу, — с его хозяйкой. Чтобы была поосторожней. Караван Танхо, с которым Ники обычно путешествует к своим поставщикам, как раз шел на восток. Ники не отказался, он все равно собирался навестить дядюшку... Выходит, кто-то из людей Хейна нас все-таки выследил. То-то мне все казалось, что за мной шли от лагеря... одно непонятно, почему тогда меня сразу не убили?

Джет вернул разговор к главной теме:

— Значит, вы с Бродягой идете к базе бандитов; дальше?

— Потом я попробую бандитов отвлечь. Бродяга поговорит с Хейном и попытается вывести Дану. А вы Джет, будете прикрывать отход.

— Мне не нравится.

— Время, — напомнил Бродяга. — Время уходит.

Остановились в дюнах, недалеко от нависающих, действительно красноватых, скал. Ближе к входу в кольцо было двигаться опасно — машину могли заметить. Придется бросить здесь... А впрочем...

Джет хмыкнул: картинка, кажется, начала вырисовываться.

— Стефан, проводишь меня до наблюдательной точки, и вернешься за каром. Поедете не прячась. В лагере бандитов поставишь машину у въезда и оставишь ее открытой. С ней у вас будет больше шансов убраться оттуда невредимыми. Что соврать, придумаешь. Ну, например, что меня ты убил, чтобы заполучить машину. Если все получится, меня подберете по дороге.

— А если они мне поверят? Я предпочел бы остаться в банде.

— Тогда угоном кара займется Бродяга. Слышишь, Бродяга?

— Да.

— Дырявый план, — пробормотал Джет, — но это хотя бы план.

Рассвет выдался тусклым, он начинался там, куда ушла песчаная буря. Стефан довел Джета до наблюдательного пункта. Не слишком удобное, тесное место. Плащ свой Джет предусмотрительно снял и скатал, чтобы блеск отраженного солнца не привлек бандитов. Пока что было даже зябко — буря принесла холод.

Стефан шепнул:

— Саата наверняка тоже задержала буря. Карту помнишь?

— Примерно, — удивился Джет.

— Значит, если у меня получится там остаться, вам нужно будет двигаться отсюда на северо-восток. Да, практически, обратно. Увидите приметный контур горы — словно из ровной стенки торчит загнутый коготь, двигайтесь в том направлении. Там должно быть устье каньона. Смело въезжайте и поднимайтесь вверх, до развилки. Над развилкой — гроты. В них оборудованный лагерь с родником, и скорей всего, Саат привел своих именно туда.

— А ты?

— Мне надо знать, что именно затеял Хейн. Он кинул Эннета и у него какой-то свой план, но мне пока не ясно, какой. Кроме того, так у пока остается шанс попасть в окружение

самого Эннета. Если, конечно, что-то у Саймона не заладится, и он решит сделать вид, что ничего не было...

Кольцо скал охватывало крошечную долину, в северной части которой разрослась песчаная колючка, а в южной, в тени, разместился постоянный лагерь. Укрытие, сложенное из камня и мешков с песком, колодец. Сейчас Джет мог видеть лишь часть крыши укрытия да стоянку каров. Три машины плотной группой, и еще одна — в стороне, ближе к строению, но дальше от входа.

Стефан на прощание кивнул, и отправился к «Мустангу», где его уже ждал Бродяга.

Кар появился в долине через четверть часа и произвел фурор. Бандиты высыпали из укрытия. Их было не меньше десяти.

Машина проехала от въезда считанные метры и остановилась. Первым из нее выбрался Бродяга, Стефан — следом.

— А вот и мой андроид! Чудесно! — раздалось снизу.

Голоса разносились далеко и ясно. Видимо, таково уж свойство здешних камней — отражать звук, усиливать его, не искажая. А может, виной тому разлившаяся над пустыней утренняя тишина. Улеглись даже самые легкие ветры, те, что еще недавно гнали по дюнам пыль.

— И Стефан! Это ты, Стеф?

— Я это, Саймон. Все так.

— И что ты здесь делаешь?

— Да вот, андроида тебе доставил. Я же помню, что ты его очень хотел получить. И машинку сносную.

— Да ну? И как это тебе так подфартило?

— Подфартило. В двух словах... андроид искал хозяйку у нас на старой базе. Не один. С ним был полицейский. Ключевое слово «был». Теперь его уже нет. Ну, все еще думаешь, что я работаю на Эннета? Если бы дело обстояло именно так, я бы андроида доставил ему, не тебе. Логично?

— На первый взгляд, Стеф, на первый взгляд. Ладно, с тобой позже. Слим, глаз с него не спускать! Самое главное — у нас получилось! Давайте работа в дом! И хозяйку тоже давайте сюда.

Джет, наконец, понял, кто говорит: высокий и широкоплечий тип в центре группы. Двое по его жесту шагнули вперед. Черт, если они уйдут в дом...

Но Бродяга остался стоять, никак не реагируя на направленное в его сторону оружие.

Главарь чуть склонил голову и повторил:

— Ну, ты что, глухой? Иди в дом.

— А чем здесь плохо? Я подожду, — приветливо ответил андроид, и у Джета отлегло от сердца. Заставить они его не смогут...

Кто-то из бандитов заржал.

Главарь настаивать не стал. Сказал своим:

— Слим, тащи сюда девочку. Да понежнее. Остальные... пробегитесь, что ли, по окрестностям. Вдруг с ними еще кто приехал.

Четверо бандитов двинулись напрямик к выходу из кольца скал, а один — наверное, Слим — почти бегом припустил к той машине, что стояла отдельно.

Добежал, остановился. И вдруг заорал:

— Ее нет! И дверь открыта!

Собеседник Бродяги, бранясь, на чем свет стоит, рванул туда. Андроид не отставал.

Стефан ругнулся за компанию и заковылял следом.

От машин доносились голоса бандитов, обрывки приказов, ругань. Потом они все отошли к скалам и затихли. Джет предположил, что они нашли дану.

Сердце сбилось с ритма: только бы живая...

Стефан подвинул плечом бандитов и, наконец, смог увидеть, что там такое было, в тени больших каменных обломков.

Девушка лежала ничком, полузасыпанная желтым песком. И не понятно, жива ли. Над ней склонился Бродяга, поднял на руки, высвободив из песчаного плена.

Хейн повернулся к андроиду, сощурился:

— А теперь положи обратно. Иначе мои люди начнут стрелять. Ну!

Бродяга поколебался, но опустил свою ношу в песок — предельно бережно.

— Рой, — обратился к помощнику Хейн, — посмотри там, что с ней?

Рой присел рядом с девушкой, пощупал пульс, приподнял веко. Ответил:

— Похоже на обморок. А вообще, понятия не имею. Я не врач.

— То есть, живая? Ну так, тащи в дом.

Процессия двинулась к укрытию. Бродяга пошел следом. Стефан — за ним. Ситуация чем дальше, тем больше казалась ему безнадежной.

Стефан помнил укрытие по прошлым посещениям, и сейчас оно мало изменилось. Низкий потолок, пол, выложенный все теми же мешками с песком, широкая лежанка в дальнем углу, да пара «вечных» фонарей — вот и вся обстановка. Сегодня ее дополнял мешок с продуктами и несколько канистр с водой. И куча фабричных плащей, сваленных на лежаке.

Кто-то сбросил их на пол, освобождая место для Даны. Девушку уложили, зажгли еще несколько светильников. В комнатухе стало тесно от собравшегося народу. Хейн прикрикнул на своих, и они вышли вон. Стефан нагло остался. Остался и Бродяга.

Главарь бандитов обернулся к помощнику:

— Рой, можешь быстро привести ее в чувство?

— Могу попробовать. Но без гарантий.

— Давай!

Молодой бандит на минуту вышел. Вернулся с тубиком и влажной тряпкой. Тряпкой протер Данае лицо и руки, тубик поднес к носу.

Нос сморщился, глаза распахнулись.

Рой с довольной, но мрачной улыбкой закрыл тубик и убрал в карман.

Дана шевельнула пересохшими губами, силясь что-то сказать. Стефан, не выдержав, подобрал с пола чью-то кружку, налил в нее немного воды из канистры и передал Рою.

Хейн снова смерил его сощуренным, нехорошим взглядом.

Дана сделала глоток, оглядела присутствующих. Увидела андроида. Позвала шепотом:

— Бродягушка, это правда ты?

— Я. Ты как, живая?

Девушка чуть заметно кивнула.

Хейн раздраженно бросил:

— Отлично! Значит, ты в состоянии заставить робота сообщить то, что мне нужно?

— Вы обещали... — нахмурилась Дана.

— Все в рамках договоренности. Я тоже не горю желанием таскать тебя с собой.

— В таком случае... Бродяга, отдай им «Ступу».

Андроид очень внимательно посмотрел на хозяйку и медленно заговорил:

— Дана, ты не можешь не понимать, что его обещаниям грош цена...

— А разве у нас есть выход? — изумилась она. И вдруг четко произнесла: — Бродягушка, отдай им код допуска в систему СТП-мега. Так надо.

Кажется, этот приказ вычерпал у Даны все силы, потому что она снова откинулась на лежак. Даже глаза прикрыла.

Бродяга же медленно и спокойно выдал короткую фразу, не несущую смысловой нагрузки. Потом — дополнительный числовой код и код для настройки сетевого доступа. Вот и все. Что дальше?

А дальше все оказалось просто.

Хейн достал из кармана маленький приборчик — «глушилку» для сетевых контактов, и легонько сжал в руке.

Взгляд его слегка поплыл — верный признак подключения. Не прошло и минуты, как он удовлетворенно хлопнул в ладоши и с улыбкой сообщил:

— А ты молодец, девочка! Хвалю! Система меня пропустила. Теперь осталось до нее добраться. Пожалуй, займемся этим прямо сегодня.

— Вы обещали нас отпустить, — вяло сказала Дана. Было видно, что она на это уже не надеется.

— А я и не отказываюсь. — Голос у Хейна звякнул металлом. — Идите. Только быстро. Рой! Проводите их до выхода из кольца.

Стефан первым догадался, в чем дело:

— Это очень похоже на убийство, — заметил он.

— Но это не убийство. Во всяком случае, ко мне не может быть претензий. Андроид, забирай это отсюда и если не хочешь получить пулю, поторопись. А ты, Стеф, помолчи. Я еще не решил, что с тобой делать.

Бродяга поднял Дану на руки и, согнувшись, покинул укрытие. Там, у входа, их встретили ухмыляющиеся бандиты. Толпой пошли следом за андроидом, перебрасываясь скабрзными шутками. Стефан сначала хотел остаться, потом передумал — мало ли, кому-то придет в голову идея пострелять. Так и шел среди них, задумчиво поигрывая пистолетом.

Миновали кар «Мустанг». Андроид даже не взглянул в его сторону. Под дулами десятка стволов, да с Даной на руках шансов преодолеть эти десять метров без потерь не было никаких. К тому же, бандиты окружили их плотным полукольцом.

У выхода в дюны остановились, и долго потом смотрели в спину роботу. Пока он не скрылся за выступом скалы.

Только тогда Стефан смог немного перевести дух.

Если все сложится удачно, они и пешком доберутся до какого-нибудь укрытия, пока солнце не начало палить с особой жестокостью. Он мог бы сейчас сам забраться в кар, и попытаться с боем вырваться из Красных скал. Мог бы... Стефан неожиданно поймал многозначительный взгляд Роя. И передумал.

Джет был готов начать стрелять в любой момент. Но случая все не подворачивалось, и он ждал. Ожидание — вещь невыносимая, особенно когда ничего хорошего впереди не светит. И все-таки...

Он увидел, как Дану внесли в укрытие, и понял, что она не умерла. Время текло чертовски медленно, стало даже припекать, но он не смел оторвать взгляда от входа в хижину. Казалось, стоит только отвернуться на миг, и события начнут скакать полоумным тушканом. За это время Джет сосчитал, сколько всего в группе бандитов, и даже вычислил, где спрячется их наблюдатель. Получилось, что их в оазисе не больше двенадцати.

Когда Бродяга с Даной на руках отправился к выходу из кольца скал, сопровождаемый группой веселящихся бандитов, Джет был готов перестрелять всех и вся. К сожалению, такой возможности ему не давали камни, закрывающие именно ту часть долины. Кроме того, в группе был Стефан, а его убивать Джету совершенно не хотелось.

А потом... потом Бродяга ушел. А бандиты остались стоять у выхода из кольца скал. Все казалось, что они сейчас начнут стрелять Бродяге в спину...

Осталось чувство досады — «Мустанг» потерян...

Стефан мог бы...

Не мог. У Стефана своя задача.

Главное — обошлось. Почти.

Джет на всякий случай попытался связаться с искином «Мустанга» но, как и следовало ожидать, связи не было — «глушилка» продолжала работать. Это означало что, либо он сейчас попытается украсть собственный кар из-под носа у бандитов, либо им, всем троим, предстоит долгий пеший путь через пески под палящим солнцем Руты.

Но Хейн все решил за него: приказал своим людям обшарить каждую песчинку в скалах. Он начал проверять легенду Стефана, а это уже серьезно.

Джет тихо и незаметно покинул убежище.

Дану и Бродягу он догнал через полчаса: в тени одного из барханов андроид уложил свою ношу на песок. Причина остановки была понятна. Бродяга просто не знал, куда идти. До Руты слишком далеко, до лагеря бандитов, где они подобрали Стефана, тоже слишком далеко.

Джет молча развернул свой плащ пустытника и протянул Бродяге. Тот благодарно кивнул и попытался завернуть в него девушку. Но видимо, в процессе неловко задел большую ногу, потому что Дана пришла в себя. Сглотнула сухой комок в горле, сказала:

— Видишь, Бродяга, ты был прав...

— Ты о чем?

— Ничего у меня без тебя не получается... совсем ничего.

Андроид провел ладонью по волосам девушки, словно пытаясь успокоить. Джету захотелось отвернуться — это было не для него. Только для нее, для Даны.

— Неправда.

— Правда. Сам посуди...

— Ну что за глупость ты говоришь. Ты попала в плен, ты сутки сама принимала решения, ты выжила, это главное. И ты от них все-таки сбежала.

Дана улыбнулась краешками губ:

— Даже два раза.

Посмотрела на Джета огромными сухими глазами, сжала пальцы андроида, и сказала сразу обоим:

— Спасибо...

Валентин удивился, что ударную группу поведет не взводный, а Шнур. По его

представлениям, Шнур был выскочкой, ни за что обласканным начальством. И, тем не менее, его слушали. Группа выдвинулась, еще не успел утихнуть ветер. Шли быстро. Полчаса ходу, пятиминутный привал — и снова вперед. Некоторые от такого режима взвыли на втором часу, но Шнур быстро и совсем без слов объяснил, чем вредно ныть. Недовольные замолчали, а сколько выбитых зубов на том привале занесло песком, о том и знает только песок. Рассвет застал их там, где сходятся два ущелья — широкое, вдоль которого шла группа, и узкое и извилистое, больше похожее на случайную промоину. Разведчики, ушедшие вперед, вернулись с тревожными новостями.

Похоже, совсем недавно ущельем вниз прошли кхорби. И это были какие-то неучтенные кхорби — кто бы что ни говорил, а Эннет по мере сил отслеживал перемещения пустынников в «подконтрольном» квадрате. Впрочем, обрывок плаща и костяное копье могло принести откуда-нибудь бурей.

Решили идти по верху, не спускаясь в каньон. Благо, судя по карте, такая возможность появится еще неоднократно.

Внутри у Велли росло глухое раздражение. Оно заставляло срываться на товарищей по броску, делало мир угрюмым и лишенным красок. Что ни происходило, все было направлено лично против него.

И Шнур, словно издеваясь, нарочно чаще всего подгонял именно его. А что поделывать, если мозоль на пятке со вчера никуда ни делась, а выспаться помешал проклятущий камень под спиной... ладно, не камень, а завывание урагана снаружи его крохотной палатки. Палатка половину ночи гнулась под ветром, то прижималась к земле, укладывая полог на спящих, то наоборот пыталась улететь. А утром парень проснулся от удушья — их все-таки завалило песком.

На очередном привале Валентин оказался рядом со Шнуром, когда тот развернул карту, и незаметно пристроился у него за спиной. Очень хотелось знать, долго еще им выдерживать такой темп? Далеко ли до цели?

Вокруг Шнура собрались те, кто с ним разговаривал на равных — так повелось. И Валентину наконец-то удалось услышать, о чем они говорят. Услышать и даже кое-что увидеть.

Поселок, который стал основной целью их группы, находился под Клыкком. Эта скала возвышалась над всей окрестностью, служа прекрасным ориентиром. Судя по пометке на карте, поселок принадлежал компании, производящей суррогатные продукты, в нем жил обслуживающий персонал автоматического завода. Туда несколько раз в день приезжали грузовики, привозили сырье, забирали готовую продукцию в Руту. Эти-то грузовики, судя по разговорам, и были приоритетной целью ударной группы. Дело в том, что от поселка в город ведет сносная дорога. И двигаться дальше на транспорте будет куда правильней, чем измерять длину пути своими двумя. Дальше будет еще одно поселение. В нем предстояло закрепиться и дожидаться основной группы. Услышав об этом, Валентин приободрился. И путь до поселка не показался ему таким уж длинным. Последние два перехода отразились в памяти ритмичным биением слова «надо!», и фразой «все идет, чем я хуже?».

Но, наконец, группа вышла на плоскогорье. Селение оказалось как на ладони — два десятка домиков стандартной для престарелых колоний купольной конструкции, типовые кубы складов...

Шнур разбил группу на тройки. Сказал:

— Значит, так. Живых там остаться не должно. Основная задача — сработать тихо,

чтобы ни одна сволочь не попыталась связаться с городом. «Глушилку» я включу, как только окажемся у самых куполов, не раньше. Иначе кто-то может забеспокоиться. Ваше дело — зачистка и уничтожение средств связи. Мое — завод. Оружие, если будет, не оставляйте. Что можно взять — с собой, что нельзя — уничтожить на месте. И транспорт. Кто первый найдет гараж — тому премия. Эй, ты!

Валентин понял, что обращаются к нему, и пожалел, что родился. Но все же сделал шаг вперед, не давая Шнуру повода повторить приказ. Повторный приказ в исполнении Шнура всегда сопровождался рукоприкладством. У Велли уже было несколько поводов убедиться, что лучше тут даже не пытаться прикидываться глухим.

— Ты в мою тройку. И... ты.

Он ткнул пальцем в молодого парня, с лицом, изрытым какой-то болезнью. Парень сощурился, кивнул. Он был повыше Велли, но в плечах не шире, и возраст у них был, похоже, одинаковый.

Остальные тоже быстро определились, кому с кем идти.

— Начинаем! — приказал Шнур, и они побежали к поселку.

Тройки заскакивали в дома, слышалась стрельба. Валентин не успевал вертеть головой, все его внимание было сосредоточено на беге, на необходимости переставлять ноги и не упустить из виду спину бегущего впереди Шнура.

Заводские помещения располагались под землей, и войти туда можно было через административное здание в центре поселка.

Влетели, подняв оружие, огляделись. От невысокой стойки подняла взгляд девушка-оператор. Хорошенькая, успел заметить Велли. Увидела, кто ворвался на территорию, пискнула и потянулась что-то нажать.

Шнур выстрелил. Девчонку швырнуло назад, на ее рабочее место. Но Велли видел, что ее лицо превратилось в кровавое месиво. Брызги полетели во все стороны.

Валентин Риммер еще ни разу не видел, как убивают. Он не видел даже, как убивают предназначенного на мясо науга, не то, что живого человека. Особенно, если человек не ждал опасности, и даже не успел понять, что произошло.

Желудок неприятно сжался, к горлу подкатила тошнота. Верх самообладания — не подать виду, что тебя вот-вот вывернет. Но Шнур все равно презрительно хмыкнул. Догадался.

Вниз, в технический отсек, вел лифт.

За лифтом — крохотная контрольная секция завода, за пультом трое дежурных играют в карты. Один оторвался от игры, чтобы посмотреть, кто прибыл, и вдруг, истошно заорав, метнулся в угол. Остальные даже дернуться не успели. Как та девчонка, подумал Велли, как та девчонка...

Шнур повернулся к своим напарникам. Он, на самом деле, справился бы и один. Показалось забавным посмотреть на реакцию сосунков, возомнивших себя большими и сильными.

— Ну, спросил он насмешливо, кто из вас это сделает?..

Ствол мерга, которым он только что убил двоих, теперь плавно кочевал с лица Велли на лицо прыщавого.

Валентину представилась во всех деталях картина — вот он лежит на полу, здесь, в контрольной секции автоматического завода, с развороченным черепом. А дверь лифта закрывается, унося живых, и это место превращается в могилу. В его могилу, Велли Риммера

могилу!

Он краем глаза смотрит на прыщавого, и с ужасом понимает, что у того в голове бродят те же мысли. Значит, теперь все решает скорость.

Справившись с очередным приступом тошноты, Валентин поднял свой пистолет и прицелился в голову третьего оператора. И все-таки, прыщавый успел выстрелить первым.

— Теперь твой выстрел, — поощрительно улыбнулся Шнур.

Валентин, плохо соображая, переводил взгляд с одного на другого. Молодой улыбался бледными губами, с таким облегчением, что хотелось по этим губам съездить...

— Ну же, в голову! — мягко объяснил Шнур.

Велли выполнил приказ. Во лбу оператора появилось аккуратное круглое отверстие, бескровное и невинное.

Тут-то его и вывернуло — Валентин согнулся, упал на чеивкреньки.

Шнур, чтобы не видеть происходящего с парнем, сказал прыщавому:

— Пойдем!

Уже от лифта бросил и Велли:

— Придешь в себя — утрись и догоняй!

Когда ветер стих, Саат разбудил задремавшего Алекса. Вчерашний приступ прошел, оставив сухость во рту и неприятную ватность в теле. Алекс проснулся мгновенно, передвинулся к пологу, закрывающему вход, отодвинул его немного в сторону. По камню скользнул косой луч света. Значит, солнце уже встало.

В ответном взгляде сквозил укор — дескать, что раньше не разбудил. Саат ответил:

— Сам недавно проснулся. Отправил Рэтха присмотреть за ущельем, но...

— Который час?

— Второй после рассвета. Иди сюда. — Саат кивнул на карту, расстеленную на столе. Лампа бросала на нее зеленоватые отблески. По сравнению с утренним лучом свет этот казался тусклым и несерьезным. Кожа пустытника тоже слегка отливала зеленью — но вот от луча ли? Саат заметил:

— В любом случае, если бандиты решили начать действовать сегодня утром, вы не успеете уже занять позицию в каньоне. Либо они появятся там раньше, либо...

— Уж больно место удачное, — поморщился Алекс, — я бы рискнул.

— Понимаю. Мне вот не спалось...

— Кхм...

— Да. Не спалось. Так вот, я подумал, кто или что будет первой целью бандитов? Двинутся сразу на Руту — через пески? Днем? Всей толпой? Их там было не меньше трехсот человек. Если верить кхорби — и все пятьсот. Для серьезной акции — мало. Для налета на окраины — в самый раз. Космопорт?

— Да, пожалуй... я бы на их месте выступил перед закатом...

— Может быть. Но тянуть время не в их интересах.

— В данном случае внезапность не так и важна. Помнишь, что Рома рассказывал? В городе очень напряженная обстановка, еще не паника, но настроения у людей тревожные. Ввели комендантский час, полиция в полном составе патрулирует улицы. Но в чем-то ты прав. Путь здесь для них только один, и я не я буду, если они не...

— Не решат сначала заглянуть к Слепаку, так? Поселок — это и защита от солнца, и продовольствие.

— И транспорт, — мрачно закончил Алекс. — Значит, дальше двигаемся вместе?

На карту он так и не взглянул. И без нее понятно, что впереди не самый легкий переход.

Саат кивнул.

Инспектор Гус вытер пот с лица. Ночная буря дала ему небольшую передышку, разогнав особо нервных горожан по домам лучше любого комендантского часа. Его ведомство работало в авральном режиме, и все же не справлялось.

Как-то внезапно выяснилась масса неприятных подробностей, касающихся обороноспособности «города первого поселения». Уполовиненный штат полиции — это еще полбеда. Морально и физически устаревшая техника и снаряжение — вот это беда. Отсутствие на планете военного контингента Солнечной — вот это большая беда. И наконец — закрытое в прошлом еще сезоне отделение Бюро космических исследований, закрытое не без помощи самого инспектора, кстати, — беда из бед. Представитель БКоИ имел прямой

канал связи со своим начальством в Солнечной. Здесь, в провинции, рука всеильного Бюро не ощущалась вовсе, но так дела обстоят далеко не везде. И его поддержка дорогого стоит.

Еще год назад казалось, что коль скоро военное ведомство Солнечной взяло на себя охрану межевого узла, на самой Руте нет силы, способной противостоять полиции. Оказалось, нужно было только объединить несколько банд, да снарядить их получше, и результат продемонстрирует всю опасность этого заблуждения...

Начальство задало центральному городскому округу такой режим, что инспектор теперь спал не более четырех часов в сутки, похудел, заработал вокруг глаз синие круги и все равно ничего не успевал.

С того момента, как исчез Джет Дага, прихватив с собой андроида, события понеслись странным курсом и совершенно неуправляемо. Сначала по городу пополз нелепый слух о предстоящем нападении кхорби, вспомнивших старые обиды. Потом этот слух угас, зато с быстротой молнии разнесся другой — о предстоящей экспансии гведи. Ночью сгорело несколько машин и сараев. Состоятельные горожане постарались покинуть город и саму планету. Большая часть магазинов работала, как обычно, зато прекратил работать концерн «Элит» производящий и продающий снаряжение для пустыни.

Порт закрыли для посещения туристов.

Было похоже, что кто-то подстегивает эти слухи, нарочно преувеличивая возможную опасность. Но кто? Выяснить не представлялось возможным, потому что все полицейские без исключения участвовали в патрулях.

Однако сам факт попытки «ловить рыбу в мутной воде» можно считать неоспоримым.

...инспектор вытер пот и повернулся в сторону посетителя. У дверей его кабинета стоял кряжистый мужик угрюмого вида.

— Позвольте войти? — спросил он, и вошел. Ответ ему не был нужен.

— Чем могу служить?

— Вы инспектор Робин Гус?

— Роберт, — поправил инспектор. В детстве его дразнили Робинот Гудом. Он не знал, кем был этот деятель, но предполагал, что вряд ли кем-то хорошим.

— А я Михаэль Стоун. Мик Стоун, если хотите. Охотник.

— Я вас помню.

— Да. Я спросить пришел... не пора ли собирать добровольческие отряды из горожан?

Еще не хватало, подумал инспектор.

— Не вижу особых причин...

— Вы же не станете утверждать, что полиция в полной мере контролирует ситуацию!

— Послушайте, господин Стоун! Да кто вам сказал, что эти отряды для чего-то могут пригодиться?

— Имеющий глаза — увидит! — жестко сказал Стоун. — Вчера в городе закрылся рынок кхорби...

Инспектор перебил:

— Потому что торговать не с кем: туристов нет!

— Многие семьи снялись и ушли в пустыню!

Гус поморщился, как от зубной боли. Все это он знал. Знал больше Стоуна, и имел больше поводов для опасений. Именно поэтому он резко снизил громкость и сказал:

— Официально вам заявляю, Мик Стоун: если не прекратите сеять панику, я вас арестую. За хулиганство. Имею право.

— Вы не понимаете, что творите!

— Знаете, мне это надоело. Идите к мэру, может он вас поддержит!

Не поддержит. Гус знал мэра. Для мирного времени ничего себе мэр. Хороший. Но только не для войны. Он слишком боится возможных ошибок и потому предпочитает вовсе никак не действовать, чем действовать на страх и риск.

Стоун сказал:

— Мэр не стал меня слушать, точно так же, как и вы. А я считаю, мы должны сами постоять за себя. Это мое мнение.

Инспектор еще раз с ужасом представил этих ополченцев. Вооруженных испуганных людей, шарахающихся от любого шороха и готовых палить с двух рук в собственную тень.

Ну уж, нет.

Едва он выпроводил социально активного охотника, как секретарь пресс-службы сообщила о журналистах, жаждущих его видеть. Журналисты третий день на разные голоса завывали о том, что население должно знать правду. И вопрошали: «Что вы думаете о происходящем сейчас в Руте?».

Инспектору нечего было им сказать. Не раскрывать же, в самом деле, информацию о двух уничтоженных кочевьях кхорби? Информацию подтвердили спутниковые съемки. И не повторять же последний слух о бандитах с трассы на Бэст, решивших захватить старый армейский склад на окраине Руты?

Сейчас ему предстояли серьезные переговоры с мэром. Инспектор, пользуясь давним знакомством, решил уговорить мэра позвать на помощь военных из подразделения, базирующегося на одном из безатмосферных планетоидов системы. Было у него ощущение, что мешкать с этим — значит совать голову в уже подвешенную и заботливо намыленную петлю. Как бы не оказалось поздно и вообще кого-то звать...

Горячий воздух маревом стоял над песчаными холмами, тени становились все короче. Джет не жаловался. Да, он шел куда медленней андроида, но он шел, и это его несказанно радовало. Кабы еще дорога вела на запад, а не на северо-восток — прямо под слепящие, обжигающие лучи! Вожделенные контуры гор все не показывались, и это удручало больше всего. Может, если подняться на дюну, то оттуда можно будет увидеть ту скалу, о которой предупреждал Стефан? Но сил делать такой крюк не было. И Джет плелся за Бродягой, пытаясь отвлечься какой-нибудь простенькой мелодией.

А все мелодии переплелись в клубок, и клубок мягко перекатывался внутри черепа. И рос там, помаленечку, рос, пока не заполнил собой все мысли, и пока ему не стало тесно в черепной коробке...

Джет не заметил, как упал — голова болела невыносимо.

Понял, что случилось, когда его лба коснулось что-то обжигающе холодное. Настолько холодное, что боль уступила место сильнейшему головокружению.

А потом плавное покачивание сообщило, что его подхватили и понесли куда-то на руках.

В этом «где-то» было немного тени. Джет, наконец, проморгался и смог оценить обстановку.

Они с Даной лежали у подножия бархана. Девушка была целиком завернута в блестящий плащ, не видно даже кистей рук. Она не двигалась. Бродяга отстегнул и снял с себя верхнюю часть комбинезона. Получилось что-то среднее между рубахой и курткой.

— Я не знал, что эта штука отстегивается, — заметил Джет, с интересом изучая тело робота. Разработчики не предполагали, что их изделие будет вынуждено разгуливать с голым торсом, и сходство с человеческим телом было лишь в общем контуре.

— Иногда андроидов ремонтируют, — с иронией ответил Бродяга. — Как правило, для этого не требуется снимать штаны.

— А как часто вы вообще одежду меняете?

— А вы?

Джет вздохнул. Нет, ну разве стоило ждать честного и прямого ответа?

Бродяга тем временем встряхнул куртку и протянул Джету:

— На, примерь.

Темно-серая ткань повергла его в ужас.

— Надевай. Не то совсем обгоришь.

— Я сварюсь! — жалостливо простонал Джет.

— Не успеешь. Осталось идти около пяти километров. А свою майку сними и намотай на голову. Если упадешь, я вас двоих вряд ли вытяну.

Бродяга был прав. Джет уже чувствовал, как кровожадно потрудилось солнце над его руками, плечами и лицом.

Одежда Бродяги оказалась чуть узковата, но по длине — в самый раз. От нее первые мгновения еще веяло прохладой.

С сооружением тюрбана из майки вышла заминка. Майка вся пропахла потом, и Джету отчаянно не хотелось подносить ее к лицу.

Бродяга спросил:

— Как голова? Не кружится, идти сможешь?

— Вроде, смогу.

— Пойду медленней. Если станет тяжело, держись за мое плечо.

Джет кивнул, и отважно шагнул под упругие, тяжелые лучи. А до полуденного зноя было еще несколько часов...

В поселение колонистов группы Саата и Алекса опоздали. Меньше, чем на полчаса, но опоздали. Они даже видели, как бандиты входят в поселок. И даже попытались их нагнать — но отчаянный последний бросок ничего уже не решил: из жителей поселка выжили очень немногие.

Алекс шел по единственной улице, мимо домов-куполов с мутно блестящими крышами и не останавливался, чтобы заглянуть в ту или иную распахнутую дверь. Здесь тихо. Авангард увел вперед Рэтх, немолодой опытный пустынный, один из учеников Саата. И уже слышно было, что они впереди ввязались в перестрелку. Сам Саат двигался медленнее, с замыкающей группой.

Впрочем, такими темпами, они скоро нагонят...

Наугов пришлось оставить под скалой. Не хотелось подставлять животных под удар, когда ясно было, что они в ближайшее время обязательно пригодятся.

Дав команду окружить головорезов, закрепившихся на центральной площади, Алекс выбрал удобную точку для стрельбы — за огородкой какого-то административного здания, и стал ждать. С противоположной стороны площадки раздался шум, и один из бандитов показал спину. Кто-то из стрелков опередил Алекса, хлопнул выстрел. Бандит упал в песок. Выскочил еще один, начал, истошно вопя, поливать окрестные здания из лучевики.

Пискнула, сообщая о готовности, импульсная винтовка, и Алекс снял опасно кружащую впереди фигурку. Ну? Есть еще кто-нибудь?

Сзади подкрался Саат. Именно он — остальных слышно за десять шагов. Спросил:

— Ну, что?

— Да все, похоже. Если кто-то где-то еще и засел, то это уже дело времени... меня знаешь, что беспокоит? Их слишком мало. От силы — четыре десятка... по данным кхорби, должно быть пятьсот.

— Идут маленькими группами по разным маршрутам? Если так, то мы можем просчитать возможные варианты и попытаться... а нет, не выходит... слишком мало вариантов. Кстати, они без транспорта, заметил?

— Больше похоже на небольшой ударный отряд, обеспечивающий нормальное прохождение основным силам. Если цель — зачистка, а по тому, что здесь произошло, очень похоже, то понятно, почему пешком.

— Потом объяснишь, — шепнул Саат. — Это там что за здание?

Стрельба на площади прекратилась. Посредине осталось лежать два трупа. В тени большого информационного щита, не скрываясь, пристроились двое: похоже, один нуждался в перевязке.

— Пойдем, посмотрим.

Над входом мерцала табличка: «Завод синтетических продуктов питания группы компаний «Элит»».

Дверь услужливо распахнулась, освобождая проход. Потянуло прохладой, здесь работали кондиционеры.

Алекс оглядел просторный вестибюль, увидел брызги крови, в одном месте заляпавшие даже потолок, присвистнул:

— Извращенец какой-то отметился...

Саат заглянул за стойку, увидел тело девушки-оператора. Зажмурился на секунду, и кивнул, соглашаясь. Это кем надо быть, чтобы вот так...

— Стрелял из чего-то крупнокалиберного...

Алекс посмотрел записи на старомодном контактном планшете. Виртуальный экран демонстрировал фамилии участников утренней смены.

Неожиданно пришел в движение лифт.

Дверь его очень быстро скользнула в стену. В вестибюль шагнул высокий бандит — обладатель мерга. А следом еще один парень, вооруженный попроче. Первый увидел Алекса, тот стоял как раз напротив лифта, и вскинул оружие.

Но Саат успел раньше.

Шаг вперед. Подсечка. Захват.

Удар — неспортивный и нечестный, зато действенный.

Мерг отлетает метра на два — тяжелая игрушка, не то, что импульсник второго.

Первый захрипел, выворачиваясь из захвата и пытаясь одновременно удобней ухватить противника. Если бы ему это удалось, Саат, пожалуй, прожил бы недолго. Но — не удалось.

У Второго руки сильно дрожали, ствол то оказывался направлен в сторону Алекса, то к Саату.

А потом легких мишеней вовсе не стало. Алекс успел скрыться с линии огня за стойку.

В этот момент раздался вопль, переходящий в хрип — на полу возле лифта оказались распростерты два тела.

Прыщавый на миг отвлекся, и тут же схлопотал разряд бинка. Выронил оружие, и судорожно схватившись за чуть не расколовшуюся от боли голову, растянулся на полу.

Алекс покинул свое укрытие, окликнул:

— Саат! Это не ты орал?

— Нет.

— Я так и думал. Сам встанешь, или помочь?

Саат легко поднялся, поправил плащ. Алекс хмыкнул: не далее как вчера вечером этот тип чуть не загнулся от приступа астмы, а сегодня делает вид, что здоровее его никого нет.

— Надо посмотреть... — пустынный кивнул на лифт.

Просто наверняка там нет живых. Извращенец с мергом вряд ли упустил случай пострелять. Но проверить надо.

Спустились.

В полутьме мерцал контрольными огнями пульт, пол присыпан рассыпавшейся колодой карт. Несколько картинок плавают в луже крови.

— Должно быть три трупа, — отстраненно заметил Алекс. — Я посмотрел график, там три фамилии.

— А откуда взялся четвертый?

Четвертый вдруг завозился на полу, приподнялся на локтях и повернул лицо в сторону неожиданных пришельцев. Лицо было жалкое. К тому же грязное.

— Зуб даю, — здесь происходил акт воспитания новобранцев, — поморщился Саат. — Знаем мы это дело.

Алекс подошел к парню и теперь всей своей внушительной фигурой возвышался над ним, загораживая и единственный источник света и выход.

— Я не... я нет... — пролепетал «новобранец». — Это не я. Это Шнур...

— Ладно, вставай... и утрись, что ли...

Парень поднялся, придерживаясь за стену. Колени у него все еще тряслись.

— Это все Шнур, — повторял он шепотом, — я не хотел, это он меня... я не убивал...

— У тебя имя есть? — холодно спросил Саат.

— Риммер. Валентин Риммер. Послушайте...

— Вот что, Валентин Риммер. Жить хочешь? Тогда пошли наверх. А там ты нам все в подробностях расскажешь. И то, что знаешь, и о чем только догадываешься. Уловил? Чем больше расскажешь, тем больше шансов, что останешься целым и невредимым. А то ведь, найдутся и другие охочие рассказчики...

Риммер истоиво закивал.

К полудню выяснилась неутешительная статистика. Из шестидесяти обитателей поселка выжили девять человек, и двое из них ранены тяжело. Самое мерзкое, что бандиты убивали всех подряд, детей тоже.

Из нападавших уцелело трое. Двоих взяли Алекс и Саат, еще один нашелся оглушенным и исцарапанным в зарослях пустынной колючки.

Прыщавый парень все еще был без сознания, зато его товарищ Риммер, из кожи вон лез, стараясь, чтобы ему поверили. По его словам выходило, что лагерь у Полой горы — не единственный, но сколько их на самом деле, и где расположены остальные, он не знал. Что в лагере бандитов чуть меньше пятисот, и что снимутся они, как только Шнур сообщит, что путь свободен. Но если этого не случится следующей ночью, то Эннет будет считать, что Шнур провалил дело и выступит все равно — через сутки. У бандитов мало машин, зато

новое и качественное пустынное снаряжение. И настоящая их цель — вовсе не город, а космопорт Руты. Про глушилку он ничего не смог сказать: Шнур ее включил, да. Но на его теле прибора не нашли... ничего похожего.

— А ты был прав, — заключил Саат, когда они вышли из здания, в котором вели допрос.

Это был один из окраинных домов-куполов. На момент нападения он пустовал, и потому остался неповрежденным.

— В чем?

— Ты ж мне доказывал, что за всем этим стоят гведи...

— А связь что? Так и нет?

— На заводской станции все вдребезги разнесено. Я, конечно, посмотрю потом, но... а, безнадежно. И сеть не работает. Пойду, проверю патрули в скалах. И надо еще послать кого-то за наугами. Я тут загон где-то видел...

— Давай. А загон там, вправо от завода до конца улицы.

Улица-то вся — четыре дома. Совсем рядом.

Врал Бродяга насчет того, что двоих он из пустыни не вытянет. Последние полчаса он именно что тянул их обоих. Джет почти ослеп, глаза забил песок, и они слезились.

Он висел на плечах андроида, только перебирая ногами, чтобы облегчить ему работу. И то, что Бродяга был прохладный, ничуть не помогало.

Джет несколько раз открывал рот, чтобы попросить Бродягу: оставь меня здесь, отнесешь к скалам Дану, потом вернешься. И каждый раз не решался произнести это вслух, понимал, что до возвращения андроида не доживет.

Руки слабели, соскальзывали. Бродяга останавливался, давая передышку, потом все начиналось снова — пока вдруг не закончилось.

Бродяга остановился, сказал:

— Джет, мы почти у цели. Держись.

— Я держусь, — просипел тот. Рот высох, и каждый глоток зноя обжигал горло.

— Нас заметили. Потерпи немного!

Джет разлепил глаза, и понял, что они, оказывается, стоят в тени большой темной скалы. Его трясло крупной дрожью, даже не сразу удалось разжать руки и отпустить шею андроида.

Спросил хрипло:

— Дана?

— Дышит.

К ним от входа в каньон спешили двое. Судя по плащам — кхорби. Кхорби?

— Кто такие? — спросил тот, что пониже ростом.

Бродяга резко повернул голову, чуть сощурился, ответил:

— А вы?

Джет, который успел опуститься на песок, вяло махнул рукой:

— Я Джет Дага, наблюдатель центра Тордоса на Руте. Это Дана Тэн, артистка бродячего цирка и ее андроид. — говорить было тяжело и он не был уверен, что его услышали.

— Понятно. Вопросы типа «Что вы здесь делаете?» оставим на потом. Вы шли в поселок Слепака? До него недалеко, но, возможно, вам нужна помощь? Рэтх, дай сюда

флягу...

Джет сделал несколько мелких глотков. Вода во фляге была теплая, но это была вода.

Все помаленьку стало налаживаться.

В группе Саата нашлось несколько человек, способных запрограммировать аппарат экстренной помощи. АЭПов в местном медицинском заведении нашлось аж три штуки, так что самых тяжелых раненых поместили в них, под присмотр умных приборов. Решился и вопрос с питанием — причем, самым неожиданным образом.

Кто-то из кхорби, обследующих подъездные пути, обнаружил склад готовой продукции завода.

Так что к моменту возвращения Саата, в компании андроида и двоих серьезно потрепанных пустыней людей, в поселке образовалась видимость порядка.

Остановились под тентом у заводской проходной. Саат с облегчением скинул капюшон.

— Ага, — вдруг улыбнулся Бродяга. — Вы Саат-саа. Теперь я спокоен.

— Как будто раньше ты волновался, — пробормотал Джет, невзирая на то, что губы потрескались, а кожу словно стянуло маской. — Ты даже такого слова не должен знать...

Короткое путешествие верхом и выпитая фляга благотворно сказались на его состоянии — во всяком случае, вернулась способность замечать, что происходит вокруг.

— Это почему? У меня очень богатый словарный запас на всех семи сотнях известных мне языков.

Саат посмотрел на одного, на другого, пожал плечами и сделал неутешительный вывод:

— Первый раз наблюдаю тепловой удар у андроида. Нужно будет книжку написать...

Рэтх отвел Джета в один из пустых домов, включил кондиционер и оставил в покое. Только у изголовья кровати положил очередную полную фляжку. И это было замечательно, потому что господин Дага отрубился, едва успев стянуть куртку и ботинки.

Саат остановился в начале улицы.

— Стационара здесь нет, а медицинский кабинет и без того переполнен... свободной комнаты мы там не найдем. Пойдем ко мне.

— Пойдем. Куда идти?

Саат бросил еще один удивленный взгляд на Бродягу и показал на ближайший домик.

Внутри было прохладно и полутемно — окна закрывали фильтры. Купол разделен на четыре части — спальня, кабинет, кухня, санузел. Пустынник показал андроиду на кровать. Сам снял плащ и повесил в прихожей.

Прибрано, светло. Но безлико, словно здесь давно никто не жил.

Бродяга раздел Дану, уложил ее под влажную простыню. У девушки был жар, волосы склеились от пота. Выглядела она маленькой и больной. Положил холодную ладонь на лоб — нахмурилась и отвернулась.

Андроид объяснил:

— Она больше суток ничего не ела и почти не пила.

— Как это вышло?

— Попала в плен к бандитам. Мне есть, что вам рассказать, Саат-саа. Но сначала я должен убедиться, что с Даной все будет в порядке.

Саат пришел с кухни держа в руках губку, смоченную водой. Пояснил:

— У нас в кочевье медицина первобытная. Я бы ее, честно, в АЭП заложил и подождал полдня. Но все три аппарата заняты ранеными. Так что...

— Что здесь случилось?

— Бандиты выступили в сторону Руты. Их цель — космопорт и телепортаторы. Похоже, они готовят почву для высадки гведианского десанта.

Бродяга уступил собеседнику место рядом с постелью больной, несколько секунд разглядывал его профиль, словно что-то обдумывая. Тем временем Саат протер губкой лицо и шею девушки.

Наконец, Бродяга принял решение:

— В таком случае, мне нужно с вами поговорить не как с пустынным Саатом, а как со Стасом Гнединым.

Рука с губкой замерла.

— Вот это поворот, — пробормотал Саат.

Через четверть часа они с Бродягой сидели возле стола в кабинете. Пауза затянулась не надолго. Саат спросил:

— Ну, что же. Надеюсь, наконец, узнать, как твою хозяйку и господина наблюдателя занесло в пустыню. Ну и заодно — кто тебя послал. — И добавил себе под нос, — хотя, о последнем я догадываюсь...

Бродяга сидел в кресле прямо, может, чуть склонившись вперед. Руки покоились на коленях.

— Меня называют Бродягой, — представился он, проигнорировав вопрос.

— Очень приятно. Итак?

— Первое, что я должен вам сообщить — Стефан остался у Хейна.

Саат кивнул. Он ждал объяснений.

— Это долгая история, и началась она почти пятнадцать лет назад. Не хмурьтесь, Стас, я не намерен пересказывать ее целиком, но начать с самого начала необходимо. Так будет быстрее, чем отвечать на ваши многочисленные вопросы, в случае если вы убедите меня рассказать сейчас одни только факты.

— Все-таки, Бродяга, начните с фактов.

— Хорошо. Группа бандитов, видимо, со времен еще той войны владеет телепортационной установкой СТП-мега. Вчера они заполучили контроль над этой установкой, и в ближайшие сутки собираются ей воспользоваться.

— Вряд ли это так... — мягко возразил Саат.

— Это факт. Но не единственный.

— Эннет не может даже знать о...

Хлопнула наружная дверь, и в комнату заглянул Рэтх:

— Я устроил наблюдателя в соседнем доме. Он сейчас спит.

— Спасибо, Рэтх. Скажи Алексу, пусть соберет старших.

Пустынный вышел, а Бродяга ответил на недосказанный вопрос:

— Я говорил о группе Хейна. Вы напрасно думаете, что никогда раньше не пересекались с этим человеком. Когда-то именно он обеспечивал прикрытия группе техников, устанавливавших «ступу».

Саат кивнул. Он и сам был уверен, что тот Хейн, и нынешний — один и тот же человек.

— Судя по тому, что нам удалось услышать, он не собирается дальше участвовать в делах Эннета. У него на «ступу» какие-то свои планы.

Саат сдался:

— Хорошо, я готов выслушать более... развернутое объяснение. Все это очень похоже на правду, но... код доступа к той «ступе» был у меня и еще у одного человека. Сейчас его на планете нет. И за последние пятнадцать лет он тут не появлялся.

— Коды были и у меня.

Рассказ андроида затянулся. Несмотря на то, что Бродяга опускал подробности и избегал высказывать альтернативные версии событий, прошло более получаса, когда история, им рассказанная, подошла к концу.

Саат долго молчал. Потом долго вглядывался в лицо Бродяги, словно искал в нем какое-то сходство с собственным лицом.

— Вот как, — наконец сказал он. — Вот как... выходит, ты...

Бродяга качнул головой:

— Нет, Стас, я просто андроид. У меня специфические настройки, да. И у меня львиная доля си-сектора мозга занята архивами чужой памяти. Я имею к ней допуск и могу пользоваться. Но это все. Если не верите, спросите Джета. Он имел счастье меня сканировать.

— Наблюдатель центра Тордоса — сканер?

— Насколько мне стало понятно из контекста некоторых разговоров, он около года был судебным сканером на Флоре и на Визире.

Саат потер виски. Новая информация не утешала. Тут, хоть разорвись, а два прорыва одним небольшим отрядом заткнуть невозможно. А если учесть информацию, хоть и не достоверную, что лагерей подобных тому, что у Полой горы, было несколько...

— ...а повел ты себя, Бродяга, в пустыне не правильно. Тебе не следовало тащить на себе обоих. Только хозяйку.

— А Дана — гений. Что ей те правила. — Возразил Бродяга.

Действительно — гений. Это же надо до чего додуматься! Робот с чувством юмора. Сколько работы! Наверное, несколько лет кропотливого труда... совершенно неблагодарного, никому не заметного труда. Никому не нужного, кроме нее самой. Он себя поправил: а господин наблюдатель? Он андроиду жизнью обязан. И мне Бродяга нравится. Хотя немного жутко знать, что робот обо мне знает почти столько, сколько знаю я сам...

Нужно что-то решать... верней, решать уже некогда.

Надо начинать действовать.

Надо седлать науга и гнать его в Руту. Надо идти к мэру. Надо просить канал связи с базой отца. Стас представил выражение лица старшего Гнедина, когда тот узнает, кто добивается разговора с ним, и его слегка передернуло.

Он не видел родителя уже лет десять, и желанием встречаться не горел.

В дверь снова постучали. Вошел Алекс.

Саат сказал:

— Привет. Познакомься. Это Бродяга.

— Андроид?

— Безусловно. Но человек хороший. Он тут подкинул нам информацию к размышлению. Ты когда сбор назначил?

— Через час.

— Отлично. В таком случае, вот небольшая выжимка из нашей беседы...

Бродяга поднялся:

— Я пока не нужен? Пойду, проведу Джета. Господин Дага наверняка захочет узнать последние новости. Где его устроили?

— Следующий дом в сторону центра. Если что-то будет нужно, я позову.

Андроид кивнул и собрался уже выйти, когда Алекс спросил:

— Вы сказали Джет? Джет Дага? Здесь?

Голос его не одному андроиду показался странным. Чересчур взволнованным.

— Да. Что-то не так?

Алекс провел ругой по бороде и задумчиво произнес:

— Черт, как не вовремя... Бродяга, скажете мне, когда он придет в себя?

Андроид кивнул и вышел.

Алекс спросил:

— Удивительная вещь — случай... он ведь здесь не из-за меня?

— Кто? Бродяга?

— Нет, Дага.

— Не знаю. Придет в себя, спросишь.

— Вот уж точно, вселенная слишком маленькая, а наша галактика — большая деревня.

Алекс когда-то блестяще закончил военную академию, и считался там одним из самых перспективных молодых офицеров за последние три выпуска. Вот только, в год окончания академии грянул тяжелейший кризис, который затронул все сферы жизни Солнечной. В первую очередь пострадали, конечно, торговый космический флот и напрямую связанные с ним планеты периферии. Гражданский космос оказался практически парализован, и даже военная сфера вынуждена была отступить с прежних позиций. Заморозились несколько перспективных проектов, сократился заказ на строительство кораблей. Алекс получил распределение в элитную часть, базирующуюся в Солнечной, но часть расформировали, не прошло и месяца. Новое распределение загнало его, хоть и с повышением, но на самую окраину.

Поменяв за год восемь разных баз, Алекс ожидал очередной военной реформы на чемоданах, когда неожиданно встретил старого товарища по академии. Товарищ, как оказалось, завязал с военной карьерой сразу, как стало ясно, что кризис надолго и ушел во Второй отдел Бюро космических исследований. Он несколько дней прессинговал Алекса разговорами о преимуществах его нынешней работы, а потом предложил: «Давай к нам! Я рекомендую». Алекс махнул на карьеру и согласился.

Второй отдел БКоИ — это, в сущности, представительство метрополии в колониях. Здесь они даже успешно конкурируют с Интерполом, хотя по идее не обязаны взваливать на себя полицейские функции. Их область, это улаживание конфликтов, контроль над научной деятельностью колоний, предотвращение терактов и профилактика изоляционистских движений. Отдел занимается и пропагандой, и пиаром политики Солнечной, и много чем еще.

Товарищ Алекса работал в аналитической секции Второго отдела Бюро Визирианской координационной ветки. Подумав, он предложил ему попробовать себя в оперативной работе.

Алекс согласился, и оглянуться не успел, как оказался в учебном центре на Примуле. Примула — снежный рай, о котором он до сих пор вспоминал с добрым чувством. Пожалуй, предоставь ему кто второй шанс... но второго шанса не будет. Если кто-то ушел из Бюро «по

собственному желанию», назад ему дороги нет.

Именно так с ним произошло. Алекс провалил свое первое и единственное задание. Онс казалось пустяковым, пробным, испытательным: обеспечить охрану жены некоего эсбэшника, выводящего на чистую воду, опять же, некую крыску в руководстве военного ведомства. Не здесь, на периферии, нет, там, на Земле.

Женщине поменяли документы, изменили цвет волос и глаз. Подстроили выигрыш в лотерею и отправили в «Незабываемое путешествие по самым экзотическим мирам». И не было ни намека, ни покушения. Ни единого подозрительного человека рядом. Тихо и спокойно — почти всю дорогу. Расслабляющее тихо и спокойно.

Пока, в один прекрасный момент не получилось так, что она не вернулась вовремя на борт. Как? В какой момент ее упустил Алекс? Он сам не понял. Только что шла на шаг впереди, в группе туристов. Только что, кажется, болтала о чем-то вон с той блондинкой... и нет.

Труп нашли на следующий день, в одном из парков на окраине города Флоры. Только взглянув на изувеченное тело, Алекс решил найти убийцу, и если получится, прибить на месте, но допуска к оперативной информации ему не дали, а потом он и сам угодил под следствие. Его оправдали только благодаря безупречной прежней службе, и на следующий же день Алекс уволился. Координатор Второго отдела по Флорианской ветке Курт Шерриланд при личной встрече мягко намекнул, что лучше бы Алексу это дело дальше не копать и вообще обратиться пока с глаз бывшего начальства куда подальше.

Его вышвырнули с планеты и лишили права в течение года появляться на центральных мирах. Обиженный на весь свет, злой как черт и не желающий никого видеть, Алекс неожиданно для себя оказался на самой границе зоны Визиря, планете Рута. А в планетной системе, в которую входит Рута, так уж сложилось исторически и астрономически, находится межевой узел координационных систем Солнечной и Федерации Свободных Миров.

До войны никому из сверхдержав не было до Руты никакого дела, и местные жители привыкли считать себя чем-то особым. Третьим государством, центром стабильности. И даже не подозревали, что они — песчинка между жерновов.

Прошлая война показала — песчинкам, бывает, тоже достается.

Алекс не нашел себе места ни в «Городе первой посадки», ни в почти курортном Бэсте. Попытался прижиться на ферме, но и там ощущал себя чужаком. Какое-то время спустя он заинтересовался Народом кхорби, и познакомился с Меас-саа.

Как ни пытался он почувствовать себя на Руте своим, ну или хотя бы нужным, ничего не выходило. Зачем этому мирному, сонному царству, бывший десантник и неудачливый телохранитель? Правильно, незачем.

Но однажды Меас привел Алекса в лагерь Саата...

И тут оказалось, что вокруг люди, подобные ему самому. В большинстве — бывшие военные с семьями, много кхорби, потерявших в войну свой клан и род. С удивлением понял, что тут есть те, кто пришел за армией гведи, когда она шестнадцать лет назад высадилась на Руту.

О них нужно сказать особо. Флот стервятников, охочих до брошенных сокровищ, всегда идет за военным флотом, и не важно, что за мир воюет. Они высаживаются, хватают все, что плохо лежит и не интересует военных — предметы искусства, дорогие камни и металлы. И улетают, набив трюмы. В тот раз, однако, этот маневр не получился. Гведи натолкнулись на

серьезное сопротивление, и корабли армады стервятников оказались втянуты в эту кашу.

Выжившие в мясорубке на орбите, добравшиеся всеми правдами и неправдами до планеты, они оказались заперты здесь. В городах им не было места, и они сколачивали пустынные банды. Нападали, бывало, на кхорби, промышляли на правительственной трассе.

В первые послевоенные месяцы войска и полиция провели несколько операций по зачистке пустыни от бандитов. Выжили немногие, и уж совсем единицы прибились к лагерю Саата и нашли себя здесь. Им некуда было пойти: города не приняли бы их, пустынные Народы — тоже.

Алекса поразило то, что эти люди не верили в благостный уклад Рутанской жизни. Нет, конечно, дело тут не в вере. В знаниях и умении мыслить логически. И еще в добром расположении кхорби.

Потом он узнал, что многие из тех, кто добровольно покинул руту ради сомнительного удовольствия жить в шерстяном шатре без всяких кондиционеров и прочих благ цивилизации — в прошлом люди успешные и небедные. Многие из них имели за плечами университет.

Он в самом начале пытался расспрашивать Саата — зачем все это. Зачем он учит кхорби драться? Зачем вооружает кочевья.

Как получилось, что в его лагере строгая, но какая-то негласная, скрытая дисциплина? И почему некоторых людей он принимает в команду, едва переговорив с ними, к некоторым присматривается месяц, а то и больше, а бывают случаи, когда отправляет гостя восвояси, едва на него взглянув.

Потом, со временем, ему даже факты, собранные по крупицам за несколько лет, стали не нужны. Как-то сама проникла в сознание мысль, что так — правильно. Только так и надо.

Про кхорби Саат сказал:

— Я долго думал над этим, и ты во многом прав. Да, это уникальная система, основанная на древней традиции, да, раздавая оружие, я ее разрушаю. Но Алекс... Народ мхентхи практически перестал существовать пятнадцать лет назад. От сотни караванов кхорби осталось около трех десятков. Про Народ тхаати и вовсе нет достоверной информации. Новая война просто сметет то, что осталось.

Помнится, Алекс возразил на это:

— Кто поручится, что, получив оружие, они не начнут палить друг в дружку?

— Да зачем бы? Сейчас кхорби совсем мало осталось, караваны даже встречаются редко. И потом, те самые традиции, Алекс. Они никуда не делись. Традиции — это очень мощный сдерживающий фактор.

Алекс не стал спорить, но решил, что Саат — идеалист. Не в частности, в чем-то большем. В какой-то непонятной вере в людей. Вообще во всех. В их разум, в будущее.

Факты же... ознакомившись с ними, слепой бы увидел, что некто начал объединять пустынные банды. Более того, некто снаряжал эти банды, используя тайные каналы поставки оборудования. Контрабанда шла не то, чтобы широким потоком, но и нельзя сказать, что они особо скрывались.

И Саат несколько раз пересылал сведения в колониальное правительство. И каждый раз все ждал результата. А результата не было. Потому что жизнь Руты шла своим жарким, сонным путем. И никто помыслить не мог, что в ближайшие годы что-то может измениться.

Когда Саат понял, что так цели не добьешься, он решил сам ехать в город и доказывать по инстанциям, что жареный петух уже изготовился клевать.

К сожалению, именно тогда его скрутил сильнейший приступ, после которого он отлеживался две недели. А потом события понеслись слишком быстро, чтобы их опережать. Их и догонять-то пока удавалось с трудом.

А теперь вот еще... Джет Дага.

Как ни беги от себя, все равно себя догонишь. Он хорошо запомнил это имя — когда-то ему пришлось быть телохранителем Марты Дага. Она много рассказывала о муже.

Не успели собраться и начать обсуждать ситуацию, как прибежал наблюдатель от ущелья, и сообщил, что от отрогов идут машины.

Саат выругался, только этого не хватало! Проснулись! Потом ему пришло в голову, что хотя бы в одном каре, да должен быть мощный передатчик, работающий на длинных частотах.

Озабоченно сказал:

— Лучше бы их кто-то из местных встретил...

— Тут есть такой Билли Смит. Он сейчас должен быть в своем коттедже, — отозвался Алекс. Он успел уже познакомиться со всеми выжившими. — Адекватный мужик, думаю, сможет обрисовать обстановку.

— Пошли вместе. Посмотрим, нет ли у них передатчика...

Машин пришло три, их подогнали к воротам автоматической погрузки-разгрузки, и пока автоматика выполняла свою программу, Билли Смит обрисовывал водителям ситуацию. Саат и Алекс стояли в стороне, не вмешивались. И так ясно, что их физиономии у водителей не вызывают ни малейшего доверия.

Билли не пытался быть красноречивым. Он старался выдавать одни лишь факты, и объективность посредника в конце концов сыграла свою роль.

Ясная улыбка темнокожего техника, наконец, оповестила, что стороны договорились.

Саат кивнул новым знакомым, спросил:

— Нужна спутниковая связь. Или мобильная станция. У вас есть?..

— Да, во второй машине, а что, местная неисправна?

— Обе успели уничтожить бандиты. Ту, что в администрации уничтожили безнадежно, а ту, что на заводе... ну, ее можно восстановить, только нужны детали. Много.

— Понятно. Пойдем...

Связь не ладилась. Видимо, вопреки ожиданиям, «глушилка» влияла на все диапазоны частот. Водитель предложил отъехать подальше, к скалам. Саат, делать нечего, согласился.

Через половину часа они вернулись, и все присутствующие получили возможность увидеть воочию, что такое — взбешенный Саат.

Кошачьи движения, прищуренные глаза. Короткие, мягкие фразы. Изысканно-вежливая речь. И сказанные шепотом два энергичных слова, очень точно характеризующие мэра Руты.

Не хотел бы Алекс когда-нибудь стать объектом приложения способностей Саата к нецензурной комбинаторике.

Если в двух словах, то мэра, выслушав все аргументы, обозвал рыжего паникером, лезущим в герои, и разорвал связь.

А водитель, сопровождавший предводителя пустынников, резко его зауважал.

Саат попросил:

— Вы можете задержаться на час? У нас есть раненые, их бы в город доставить. Ну и... есть шанс услышать достоверные новости. Как?

— Вообще, мы уже три дня без графика работаем. В городе чёрт те что творится. Народ на площадь вышел. Так что, проблемы не вижу.

— Тогда идемте...

Совещание подходило к концу, но определиться с точным планом пока не получалось. Саата беспокоил Хейн с неплановым телепортатором, и еще — ощущение, что пока он сам не заявится в Руту и на каждом углу не начнет размахивать личной карточкой, слушать его не будут.

Наконец, он решил:

— Выходит, мне придется ехать в город. Старшим останется Алекс. Задача — выиграть время. И... без лишнего геройства. И найдите чертову «глушилку». Насколько было бы проще, если бы удалось ее обезвредить! Вот так.

Водитель, возивший Саата, прокашлялся:

— Значит, вы сейчас с нами?

— Нет. Сейчас с вами раненые и выжившие жители поселка. Я... хотел просить вас об еще одном неплановом рейсе. Желательно, сегодня до заката. Иначе придется воспользоваться наугом. А это дольше. И... в общем, неудобно во всех смыслах.

Джет спал чутко, просыпался на любой шорох. И снилось что-то не то чтобы страшное, но душасщее и тревожное. Проснувшись, он не мог вспомнить, что именно.

Когда окончательно пришел в себя, солнце еще не село, свет ложился на гладкий пол косым овалом медового цвета. Было не жарко, над головой — скругленный потолок из мягко светящихся осветительных панелей.

Я в поселке, вспомнил Джет. Правда, это единственная информация, которая была достоверной: все остальное тесно переплелось с его снами, и тем бредом, что сопровождал его последние часы в пустыне.

Джет огляделся, увидел на тумбочке у кровати флягу, она оказалась почти полной. Вода слегка отдавала металлом, но он сейчас согласился бы и на грязную лужу. За стеной что-то зашуршало, и в дверном проеме появился Бродяга. Андроид выглядел неважно: его «кожа» на лице и руках выгорела до неприятной белизны, даже «волосы» стали светлее. А может, это кажется.

Бродяга сказал:

— Я тебе обед приготовил, если хочешь.

Кожу словно облили клеем и дали высохнуть. Болело все тело, как после интенсивной тренировки, а голова была тяжелой и гулко-пустой. Джет скинул на пол ноги, не давая себе поблажки — хотелось лежать и лежать.

На удивление, встал он легко, и если бы сразу не закружилась голова, чувствовал бы себя сносно. Но голова закружилась до пятен перед глазами, до тошноты. Что же, делать нечего. Зажмурился, и все-таки прошел в кухню. На ощупь. Хотя есть ему совершенно не хотелось.

Приоткрыл глаза, упал в кресло у стола. Кресло мягко спружинило.

Здесь было светло, матовые фильтры распределяли свет из окон по всему помещению, делали его серебристым.

Взгляд остановился на Бродяге. Да... оказывается, и такое бывает. Сказал:

— Бродяга, а ты поседел.

Тот лишь нейтрально пожал плечами и подвинул Джету тарелку — ешь!

— Как там Дана?

— Она спит. В соседнем коттедже. За ней присматривает Саат.

Смутно припомнилась фигура, завернутая в желтый плащ пустытника. Андроид его, кажется, узнал...

— Ты ему доверяешь?

Бродяга улыбнулся уголками губ:

— Как себе.

Желеобразная масса в тарелке не вызывала никаких ассоциаций с едой. Джет вяло поковырял ее ложкой. И снова перевел взгляд на собеседника. Бродяга переоделся. На нем теперь был песчаного цвета рабочий костюм.

Разговаривать не хотелось еще и потому, что обгоревшие на солнце губы от любого движения покрывались болезненными трещинками. Но и молчать было не о чем. Джет

решил ограничиваться простыми фразами и при разговоре вовсе не шевелить губами.

— Какие еще новости? Что вообще здесь случилось? — спросил он.

— Утром на поселок напали бандиты. Как я понял, отряд Саата собирался этому помешать, но не успел. Бандитов они уничтожили, а вот местным помочь не успели. Сейчас готовят раненых к отправке в город. На заводских карах. Саат настаивал, чтобы вас с Даной тоже перевести, но места было мало. Так что мы отправимся вместе с ним, следующим рейсом. «Глушилку» пока не нашли. Этой ночью, скорее всего, Эннет выступит со своими людьми на Руту. Если они двинутся пешком, то, по нашим подсчетам, будут идти две ночи. Но если у них есть транспорт, то их следует ждать самое позднее к середине этой ночи. У Саата сто пятнадцать человек. Сейчас часть из них минируют южную дорогу, часть готовит на плоскогорье сигнальные ловушки. Если не ошибаюсь, выход из каньона уже заминирован. Ну, тут в поселке тоже идут работы...

— Значит, Саат едет с нами... почему? Я так понял, он тут командует?

— Он может, в обход здешнего начальства, попросить помощи напрямую у военных. Не у таможни, и не у пограничников, а у части, охраняющей межевой узел. Но для этого нужен выделенный канал связи. А передатчик в космопорте. Командовать здесь останется Алекс. Он, кстати, о чем-то хотел с тобой поговорить.

— Бродяга, а кто они? Что вообще происходит?

— Они?

— Те, кто здесь. Армия? Ополченцы? Кто?

— У меня нет точного ответа на этот вопрос. А происходит вот что. Судя по всему, на Руту готовится массированная высадка гведианского десанта. То, что уши растут оттуда, мы и сами определили, помнишь? Оставалось понять, почему за все это время ни пограничные патрули, ни орбитальные контрольные станции ни разу не зафиксировали корабли ФСМ, ведущие стратегическую разведку в системе. Как обычно происходит захват планеты? Сначала забрасывается боевой флот и чистит орбиту от кораблей противника. Потом появляется транспорт с десантом, наводятся телепортационные каналы, и начинается высадка. Если это необходимо. Насколько мне известно, чаще всего интервенты ограничиваются захватом межпространственных станций и орбитальных военных баз. А уж планетами занимаются, когда получают полный контроль над системой. Но у Руты есть одна особенность: здешний космопорт тоже оборудован системой СТП-мега.

Джет нахмурился. Он помнил, в чем специфика «ступы». Радиус ее действия почти неограничен, это значит, что высадку можно инициировать и не вводя боевые корабли в систему. Но что это им дает?

— Это позволяет выиграть тактически один ход. Но что дальше?

— Первое, что приходит в голову, — объяснил Бродяга, — захват космопорта. В том числе и той секции, что принадлежит военным. Там ведь всегда стоит несколько кораблей. Захват узла дальней связи. Потом захват орбитальных баз.

— Черт!

Дальше он и сам смог догадаться. На соседней планетке расквартирована военная часть. А на орбите этой планетки большая сервисная станция, принадлежащая пограничникам. Там есть и корабли, и выход на навигационную сеть всей зоны Визиря. Джет коснулся растрескавшейся нижней губы. Почувствовал пальцами влажную сукровицу, и снова, хоть и не так экспрессивно повторил:

— Черт.

— По мнению Алекса, бандиты должны учинить в городе хаос, отвлечь полицию. Одновременно с этим — захватить порт и перенастроить «ступу» так, чтобы она приняла гведианский десант.

— А Хейн?

— Эннет не знал, что есть вторая установка. Хейн человек не глупый, и наверняка понял, что гведи их в покое не оставят. Он решил использовать СТП-мега в своих целях. В каких — можно только предполагать, но явно не для того, чтобы впустить на Руту армию Федерации Свободных Миров.

— Возможно, Дана что-то знает.

— Может быть.

— Слушай, Бродяга! Здесь есть где-нибудь зеркало?

Андроид печально посмотрел на обгоревшую физиономию господина Даги и кивнул:

— Есть. В прихожей. Ты как, в состоянии с людьми разговаривать? Если да, то я позову Алекса. Я ему обещал.

Бродяга помог Джету подняться, но дальше он дошел сам. И вполне уверенно — голова уже почти не кружилась.

Только посмотрев на себя в зеркало, Джет вдруг со всей отчетливостью понял: а ведь у нас получилось! Мы нашли Дану. И мы вырвались оттуда, мы прошли через пустыню.

Марта, это было трудно, но мы дошли.

Надо же, это в зеркале — я. Таким грязным, замученным и обгоревшим я не бывал чертову тучу лет. Как я оказался на этой планете? Что я здесь сделал такое, что сегодня вдруг проснулся в рабочем поселке, в полусотне миль от города? И почему кажется, что три с лишним года жизни были мутным, не страшным, но душным и липким сном?

Нет ответа.

Но я чертовски устал и, кажется, не выспался.

Я три дня не вспоминал про рабочие отчеты и господина Биггера.

Среди моих приятелей оказались андроид, клоунесса, трое пустынников и не то бандит, не то шпион.

И я уже три дня не хочу обратно, в мир остановившегося времени.

Выходит, трудолюбивый ты человек, Джет Дага. Соскучился по своей работе, и уже почти счастлив!

Поздравив мысленно с этим отражение, Джет отправился изучать свое временное жильё.

Приоткрыл дверь в санузел, кивнул. Сейчас он не в состоянии воспользоваться душем, но чуть позже обязательно это сделает. Осталась одна дверь, за которую он еще не заглядывал. Только собрался открыть, как кто-то постучал с улицы.

— Войдите! — крикнул он, забыв в очередной раз про обожженные губы. Чуть тут же не зашипел от боли, и толкнул оставшуюся дверь.

Это был маленький кабинет: стол, стеллаж и два кресла. На столе мягко мерцал ночник, стеллаж забит книгами. Джет понял, что в этом коттедже жили. Наверное, хозяин его погиб сегодня утром.

— Здравствуйте! — раздалось за спиной. — Не помешал?

— Нет.

Джет обернулся.

У входа стоял высокий и широкоплечий человек, закутанный в желтый пустынный

плащ.

— Проходите сюда.

Человек кивнул и снял плащ. Лицо его Джету понравилось. Правильные черты, нос с легкой горбинкой, ухоженная борода. Нет, скорей бородка. Глаза темно-серые. Сейчас они очень серьезны, но многочисленные светлые линии вокруг них свидетельствуют, что гость часто и с удовольствием улыбается.

— Вы Алекс? — спросил Джет, опускаясь в одно из кресел.

Тот кивнул, но остался стоять на пороге. Зачем-то пояснил:

— Алекс Донаван.

Гость явно ждал от Джета какой-то реакции на это представление. Но тот слегка качнул головой. Ни имени, ни его обладателя он раньше не встречал. Кажется, это гостя ничуть не обрадовало. Он вздохнул, прислонился к косяку. Провел ладонью по лицу. Медленно, с расстановкой сказал:

— Три года назад... это я охранял вашу жену.

Повисла пауза. Долгая-долгая. Бесконечная. Алекс ждал какого-нибудь ответа, реакции. А Джет... он не мог ничего сказать. Кажется, три года он надеялся однажды встретить того, кто позволил Марте умереть. Еще неделю назад он учинил бы какую-нибудь глупость вроде выяснения, кто прав, на ножах или пистолетах в темном переулке за пустырем. Марту это не вернуло бы, зато облегчило Джету жизнь. Или не облегчило... но это было бы правильно.

А сейчас я не смог бы ничего подобного учудить просто физически.

Алекс словно мысли прочитал:

— Возможно, это наша единственная встреча. Сегодня вы отправитесь в город, я останусь. А дальше кто знает, чем все кончится. Я подумал, было бы нечестно промолчать.

«И что мне теперь делать с твоей честностью? — подумал Джет. — Но, может, хоть что-то прояснится».

— Как...

— Тур уже заканчивался. Последним пунктом была Флора. Нас не принял основной швартовочный узел, там как раз случилась большая авария, даже кто-то погиб. Ну, и высадку задержали на сутки. Сейчас я думаю, что именно благодаря этой задержке информация дошла... до заинтересованных лиц. Вот... как она отделилась от группы, я не видел. И меня не допустили к следствию... потом.

Джет неожиданно признался:

— Меня тоже.

Они замолчали. Тишина стала тяжелой, непрозрачной... нет, это стало темней — солнце ушло за скалу-коготь.

— Вот. — Неожиданно сказал Алекс и достал из кармана серебристый тюбик без наклейки. — Это мазь от солнечных ожогов. Хорошая.

Не дождавшись реакции Джета, положил тюбик на край стола.

Помялся у выхода. Подобрал плащ, накинул на плечи. Все это — под давлением неприятной, тонко натянутой тишины.

Джет вспомнил сон, который увидел во время бури. Как будто пророческий сон, в котором Марта просила его выслушать кого-то, с кем-то поговорить. Поговорил, называется.

Алекс вышел, не обернувшись. Джет взял тюбик с мазью с невнятным намерением швырнуть в уже захлопнутую дверь.

Но то ли благоразумие пересилило, то ли четкое понимание того, что потом все равно

придется пойти и поднять...

Он повертел тюбик в руке и поставил на стол перед собой. Ну, и что дальше?

Кажется, она уже просыпалась в этой комнате, раз или два. Уютный желтоватый свет льется из дверного проема. Там, за столом работает Бродяга. Такая привычная, уютная сценка...

Стоит повернуть голову, и увидишь псевдоиллюминатор с точками холодных звезд. Заворочается, придвигаясь ближе к нарисованному небу пилион, и окажется, что Руга тебе только приснилась. Не было этой раскаленной, недоброй планеты. Не было плена, не было самоубийственного броска через пустыню. Вообще еще ничего не было. Все только начинается...

Она позвала:

— Бродяга!

Кто-то на секунду загородил источник света, и в дверях показался совершенно незнакомый человек. Улыбнулся. Спросил:

— Проснулись? Как самочувствие?

Дана беспокойно оглядела комнату новым, «проснувшимся» взглядом. Никогда еще она здесь не бывала. Но она в постели... и никто пока не пытается ее убить.

Она все-таки поинтересовалась:

— Где я? И где Бродяга?

— Вы в поселке Слепака. Бродяга отправился проведать господина Дагу. Он скоро придет.

— А вы... вы кто?

— Меня зовут Саат-саа.

Дана нахмурилась под пристальным взглядом незнакомца. Ей не нравилось, когда так смотрят. Словно пытаются про тебя что-то понять. А напрямик спросить не считают нужным.

Была бы хоть малейшая возможность, она бы сейчас же отсюда убежала. Пошла бы искать Бродягу. Но она достаточно пришла в себя, чтобы заподозрить, что под простыней на ней надето очень мало одежды. Если вообще что-нибудь надето. Это нервировало.

Но что бы там ни было, а есть вещь, о которой дана помнила даже в бреду:

— Скажите... кто здесь главный? Мне очень надо с ним поговорить...

Саат вошел в комнату, присел в изножье кровати. Сказал мягко:

— Я вас слушаю.

Рассказать ему? Неужели нет никого поважнее... Что-то этот Саат-саа не похож на управляющего поселка. Или как называется здесь должность руководителя?

Все равно, есть ощущение, что мы когда-то с ним виделись. Очень-очень давно. Так давно, что даже не вспомнить, где и почему...

Вот ради этого ощущения она и сказала:

— Я была в плену у бандитов. Я знаю, чего они хотят. Они не считали нужным скрывать от меня. Наверное, планировали убить.

— Может и так. Но может, это была намеренная дезинформация?

Дана качнула головой:

— Хейн... он разговаривал с кем-то по сети. У них есть «ступа» с полным доступом. «Ступа» это...

— Я знаю. Мне Бродяга рассказал.

— Правда?

Девушка приподнялась на локте, пытаясь углядеть в серых глазах собеседника намек на усмешку. Но увидела только интерес и внимание.

— Хорошо, тогда вы меня поймете. Он хочет захватить корабль в космосе. Выйти на швартовочную станцию, и захватить корабль. Я не знаю, откуда у него могут быть коды доступа на станцию... но он совершенно точно знает, что именно за судно собрался захватить. Потом они уйдут на границу системы и дождутся, пока план гведи не начнет работать. А потом вернутся на Руту. Ну, чтобы забрать то, что останется...

Саат даже пальцами прищелкнул от обиды: ведь нетрудно было догадаться. Стоило только немного посидеть и подумать.

— Дана, вы же видели там Стефана... как вы думаете, он об этих планах знает?

— Стефана? Я не помню... а... человек, который меня охранял... н-нет. Он может и не знать.

— Вы молодец, Дана. Отдыхайте пока. Скоро за нами придет машина. Поедем в Руту.

— В Руту? Вот здорово!

Улыбка изменила ее лицо. Из хмурой большеглазой мышки Дана вдруг стала живым радостным человечком, и тени, притаившиеся вокруг, словно отступили.

Захотелось дотронуться до золотистых растрепанных прядок, но Саат не решился. Побоялся спугнуть мгновение.

А потом в комнату вошел Бродяга и радость на лице Даны стала совершенно безграничной. Она даже села в кровати. Тут же, правда, пискнула и завернулась в простыню.

— Привет, — сказал андроид, — как спалось?

— Я... не знаю... а где моя одежда? Бродяга, а мы действительно возвращаемся? И где Джет?

Дана подвинулась на постели и поджала под себя ноги.

— Бродяга, садись! Я до сих пор не верю, что ты нас вытащил. Я боялась...

Стоило андроиду сесть рядом, как Дана тут же приткнулась к его плечу, позволяя себя обнять. Саат поднялся. Сцена была не для третьих лиц. И вдруг наткнулся на взгляд девушки, который заставил его замереть, и попытаться понять, а что в нем такого?

Да ничего. Ничего кроме ужаса от того, что едва не случилось с ними.

Девушка сказала:

— Саат... тот корабль, который собирается захватить Хейн. Там же будут люди. А они всех убьют. Они обязательно всех убьют. Я понимаю, у вас много других дел, вам не до этого... но неужели ничего нельзя сделать?

Он вернулся. Всего и надо было, что сделать два шага назад. Совсем рядом оказалось чуть запрокинутое лицо девушки.

А ведь она даже не знает, кто мы, и что случилось здесь, в поселке. И что случится, если мы не задержим бандитов...

— Вы слышали, как называется то место, где они прячут установку?

— Да. Я сейчас... сейчас вспомню. Они упоминали вторую базу... от Красных камней до нее далеко... несколько десятков километров. Какое же слово... не наше, здешнее. Менхи... Еще слово... Донхо? Тодхо?

— Мхентхи-дотхо, — первым сообразил Бродяга и перевел: — оазис пустого колодца? Есть такое место?

Саат пожал плечами. Выглянул на улицу, кого-то окликнул.

В помещении появился коренастый кхорби в сиренево-красном полосатом плаще.

— Скажи, Хаэт, тебе знакомо такое место — оазис Сухой колодец?

Тот откинул капюшон и оказался совсем молодым парнем. Черные глаза-щелочки казались хитро прищуренными, хотя это наверняка было не так. Он потер пятерней затылок и сказал:

— Слышал такое. Там, в песках. Но это давно не оазис — там нет воды. Раньше жил Народ мхентхи, сейчас остались стены. Они куах-хеи, низкие, сыплются. Сам я не видел, брат говорил.

— А брат не говорил, где это?

— Как же? Говорил. Это опасное место, и всем, кто идет в пустыню, о нем надо знать. Я смогу указать, знаю приметы.

Долго туда идти?

— Пешком? Отсюда? Ночь и еще пол ночи. Я могу идти? Меня ждут.

— Благодарю, Хаэт. Конечно, иди.

Когда дверь за ним закрылась, Саат внимательно посмотрел Дана в глаза и сказал:

— Науг идет быстрее пешехода. Мы все равно можем не успеть. Но мы попробуем успеть... К тому же, у него в банде все еще есть наш человек.

Саату пришло в голову, что Хейна, похоже, можно сбрасывать со счетов. В худшем случае он просто покинет планету. Но, конечно, надо отправить к тому оазису пару-тройку человек. Это реальный шанс и остановить бандитов и, чем черт не шутит, заполучить в свое распоряжение СТП-мега.

Дана отлепилась от андроида и решительно сказала:

— Я уже наотдыхалась. Саат, Если в поселке есть какое-нибудь дело мне по силам... не хочу быть обузой. И все-таки, где моя одежда?

Бродяга протянул девушке синий рабочий комбинезон. Не Данин, кого-то из местных.

— Дел-то много... вот только не знаю. Это все какие-то не женские дела.

Дана болезненно улыбнулась. Кивнула.

Что же, просто не мешать она тоже умеет. Это очень просто — не мешать.

Рыжий потер глаза, и неуверенно сказал:

— Вот, разве что... Бродяга сказал, что вы учились на роботехника?

— На психолога-программиста, это немного разные вещи. А что нужно делать?

— Бандиты вывели из строя поселковые средства связи. Коммуникатор, что установлен в администрации, безнадежен. А вот с обломками заводской станции можно поработать. Это надо сделать обязательно, но из наших задача мало кому по зубам. А кому по зубам, тот сейчас занят вещами более насущными. Попробуйте?

Дана резко кивнула.

— Вот и отлично. Я вас провожу.

Саат поднялся. Бродяга незаметно показал ему большой палец, и вышел из коттеджа.

Патрульный кар затормозил у площади. Там собралась толпа, так что проехать невозможно. Вик высунул из окна русую голову, и попытался криком добиться, чтобы его пропустили. Но его даже не услышали.

Сидящая рядом Мелисса раздраженно врубила сирену.

Это произвело впечатление на собравшихся. Они подались в стороны, освобождая

кусочек пространства впереди.

Так, со скоростью пешехода машина достигла середины площади. А потом толпа вновь загородила проезд. Сирена завывала, за затененными окнами мелькали смутные фигуры. Вик снова высунулся и заорал:

— Эй, в чем дело? Освободите проезд!

— А ты, парень, скажи, что происходит, — раздалось из-за спин напирающих людей.

— Ничего особенного не происходит. Все под контролем у полиции. Разойдитесь и дайте проехать!

— Да уж под контролем! — это уже другой голос. — Знаем мы! Сколько можно! Мы требуем, чтобы полиция остановила хулиганов!

— У соседа машину сожгли. Полиция уже выяснила, кто?

— Ночью сарай горели...

— Да в полиции знай, твердят, что все в порядке, а сами тоже ничего не понимают...

Мелисса выключила сирену, поправила на груди значок сотрудника Интерпола и открыла дверцу со своей стороны.

Вышла. Сказала:

— Я буду говорить тихо. Кто хочет услышать, тот услышит.

Вокруг нее образовался пяточок тишины, заинтригованные усталые люди решили послушать, что им будут врать на этот раз.

— Меня зовут Мелисса Робсон. Я представляю в Руте Интерпол, и готова ответить на ваши вопросы. Да, есть сведения о том, что в пустыне подверглись нападению и были частично уничтожены несколько караванов кхорби. Мы знаем как минимум о двух бандах, орудующих в окрестностях города. Но, я подчеркиваю, пока нет данных, что хоть одна из них имеет своей целью нападение на Руту. Более того, бандитов не так много. Полиция с ними справится. Но полиции необходима помощь простых граждан. В первую очередь, конечно, не нужно создавать нам дополнительных проблем. Предлагаю сейчас всем разойтись по домам. Вся информация, которая будет поступать в управление, обязательно станет достоянием гласности, вы сможете найти ее в выпусках сетевых новостей и в иных средствах массовой информации. Есть вопросы?

— В случае необходимости будут ли призваны на помощь военные?

— Разумеется. В случае необходимости.

— Прошел слух, что сюда двигается флот гведи...

Мелисса улыбнулась:

— И кто же этот флот видел? Наша пограничная служба выходит на связь каждые полчаса. Здешних, рутанских. Они никакого флота пока не видели.

— А если...

— В случае прорыва вооруженных сил ФСМ к межевому узлу, их тут же встретят наши военные. Поверьте, планетная система Руты не беззащитна. Никто не допустит повторения ошибки пятнадцатилетней давности и не даст гведианским кораблям добраться до мирных колоний. Убедительно прошу вас дать нам проехать. Через несколько минут начнется важное совещание, связанное с безопасностью города. Нам бы не хотелось на него опо...

Взрывы прогремели сразу с двух сторон. С северо-западной окраины, и с восточной.

«Восточный» взрыв случился совсем близко, грохот на миг перекрыл все прочие шумы на площади.

— Вик! Дьявол! Давай к месту происшествия! Расходитесь, расходитесь! Вдруг там

помощь нужна?! Ну же...

На удивление, толпа послушалась: их машину выпустили. Но расходиться никто даже не думал.

Из-за трехэтажного корпуса строительной компании толком не было видно, что случилось, Вик разогнал кар до предельно допустимых в городе скоростей, люди шарахались с дороги, орала сирена.

Когда они добрались до места происшествия, там уже столпились зеваки, а хмурые полицейские из дежурного экипажа огораживали светящейся лентой стоянку для частных каров. Но и так было видно, что большая часть машин искорежена а в центре площадки образовалась неглубокая воронка.

Мелисса подбежала к полицейским.

— Что здесь случилось? Кто-нибудь видел? Пострадавшие есть?

— Двое погибли на месте, они как раз садились в машину. А вон там — пострадавший, он же очевидец. Остальные собрались позже...

Тут же завибрировал браслет — кто-то хочет пообщаться. Мелисса вышла в сеть.

— Здравствуйте, инспектор! Я как раз направлялась к вам... нет, я сейчас на месте событий. Взрыв на стоянке... не думаю, что это обычное хулиганство. Да-да, сейчас. Мы уже едем.

Отключившись, она позвала Вика:

— Инспектор сказал, что на совещании будет мэр. Поехали, от нас ждут доклада.

Мэр пригладил жидкие волосы и нетерпеливо побарабанил пальцами по краю стола. Его выразительный взгляд остановился на инспекторе Гусе. Боб чувствовал себя неуверенно в присутствии прямого начальства, и как-то не помогало даже осознание того, что его жена училась в одном классе с супругой мэра, и они до сих пор поддерживали тесную дружбу.

Пауль Лерой, возглавлявший полицейское управление Руты уже лет десять, единственный позволил себе с удобством разместиться в мягком кресле. На его лице не отражалось никакого волнения. Точно он с подобными ситуациями сталкивается из года в год, и они ему уже порядком надоели.

Министр здравоохранения, высокий сутулый человек самого усталого вида, нервно спросил:

— Может, начнем? Сколько можно ждать?

Мэр тоже вслух выразил свое недовольствие:

— Ну, мистер Гус, где же госпожа Робсон? Вы обещали, что она на подходе, четверть часа назад.

— Я только что с ней разговаривал. Она на месте очередного... происшествия. Инцидента. Сейчас приедет. А без представителя Интерпола мы все равно не сможем договориться... у нее самая свежая информация.

— Хотите сказать, сводки по городу готовит не полиция?

— Хочу сказать, что информация имеет свойство со временем... терять актуальность. Давайтеждемся!..

В дверь постучали. Мелисса влетела, в пропыленной куртке, слегка запыхавшаяся от бега по лестнице.

В красивом кабинете для совещаний центрального офиса полиции Руты теперь все были в сборе.

— Ну, что же, — вздохнул мэр, — начнем... Мелисса, вы опоздали. Будет справедливо, если с вас мы и начнем.

— Да, конечно. Что вас интересует в первую очередь? Обстановка в городе напряженная. Люди вышли на площадь, они хотят знать правду, и я их понимаю. Да, понимаю! Но в отличие от них, я не имею права выказывать свое недовольство, разве что самой себе. На данный момент на улицах города сожжено около двадцати каров, на северной окраине сгорели сараи. Только что на стоянке возле корпусов строительной корпорации была взорвана машина, два человека погибли. Был еще взрыв, информацию по нему мы получим с минуты на минуту. По уточненным данным полиции, пропавшими без вести за последние три дня числятся семнадцать человек. И у нас три убийства за тот же период, считая Эндрю Нилсона и не считая жертв сегодняшних взрывов. По работе порта... сейчас выход на орбиту пришлось ограничить. Ресурса станции не хватает, чтобы помочь покинуть систему всем желающим. На данный момент все частные корабли, зашвартованные на нашей орбитальной станции, уже отправились к границам системы. В том числе, кстати, яхта Роучера Келли. У меня все.

— Вопросы? — предложил мэр.

Но собравшиеся молчали.

— В таком случае, ваша очередь, господин министр. Очень бы хотелось услышать, что вы готовы к любому повороту событий.

— Не могу вас порадовать, господа. Число обратившихся в медицинские учреждения неуклонно растет. Растет не с каждым днем, с каждым часом. Еще хорошо, что половина обращений вызвана нервными расстройствами. Но пройдет немного времени, и наши стационары не будут справляться. Меньше часа назад во вторую больницу были доставлены люди из пустыни. Двенадцать человек, некоторые в очень тяжелом состоянии. И в связи с этим... у меня для вас еще одна неприятная новость. Эти люди сообщили, что бандитами был полностью уничтожен поселок, принадлежащий компании «Элит». Больше он известен, как поселок Слепака. Один из них передал письмо, адресованное мэру Руты... Вот, пожалуйста.

Министру не нравилось решение колониальных властей отправить его сюда, чтобы отслеживать ситуацию на месте. Он за последние сутки перелопатил кучу информации, вникая во все тонкости жизни отделов своего ведомства, расположенных вдали от столичного Бэста. Министру казалось, что таким образом кто-то просто решил от него избавиться. Но он привык делать свою работу хорошо и до конца.

Мэр брезгливо взял запечатанный конверт, на котором не было ни подписи, ни адреса.

Инспектор Гус протянул руку:

— Это следует отдать экспертам. Вдруг там дрянь какая-нибудь...

Мэр отшвырнул конверт, как песчаную змею маххо, ту самую, яд которой смертелен исключительно за счет быстрого действия. Антидот существует, да, но им еще ни разу никто не успел воспользоваться.

Инспектор спрятал конверт во внешний карман форменной жилетки.

— У вас есть, что еще сказать, господин министр? — спросил мэр, и голос его чуть дрогнул.

— Разумеется. Из Бэста скоро придут машины с оборудованием и медикаментами для больниц. Здесь у вас очень многие приборы сильно устарели. Нужно, чтобы наши машины не задержали на въезде.

Лерой поднял руку:

— Если у них все в порядке с документами и с грузом, то проблем не будет.

— Разумеется. И машины идут с полицейским сопровождением.

— Хорошо. — Мэр немного успокоился, в голосе даже прорезались властные нотки. —

Теперь я хочу знать, что предпринято в плане обеспечения безопасности граждан.

Полицейские переглянулись, и слово взял глава службы:

— В первую очередь, усилены посты на всех въездах в город. Далее...

Дана осторожно встала на забинтованную ногу. Все было не так плохо, как она боялась. Стоять можно, значит, и идти получится. Комбинезон оказался сильно велик. Пришлось засучить рукава, подогнуть брючины, и еще подвязать одежду в талии. В прихожей посмотрела на себя в зеркало и решила: нет, этот костюмчик я сохраню, во что бы то ни стало. Почти готовая сценическая одежда...

Влажные после душа волосы торчали как у дикобраза, нос облупился, на скуле поджившая ссадина. Минимум грима, и образ готов!

В зеркальной глубине поймала взгляд Саата, и неожиданно для себя подмигнула ему.

— Я готова. Идем?

Солнце уже падало к горизонту, окрашивая мир во все оттенки рыжего. На пустой улице они оказались одни. Не мудрено. Народу в поселке осталось совсем мало. Рэтх увел группу искать Хейна, Алекс собрал в здании администрации поселка военный совет. Кто-то отправился кормить наугов — животным пришлось по вкусу брикеты хлебцев производства здешнего завода.

Были и еще дела. Например, убрать из домов трупы. На рытье могил не было времени, и погибших спрятали в подземном складе-рефрижераторе. Но об этом Дана было знать не обязательно, и Саат промолчал.

Дана часто останавливалась. Стояла, несколько секунд, как цапля, поджав больную ногу, потом дальше шла, как ни в чем не бывало.

Когда она остановилась в очередной раз, Саат спросил:

— Скажите, Дана... вам действительно хватает для общения одного Бродяги?

Она резко обернулась и взглянула собеседнику в глаза. Выразительный у нее взгляд, сразу понятно, о чем думает. словно тебе дано читать мысли. Сейчас — серьезный, даже строгий.

— Рано, Саат. Не спрашивайте пока, ладно? Я потом отвечу. Если вы не забудете вопрос. Хорошо?

— Извините. Я не хотел вас задеть...

Она смягчилась:

— У меня раньше... об этом часто спрашивали. Только в более грубой форме. Не обижайтесь. Пойдем дальше?

Они дошли до центральной площади. Неловкое молчание прервала Дана.

— Наверное, я действительно в последние годы мало общалась с людьми в неофициальной обстановке. Это и есть завод?

— Да. Стойте.

Саат только сейчас вспомнил, в каком состоянии проходная и вестибюль. Тела оттуда должны были уже убрать, но вряд ли кто удосужился смыть кровь со стен и потолка.

— Что там?

— Черт! Извините, Дана. Это я дурака сваял. Как вы относитесь к виду крови?

— Без восторга. Там кого-то убили? Ничего, в обморок не упаду. Идемте!

Все оказалось именно так, как Саат и предполагал. И даже немножко хуже, потому что одних мертвецов оттуда убрали, зато других принесли. Интересно, кто придумал вносить их через главный вход? А, это те трое, дежурная смена. Их, видимо, подняли из операторской, но еще не унесли. Хорошо хоть, не так оставили, закрыли лица тканью.

Дана лишь скользнула взглядом по телам, сложенным у стены. Замедлила шаги у стойки.

Сказала бесцветным голосом:

— Они не ждали нападения, верно?

— Не ждали. И мы не успели их предупредить. Из-за «глушилки». Знать бы хоть, как она выглядит... никогда ни с чем подобным не сталкивался.

— Она маленькая такая. В кулак убирается. Если это то же самое, что было у Хейна. Прямоугольная такая штучка. И... если я правильно разглядела, не самодельная.

Дана отвела взгляд от брызг на потолке. Нахмурила брови.

Она при первом знакомстве показалась Саату существом инфантильным и нервным. Как те девушки, цветочки светского общества, которых принято носить на руках, расстилать перед ними ковровые дорожки и сдувать с них пылинки. Он и сейчас еще не определился, из таких она, или из других. Безусловно, увиденное девушку расстроило. Но и в ужас не повергло, чего он, честно говоря, опасался. Ну, и чего стоим? Надо побыстрее проводить ее, да поторопиться к Алексу на совет.

Дана вдруг замерла у лифта, и подняла на спутника до крайности удивленный взгляд:

— Саат, если я ничего не путаю... вон она, ваша «глушилка»!

На полу, в углу у лифта действительно валялось что-то маленькое и серое.

Пустынник стремительно наклонился и поднял прибор. Он оказался таким, как говорила Дана — вытянутый прямоугольник сглаженных очертаний, с одной единственной кнопкой на боку...

— Дана, вы чудо!

Снова возникло желание обнять девчонку, и снова он не решился проявлять эмоции. Не хватало еще, чтобы она опять срезала искренний порыв холодной отповедью, смысл которой заключается в коротенькой фразе «Не лезь!».

И так едва удалось сгладить размолвку...

— Оно? — Любопытная Дана даже подошла поближе.

Саат нажал на кнопку и кивнул: оно. Еще бы не «оно». Браслет-сигналка чуть не загудел, вибрацией оповещая о том, что есть неприятые сетевые вызовы.

Валентин сумрачно разглядывал пейзаж за окном. Из коттеджа, в котором его заперли, была отлично видна скала — коготь. Дранный флаг заката вяло мотался на ней, как на древке. На душе было скверно. Скверно ощущать себя предателем и трусом.

Потому что ты, Велли Риммер, именно это и есть, предатель и трус. Кто не смог выстрелить там, на заводе? Над кем смеялся Шнур? Кто не смог промолчать, и все, что знал, выложил, а ведь тебя даже не пытали. К стулу не привязывали и ногтей не драли. С тобой просто поговорили. Мягко, учтиво, вежливо. Заинтересованно.

А ты и рад болтать! И что теперь делать? Остаться?

Завтра-послезавтра придет Эннет. Наивно думать, что он тебя спасет и оставит в живых. Ни в коем случае!

Велли достаточно уже успел увидеть в лагере подле Полой горы, чтобы продолжать тешиться радужными иллюзиями. Эннет не простит ни предательства, ни плена. Если только...

Если не сбежать и не предупредить его о засаде. А уж какую следует историю он сможет сочинить по дороге. Остался суший пустыак: придумать, как отсюда скрыться. Причем, желательно не наделать лишнего шума.

Или все-таки остаться? Вдруг пустынникам все же удастся справиться с Эннетом?

От одной этой мысли Велли похолодел. С Эннетом, у которого новое, с иголки, оружие, плазменки, мерги и автоматы Рича?

Кем нужно быть, чтобы справиться с такой силой?

А кстати, кто они? На военных не похожи. На кхорби... Кхорби среди них есть, да, но никак не больше половины. Ополченцы? Откуда? За столь короткий срок невозможно подготовить боевой отряд. Притом, подготовить в пустыне.

В пустыне? А почему ты, Велли, взял, что именно в пустыне?

А вот почему, сам себе ответил он.

Мимо его окна неспешно проехала группа всадников верхом на наугах. Четверо из них и вправду были пустынниками, зато на одном был серебристый, фабричный плащ. Но этот последний сидел в седле не хуже остальных, словно после долгих тренировок. А ведь науг на вид — не самый приспособленный для верховой езды зверь. Интересно, куда это они? С бурдюками и переметными сумками... и с оружием...

Он проводил группу взглядом. Затеяли еще каверзу?

Возможно, это важно. А возможно — вовсе нет.

Велли еще какое-то время пялился в окно, пока совсем не стемнело. Ничего интересного он больше не углядел.

Когда край пустыни слился с небом, и стало окончательно невозможно хоть что-то увидеть, Велли отправился по второму кругу изучать свою тюрьму. Типовой коттедж не оставлял шансов — ни чердака, ни подвала здесь не предусмотрено, входная дверь всего одна, а система вентиляции и кондиционирования никак не сможет стать выходом по конструктивным причинам. Оставалось надеяться, что к нему этой ночью кто-то заглянет. А кстати, не может не заглянуть: пленников полагается изредка кормить. Значит, нужно вооружиться... и запереть дверь изнутри, чтобы гость не пришел внезапно.

С последним возникли трудности. И кто придумал пластиковую складную мебель? Хоть бы кусочек металла. Посуда тоже не приспособлена для выяснения отношений. Вот разве нож... ага. Нож... но ножом ведь можно и насмерть зарезать... потому что напугать ножом можно обывателя, а не бойца, который сегодня утром сражался, и, что важно, победил.

Значит, просто оглушить, как Велли хотел с самого начала, не получится. И надо готовиться к тому, что человека придется убить...

Он в задумчивости склонился над тремя кухонными ножами, обнаруженными в квартире. Надо же! Никто и не подумал их забрать! Неслыханная удача!

Один, со скругленным кончиком, сразу же вернул в стол. Два других взял. Взвесил. А что, он когда-то довольно ловко умел кидать ножики в цель. И в дартс всегда выигрывал у братьев...

Вот уж кто в такие переделки никогда не попадал... ну, ничего. Война доберется до Руты, и всем достанется. Уж никак не меньше, чем Велли.

Один ножик, тот, что пошире и подлиннее, Велли сунул за пояс. Второй, поуже, взял в руку.

Теперь осталось только ждать.

Через час ожидания он начал сомневаться, что о нем кто-то вообще помнит. Через два часа искушение лечь поспать начало робко спорить с планами побега. Через три часа он уже всерьез обдумывал этот вариант. Причем, обдумывал с облегчением: необходимость совершить убийство все-таки его тяготила, хоть сам себе он в этом и не признавался.

К сожалению, на исходе третьего часа ожидания замок пискнул, сообщая о том, что выход свободен. Велли торопливо подбежал к двери и встал сбоку от нее, держа наготове нож. В дверь стукнули костяшками пальцев, кто-то дернул за ручку.

Валентин трясущейся рукой отодвинул задвижку.

Там, снаружи, в дверь решили постучать ногой, она, разумеется, тут же распахнулась.

— Эй, болезный! Жратва пришла!..

Человек совершил непростительную ошибку. Он не увидел Велли в комнате, но все же решил войти в коттедж. А пленник понял: или сейчас, или уже никогда. Потому что потом бежать будет поздно. Или ты и дальше намерен праздновать труса? — спросил он сам у себя.

Ну нет, хватит.

И Велли ударил. Ловко у него получилось, словно всю жизнь тренировался. Посетитель тихо охнул и осел под ноги убийце.

Дальше Велли действовал, словно кто-то шептал ему в ухо.

Закреть дверь. Притушить везде свет. Оставить только в прихожей. Выдернуть из раны нож. Снять с гостя пустынный плащ. Быстро, чтобы не заляпать кровью... хоть в темноте и не видно, а все равно, мало ли...

Черт, крови и вправду много... замыть. Пока снимал плащ, Риммер повернул убитого лицом к свету. Он оказался мальчишкой, с тонким пухом над верхней губой. Младше Велли самое малое лет на пять. Ну, сам виноват. Нужно было думать, прежде чем входить. На этот раз удача спела не ему, а мне...

А значит, нужно распорядиться этой самой удачей с умом.

Плащ великоват. Но большой — это не маленький. Заметно не сильно.

Так. Осмотреться еще раз... что взять с собой кроме ножа? Надо было раньше поискать фляжку, ведь наверняка есть...

Но на это времени и вправду нет. Какую-нибудь емкость найти, чтобы с крышкой...

Пусть будет вот эта бутылка. В ней остатки масла, но мы их сейчас выльем... Что еще? Еды в коттедже нет, а та, что принес э... убиенный охранник... вся пропиталась кровью. Ну, и обойдемся. Если Эннет мне поверит, с едой проблем не будет, только бы добраться.

А если не поверит? Снова стало страшно чуть не до дрожи в коленях. Нет, поверит, почему бы ему не поверить?

Надо придумать такую историю, чтобы поверил.

В этой истории почти все будет правдой.

Все, кроме одной-двух недомолвок.

Ну, готов? Надо еще взять ключ от коттеджа. Вон он, валяется у порога.

Все. Теперь уж точно готов.

И Велли вышел на улицу.

Осмотрелся — пусто, тихо. Прикрыл за собой дверь.

На основную улицу выходить поостерегся. Хотя обругал себя за это ругательно, потому что стоит притвориться одним из этих... пустынников... и сразу можно пройти незаметно половину поселка. Но сделать это духу все равно не хватило, так что двинулся из тени в тень, от забора к забору.

Смог облегченно вздохнуть, только когда добрался до крайнего дома.

Предстояло преодолеть открытое пространство до скальной гряды и спуститься в ущелье. А там только его и видели...

Дана исподтишка подглядывала за Саатом. Увидела и мгновенную радость, когда оказалось, что проблема с «глушилкой» решилась сама собой.

И легкое ощущение вины в голосе, когда он сказал:

— Ну, вот. Теперь проблема со связью не так актуальна. Сеть работает. Пойдемте отсюда.

В поселок прокрались быстрые сумерки.

— Люблю это время в пустыне, — признался Саат.

Небо стало фиолетовым с алыми всполохами перистых облаков. Вершины гор вдали все еще сияли отраженным солнечным светом, а ближние скалы завернулись в тень, как в мантию.

Дана кивнула:

— Красиво.

— Дана... меня ждут. Алекс сейчас разрабатывает план обороны поселка. Я там должен быть. Хотите пойти со мной?

— Я не знаю... а зачем оборонять поселок, если в нем все равно никого не осталось?

— Чтобы задержать бандитов.

Она задумчиво склонила голову. Сказала тихо:

— Еще ничего не кончилось... а здесь так тихо, будто ничего и не начиналось.

— Это кажется. Ну, я пойду... не заблудитесь?

— Нет, я хорошо помню дорогу.

Саат быстрым шагом направился к зданию администрации. Вот уже и площадь пересек. И все-таки, когда и где она могла с ним встречаться раньше?

Здания вокруг площади осветились яркими фонарями, должно быть сработала какая-то автоматика. Удушливый зной тоже словно выключили. А может, она привыкла к Рутанской жаре, и теперь любой просто теплый день в любом из двух десятков виденных ею миров

покажется прохладным. Фонари — словно осветители. Площадь — словно арена. И даже зрители есть: несколько кхорби пристроились на крыльце администрации. Нет, тут не только кхорби, есть и те, у кого плащ блестящий. Лица только у всех усталые. И печальные. День был такой, что не до радости...

Дана огляделась, нет ли под ногами еще чего-нибудь... соответствующего обстановке. Что-нибудь бы блестящее... и круглое...

— Бродяга! — окликнула она андроида. «Глушилка» уже не мешала связи, и робот отозвался мгновенно.

— Привет, Дана. Как у тебя дела?

— Я на площади. Найди мне что-нибудь круглое, штучек пять, но чтобы одинаковое по размеру. И еще ножи захвати. И стул, а то я долго стоять не могу, нога болит. И тащи сюда.

— Ты что задумала?

— Хочу потренироваться.

— Есть перед кем?

— Бродяга!

— Иду, радость моя. В качестве чего-нибудь круглого тарелки подойдут?

— Вообще-то, я какие-нибудь шарики имела в виду. Но и тарелки сгодятся. И поторопись! Будешь ассистировать.

— Хотела шарики, и говори, что шарики. И не морочь голову бедному антропоморфу.

Дана отключилась и стала ждать, выбирая на площади место для тренировки.

Бродяга появился меньше чем через четверть часа. Сгрузил у ног хозяйки целую гору барахла. Поставил складной стул.

Девушка кивнула, вынула из горы имущества стопку разноцветных тарелок. Достаточно тяжелые, отлично. Подбросила на пробу одну, другую, и почувствовала, что все получится. Это то, что надо.

— Бродяга, тащи стул на середину, туда, где посветлее. Мне нужно все видеть...

Жонглировать пятью предметами на ходу с непривычки оказалось трудно, но выполнимо. Дана добрела до стула, села, удерживая в воздухе все тарелки. Сказала:

— Бродяга, вставай напротив, будешь принимать. По первой схеме!

Этот трюк означал, что Бродяга должен сыграть неумеху. Все время терять тарелки, падать, но вовремя запускать их обратно Дана, чтобы ни одна не оставалась лежать на земле. Вообще-то неумеху обычно играла Дана. Но попробуй-ка покатайся по площадке, когда нога почти не слушается?

Потом в дело пошли ножи. Их всего было шесть. Дана начала жонглировать тремя, а Бродяга подкидывал ей их по одному. Девушка ловко ловила и запускала в воздух еще одно сверкающее в свете фонарей лезвие. Когда над головой артистки порхали все шесть ножи, трюкачи сорвали первую порцию аплодисментов. А через какое-то время обнаружилось, что на площади собрались все, кто остался в поселке и не занят срочными делами.

А потом из здания администрации вышли и командиры отряда пустынников. Саат. Высокий бородач, которому желтый плащ пустытника был даже слегка маловат, коренной кхорби, не молодой уже, бритый на лысо. Круглолицый горожанин, ростом чуть выше Саата. Дана увидела, что они никуда с площади не пошли, остались тут же, на ступенях. От этого на душе стало отчего-то совсем легко.

Единственное, что смущало, трюков для такого ограниченного набора инвентаря, у нее

было совсем мало. И усталость уже стала подкрадываться. А вот боли в ноге дана практически не ощущала. Боль стала неважной, второстепенной. Так, легкая помеха. Нужно ее учитывать, когда прыгаешь и крутишь сальто, только и всего...

На исходе часа она раскланялась.

Шоу на поселковой площади имело бешеный успех, и странный эффект: зрители не покинули площадь, а разбрелись по ней группами в несколько человек. Зашуршали разговоры.

Стоило только присесть, и на девушку обрушилась вся та усталость, которую она старательно прогоняла во время представления. Дана едва доковыляла до зарослей за невысокой оградкой. У оградки можно было сесть и отдышаться, не наблюдая вокруг себя коловращение людей. Ну, вот, и по тебе дело нашлось, а, артистка?!

И вдруг услышала:

— Алекс! У нас беда. Этот парень, Риммер... он сбежал.

Дана открыла глаза и увидела, как бородач спрыгнул с крыльца навстречу невысокому кхорби.

— Когда? Как?

— Нуч ему еду понес. А он, видимо, уже ждал его с ножом. Ударил и сбежал...

— А Нуч?

— Не знаю, он крови много потерял. Мы его перевязали, но...

Рядом с ними откуда-то сам собой возник Саат. Сказал:

— Я к коттеджу.

Алекс после секундной паузы согласился:

— Пойдем.

— Минуту.

Саат вышел на площадь и крикнул:

— Не расходитесь! У нас ЧП.

Продолжил уже почти обычным голосом:

— Сбежал один из бандитов, Нуч ранен. Тяжело. По счастливой случайности нам пока удавалось избежать потерь. Хотя все мы знали, что потери будут обязательно. Но я не желаю терять людей из-за их собственной дурости и неосторожности. Шутки давно кончились...

Дана нашарила взглядом андроида. Тот придвинулся ближе, чтобы ей не пришлось повышать голос. Девушка поежилась, словно от холода:

— Так вот он какой, на самом деле... он на Рэма похож.

— Кто это — Рэм?

— Мой дядя. Глава семьи Тэн. Я ведь не просто циркачка. Я из Семьи Тэн. Ты не был у нас, не знаешь... Помимо всего прочего, нашей семье принадлежит одна из самых древних цирковых школ зоны Лойка, она же, кстати, одна из самых закрытых... Рэм был моим наставником. Он тоже никогда не повышал голос, зато любой, кто его слушал... ощущал себя полным ничтожеством.

Сзади послышался тихий голос Алекса:

— Не думаю, что Саат получает удовольствие от этого представления. Но он прав. Такое не должно повториться.

Дана обернулась, но Алекса сзади уже не было. Ушел.

Трудно сказать, когда Джет обнаружил, что сеть снова работает. Было уже темно. Первым делом попытался связаться с городом, и обрадовался, когда попытка увенчалась успехом.

Усталый и больной голос инспектора Гуса прозвучал радостной мелодией:

— Джет! Слава богу! Я боялся больше вас не услышать.

Стараясь не очень шевелить губами, Джет ответил:

— Со мной все в порядке. С Даной и андроидом тоже. Но у меня для вас куча неприятных новостей...

Инспектор выслушал хронику событий молча. Потом заметил:

— Я, конечно, предполагал, что будет плохо, но чтобы настолько...

— Мэр должен был еще днем узнать подробности, Саат разговаривал с ним по сети. Правда, судя по реакции, ничего не добился. И я сам писал записку, отправил ее с ранеными.

— Записка... — смущенно протянул Гус. — Нет, мэр ее не получил. Ваша записка у моих экспертов. Изучается на предмет наличия отравы. А что касается разговора... кто такой это Саат? Мэру круглые сутки надоедают паникеры самого разного толка. Он мог просто не принять всерьез предупреждение.

— Саат — что-то вроде предводителя у пустынников. И он умеет быть очень убедительным.

Гус вздохнул.

— Наш мэр излишне осторожен и не склонен доверять незнакомым людям. И в большинстве случаев я с ним совершенно согласен. Тем более что в городе происходит форменный дурдом.

— А что именно?

— Что... народ бежит. Кто-то в Бэст, кто-то и вовсе с планеты. Келли вот улетел. Вместе со всей семьей. Порт для туристов закрыт. Кхорби просто снимаются семьями и уходят в пустыню. На полицию, как всегда, навешены все собаки.

— А что военные?

— Мэр считает, что мы, раз добившись автономии, должны сами ее поддерживать. Другими словами, против бандитов он звать помощь не намерен. Но если дело касается ФСМ...

— Без вариантов.

— ...то мне нужны, кроме вашего слова, материальные доказательства их участия в нынешних событиях.

— Об этом можно подумать. Часть бандитов мы уничтожили. У них слишком новое, качественное, а главное — одинаковое, пустынное снаряжение. Возможно, там есть марка производителя. Но всем было бы спокойней, если вы сможете убедить городское начальство, что шутки кончились.

— Попробую. Когда вас ждать?

— Надеюсь, что завтра утром. Было бы неплохо, если бы за нами кто-нибудь приехал.

— Буду иметь в виду, но... хорошо. Я сейчас сам попытаюсь связаться с мэром... хотя, час уже поздний, он может и не подключиться... Если не получится, завтра попытаемся сделать это вместе.

— Лучше бы получилось.

Джет вышел из сети. В который раз повертел в руках тубик, принесенный Алексом.

Свинтил крышку. Гордость — гордостью, но здоровье дороже. Мазь приятно холодила

обожженную кожу, и сразу впитывалась.

Через какое-то время неприятный зуд прошел, и стало возможным подумать о других благах цивилизации. Смыть пот, например...

Алекс распорядился усилить посты на холме у спуска в каньон и на основной дороге, и отправился догонять Саата.

У распахнутых дверей коттеджа стояли несколько человек. Алекс подошел, поздоровался. Спросил:

— А где Нуч? Как он?

Ответил один из присутствующих — из-под плаща лица не разглядеть:

— Только что унесли его в медцентр. Там АЭП есть, может, выживет.

Алекс оглядел помещение. Лужа темной крови на полу, от нее в сторону кухни тянется цепочка следов. Бандит натоптал? Или уже кто-то из своих отметился?

Саат словно прочитал его мысли:

— Дальше прихожей никто не заходил.

— Откуда у этого Риммера взялся нож? — снова спросил Алекс. — Мы ж его обыскали.

Саат побледнел и раздельно ответил:

— На кухне взял. В этих коттеджах все кухни оборудованы одинаково. Я хотел бы знать, кто проверял помещение, перед тем как запереть здесь бандита.

— Так нуч и проверял, — раздалось из-за спины.

— Понятно. Что же... похоже, побег произошел не более часа назад.

— Кровь? — задумчиво спросил Саат.

— Да. Здесь сухо и почти жарко. А на следах кровь еще не везде высохла. Ну что? Будем его ловить? Какие варианты?

Саат потрепал губу. Задумчиво ответил:

— Большого вреда бандит причинить не сможет. Он не единственный, кто смог удрать, во время боя некоторые сообразили, что к чему, раньше, и скрылись. Так что будем считать, что Эннет в любом случае о нас предупрежден. Гоняться за парнем ночью по пустыне из чувства мести... у нас будет трудный день, и мне бы не хотелось, чтобы мы тратили часы отдыха на поимку этого... человека. Кстати. Надо усилить охрану оставшихся двоих.

Инспектор Гус после разговора с Джетом, как обещал, попытался вызвать мэра. Но тот не отзывался на настойчивые просьбы о подключении, может, спал, а может, просто отключил сигнальник. Чтобы не мешали.

Во всем здании уже никого не было, кроме дежурного диспетчера. Инспектор сидел один, пытался как-то сопоставить разрозненные факты. Новости, переданные Джетом, волшебным образом проявили всю картину, за исключением некоторых мелочей. В частности, того, с чего все началось. Кто же был тот человек, что выпал из окна гримерки неделю назад? Кажется, целая жизнь прошла. А всего-то пять дней! И сейчас это уже не кажется таким важным.

Инспектор прошелся по комнате из угла в угол. Завтра утром, не позднее, нужно связаться с военной базой, с пограничниками. Еще, надо где-то добыть техников, способных вернуть к жизни городской сигнальный периметр. С прошлой войны им никто не пользовался, но скорей всего он сохранился хотя бы фрагментарно. И надо отправить людей на посты в пустыне, какие еще не разрушены. А главное, надо усилить охрану космопорта.

Да, вот этим как раз нужно заняться в первую очередь. И может быть, даже, прямо сейчас. Пожалуй, да...

Вот только усиливать придется своими людьми, а их не так много, и им тоже изредка надо спать. Может, с утра этим заняться? Нет уж. Чем черт не шутит...

Отдав все необходимые распоряжения, инспектор связался с Мелиссой.

— Не спите? Это хорошо. У нас новая порция проблем.

Мисс Робсон широко зевнула:

— Что-то срочное?

— Угу. Джет Дага нашелся.

— Живой?

— Похоже на то. И андроид с ним, и циркачка. И новости такие, что... в общем, приезжайте. Все расскажу.

— Но с ним все в порядке?

— Завтра придет, увидим. Давайте, я вас жду.

— Уже еду.

— Привет.

— Здравствуйте, Джет. Уже пора, да?

— А что как мрачно?

Облупленная мордашка Даны выражала мрачное покаяние.

— Я виновата. Если бы тогда, в кафе, я не... не сорвалась, ничего бы этого не случилось. И вообще...

— Ну, у вас и самомнение. А гведи тоже вы на Руту позвали?

Они разговаривали на крыльце коттеджа, в котором заночевала Дана. Девушка сидела на ступеньке, а Джет пришел сказать ей, что пора собираться, прибыли машины из города.

Дана встала, отряхнула штаны, накинула на голову капюшон плаща. Кивнула, глядя в сторону:

— Я готова. Идемте.

— Да что такого случилось?

— Ночью парня убили. Этого бы не было, если бы мне не пришло в голову устроить шоу на площади. Все отвлеклись и... и он один понес бандиту еду. Никому не сказал об этом. А теперь он умер.

— Дана, вы прелесть! Это ж надо с такой легкостью взваливать на себя вину за все, что происходит в мире. Если бы не вы, мы до сих пор даже не догадывались бы о гведи, если бы не...

— Джет, я поняла. Не надо перечислять. Я, наверное, просто устала. И... я все время думаю о моем зверинце. Конечно, на яхте все приспособлено для них, и без кормежки и воды животные не останутся. Но мы раньше не оставляли их одних так надолго.

— Я понимаю. Все будет хорошо.

— Бродяга тоже так говорит. Но про Бродягу я точно знаю, что он так говорит, когда уже видит впереди какую-то солидную гадость.

Джет тут же смекнул, какую именно. Предполагаемый захват космопорта, конечно. В этом случае Дана еще долго не сможет попасть на яхту.

На площадке у погрузчиков уже стояли два больших кара. У ближнего о чем-то беседовали водитель и Саат.

Чуть в стороне собрались провожающие. Пестрые плащи шевелил легкий ветер, солнце уже подсветило дальние вершины, но из-за горизонта еще не показалось.

Бродяга отделился от группы провожающих, подошел к хозяйке. Она молча взяла его за руку и так замерла, прикрыв глаза.

Джет покачал головой. Девчонку было жалко, хотелось сделать для нее что-нибудь хорошее, вот прямо сейчас. И вместе с тем он знал — ни от кого, ни от друзей, ни от чужих, она не потерпит ни сочувствия, ни жалости. Почему так, Джет не смог бы ответить. Но зуб прозакладывал бы, любимый коренной, что не ошибся.

Подошел Алекс. Джет отвернулся. Сейчас-то он готов был драться... Именно потому, что рядом была Дана. Именно потому, что Дана выжила, а Марта — нет. Но, не смотря ни на какую готовность, сейчас любое выяснение отношений будет глупым мальчишеством. Потому что Джет уедет, а Алекс останется здесь — удерживать бандитов.

Дана сказала:

— Дурацкий какой-то день сегодня. Все не так.

— Вам пора. — Алекс кивнул на первую машину. — Бродяга, можно тебя на минутку?

Дана выпустила руку андроида, тем самым разрешая ему отойти. Они остановились в двух шагах. Алекс говорил что-то вполголоса, робот внимал. Джет не стал прислушиваться.

Саат от первой машины махнул рукой. Грузовой кар опустил боковую дверку — она превратилась в удобную лестницу. Пора.

Когда Джет уже поставил ногу на ступеньку, услышал из-за спины:

— Эй, Дага!

Обернулся. Алекс смотрел на него сквозь прищур. Словно загадку разгадывал:

— Увидимся!

— Да.

Сидеть в грузовом отделении кара можно было на жестких откидных лавках, приделанных к бортам, или прямо на полу. И то, и то — не здорово, если учитывать неровности дороги. Свободное место рядом с водителем досталось Саату, но он, стоило солнцу подняться высоко над горизонтом, сбежал от жары в темный, проветриваемый кузов.

Дана дремала на коленях у андроида.

Дага бы тоже не отказался поспать, но обстановка не располагала, и он обрадовался, когда в поле зрения оказался потенциальный собеседник.

Потенциальный собеседник откинул для себя лавочку, устроился на ней, словно всю жизнь привык ездить только так. Спросил:

— Что у вас там вышло с Алексом? Или секрет?

— Ничего.

— Хм...

— Я действительно не хотел бы об этом сейчас говорить. Давняя история.

— Ага.

Пауза длилась недолго. Прервал ее Бродяга.

— Далеко до города?

— Нет. Скоро поворот на трассу, а оттуда минут десять, и на месте. По трассе быстрее поедem, там нет таких колдобин... — Саат потянулся. — Самое большее — полчаса езды.

— Хорошо. Будем надеяться, что бандиты из других лагерей двигаются не быстрее Эннета...

— Я вчера говорил с инспектором Гусом. Он обещал усилить охрану порта своими людьми, — отозвался Джет. — С мэром он тоже обещал поговорить, но признался, что это ему вряд ли удастся до сегодняшнего утра. Дана спит? Вот у кого была тяжелая неделя...

Машина резко затормозила. Саат заглянул в кабину, спросил:

— Что?

— Стреляют. Впереди. Из-за скалы не видно, но...

Тишину действительно прорезал отдаленный звук выстрелов.

— Ждем? — спросил водитель. — Это у самого перекрестка где-то.

— Надо бы посмотреть... в машине оружие какое-нибудь есть?

— Немного есть. Там ящик у кабины, поройтесь в нем. Последние два дня я и сам без ствола не езжу...

— Хорошо.

— Что там? — спросил Джет у встревоженного пустынного.

— Стреляют. Держи! Надо пойти посмотреть.

В ящике арсенал был невелик. Среди набора ремонтных инструментов хранилась импульсная винтовка и кассета зарядов к ней. У Саата в чехле за плечом висел короткоствольный автомат Рича. Джету еще перед отъездом Саат отдал старенькую плазменку, бывшую собственность Нуча. Бродяга достал из кармана ту самую «Мерилин-бэту». Как вышло, что ее не забрали бандиты Хейна?

Андроид тихонько тронул Дану за плечо. Она проснулась, сна ни в одном глазу. Увидела сосредоточенных вооруженных мужчин, нахмурилась:

— Что там, Бродяга?

— Стреляют. Будем надеяться, что нам ввязываться не придется.

— Дана, когда поедем, ложитесь на пол, ближе к кабине, хорошо?

— Саат, я хорошо стреляю.

— В тире?

— Да где угодно. У нас несколько номеров с пистолетами есть.

Саат потер виски, сказал:

— Хорошо.

— Вроде, стихло все! — крикнул из кабины водитель. — Мне как, ехать?

— Только очень медленно. Дана, берите винтовку, и все-таки ложитесь пока вниз. Возможно, прорвемся и так, незачем зря рисковать. Джет, тебе правая дверь, мне левая, у кабины — я левша. Бродяга... черт, ты не сможешь.

Дана облизала губы.

— Бродягушка, первый допуск. На тех, кто сейчас в машине и тех, кто не стреляет в нас.

— Уверена? — хмыкнул андроид. Из чистой строптивости: это снова был приказ, который он не может нарушить.

— Если в нас стрелять не будут, то все обойдется.

Бродяга крутанул на пальце несерьезный на вид пистолетик и пристроился у задней двери. Саат ухмыльнулся и показал андроиду большой палец — все так.

После чего сам перебрался к двери кабины.

Кар медленно двинулся к скальному массиву. Заслонки на окнах приподняты, люди замерли на своих постах...

Потянулось ожидание.

Джет, пока есть время, попытался связаться с инспектором, но линия оказалась занята.

Что поделатъ, сейчас в городе неспокойно, полицейские постоянно общаются и между собой и с городским начальством.

Мимо по-черепаши ползли рыжие скалы под пыльным небом. Вот уже и поворот. Водитель опустил на лобовое стекло штормовые щиты. От лучевого оружия поможет, а с остальным и борта кара не справятся. Света сразу стало меньше, обзор сузился до размеров бойницы.

— Грузовик, — тихо прокомментировал увиденное в окне Саат, — перевернут.

На панели перед водителем лежит пистолет незнакомых Джету очертаний. Терпеливый мужик, подумал он почти с завистью — машина на виртуальном контроле, а руки держит свободными.

— С этой стороны полицейский кар догорает, — отозвался Джет. — Не нравится мне эта тишина. Как в ловушку едем.

— Остановись-ка, — распорядился Саат, — надо посмотреть, что там.

Водитель порадовал:

— Тут объехать все равно негде. Да почти все уже. Проскочили...

Но оказалось, не проскочили.

Впереди вновь зазвучала перестрелка, водитель крикнул:

— Попробуем на скорости... — и начал разгонять кар.

Саат выругался и приоткрыл «свою» дверь.

Мелькнул очередной клуб черного дыма, машину повело в сторону, по щиту полоснули выстрелы, оставили прочерк аккуратных круглых отверстий. Водитель попытался выровнять кар, и в этот момент палить начали уже по бортам — кто-то засел в камнях чуть выше дороги.

Машина вывалилась на овальную площадку ремонтной стоянки. В центре нее застыли два на вид нетронутых грузовика. Дымила очередная полицейская машина. Но из-за ее остова кто-то отчаянно отстреливался от невидимых пока бандитов.

Выезд со стоянки перекрывала полыхающая фура.

Водитель делал все, чтобы увести кар из-под выстрелов и не протаранить этот невероятный факел.

Джет, наконец, увидел, — бандиты прячутся в скалах. У них костюмы такого же цвета, что и камни. Притом, не «плащи пустытника», а что-то совсем другое. Интересно бы знать, что...

Плазменка на таких расстояниях — штука практически бесполезная. Оставалось ждать. Но время на ожидание никто не собирался им давать. Бандиты с энтузиазмом переключились на новую мишень.

Кар заложил резкий поворот и замер неподвижно, в тени скальной гряды. Притерся бортом к самым камням.

Саат резко откинул дверцу и дал короткую очередь куда-то вверх. Не успел смолкнуть звук выстрелов, как он выпрыгнул наружу и пропал из поля зрения Даны. Джет молча сиганул следом.

Бродяга, приоткрыв заднюю дверцу, стрелял редко, но, видимо, метко. «Городской» пистолет работал почти беззвучно.

Неподалеку раздался взрыв, грохот прошелся по ушам громовым раскатом. Водитель, выкрикнув что-то бессвязное, тоже канул в провал открытой двери.

Беспорядочная пальба в скалах откатилась в сторону.

Дана, закусив губу, отважилась подняться и выглянуть в левое, оставленное Саатом, оконце.

Площадка оказалась, как на ладони. Вот и грузовики. Сейчас видно, что они многократно прошиты выстрелами. Вот дымящийся остов перевернутого кара. Из-за него никто уже не отстреливается. То ли боезапас кончился, то ли некому больше отстреливаться. А вон, с дальней стороны, вторая наша машина.

А это еще что?

На стоянку выкатил кар, окрашенный в цвета пустыни. Не обращая внимания на стрельбу, он выехал к догорающим машинам, и там остановился. Из него выскочил человек и побежал чуть не в сторону Даны. Одет он был в светлый защитный костюм.

Она, прикусив губу до крови, вскинула винтовку. Мишень очень хорошая. Выстрел... тупой удар в плечо. Еще раз...

Человек споткнулся, упал.

Вот и я приняла участие в этой войне, — скользнула краем отстраненная мысль. Почему-то сразу захотелось пить. Горло пересохло, как... как в пустыне. Ну, что дальше? Самое обидное, что ничего не понятно. Кто, где...

Свет в кузове померк — это кто-то загородил дверной проем. Дана почему-то решила, что это водитель вернулся, и даже не подумала поднять оружие. Бандита, который уже готов был прикончить девушку, уложил Бродяга. Ему хватило мгновения, чтобы повернуться и выстрелить. Дана заставила себя не жмуриться, перешагнула через труп и закрыла дверь — чтобы следующему пришлось потратить время на открывание.

Вернулась к окошку, и увидела еще одного. Он как раз выскакивал из кабины кара. Прицелилась. Выстрелила. Человек шустро влез обратно в кар.

Ее охватило непонятное и неприятное беспокойство. Словно она что-то должна была срочно сделать, но забыла, что: то ли бежать, то ли наоборот. Потом поняла, что у беспокойства есть вполне физические причины: отчего-то начали ныть зубы, заболели глаза. Еще не боль, но ощущение неприятное. Она даже спросила:

— Бродяга, что это? Ощущение... как будто нервы пилят.

Пауза.

— Дана, быстро в скалы! Может, там не накроет!

Сам Бродяга уже бежал — туда, где застыл странный маленький кар.

Дана растерянно смотрела, как он бежит. Быстро. Третье поколение андроидов создавалось во время войны и для войны. Бродяга понимает, что делает. А значит, стоит его послушать и спрятаться.

Дальше события полетели стремительно.

Вот Дана прыгает на ближайший камень, камень больно бьет по ногам. Почти так же больно в глаза вливает расплавленный свет озверевшее солнце. Вот она совершает свой лучший прыжок — через осыпь на следующий камень. Там обнаруживается что-то похожее на тропу. Она бежит, хромая, вверх, потому что ей кажется, что именно туда раньше побежали Джет и Саат. Поперек тропы — мертвец в том самом «песчаном» костюме. На голове — плотный шлем с тонированным щитком. Разглядывать некогда, она перешагивает, бежит дальше.

В проеме между двумя камнями снова видна долина. Точка на этот раз выше, и ракурс другой. Дана, присев за камнем, видит, что Бродяга благополучно добежал до цели. Может, все в порядке?

— Бродяга?!

— Уходи как можно дальше. Сейчас начнется...

Бродяга оглядывает территорию прищуренным взглядом — и ныряет в тьму за приоткрытой дверцей кара.

В него стреляли...

Не страшно. Даже если эти выстрелы всерьез повредили андроида, его несложно будет восстановить. Завод, хоть и перестал выпускать эту серию, продолжает поддерживать все действующие модели...

О чем я думаю, обругала она себя. Надо бежать, прятаться... ну, вперед!

И снова бег. И снова камни под ноги, и какие-то трещины... и скальная стена... откуда она взялась? И тут «это» начинается. Сначала оно ощутилось, как вибрация земли. Ощутилось всем позвоночником, костным мозгом. Потом мир поплыл перед глазами, и сами глаза заболели, словно на них кто-то с силой надавил изнутри. Потом она поняла, что лежит на земле, скорчившись, обхватив голову руками. А когда стало казаться, что терпеть этот безмолвный удар нет никаких сил, что это все, конец... наступила внезапная, оглушительная тишина.

Такая глухая-глухая, совершенная. Знойная.

Бродяга...

Ей хватило трех секунд, чтобы сообразить, что случилось. Нет контакта с андроидом. Как при включенной «глушилке», только хуже, ведь «глушилки» здесь нет.

Он был там, в эпицентре непонятого удара. Он что-то сделал, чтобы остановить...

Дана выдохнула, а вдохнуть забыла.словно из атмосферы враз исчез кислород.

И чуть не упала — камень вывернулся из-под ноги.

Почувствовала, что бежит. Вниз, вниз, не разбирая дороги. Какая дорога, нет, и никогда не было...

Камни не успевают даже закачаться под ее весом — она стремительно спускается с обрыва. И глубоко плевать, что в серебристом фабричном плаще она представляет собой заманчивую мишень. Какая разница, когда Бродяга не отвечает на ее вызов?

Андроиды в принципе не могут терять сознание. Нет там никакого сознания. Контакт с хозяином может исчезнуть только по вине самого хозяина или по причине внешних помех, и никак иначе. И если Бродяга не отвечает, то...

Она не рассуждала и не надеялась — все силы и мысли стали частью стремительного бега вниз, вперед. Вдоль края стоянки, туда, где чернеют-чернеют-чернеют эти машины...

Что-то тяжелое, мощное, сбило ее с ног, повалило на камни, подмяло под себя. Твердый обломок ударил в ребра, выбил воздух. Головой она тоже приложилась, да так, что искры из глаз. Дана всхлипнула, словно захлебнулась криком, и попыталась вывернуться из чьих-то крепких рук.

— Куда!.. Тише, тише, это я...

— Пусти... пусти меня!

— Тих-хо! Замри!

Как ни странно, приказ возымел действие. Дана расширившимися зрачками уставилась на Саата. Лицо его в тени капюшона казалось бледно-зеленым — и для него не прошел бесследно внезапный, непонятно какой удар. Под носом застыла капелька крови, а губы бледные.

— Там Бродяга... — попыталась она достучаться до обидчика.

Тот отвернулся куда-то в сторону, крикнул:

— Джет, прикрой! А ты держись крепче...

Внезапно подхватил девушку на руки и тяжело побежал по разбитому покрытию стоянки.

За камнями свалился, как подстреленный, но успел уложить Дану, не уронил.

Выстрел выбил фонтан щебенки у самых ног Саата, он чертыхнулся и отполз немного сторону.

Долго лежал, пытаюсь выровнять дыхание. Воздух с сипом вылетал из легких. Дана смотрела на это во все глаза — ни дать, ни взять пробежал марафонскую трассу...

Сказал, отдышавшись:

— Нельзя пока, девочка. Площадку они простреливают, к тому же есть вероятность, что заряд продолжает работать. Бродяга его, скорее всего, не выключил, просто экранировал, а это значит, пока энергия аккумуляторов не кончится, туда соваться опасно.

Дана прислушалась к себе и не поняла, исчезли неприятные ощущения или нет. Душу заполняла ватная тишина. Спросила:

— Откуда вы знаете?

— Зачем бы ему тогда бежать к источнику сигнала? Видимо, трансляторов было несколько. Все так сразу не вычислишь и не уничтожишь. Он просто не знал где их искать, зато догадался, где сама установка.

— Бродяга... не отзывается на мои вызовы.

Саат легонько сжал ее пальцы. Всего на миг, сразу отпустил. Не дал ей возможности отказаться даже от такого выражения сочувствия.

— Подождите меня здесь, ладно? Я быстро.

Исчез.

А Дана отвернулась лицом к камням и все повторяла, повторяла вызов. Пока не устала. И после того, как устала.

Она не заметила, когда стихли выстрелы. Просто в какой-то момент рядом снова оказался Саат.

— Дана, вы можете идти?

Медленно кивнула. Медленно села. Перед глазами плыли зеленые пятна.

— Давайте руку.

— Сама.

Встала, придерживаясь за камни. Нормально. Если не торопиться, не бежать, то нормально. Она всей спиной чувствовала, что проклятый пустынный идет рядом, готовый в любой момент ее подхватить, не дать упасть.

— Если бы не Бродяга, мы бы все остались в этих камнях. — Это уже голос Джета.

Когда успел подойти?

Дана кивнула. В сущности, андроид просто выполнил ее приказ. Первый допуск — боевая схема «по обстановке», когда основная функция — защита конкретных живых объектов, дополнительная — уничтожение противника. Бродяга не мог не попытаться экранировать это... эту...

— Что это было?

— Резонансная бомба. С некоторыми изменениями и дополнениями, если судить по ощущениям. Нас бы размазало. — Джет поежился. — Честно говоря, я был уверен, что размажет. Один раз имел с такой дело — давно. Там много людей погибло.

Объяснил в пространство, уже не для Даны, а просто так, чтобы не молчать.

— Установка сама не так опасна. Она посылает слабый сигнал на трансляторы. Они усиливают и направляют его в нужную сторону. Причем, удар может быть и рассеянным, как в нашем случае.

Спустились на стоянку. Никто уже не стрелял.

Джет сказал, преодолевая смущение:

— Дана, может, удастся потом как-нибудь... исправить... починить...

— Если мозг уничтожен, что толку чинить?

Она вдруг охнула и села на камни.

Саат встревожено склонился к ней:

— Что?

— Нога... больно... что мне теперь делать?

Джет предложил перебраться в тень, даже протянул руку, но Дана только упрямо замотала головой. Сказала тихо:

— Не надо. Пожалуйста, не надо. Я в порядке.

— Оно и видно, — хмыкнул Джет.

— Надо посмотреть все-таки, — пустынный поднялся. — Бывают же чудеса... Дана, возьмите винтовку, и отойдите с открытого места. Мало ли...

Девушка вяло кивнула.

Саат с Джетом, держа на всякий случай оружие на весу, не спеша, пошли к тем самым машинам. Дана проглотила слезы и окликнула:

— Саат! Я... не хотела вас... тебя... обидеть. Прости, пожалуйста... простите...

Он, кажется, не услышал.

Вот так... Бродяги больше нет. И не будет никогда. А люди, которые рядом, те, кому ты обязана жизнью и свободой... ты словно нарочно их отталкиваешь. Зачем?

Дана провела по лицу ладонями, размазывая пыль. Заболел ушибленный бок. Ну, уж нет, только не жаловаться, только не ныть. Теперь придется справляться самой. Как бы ни было трудно. В первый раз, что ли?

Саат положил ладонь на закопченный бок приземистого кара. Единственная уцелевшая дверь была перекошена и не могла служить препятствием. На месте второй двери щетинился

рванный пролом.

— Интересно, чем это... — хмыкнул Джет, — и кто. Он подъехал уже в таком виде.

Саат молча подтянулся, протиснулся в щель. Услышал сзади запоздалое:

— Эй, осторожней! Вдруг там кто-то...

Угу. После РБ.

Внутри было темно, перед глазами поплыли пятна. Джет снаружи попросил:

— Подвинься!

— У тебя фонарик есть?

— Четыре. Откуда? А, черт...

— Что?

— Острая, дрянь.

Зрение потихоньку привыкло к полутьме. Стало видно, что взрывом машину основательно тряхнуло, оборудование сорвало с привычных мест, и теперь оно оказалось свалено кучей у правой стенки. Джет всмотрелся: в центре салона, на отчищенном от обломков месте — знакомые, зловещие очертания основной установки. Он почему-то был уверен, что андроид окажется где-то тут, тем более что оба видели, как он бежал именно сюда, но нет.

Саат, обогнув искореженный поручень, заглянул в кабину. Он уже догадался, что основная часть трагедии разыгралась именно там. Заглянул, и тут же вернулся обратно. Джет как раз начал разбирать арсенал. Оглянулся, спросил:

— Что там?

Пустынный лишь чуть более нервно, чем обычно, пожал плечами:

— Водитель. Получил... дозу, несовместимую с жизнью. И Бродяга.

Джет поймал себя на том, что тоже хочет поежиться — это в середине-то дня, в центре рутанской пустыни. Уж кто-кто, а он-то знал, на что похожи останки тел, попавшие по действию этой адской машины.

— Там есть, чего собирать? — голос дрогнул.

— А? Есть... покойник, правда, весь в крови, но сохранился. Да посмотри сам.

Джет нехотя протиснулся в проем. Да уж.

Мертвец был без шлема. Из глазниц, носа, ушей, стекали черные струи крови, кожа казалась рябой из-за лопнувших сосудов и капилляров. Сохранился...

А Бродяга, как и положено андроиду, просто перестал быть. В кабине лежала, чуть согнув колени и локти, линияя кукла-манекен.

Джет сказал вслух:

— Здесь один из трансляторов. Бродяга его разбил, вон, смотри. Не успели они его установить. Видимо, бандиты отступили из зоны поражения, и включили установку дистанционно. Пожертвовали своим водителем. Бродягой с водителем дрались, а потом этот умер. А андроиду хватило ресурса, чтобы расстрелять резонатор.

Повисла долгая пауза. Саат кое-как перелез через лежащие друг на друге тела, приподнял робота. Заметил:

— Тяжелый, оказывается.

Джет освободил проход, и вернулся, чтобы помочь. Тащить андроида в город было бессмысленно. Восстановить его вряд ли удастся. Оставлять его тут — невысказано.

Когда вернулись к своей машине, оказалось, что Дана и не думала прятаться — от жары ли, от людей ли.

Рядом с ней сидели и лежали несколько человек в блестящих пустынных плащах, девушка занималась оказанием первой помощи их же водителю. Один из незнакомцев придерживал его, чтоб не дергался. При ближнем рассмотрении оказалось, что водителю прострелили ногу.

Джет повернулся взглянуть на кар. Интересно, поедет ли, после такого приключения? Потрепанный, помятый... но вроде, целый.

Дана закончила с перевязкой. Повернулась к подошедшим. Сказала:

— Вы не видели, может, еще живые есть?

Джет качнул головой. Ни кого они по дороге не видели и не слышали. Если кто-то из бандитов и уцелел, то они растворились где-то в камнях, поспешили убраться.

— Надо забрать установку. Или разбить. За ней могут вернуться. Мало радости, если запустят эту штуку у городской стены...

Один из выживших, тот, что помогал Дане с перевязкой, обернулся:

— Оружие, какое сможем найти, тоже не стоит оставлять.

— Да. — Пустынник обернулся к Дане, но та была занята следующим раненым. Ни инструкций, ни ободряющих слов ей, похоже, не требовалось.

Джет ловко дотянулся до антисептика, приложил пластинку к порезу. Еще двое незнакомцев поднялись и молча отправились в скалы — собирать бесхозное оружие, надо полагать.

Незнакомец, помогавший Дане, поднялся:

— Капитан Джанелли, Бэст. Девушка сказала, вы из поселка Слепака?

Джет вынул удостоверение наблюдателя центра Тордоса, молча протянул офицеру. Тот кивнул, перевел взгляд на Саата. Тот с явной неохотой ответил:

— Саат-саа.

— Пустынник?

Но Саат уже скрылся в кабине кара.

Капитан поморщился:

— Вы его хорошо знаете? Он давно с вами?

Джет, обругав в уме рыжего погонщика нехорошим словом, ответил:

— Это еще кто с кем. Саат, как я понял, один из командиров отряда, который вышиб бандитов из поселка Слепака. Но если вас интересуют подробности его биографии, то я не интересовался. У меня нет причин не доверять этому человеку.

Капитан мрачно кивнул:

— А у меня есть причины для недоверия.

Джет сунул в карман удостоверение, спросил:

— Может, расскажете, что здесь случилось?

Велли остановился, только когда ноги стали ватными, а дыхание сорвалось на сип. Свободен? Оторвался? Да разве может такое быть?

Не может. Преследователи, скорей всего, знают дорогу короче и ровнее, чем это ущелье. Да его и науг с трудом преодолееет, не то, что бегущий человек. Ночью! Свет Наэса-зэ слишком тусклый, чтобы можно было двигаться уверенно, а уж в глубине ущелья...

Нашарил в темноте камень, пристроился на него. Неудобно, но отдыхать стоя было выше его сил, а если сесть на землю — Велли это понимал со всей обреченностью — то снова встать не получится.

Ну? Что дальше? Ждать рассвета, забившись в какую-нибудь щель?

Мысли скакали как песчаные тушканы, ни одна не желала задерживаться в голове надолго. С одной стороны Велли только что убил человека. Не по приказу командира, а потому, что так было нужно ему, Валентину Риммеру. С другой... да его там чуть не стошнило. Даже сейчас дурнота накатывает, стоит лишь вспомнить. Лицо. Рука из-под плаща, расслабленная, но как живая. Ни за что на свете Велли не решился бы повторить такое еще раз.

Еще была гордость: я смог. Справился. Сам. И теперь на воле. И благодаря мне, вполне возможно, мы одержим победу.

Кто «мы» — Велли не интересовало. Те, кто сейчас в поселке Слепака, были врагами. Они убили Шнура. И других.

Они его допрашивали.

И самое унижительное, чего никому нельзя прощать, — то, что они добились своего. Они узнали от Велли все, что хотели, и даже немного больше. От одной мысли об этом было тошно.

Вот за это и поплатятся. Особенно тот, длинный. Который спрашивал. И другой, рыжий. Который стоял рядом и слушал.

Значит, нельзя давать себе поблажек. Вперед, Велли! Вперед. Эннет выслушает тебя. Обязательно. Надо только придумать подходящую легенду. Может, сказать, что это Шнур всех сдал? Никто не сможет проверить, Шнур же мертвый...

Да нет. Не поверят. Если только... если только не сказать, что Шнур нарочно все устроил так, чтобы отряд попал в засаду. Что он с самого начала это задумал. Что он был на стороне тех, других. Втерся в доверие... занял привилегированное место... гад... хотел всех подставить... но не вышло...

Додумывал Велли уже на бегу. Ситуация казалась правдоподобной. А правда, может, так оно все и было с самого начала? Ведь, как ни крути, а отряд разбит, выжили лишь немногие. Шнур мог предать. Велли сразу не понравилась его бандитская рожа. Да по ней любой бы догадался — этот человек предатель. Но ничего. Вот он, Велли, спасся. И он предупредит своих о том, что в поселке засада. И отомстит. За всех, кого там убили эти взбесившиеся пустынные...

Теперь он двигался уже не так быстро. Да и ущелье не давало разогнаться как следует. Темно, страшно. Пусто.

Когда кровь в ушах перестала стучать и отступили истеричные мысли, Велли обнаружил себя — такого маленького и одинокого — посреди огромного мира, полного звезд и тишины. Он был жучком, спрятавшимся в трещине. И никого больше. Ни звука, ни шороха.

Хотя... что это шуршит? Неужели змея? Да ведь в пустыне полно змей! И ночью... ночью они, кажется, охотятся!

Лагерь Эннета был надежно защищен от этой напасти ультразвуковыми излучателями, расставленными по периметру. А здесь дикая жизнь рутанской пустыни текла по своим правилам, и не собиралась делать скидку на присутствие какого-то там человечка.

Велли замер, вслушиваясь. Ну, точно! Слово песок невдалеке ссыпается, трется о камни. Может, действительно песок?

Звук исчез. Велли перевел дух и медленно-медленно, наступая сначала на носок, двинулся вперед.

И снова замер, услышав отчетливый металлический щелчок. Человек? С оружием?

Здесь? Враги. Наверняка враги!

И тут же нашлось подтверждение этой версии:

— Эй, там, внизу! Лапы подыми! Ну, чтоб я видел!

Сердце ухнуло в районе пяток. Враги!!!

Велли заорал и побежал вперед по ущелью. Эхо подхватило его голос и разнесло по скалам. Парень не услышал, как сзади чертыхнулись, вскидывая импульсную винтовку.

А потом в лицо ему брызнул поток яркого белого света — кто-то включил фонарь.

Велли замер испуганным тушканом, и вдруг услышал хохот, который показался ему чем-то знакомым:

— Э! Да это ж Риммер! Куда так торопишься, парень?

Свои? Неужели свои? Так близко? Велли нервно сглотнул, и тут же фонарь отвели чуть в сторону. Разглядеть собеседников все равно не удалось — из-за зеленых и красных пятен, поплывших перед глазами.

— Быстро бегаешь, Риммер, — донеслось сзади. — Ну-ка, подними ручонки! Вот так, молодец!

Подошли, обхлопали бока и штанины. Из-за голенища сапога вытащили нож.

— Хм. Где ты это взял, дурик?

Риммер собрался. Втянул воздух, досчитал в уме до трех.

— Мне есть, что рассказать Эннету. Это очень важно.

— Расскажи мне, я передам, — сказали из-за спины. Велли наконец понял, кто это говорит. Взводный. Тот, кто собирал и снаряжал отряд Шнура. Может, они заодно? И взводный — тоже предатель?

Велли теперь даже мысли не допускал, что Шнур к случившемуся разгрому не причастен.

— Нет, — просипел он. — Я буду говорить только с Эннетом.

Взводный хохотнул:

— Риммер, ты что-то, видимо, не понял. Группа Шнура уничтожена. Кто смог уйти, те добрались до нас еще засветло. Где ты был столько времени, а?

— Я скажу. Эннету.

— Нет. — Голос стал жестким, слова отрывистыми. — Нет, дружок. Ты мне все скажешь. Мне.

Велли облизал губы. Если он сейчас все скажет взводному, тот сам доложит Эннету. И подаст так, как выгодно ему. Только этого не хватало.

— Ну?

Велли молчал. Ясно, что взводный и остальные в покое его не оставят. Но... он сейчас слишком боится, чтобы правдоподобно врать. А проколется — и все, конец.

— Ну?!

Ловкая подсечка, и первый пинок. Велли сжался в комок и стиснул зубы: только не заорать, только не заорать!

Еще удар. Включились остальные? Да разве так бывает, чтобы своего?

Слезы брызнули из глаз — Велли молчал.

Сколько это продолжалось? Недолго, наверное. А закончилось коротким приказом:

— Все. Хватит, а то идти не сможет. А ты давай, вставай!

— Ку...ку-уда? — выговорить толком не получилось — челюсть дрожала не хуже, чем руки.

Велли сел. Голова гудела. Ей тоже изрядно досталось. И левый верхний клык качается. И во рту от этого вкус крови.

— Куда-куда. К Эннету. Раз ты у нас оказался таким... упрямым...

К Эннету? Правда? Это хорошо. Но... — Велли со свистом вдохнул — я запомнил эту встречу, взводный. И ты о ней еще вспомнишь однажды... ой, вспомнишь...

Как оказалось, бандиты атаковали группу машин, идущих из Бэста. Загружены машины были под завязку оборудованием и медикаментами, и должны были оказаться в Руте еще утром. Было, конечно и полицейское сопровождение, и охрана. Толку?

Дорога за развилкой оказалась завалена камнями. Чуть ближе стоял патрульный и подавал машинам сигнал — «двигайтесь на поворот». Все казалось правильным и логичным, ни водитель первого грузовика, ни те, кто ехал перед ним в тяжелом полицейском каре, подвоха не заметили. А на стоянке их уже ждали. Скорей всего, бандиты рассчитывали, что гражданские водители не станут вступать в перестрелку, и мирно покинут свои транспортные средства.

Но эта надежда не оправдалась. Теперь уже никто не смог бы вспомнить точно, когда все началось. Но только оглянуться защитники не успели, как две полицейские машины оказались сожжены. Охрана, под командой капитана Джанелли, тоже не стала отсиживаться. Они покинули ненадежное укрытие грузовиков, и попытались отеснить противника за гряды. На отрезке пустого пространства между замершими машинами и скалами они потеряли двоих.

Потом бой шел с переменным успехом.

Когда стало ясно, что поврежденными грузовиками воспользоваться не удастся, бандиты стесняться перестали и занялись планомерным уничтожением тех, кто закрепился на выезде из массива. Им это практически удалось, но именно тогда на стоянку влетели кары из поселка Слепака и добавили свое слово в общую сумятицу...

Джанелли потерял пять человек убитыми, из полицейских и вовсе никого в живых не осталось.

А Джет, выслушав капитана, сделал неутешительный вывод: надо спешить. Забрать как можно больше оружия, забрать вообще все, чему могли бы найти применение бандиты, и уносить ноги с этой стоянки. Как можно быстрее.

Капитан закончил рассказ и вдруг застыл, разглядывая что-то за спиной Джета. Джет проследил за его взглядом и увидел, что так смутило военного — Дана сидела на корточках возле андроида. Корпус его был вскрыт, декоративные мягкие ткани вместе с «кожей» отведены в сторону, сдвинуты подвижные щитки грудины.

— Она понимает, что делает?

— Она психолог-программист. Это ее робот. Давайте не будем мешать и тоже займемся делом...

Как только они ушли, из грузовика выпрыгнул Саат. Близо подходить не стал, но Дана все равно затылком ощутила его взгляд. Сказала:

— Безнадежно. Уничтожен носитель, а не информация...

Ответа не дождалась, оглянулась. Саат сидел на корточках в тени кара, запустив руки под песчаный щит. Что-то там отчетливо щелкало, за щитом. Вовсе он на нее не смотрел, и не думал даже.

Девушка резко встала, так что голова закружилась. Снова ощутила, насколько жарко в

руганской пустыне, жарко и пусто.

Взглянула на андроида. Немного суетливо наклонилась, быстро вернула на место пластинки грудины, «кожу», одежду. В волосы и складки успел набиться песок. Она не стала отряхивать. Незачем уже. Медленно побрела в тень. Остановилась в тени, словно не зная, что делать дальше.

— Дана...

Голос Саата спугнул тишину. Но она недалеко отлетела, потому что продолжения не последовало. Тишина вернулась, намереваясь поселиться здесь надолго, если не навсегда. Девушка тряхнула головой, и сухо заметила:

— Это просто андроид. Робот. Набор программ и специфических настроек. Больше ничего.

— Дана, что бы вы сейчас не сказали... жалко науга, погибшего в пустыне. Да что я говорю, тушкана, попавшего под колесо, и то жалко. А Бродяга...

— ...сделал то, что должен был сделать. Это была его задача... его...

Словно кто-то внезапно убрал опору — Дана упала в песок. Сначала на колени, потом... совсем. Плечи под плащом вздрагивали от рыданий. Смотреть на это было невозможно.

И все-таки, стоило вспомнить, с каким упорством она отталкивала любую помощь, любой даже намек на физический контакт, чтобы усомниться в уместности попыток ее поддержать как-то, успокоить...

Но вот так стоять и смотреть, и даже не попытаться помочь — да кто ж это выдержит?

Саат даже и сам не понял, как оказался рядом. Обнял за плечи, прижал к себе. Дана сначала все закаменела, но это продолжалось какие-то секунды. Ее душили слезы, и ничего вокруг как будто не было, а то, что было, не имело никакого значения... и вряд ли в будущем будет иметь...

Пустынник молчал. Неожиданное это оказалось, острое чувство — слишком давно в последний раз приходилось вот так обнимать девушку. В давней жизни, еще до добровольного ухода от цивилизации, до того как ему в первый раз прямо сказали, что «год-два ты, парень, под присмотром медиков, может, и протянешь»... и мало радости, что те год-два растянулись уже больше чем на десять лет. В те времена он не счел себя вправе обрекать будущую жену на жизнь с калекой, которого любая мало-мальски серьезная нагрузка валит с ног. Это еще, если не брать во внимание приступы астмы, а они и вовсе укладывали бывшего офицера в постель минимум, на несколько дней. И со временем не думали проходить. Даже, кажется, участились...

Капюшон сполз, высвободились слипшиеся от пота рыжие прядки. Саат удерживал ее осторожно, чтобы неловким движением не спугнуть это нечаянное, ничем не заслуженное доверие.

Но долго так продолжаться не могло.

Прежде, чем Дана пришла в себя и снова оцетинилась острыми колочками недоверия, он отнес ее в машину, уложил на откидную лавку. Сел рядом, на пыльный ящик, прикрыл глаза.

Вот так. Так надо, так должно быть. Теперь нужно бы проверить, запустится ли двигатель кара в режиме виртуального контроля...

Саат так и не заставил себя подняться до самого появления Джета.

Тот заглянул в тьму грузового отсека, сощурился:

— Саат, ты здесь? Плохие новости!..

— Тсс! Подожди, я выйду...

— Плохие новости, — повторил Джет через полминуты, когда они отошли в тень. — Вся техника, что здесь есть, ремонту не подлежит... разве что вторая наша машина. Но время-то уходит.

— Эту я проверил... почти. Осталось протестировать виртуальный контроль. Сколько всего народу нужно забрать?

— У Джанелли шестеро. Трое ранены. И нас четверо...

Саат подумал и решил:

— Должны убратся. И надо поторопиться — солнце почти в зените.

Последнюю фразу услышал спрыгнувший с осыпи капитан Джанелли.

— Оружие мы уничтожили, РБ тоже. Саат-саа... у меня к вам есть несколько вопросов.

Пустынник нахмурился, но кивнул. Он понимал, что избежать этого разговора не удастся. Так уж лучше сейчас все прояснить, а не в тесноте кара при десятке свидетелей...

— Слушаю.

Капитан оглянулся на Джета, но тот и не думал уходить. Что бы он ни говорил раньше, а любопытство ему свойственно ничуть не меньше, чем любому другому нормальному человеку.

— Вы действительно кхорби?

Вместо ответа Саат, усмехнувшись, стянул капюшон.

— Так... и как это понимать? Нет времени для загадок.

— В таком случае... — рыжий пошарил в складках плаща и вытащил пластинку личной карточки.

Джанелли нахмурился, но карточку взял. На секунду выпал в сеть — взгляд стал рассеянным, зрачки сузились...

Разочарованный Джет пробормотал тихонько:

— Такая тайна...

Но рыжий услышал и даже ответил, с легкой досадой в голосе:

— Потом объясню.

Капитан вернул карточку, кивнул:

— Значит, попытаемся запустить две машины. Док говорит, у них тут оборудование для больницы. На случай, если... в общем, нужное оборудование.

Вход палатки был прикрыт небрежно, изнутри лился зеленоватый свет.

— Ну, что застрял? — прикрикнул сзади взводный.

Велли выдохнул и шагнул к матерчатому пологу. Что будет врать, он так и не придумал.

Эннет сидел на складном стуле, устроив на коленях коробку с зарядами для лучевого ствола. Сам ствол лежал рядом, на столике-раскладушке. Он был выпотрошен, и это почему-то добавило Велли немного уверенности.

На том же столике зеленовато мерцал «вечный» светильник.

Кроме Эннета здесь еще были люди, старшие командиры, Велли не знал их по именам и не различал по лицам. Новобранцами в отряде всегда занимался взводный.

Эннет оглянулся на вошедших, медленно отставил ящик, кивнул.

Это был высокий крепкий мужчина лет сорока, со светлыми, стриженными ежиком волосами. Самой заметной чертой его лица был нос — у переносицы узкий, к кончику он не только становился шире, но еще и загибался крючком.

Что-то в нем было от желтых пустынных грифов, но еще больше — от лисы. И в первую очередь хитрые, всегда прищуренные глаза.

Риммер поежился под этим не то оценивающим, не то прицеливающимся взглядом.

— Имя.

— Валентин... Риммер Валентин, я из отряда Шнура. Шнура убили...

— Ну, это мы знаем, — заметил один из присутствующих. Лоб его охватывал белый платок, и Велли про себя стал его называть «Косынкой».

— Там была засада, нас ждали...

— Ну-ну. Давай-ка по порядку... и только факты. Из вашего отряда уцелело шесть человек, все они давно здесь. Будет интересно сравнить ваши версии...

Велли нервно провел ладонями по лицу. Он бы сел, но кто ж ему предложит такую роскошь? Что же, он знал, что так будет...

— Я... когда мы вошли в поселок, Шнур повел меня и еще одного там... на завод... ну, наши там по поселку пошли, а мы сразу в центр, напрямую... и Шнур еще на подходе глушилку включил, чтобы эти, значит, не могли связаться. Потому мы про засаду и не знали. Мы были под землей... Потом, когда выходили уже, Шнур первый шел, и первый пулю поймал...

— Пулю?

— П-пулю... а в нас те не стали стрелять, они бинком... мы отключились. А когда я пришел в себя, то был уже вечер.

— Тебя допрашивали?

— Нет... ну, то есть, спрашивали имя, но я соврал. А потом долго никто не приходил. Они меня в одном из коттеджей заперли... — Велли вспомнил, как ловко получилось с ножом, и похвастался. — Ночью один из них пришел, еду принес. Я его зарезал и побежал в ущелье. Но главное, я кое-что слышал!

— Ну!

— Они решили закрепиться в этом поселке. Наши почти всех жителей убрали, вода там есть. Продукты тоже...

— Так. Что еще?

— Еще?

Эннет поморщился:

— Ну? Сколько их там? Сотня? Две? Транспорт у них есть?

— Сколько? Где-то около сотни. Транспорта нет, науги.

— Так это пустынники?

— Пустынники там тоже с ними, но командуют не они. Командует какой-то военный, может, отставник он... не знаю...

— Угу. А теперь еще раз. Но уже без недомолвок и как можно полнее...

Эннет чуть двинул ладонью, и тут же сзади Велли толкнули. Не просто толкнули, аккуратно и ловко уложили на землю. И тут же он левым боком почувствовал несильный пока удар.

— Не здесь, — брезгливо бросил Эннет. И Риммера выволокли из палатки в ночь.

Велли били старательно, но калечить все же не собирались. Иногда избивание прекращалось, ему давали возможность ответить на вопросы. И он отвечал. И снова отвечал. И снова...

Он рассказал все, что знал и о чем смог догадаться.

Скрыл только, что в поселке его допрашивали, и что там он тоже не смог молчать. Велли понимал — если Эннет узнает эту правду, его убьют на месте, без долгих разговоров. Просто убьют и все. Бросят труп сохнуть под злым рутанским солнцем... а так, может, в конце концов, поверят.

Поверили. Уже на рассвете Эннет приказал накормить страдальца. У Валентина даже появилась возможность подремать — ровно час до того момента, как отряд Эннета двинется к поселку Слепака.

Когда, побитый, он лежал на полу штабной палатки, то слышал сквозь дурноту, как Эннет ругается — они, кажется, сильно выбились из графика...

А что за график — кто знает.

Мимо ходили люди, разговаривали. Она не вслушивалась. Было жарко и совершенно пусто в сердце. Осталась у нее только одна единственная задача — вырваться отсюда, добраться до яхты и...

Там пилион, птица и мабурская кошка — ее артисты и товарищи по дальней дороге. Они ее ждут, они от нее зависят, и значит, цель есть. Но где взять силы, чтобы ее достигнуть? Откуда?

Подошел Джет. Очень мягко попросил, чтобы она села — в грузовом отсеке стало тесно. Дана выполнила просьбу, задвинувшись в самый дальний угол. Тут же рядом оказался незнакомый военный. Левая рука его скрывалась в лангетке, на лбу красовалась белая нашлепка антисептика.

Дана отодвинулась еще дальше, уткнула лицо в колени.

Джет, уходя, только покачал головой.

Машину подогнали к самым раскуроченным грузовикам, погрузка шла быстро. Правда, все равно куда медленней, чем хотелось бы.

Не успокаивало даже то, что Джанелли отправил наблюдателя на одну из окрестных скал. До самой удобной точки без альпинистского снаряжения подняться было невозможно, и наблюдатель контролировал лишь часть возможных путей подхода бандитов.

Каким-то краем сознания Дана все это слышала, запоминала. Но что бы ни происходило — оно было где-то за толстой стеной, не с ней. Далеко и давно. Реальным оставался запах пыли и пота, одуряющий зной, грубая ткань синего рабочего комбинезона. Жесткая лавка, луч яркого света поперек отсека.

Кто-то сказал:

— Все. Больше эта сивка не вывезет. Едем!

Заработал двигатель. Куда громче и болезненней, чем раньше, а может, это ей только показалось.

На лавку, где сидели Дана с военным, втиснулись еще двое. Дверь закрыли, стало сумрачно.

Неужели теперь они, наконец, смогут доехать до города? А там до космопорта всего десять минут... если на каре, но можно и на муниципальном автобусе. Это чуть дольше получится. Но не важно, хоть пешком, хоть на звере науге...

Машина тронулась, сразу трянуло, закачало. Ничего, лучше так, чем никак...

Джет мрачно глянул на сосредоточенный профиль рыжего погонщика, без объяснений узурпировавшего водительское сиденье. Что за день такой? Все выходит криво. День

концентрированных неприятностей. Когда уже он придет — великий день концентрированной удачи?

Злясь на себя, он все-таки спросил:

— Что ты такого ей сказал, а, Саат-саа? Когда мы уходили, она была вполне адекватна...

Он не хотел выделять имя, подчеркнуто кхорбинское и явно не настоящее. Это как-то само получилось.

Погонщик молчал долго, наверное, минуту, сосредоточенно следя за дорогой. И ответил, когда Джет уже перестал ждать.

В голосе звучали незнакомые, виноватые интонации.

— Это запоздалая реакция. Так бывает. Она держалась, пока ее помощь требовалась другим, но стоило оказаться наедине с собой, и вот...

...наедине с тобой, хмуро подумал Джет. Но промолчал.

Машина последний раз качнулась на выбоине, и вдруг оказалась на трассе. Чуть дальше гладкое полотно подступало вплотную к осыпи, и было наполовину завалено. Здесь успела образоваться небольшая пробка — не больше пяти машин разного размера и назначения. Водители разбирали обвал вручную, и работа, судя по всему, близилась к завершению.

Саат прошипел что-то невнятное. Джет дернулся выйти и помочь, но услышал:

— погоди. Там есть, кому камни ворочать. Давай, садись на мое место, возьмешь управление.

— Что?

— Давай, не спрашивай.

Саат прикрыл глаза. На верхней губе выступили капельки пота. Джет перевел взгляд на завал — там уже отдавал распоряжения капитан Джанелли. Ну и отлично.

Новый взгляд, брошенный на пустынного, заставил встревожено спросить:

— Эй, ты больной что ли? Я могу помочь?

— Д-да. Импульсник за сиденьем...

— Что?

— Обойди машину, я пересяду. М-мать, да не тени ты время, Джет...

Поняв, что дальше разговаривать бессмысленно, Дага спрыгнул под раскаленное солнце. Когда он взобрался на водительское сиденье, Саат уже полулежал на пассажирском, запрокинув назад голову и дыша часто и неглубоко.

Еще несколько секунд поизучав бледное лицо пустынного Джет убедился, что помирать прямо сейчас тот не собирается. Подключился к управлению каром и пробормотал:

— Вояка хренов...

Последовал незамедлительный ответ:

— Уж какой есть!

— А, похоже, не все так плохо, как выглядит... это хоть не заразно?

— Не бойся. Это мне... той войны наследство.

— Да ну?

— Ну да.

— Снова какая-нибудь тайна?

— Джет, дай отдышаться. Нет у меня никаких таких тайн... а в пустыне и разницы большой нет между тем, называют меня Саат или Стас...

Пустынный зашелся сухим кашлем, оба замолчали.

Подумать было о чем. И дорогу впереди уже почти расчистили. Сейчас все разбежится по машинам, и можно ехать.

— У тебя, может, лекарство какое есть?

— Сейчас пройдет. Х-хреново... ни сдохнуть не дает, ни жить по-человечески.

— А...

Саат заговорил сам, без всяких наводящих вопросов.

— Это отравка какая-то гведианская... они газ пустили, чтобы их солдатам было меньше работы. Не знали, что у нас маски есть. Гведи выскочили из ущелья, думали, мы уже лежим. А получился контактный бой, который я плохо помню, потому что в самом начале мой противник чертову маску с меня содрал... я и хлебнул. Как потом врачи сказали — критическую дозу. Легкие оказались повреждены самое меньшее на половину. Но долину наши отстояли и меня до города дотащили.

— Не срастается. Я просто не верю, что врачи не запустили регенерацию. Если уж ты до госпиталя дотянул...

Саат невесело хохотнул. А может, снова закашлялся:

— Запустили. У меня, Джет, выявилась какая-то хитрая аллергия. На один из стимуляторов, без которых сама операция бесполезна. Подробности я не знаю, но вытащили меня доктора с того света буквально чудом. Долгой и счастливой жизни не обещали. Но, как видишь, немного ошиблись. Ну, поехали, что ли? Путь свободен.

Глава 11

С первым светом его растолкали. Валентин поднялся с трудом — все тело болело, ноги, сбитые во время вчерашнего ночного броска, отказывались держать. К тому же сильно хотелось есть.

Вокруг, сонные и злые, собирались бойцы. Валентину сунули в руки банку холодных консервов и кусок хлеба. Парадоксально, но от одного вида еды его чуть не вывернуло.

Пробежал взводный, велел строиться у скалы. Велли поплелся следом за другими. Встал в заднем ряду. Там была возможность незаметно прислониться к стенке — он не был уверен, что сможет долго стоять без опоры.

Долго стоять и не пришлось. Эннет крикнул, что «пойдем открыто, и не ущельем, а по плоскогорью». Велли понял, что ему все-таки поверили.

Порядок движения изменился. Теперь он шел в арьергарде, в составе небольшого отряда. Всего около десятка человек — и полное ощущение, что они тут одни. Если взглянуть, то видно, что меж камней мелькают затянутые в светлые комбинезоны фигуры. Но когда тут вглядываться, если надо идти, и идти быстро...

А много я за ночь пробежал, удивился Велли после часа быстрой ходьбы по пересеченной местности. Может, не стоило так спешить? Теперь ведь еще не известно, что Эннет решит после боя. Может, решит, что я больше не нужен? Потому что трус и предатель?

Велли прикусил губу и прибавил шаг. Умирать он не собирался. Напротив, он собирался сделать что-нибудь такое, что бы подняло его в глазах командиров. На тех, кто оказался в его группе он старался не смотреть. Все казалось, что они знают, а если не знают, то догадываются, почему у него такая разбитая морда. И кто, а главное, за что его бил...

В первый раз остановились передохнуть после двух часов гонки. Валентин просто таки упал на камни. Он бы закрыл глаза и сразу заснул, но не успела эта мысль прийти ему в голову, как пришлось подниматься и топтать дальше.

Бой он услышал задолго до того, как увидел — мешал пологий холм, усеянный камнями и утонувшими в песке скалами. Но стоило на него подняться, как перед Риммером открылась впечатляющая панорама. Никогда раньше он не видел бой. Вот так, по-настоящему. Рядом.

Крайние котеджи дымились, над ущельем поднималось облако бурой пыли. Видны были короткие вспышки, слышался треск выстрелов и разрядов.

— Ну, что встал! — крикнул кто-то сзади, — пшшооол!

Велли побежал. У него было оружие — незнакомой конструкции автомат. Но, чтобы им воспользоваться, нужно было сначала увидеть, по кому стрелять. А именно это и было непонятно...

Пахло гарью. Вблизи стало видно, что у поселка наведен периметр, и он тускло светится голубым — то ли сигнальная система, то ли какое-то новое оружие.

Люди Эннета уверенно брали поселок в кольцо.

Велли уже понял, что людей в их отряде куда больше, чем пустынников,

предположительно защищающих поселок.

Рядом вскрикнул и упал на песок боец. На груди расплывалось красное пятно. Велли с ужасом смотрел, как тот двигает руками и ногами — медленно, словно пытается ползти. И только когда пуля взрыхлила песок возле ноги самого Риммера, он догадался присесть за одним из камней.

Кто-то пробежал мимо. Рядом грохнул взрыв, посыпался песок. Что дальше? Что делать? Бежать вперед?

Приказа не было.

Остаться здесь лежать? Ждать, когда подстрелят? Ага, а потом кто-нибудь обязательно заметит и доложит, что Риммер струсил...

Или, может, пока не поздно, уйти?

Впереди снова что-то взорвалось. Там закричали, и, кажется, не от боли.

Ну же...

Велли отважился высунуть нос из своего укрытия. Понятней от этого не стало: На отрезке между камнем, за которым он затаился, и крайним домом, было пусто. Только стелился черный дым, да солнце развешивало блики на всех гладких поверхностях. Пейзаж был яркий, даже какой-то нарядный. И страшный.

Ну, что, вперед?

Острое чувство, что когда бы он ни решился выбраться из-под защиты надежного камня, его все равно обязательно подстрелят, заставляло тянуть и тянуть время. Но тут впереди отчетливо мелькнула чья-то бегущая фигура, и Велли, уставший терзаться сомнениями, побежал тоже.

Вот уже и купол коттеджа. Не тот ли это самый, в котором Велли сидел прошлой ночью? И неужели это было всего только прошлой ночью? Дверь выбита, внутри явно видны всполохи пламени, и кругом этот смоляной горький дым. И труп у входа. В комбинезоне, значит, кто-то из наших. Но и защитника коттеджа что-то не видно, наверное, сгорел вместе с постройкой...

Еще тела. Раненый лежит, привалившись к стенке, зажимает рану рукой. Кровь течет по пальцам в песок. Велли поспешно пробегает мимо.

Поворот. Здесь у высокого склада стоят свои. Много, человек тридцать. Кто-то курит, кто-то сидит на песке. Велли подошел к парню, который показался ему наиболее безобидным, спросил шепотом:

— Что случилось?

— А... там они баррикаду навалили, сразу не подступишься. А в том высоком здании, видишь крышу? Снайпер сидит. Любого, кто в обход суется, снимает на раз. Один тут уже сунулся. Сейчас ждем, какие новости будут с той стороны.

— Понятно.

Схлынул первый страх, отступил второй. Велли почти освоился. Углядел удобный камень у обочины, придвинул к стене склада, уселся. Вытянул ноги.

Новости пришли в виде запыхавшегося парня-гонца. Этот был из совсем уж недавно набранных — Валентин в лагере его не видел.

Оказалось, что над обороной поселка хорошо поработали, и о быстром прорыве речи не идет. Парень сообщил, что убитыми Эннет потерял двадцать три человека, а защитники, похоже, не более двоих. Соотношение никуда не годное — это Велли понял не хуже остальных.

Вот бы придумать что-то такое, чтобы помочь прорыву... что-то, что позволило бы ему выделиться, показать, что он не трус, и что голова у него варит не хуже, чем у других...

Отпустило. Саат несколько секунд еще сидел, замерев, прислушиваясь к своему организму, в котором словно кто верньеру подкрутил — и стало возможно дышать. И тут выяснилось, что кар стоит.

Возможно даже, давно стоит.

Он покосился на соседнее сиденье — Джета там не было.

Действительно, значит, прошло как минимум несколько минут. Саат вытянул вперед руки — кончики пальцев дрожали. Впрочем, могло быть хуже, много хуже. Как тогда, на старой стоянке кхорби.

Выглянул в окно — и сразу увидел и Джета, и Джанелли, и раненого водителя, и доктора, который был с военными. Место он тоже узнал — юго-западный въезд в город, бывший заводской район. У обочины припарковано с десятков машин, невдалеке оборудован пост. Проверка документов? Понятно. Непонятно, почему так долго.

Саат подождал еще минуту, потом решительно выбрался из кабины. Снаружи было еще жарче, чем внутри, и он поспешно надвинул капюшон.

Дорожное покрытие чуть спружинило под ногами, Тепло, от него идущее, ощущалось даже сквозь ботинки. Похоже, это настала самая середина дня. В кочевье в это время стараются даже носа из шатров не показывать. Но то — в кочевье...

Интересно, как там дела у Меаса? Удалось ли задуманное?

Осторожно подошел к группе у въезда. Джет как-то услышал, обернулся. Сказал:

— Нужны документы на всех въезжающих. И на то, что везем.

— И?

— У Даны нет карточки. У доктора нет карточки. И понятно, что ни единого сопроводительного документа на груз.

— Так поговорите с Гусом.

— Я об этом подумал. Инспектор вне зоны досягаемости. Попробую поговорить с Мелиссой или с Кремером...

— Это кто такие?

— Мелисса это Интерпол, а Кремер — мой коллега в полиции.

Больше книг на сайте - Knigolub.net

Потные полицейские мрачно смотрели на них, но молчали.

По нижней трассе встречным потоком шли частные машины. Люди, напуганные сплетнями и новостями, покидали город. По мнению Саата — правильно делали.

Джет ушел в сеть, Джанелли громко переругивался с каким-то своим начальством, доктор стоял молча, скрестив руки на груди. Вид он имел отрешенный.

Наконец, вопрос решился — подъехал синий полицейский кар, из него выскочил Вик, предъявил дежурному личную карточку и тем самым избавил всех от дальнейшего медленного за жаривания.

В город въехали победным строем.

Джет, вновь устроившийся на месте водителя, заметил:

— А ведь город, кажется, принял угрозу всерьез...

— Наличие поста на въезде еще ни о чем не говорит.

Саат был настроен мрачно, — время уходит, и скоро его не останется совсем.

Машины миновали площадь и остановились у центрального офиса полиции.

У главного входа.

Там уже стояла угрюмая мисс Робсон.

Док и Джанелли первыми оказались возле нее и категорически потребовали, чтобы привезенное оборудование было немедленно отправлено в больницу — его там ждут. Мелисса не возражала. Она была занята тем, что высматривала Джета. А его все не было видно.

Он появился одним из последних, и тут же был припечатан к месту вопросом:

— Ну, и где вас, господин Дага, носило целую неделю? Вся полиция с ног сбилась...

Джет обреченно поднял к небу очи:

— По бандитским притонам и страшным подвалам. Мелисса, я все объясню, но чуть позже... а где инспектор?

— Где... в космопорт мэра повез. Тот решил-таки связаться с пограничниками.

Саат поморщился.

— Надо сразу на базу TR-12, военные к нам ближе, и это их прямая работа...

— Это еще кто? — Выгнула красивую бровь Мелисса, — великий эксперт из пустыни?

— Угадали. Мое имя — СтасГнедин, и мне тоже очень нужно в космопорт.

Саат нарочно выделил фамилию. Мелисса пожала плечами — мало ли, кого как зовут. Но посерьезнела.

А Джет вскинул на рыжего удивленный взгляд: такая мысль ему, конечно в голову приходила, и не раз, но он старательно гнал ее, как наименее вероятную.

Саат чуть развел руками и кивнул.

Мелисса тем временем позвала Вика, и попросила отвезти господина Гнедина в порт.

На прощание он попросил:

— Джет, если сможешь... присмотри за Даной... ей сейчас тяжело будет.

Как будто он сам не собирался.

Меж тем Джету предстояло еще довести грузовик до центральной больницы, вернуться в участок и подготовить подробный отчет обо всем, что он узнал и увидел в пустыне...

Саат давно не был в городе. Да и раньше, когда приезжал, видел только дорогу до НИИ медтехники да до клиники, в которой нерегулярно, но обязательно проходил обследования. Сейчас возникла возможность посмотреть на город «просто так». С пассажирского сидения удобного кара, в котором отлично работали кондиционеры.

Город изменился. Может, эти изменения накапливались годами, даже десятилетиями, но сейчас они вывалились на Саата все скопом. Как назло, Вик вел машину по улицам, которые Стас Гнедин знал с детства. И не причем тут подступающая война. Она-то как раз почти ничего не поменяла, разве машин стало меньше, да чаще стали мелькать люди в полицейской форме. Дело не в этом. Просто дома состарились. Просто они, оказывается, куда ниже, чем казались когда-то. Просто заросли колочки, раньше, в детских играх, игравшие роль диких джунглей, теперь стали низкими пыльными кустами... а вон там жила бабка Аннета, у которой внук — капитан звездного корабля. А вот тут раньше были сараи... да, точно. А сейчас новый какой-то дом.

Кар миновал предместье, мелькнул короткий участок трассы. Показались служебные постройки порта и само здание — большой полупрозрачный купол. Ну, куда дальше? К главному входу, или...

Оказалось, «или».

Машина обогнула здание порта и остановилась возле маленького купола диспетчерской, приклеившейся сбоку к основному куполу.

Невдалеке виднелись еще машины. Мэр приехал с эскортом...

Саат поблагодарил полицейского и вышел. Тот спросил:

— Вас подождать?

— Если не трудно. Я постараюсь недолго.

— Хорошо. Только отъеду в тень. А то машина старенькая...

— Да, конечно.

Кар развернулся и укатил к навесам временной стоянки.

Саат в задумчивости оглядел поле. Оно почти пустовало, только на дальней площадке плавился под солнцем чей-то посадочный челнок.

Предстоял серьезный разговор, сначала с мэром Руты, затем с отцом. Возможно, еще можно что-то исправить, как-то стабилизировать ситуацию...

Но ощущение времени, текущего сквозь пальцы, намекало — вряд ли.

Даже если Алексу удастся удержать бандитов Эннета, есть другие пустынные банды, про которые известно только то, что они есть. И они придут в Руту. И скорей рано, чем поздно...

Мэр оказался невысоким плотным человеком лет пятидесяти. Он что-то выговаривал работнику космопорта, изредка делая руками короткие резкие жесты. Рядом с мэром располагалась его свита — несколько человек. Все одеты в легкие официальные костюмы светлых тонов.

Один из них прокашлялся, и тихо спросил:

— Для качественной охраны порта мне нужны еще люди. Того, что есть — мало.

— Инспектор, не вы ли говорили, что для нас сейчас важнее успокоить население, и уделить основное внимание порядку на улицах?

— Это было вчера. Сегодня основная угроза направлена на порт, и я считаю...

— Делайте, что сочтете нужным. Но если по вашей вине в городе случится еще что-нибудь такое...

— Я могу идти?

— До встречи!

Саат проводил инспектора взглядом. Вид у него был встревоженный. Ну, что? Вперед? Вперед!

Он пересек маленький зал, уставленный по периметру контрольной аппаратурой. Пришлось прокашляться, чтобы мэр со свитой обратили внимание, что в помещении появился посторонний.

Местный работник прервал речь на полуслове и замер, смешно хлопнув ресницами. Должно быть, кхорби редко заглядывали в космопорт.

Мэр развернулся и нервно спросил:

— В чем дело? Вы кто?

Сразу стало понятно, какое сильное впечатление произвел на мэра пустынный клановый плащ, небритые щеки и сильный запах пота, исходивший от незваного гостя.

Саат представился и добавил:

— Извините. Душ принимать было некогда.

— Что за спешка? — взволновался мэр. Он и знать не знал, что сын командора Гнедина,

оказывается, много лет живет чуть ли не на соседней улице. Хотя, дети, они разные бывают...

— Как видите, я только что из пустыни. Есть новости, которые заставляют поторопиться. Вы позволите...

Пустынник шагнул ближе к работнику порта и спросил:

— Скажите, сейчас терминал СТП-мега в рабочем состоянии? Им пользуются?

— Да, как обычным телепортом, а в чем дело?

— Где он?

— В большом зале, где и остальные кабины, а что?

— Понятно, с этим позже. Мне нужен выход во внешнюю сеть системы, это можно устроить?

— Да, разумеется. Вам полное подключение, или достаточно звукового канала?

Саат представил, как выглядит в этот самый момент, и поборол сильнейшее желание попросить «полный» канал.

— Звука достаточно.

Работник космопорта покосился на мэра и то ли спрашивая разрешения, то ли сообщая о намерении, произнес:

— Тогда я, наверное, провожу?..

Мэр выразительно пожал плечами. Потом повернулся к Саату и попросил разрешения присутствовать при разговоре. Он сейчас сильно жалел, что не попросил у пустынника личную карточку. Ведь мало ли кто может назваться сыном известной личности, например, чтобы не задавали лишних вопросов, когда он задумает сотворить нечто этакое...

Мэр совсем было собрался исправить свою оплошность, но служащий уже повел этого Гнедина в большой зал.

Павел Маратович как будто совсем не удивился, услышав сына. Разговор их вообще имел сугубо деловую окраску, никаких отступлений от первоочередной проблемы. Поздоровались. Сын сообщил о своих подозрениях... мэр чуть за сердце не схватился, пока тот деловым тоном излагал подробности. Потом отец начал расспросы. Сухие, короткие фразы. Такие же четкие, но развернутые ответы. В конце беседы Павел Маратович вывел:

— Значит, по твоей схеме, сначала бандиты захватывают порт и блокируют связь, потом настраивают «Ступу»... через нее происходит заброска гведианского десанта, который обычными телепортаторами захватывают корабли, расположенные на орбите... хитро. Но слишком велика вероятность ошибки. Надо было сразу со мной связаться, а не тянуть время.

Саат хмыкнул:

— У меня не было надежных доказательств.

— А теперь есть?

— Теперь есть. Когда вас ждать?

— Скоро. Вообще, отправлю-ка я вам для охраны космопорта отряд... той самой «ступой» и отправлю. Подстройка ведь час займет? А серьезную помощь ждите через сутки. Самое большее двое суток.

— Принято.

— До встречи.

Саат разорвал связь и повернулся к мэру:

— Слышали? Надо подготовить СТП-мега. Кто здесь этим обычно занимается?

— Вообще-то любой дежурный... — вставил слово работник порта. — Но я здесь на

практике. С обеда начальник придет, он все настроит.

Саат скрипнул зубами и тихо сказал:

— Свяжись с этим... начальником. Пусть он подойдет. Сюда. НЕМЕДЛЕННО!

В голосе так отчетливо лед звякнул о металл, что даже мэр слегка втянул голову в плечи.

Большой зал космопорта был огромным. Стены и потолок состояли из стеклопластовых панелей. Лишь по краю плавным серпантинном вился такой же прозрачный пандус. Скорей элемент декора, нежели способ подняться на второй этаж. В служебной части помещения наверх вели лифты. И лишь нижняя часть зала делилась на секции «отнорки». Закуток дорожного кафе. Закуток зала ожидания. Закуток багажного отделения. Настоящий лабиринт помещений самого разного назначения и размера. Только часть, отведенная телепортационным кабинам, была довольно просторной — видимо, проектировщики здания предполагали, что здесь будут скапливаться целые очереди ожидающих своего рейса пассажиров.

Сейчас, помимо мэра, Саата и дежурного служащего, здесь находилось человека три. И робот-уборщик.

Саат сразу узнал СТП-мега, хотя эта модель сильно уступала в размере той, что когда-то ему приходилось монтировать.

Ну, что же. Все, что от него зависело, он сделал. Теперь осталось дожидаться «начальника», который настроит «Ступу» на прием сигнала с базы TR-12.

Джет помог Дане выбраться из машины. Она не спорила. Спустилась по лесенке, в которую превратилась боковая дверь, и остановилась, сощурившись под жаркими лучами. Пришлось даже напомнить ей о себе, дернув за рукав. Дана вздрогнула, словно очнулась. И тут же почувствовала, что ее держат за руку. Попробовала освободиться — получилось. Перевела взгляд на державшего, сказала тихо:

— Со мной одни проблемы, да?

— Все в порядке. Пойдем.

— Куда?

— Это больница. Я договорился. Отдохнешь пару часов, выспишься...

— Нет, Джет. Я не хочу в больницу... я не люблю больницы... пожалуйста...

— Да ну, ерунда какая...

— Вы не понимаете. Это не ерунда... я туда не пойду.

Внезапно она отвернулась и побрела по раскаленной улице в сторону жилых кварталов. Даже капюшон не накинула... ведь схватит тепловой удар...

Джет тихо, но энергично выругался и бросился догонять.

Догнал у ближайшего поворота. Поймал за руку, но тут же отпустил — дал понять, что не собирается удерживать ее силой. Она покорно остановилась, дала поправить плащ, закрыть голову. Все молча. Джет, наконец, решил:

— Пойдем. Пойдем ко мне, это недалеко. И это не больница.

— Джет, мне надо в порт. Мне надо на яхту...

— Я понимаю. Но не пешком же ты туда пойдешь? Из дома я смогу вызвать такси. В руте есть такси. Тебя отвезут быстро и с комфортом. Зато ты сможешь умыться и немного отдохнуть.

Она бледно улынулась:

— Я всю дорогу отдыхала. Даже, кажется, заснула.

— Пойдем. Всего два шага. Ну?

И Дана решилась. Кивнула, и ссутулившись, побрела чуть впереди Джета. Словно знала, куда идти.

Через несколько шагов Джет сказал ее спине:

— Дана... а ведь сейчас ты, наверное, уже смогла бы напрямую связаться с орбитой...

Она придержала шаг и виновато ответила, когда Джет с ней поравнялся:

— Да, наверное... но у меня голова немного кружится...

Ну и бестолочь, с нежностью подумал Джет. Бестолковая бестолочь.

Дальше шли молча, до самого коттеджа. Дана чуть не прошла мимо, но Джет вовремя ухватил ее за локоть, и направил к ступенькам у входа.

Когда дверь за ними закрылась, и лица овеял легкий ветерок, рожденный кондиционером у затененного окна, девушка призналась:

— Я думала, эта улица никогда не кончится...

Джет толкнул дверь слева от входа, там тут же включился свет: ванная.

— Вдруг захочешь воспользоваться...

— А просто воды, ну, чтобы пить... у тебя нет?

— В кухне. Это дальше по коридору.

Дана медленно сняла плащ и пристроила его на одну из полочек в прихожей. Стянула ботинки. Осталась босая в синем, не по размеру, комбинезоне. Нервно пригладила волосы и следом за Джетом побрела в кухню.

Джет усадил девушку в удобное кресло, протянул стакан, до краев полный прохладной очищенной воды. Она мелкими глотками тут же ополовинила его. Поставила на стол — руки дрожали — сказала:

— Ну вот, Джет, теперь я у тебя в гостях...

— Да. Как гостеприимный хозяин, я готов предложить обед и отдых...

— Я... я сейчас. Узнаю, как там на яхте... ладно?

— Конечно. Посидишь немного одна?

Ответа он не услышал, ну и хорошо. Сейчас заниматься поисками женской одежды в соседних магазинах было выше его сил. Джет достал с полки большое пляжное полотенце и просторную футболку. Маленькой Дана она будет по колена, а может и ниже.

Долго стоял, тупо уставившись в открытый шкаф. Словно собирался что-то еще оттуда взять, но не смог придумать, что. Потом сложил добычу стопочкой и спустился вниз.

Девушка дремала, устроив голову на сгибе локтя.

Джет сел напротив, легонько постучал пальцами по столу. Она открыла глаза, — взгляд серьезный и сосредоточенный. Даже хмурый.

— Связалась с яхтой?

— Да. Там... ну, почти все в порядке.

— Может, поспишь тогда? Немного?

— Нет. Я на яхте отдохну. Мало ли что искин говорит, что состояние животных не выходит за пределы нормы. Норма — понятие растяжимое.

— Понимаю. Вот.

Дана улыбнулась, взяла принесенные вещи. Пообещала долго ванную не занимать, убрела.

Ну вот. Появилась минута сосредоточиться и спокойно подумать.

Джет вдруг поймал себя на том, что незаметно для себя устраивается полежать на столешнице точно так же, как только что лежала Дана.

Усмехнулся, сел прямо и стал прикидывать, что ему теперь делать. И что делать в первую очередь, а что в самую первую очередь...

Когда открыл глаза, увидел, что Дана сидит на полу у двери, натянув майку на коленки и внимательно его разглядывает, словно пытается разбудить взглядом. Стоило пошевелиться, она сказала:

— Джет, я тут немного похозяйничала. Заказала себе одежду и нам обед, вы не против?

Подступила дневная жара, и преимущество защитников поселка, у которых была возможность хоть изредка пользоваться прохладой и тенью жилых зданий, стало еще более очевидным. У Велли возникло ощущение, что теней на улице не осталось в принципе. По стене склада заскользили прямые раскаленные лучи. Стало ясно — или нужно предпринимать немедленную попытку прорыва, или атакующие просто зажарятся и будут недееспособны. Нет, эти новомодные комбинезоны давали неплохую защиту, но не от постоянного же прямого воздействия злого солнца Руты? Валентин слизнул пот с верхней губы, поднялся, сделал несколько шагов вдоль стены. Часть народа куда-то рассосалась, но остальные маялись не меньше, чем он сам.

Велли опустил на лицо темный щиток, и поднял глаза вверх. Солнце пока не добралось до зенита, а значит, будет еще жарче. Взгляд скользнул ниже, к закругленной крыше склада. Интересно, нельзя ли пробить эту конструкцию? Или там, прорезать, проплавить стену?

Но поделиться этой идеей с товарищами он почему-то не решился.

А потом, откуда-то с дальней стороны поселка затрещали выстрелы, что-то взорвалось, раздались отдаленные крики. Бойцы повскакивали, ожидая приказа. «С какой стороны? — подумал Валентин, — баррикада или снайпер? Или там не один снайпер?».

Теперь бой шел уже, кажется, с двух фронтов. Велли никогда раньше в боях не участвовал, но и ему было видно — сейчас включиться самое время.

И точно! Приказа он не услышал, но побежал, вскидывая оружие, следом за остальными, туда, где должна была быть баррикада.

Что-то затрещало над ухом — нестрашно и отрывисто.

Велли увидел баррикаду — нелепое сооружение поперек улицы — основой ее служил опрокинутый набок грузовой кар. Вверху мелькнул солнечный блик, отразившийся в какой-то блестящей поверхности, но он даже не успел дернуться — человек с той стороны ушел с линии огня. Закричал и упал на песок тот, кто бежал перед Велли, и Риммер оказался словно один на один с баррикадой, до которой оставались уже считанные метры. Рядом какой-то человек остановился и что-то швырнул вперед и вверх — швырнул и распластался на песке неподалеку. Велли с удивлением узнал давешнего «Косынку».

Взрывом баррикаду тряхнуло, в ушах поднялся такой звон, что Валентин перестал слышать не только приказы и крики, но и вообще все звуки боя. Сунул палец в ухо, потряс его там — без ощутимого эффекта. «Косынка» тем временем ползком-ползком двинулся вдоль баррикады. Велли подумал и отправился следом. Он уже видел, что защитники сооружения вывели из строя, по крайней мере, еще троих бойцов. Остальные добежали, но были много дальше, по другую сторону улицы. Через какие-то секунды оттуда раздались крики и стрельба. Велли снял с предохранителя автомат и приготовился стрелять в любого, кто встанет у него на пути.

Но никто так и не встал. Когда он перебрался на другую сторону, стало ясно, что отряд Эннета опять потерял куда больше людей, чем те, кто засел в поселке.

Косынка осматривал обнаруженные тела. Похоже, одного из защитников баррикады разорвало гранатой. То, что от него осталось, хаотично лежало на песке и камнях. Велли справился с приступом тошноты и перевел взгляд выше, на ту сторону улицы, откуда, не торопясь, шли остальные бойцы. Косынка остановился у второго тела, легонько попинал его ногой и выстрелил в голову. Перешел к третьему. Именно в этот момент тихо хлопнул выстрел, и он, медленно сложившись, упал рядом с мертвым защитником. Велли резко обернулся — кто стрелял? Откуда? У левой ноги взвился фонтанчик пыли, и Риммер поспешно отскочил обратно, к стене.

Скорей всего, бьют из склада, откуда-нибудь из-под крыши... там и окно подходящее есть. Здесь, у стены, его не достанут. Разве только еще в каком-нибудь доме засел стрелок...

Косынка неподвижно лежал возле третьего трупа, и непонятно, убит он, или без сознания. Однако никто и ничто бы не смогло заставить Велли снова выйти на середину улицы и проверить. Остальных прорвавшихся он опять не видел — должно быть, они скрылись в одном из домов. Или отступили под защиту перевернутого кара.

Выходов теперь было два. Первый — выбрать удобную позицию, и шмалять во всех, кто сунется на эту часть улицы, если он одет не в привычный бежевый комбинезон. Второй — с риском для жизни проникнуть в склад и попытаться нейтрализовать снайпера. Первый вариант казался более безопасным. Но у второго было огромное и несомненное преимущество — на складе наверняка прохладней, чем снаружи. А здесь даже вдыхать из-за зноя больно. Горло жжет.

Тем более что до подъемных ворот было рукой подать — метров семь. Правда, совершенно открытого пространства...

Велли подумал еще минуту, и решил двигаться. Ничего не происходило, издали слышалась стрельба. Улица поселка казалась совершенно безлюдной и безопасной. Вдох, выдох... вперед.

От идеи преодолеть эти метры ползком он отказался сразу — только представил, каково это, двигаться на карачках, неумело и медленно, глотая вечный рутанский горячий песок.

Бегом бежать не решился. Нет, он, прижавшись спиной к стене склада начал медленное и осторожное путешествие — словно по карнизу высотного здания.

И его не заметили! Бесконечные метры шершавой стены закончились, а улица как была пустой, так пустой и осталась.

Наверное, Велли не решился бы на этот рывок, если бы не то обстоятельство, что ворота были приоткрыты. Снизу темнела щель — как раз человеку пролезть. Не очень крупному. Велли пролез.

Глаза привыкали к темноте почти минуту. Зал. Низкий потолок. Свет льется от осветительных панелей, горящих через одну и вполсилы. Ящики. Почти до потолка. Пусто. Тихо.

Он оценил высоту зала и решил, что должен быть еще этаж. Вот только — стоит ли его искать? Неизвестно ведь, в чью пользу кончится дело, когда он нос к носу столкнется с тем стрелком. Снаружи вдруг раздалась громкая брань, кто-то хрипло заорал «Вперееед!». Валентин замер, вслушиваясь в топот и выстрелы. И тут же понял: сейчас стрелок, если он здесь, слишком занят, чтобы еще обращать внимание на то, что происходит у него за спиной.

Грохнул взрыв, ворота с лязгом упали, закрыв проход, сверху посыпался мусор, мигнул

свет. Велли, как очнулся, бросился вперед, по проходу между ящиками. Благо проход был прямой и не разветвлялся.

У дальней стены обнаружились двери лифтов и аварийная лестница.

Валентин не останавливался, выбирая маршрут, не было никаких сомнений, куда бежать...

Человека он увидел возле небольшого окна. Тот, похоже, целился в кого-то снаружи. Велли вскинул автомат и выстрелил. Получилась короткая очередь, человек дернулся, даже не вскрикнул. Его оружие вывалилось наружу. Стрелок сполз по стене, замер. Велли громко глотнул, и на всякий случай выстрелил снова. Как ни крути, а этого врага он убил в бою.

Жаль только, что пришлось стрелять в спину... но настоящая война далека от той, которую показывают в фильмах. Что бы там ни было, а своим он помог.

Велли всхлипнул: помог... второй раз, между прочим. А в результате?

Он с большой осторожностью подошел к окну — все казалось, что покойник оживет, зашевелится, — и выглянул наружу.

Ох, и вид отсюда открывался! Весь перекресток, как на ладони. Вот бегут «свои»... бегут, огрызаясь по окнам коттеджей короткими очередями, прямо по центру улицы. За перекрестком их ждет засада, но они продолжают бежать, не догадываясь, что вот-вот попадутся...

Велли поднял винтовку и выстрелил туда, где притаились люди в плащах кхорби. Попасть — не попал, конечно, и люди мгновенно ушли с линии огня, но Велли надеялся, что бегущие обратят на это внимание.

Обратили. Но поняли неправильно. Решили, что стреляют по ним, полоснули из автомата по стене склада. Велли на всякий случай отскочил в сторону.

На перекрестке завязалась перестрелка.

— Джет... извините. — Голос инспектора казался приглушенным. — Я понимаю, вы устали...

— Я слушаю.

— Вы хорошо знаете этого Станислава Гнедина?

— Под именем Саат-саа. Я не могу о нем сказать ничего плохого: он здорово нам помог. А что не так?

Инспектор долго молчал, потом рассказал:

— Понимаете, он связался с военной базой, те обещали нам помочь, но...

— Так в чем дело?

— Дело в том, что со мной только что разговаривал мэр. Не перебивайте, дослушайте до конца. Мэр не уверен, что этот человек тот, за кого себя выдает. Мэр утверждает, что возможно, он разговаривал вовсе не с адмиралом Гнединым. Они не называли друг друга по именам. Это мог быть кто угодно. Так вы можете поручиться, что...

Джет вспомнил поселок Слепака. Алекса. Остальных. Тех, кто остался там — защищать Ругу, хотя, в сущности, они могли этого не делать.

Пожал плечами:

— Тогда запишите меня в сообщники.

Инспектор, хмыкнув, отключился.

Дана, уже приодетая в светлые шорты и оранжевую майку, спросила:

— Они нам не очень верят, да?

— Верят. Но как-то криво. Ну? Поехали?

Она кивнула. Сказала:

— Длинные у меня получились гастроли. Я, наверное, сюда не вернусь.

— Идем. Машина ждет на улице. И... Дана, капюшон, все-таки, надень.

Сообщение о захвате космопорта застало их на полпути.

Саат сразу понял, что происходит. Дежурный еще даже не приступил к подстройке «ступы», как со стороны главного входа зазвучали выстрелы и топот. А уж когда из диспетчерской выскочили бандиты в комбинезонах цвета руганского песка, последние сомнения исчезли даже у мэра. Пока работники порта, сам градоначальник и его свита вертели головами в поисках источника шума, пустынный аккуратно, словно на ученьях, расстрелял телепортатор СТП-мега из маленькой «Мерилин-бэты». Той самой, что когда-то принадлежала Бродяге. Пистолет выпал, когда они тащили уничтоженного андроида к машинам. Саат подобрал его, а вернуть хозяйке забыл. Теперь вот пригодился...

Расстрелял не саму арку — ее и танком не поломаешь, — систему контроля и узел настройки. Теперь, если у бандитов нет на это оборудование технической документации, восстановить стационарный контрольный блок они не смогут.

Удивительно, в зал ворвалось одновременно не менее полусотни бандитов. Смели полицейский кордон на входе, действовали быстро и слаженно. Саат только успел оттолкнуть мэра с линии огня и сам укрылся за одним из контрольных узлов, как в помещении стало чересчур людно.

И, разумеется, ни мэр, ни его люди, даже не подумали оказать сопротивление. Более того, когда на главу города оказались направлены сразу несколько стволов он зажмурился и честно признался:

— Это не я! Мне в голову не пришло бы портить... такое ценное оборудование...

— Тогда кто? — спросил кто-то из нападавших. В этих комбинезонах они мало, чем отличались друг от друга.

И мэр, конечно, показал пальцем в нужную сторону.

Саат сплюнул и, держа на виду пистолет, вышел из укрытия. Быть расстрелянным в темном и пыльном углу никак не входило в его планы.

Прицел блуждал от фигуры к фигуре, не останавливаясь ни на секунду. Он и сам стал мишенью как минимум для десятка стволов...

Нужно было непременно что-то сделать, сказать — еще секунда, и их всех просто убьют.

Ситуацию разрядил мэр:

— Кто вы? Что происходит? Что вы творите?!

Внимание части бандитов переключилось на него, и Саат успел даже вздохнуть с облегчением. Правда, облегчение длилось не больше секунды: бандит, стоявший к нему ближе всех, злорадно улыбнулся, и вскинул руку, вооруженную бинком. Парализующий луч взорвался в голове бледным фонтаном, и мир исчез...

Водитель резко остановил машину на выезде из города. Совсем недалеко виднелся полицейский пост.

Джет, тоже услышавший эту новость из приемника такси, попытался выяснить у Гуса подробности, но попытка выйти в сеть закономерно провалилась.

У крайнего дома так же резко затормозил пропыленный муниципальный автобус.

— Чёрт. Придется возвращаться...

— Что случилось? — Дана, задремавшая на заднем сидении, настороженно придвинулась вперед.

— Захват порта. Прямо как мы и думали. И снова работает «глушилка», — поделился новостью Джет.

Дана зажмурилась. Посидела так несколько секунд, потом спросила у окружающего пространства:

— Зачем только я согласилась отдохнуть? Сейчас была бы уже на борту.

Ответить на это было нечего. Разве только в уме еще раз обругать осторожного инспектора и недоверчивого мэра Руты.

— Куда дальше? — спросил помрачневший водитель.

— Возвращаемся. Давайте к центральному офису полиции.

Долго ехали молча. Джет поймал себя на том, что непроизвольно пытается отследить их маршрут по бледной карте навигатора, отобразившейся на лобовом стекле.

Уже в самом центре, когда кар вынужденно сбавил скорость, Дана сказала:

— Интересно...

— Что?

— Сколько у нас времени. До того, как «ступа» заработает... Саат говорил, что ее долго настраивать. Час или два. Интересно, далеко мы сможем отсюда уехать, если поедем прямо сейчас?

Джет выдержал паузу, а водитель и вовсе сделал вид, что не услышал. Девушка добавила:

— За два часа всех не эвакуируешь...

— Дана, знаешь, там ведь сейчас наш рыжий...

Она не ответила. Если бы ответила, Джет, наверное, не удержался бы, сказал ей, что Саат и есть тот самый Стас Гнедин. Человек, слепок памяти которого она использовала, создавая Бродягу. Но Дана промолчала, и он не стал развивать эту мысль.

У главного входа было пусто. Дежурный за стойкой в проходной, кивнул Джету, покосился на его спутницу, но ничего не сказал.

В кабинете у Гуса было тесно и шумно — хотя присутствовало не так уж и много народу. Стоило им войти, как инспектор направил в Джета палец и сдавленным голосом спросил:

— Джет, не вы ли мне говорили, что этот ваш...

— «Этот наш» мешал наладить нормальную охрану порта? — вспыхнул Джет. — Или, может, он вам специально советовал тянуть время и не обращаться за помощью до последнего?

— Но не станете же вы возражать, что захват случился сразу после того, как он появился в порту? Я его видел. Никакого доверия он у меня не вызвал...

Дана неожиданно подошла к столу и с такой силой хлопнула по столешнице ладонью, что мгновенно стало тихо. Все взгляды обратились к ней. Даже Лерой, перебиравший какие-то документы, поднял взгляд. Джет впервые видел вблизи начальника Рутанской полиции. На вид — обыкновенный такой человек. Усталый и осунувшийся.

В тишине Дана сказала:

— Если целью бандитов была «ступа», то они должны знать, как ей пользоваться. То

есть, у нас всего час-полтора на эвакуацию до того, как гведи начнут высаживаться в порту.

— Откуда такие сведенья? — поджав губы поинтересовалась Мелисса. — Ни одного гведианского корабля в районе Руты не появлялось уже года три...

Джет перехватил инициативу и рассказал еще раз о том, что они узнали и о чем только догадывались. Слушали его внимательно.

— ...Саат был уверен, что сможет договориться о помощи с базой TR-12. У меня нет причин не доверять ни ему самому, ни его людям. Которые, кстати, сейчас там, на плоскогорье, пытаются удержать от прорыва к городу одну из банд.

— Понимаю. Но факт остается фактом, — вздохнул Гус, — и ваш пустынный, и мэр остались в порту. Мои люди опоздали на считанные минуты. Они говорят, что захватчики подъехали на нескольких закрытых машинах, расстреляли патрульный кар, быстро проникли в здание, смели кордон на входе. Сейчас все внешние входы в купол блокированы — огонь они открывают, стоит кому-нибудь хотя бы сунуться на площадь. И я понять не могу, откуда стреляют.

Дана тихо повторила:

— Время уходит.

Лерой очень ласково сказал:

— Девушка, да не волнуйтесь вы так. Поверьте, мы все — профессионалы и понимаем, что делаем.

Гус вышел из кабинета, откуда-то с первого этажа вскоре послышался его голос, отдающий распоряжения. Он вернулся через пять минут. Вздохнул:

— Плохо без связи, но наши люди сделают все, что смогут.

— Надо подключить еще пожарное управление, — Лерой медленно встал. — Значит, оперативный штаб будет здесь. Я займусь службами экстренной помощи. Вы, Мелисса, пожалуйста, займитесь журналистами. Еще нам нужна связь...

— Какая? — нервно спросил Дейв Кремер, специалист по контактам с кхорби. Он тоже был здесь, но старался держаться в тени большого начальства. — Сеть-то не работает...

— Хоть самая примитивная, — отрезал Лерой, — нас устроят даже эти... радиостанции... рации... ну, те штуки, помните, которые раньше мы кхорби продавали? До той войны? Как же это называлось...

— На складе, может, что-нибудь... — с большим сомнением в голосе заметил высокий полицейский, устроившийся у окна. До этого момента он что-то быстро настукивал в планшет.

Теперь заряды кончились уже и в старой импульсной винтовке. Но, в сущности, дело сделано: арьергард отошел к заводу, остались только эти трое. Нгэрх, парень-кхорби, заработавший серьезные ожоги, когда в соседней комнате взорвалась граната. Пожар очень быстро охватил коттедж, и он едва успел выскочить наружу. Нгэрх в сознании, но идти может только с посторонней помощью, он по-своему ругается сквозь зубы, кажется, клянется кого-то связать и бросить в пустыне. Еще двое тоже ранены, но идти могут и сами. Одному нужна перевязка — прострелянная рука висит плетью, на желтом плаще — темные потеки крови.

Поселок продержался почти четыре часа, никто и не надеялся на такое время. Теперь, только бы все сложилось с отходом.

Остановились в темном закутке у поваленного информационного щита. До завода — рукой подать. Только площадь перейти. Но кто ж рискнет пересекать ее по прямой, когда бандиты, всего скорей, уже смекнули, что последняя линия обороны снята?

Останавливаться было нельзя, но Сэта ощутимо шатало при ходьбе, и похоже было, что держится он только на одном упрямстве.

Алекс поспешно вытряхнул из аптечки стерильный пакет и жгут, взглядом велел остальным пробираться к заводу. Сэт прислонился к стене, позволяя оказать себе первую помощь. От разорванного пакета пахнуло аптекой. Алекс поморщился и не мудруствуя, просто прижал его к ране, велел «так держать». Затем обхватил парня за талию, и поспешил за остальными.

Он их даже почти догнал. Почти.

Как черт из коробочки, навстречу выскочил бандит. Алекс его узнал — именно он сбежал прошлой ночью, зарезав Нуча. Бандит поднял незнакомых очертаний автомат и нервно, не приказал даже, попросил:

— Руки... поднимите!

До смерти хотелось оглянуться и посмотреть, добрались ли его подопечные до проходной завода. Но делать этого было нельзя. Алекс демонстративно медленно опустил на землю Сэта. Повернулся, показывая раскрытые ладони:

— Ну?

Парень, похоже, только сейчас его узнал — перехватил свой автомат поудобнее, велел:

— Оружие... это... за ремень возьмите и положите на землю...

Алекс выполнил. Медленно-медленно, чтобы не вызвать у собеседника желания стрелять. Как же его зовут... Риммер... а имя?

— Вот не поверишь, ни одного заряда не осталось, ни одного... Это тебя свои так отделали, а, Валентин?

— Не ваше дело!

— Понятно. Валентин, отпусти моего друга, а? Все равно вы уже победили. Он ранен он не сможет никому причинить вреда... а твои друзья его в живых не оставят.

— Я уже двоих ваших убил. Сам.

— Я понимаю. И все-таки. Или тебе понравилось убивать безоружных и беззащитных?

Кажется, в точку. Риммер переступил с ноги на ногу, быстро облизал губы.

Время. Когда не надо, оно так быстро бежит... убегает.

— Давай же, Валентин! Реши что-нибудь сам. Сделай хоть одно хорошее дело в своей короткой жизни...

Стой парень ближе хотя бы на два шага, Алекс, пожалуйста, попытался бы его достать. Но сейчас практически не было шансов успеть перехватить автомат. Значит, нужно продолжать беседу, сокращать расстояние.

Риммер тихо сказал:

— Все равно вам всем конец. Эннет не собирается оставлять свидетелей.

— Вот видишь? Результат будет тот же, но убийцей станешь не ты, а кто-то другой. Или ты готов выстрелить? Вот прямо сейчас?

Валентин промолчал. Алекс сделал едва заметное движение кистью, сзади послышался шорох. Оставалось надеяться, что Сэт сможет убраться отсюда подальше, к моменту, когда появятся основные силы противника. Как только он уйдет из поля зрения Риммера, можно будет начинать действовать...

— Вот скажи, Валентин, как ты вообще в эту банду попал? Неужели всегда мечтал поучаствовать в войне на стороне гведи?

— Гведи? Какие гведи? Они на своих планетах сидят и не рыпаются, так мы их десять лет назад прижали...

— Ну-ну. А костюмчик-то у тебя чьего производства? Разуи глаза, мальчик! Вы готовите почву для высадки на Руту десанта ФСМ...

Так. Осталось выиграть еще шаг. Ну, отвечай, чего ты молчишь... а ствол правильно отвел, удачно. Вот так и держи.

— Или ты думаешь, ваших командиров спонсирует мэр Руты? Нет, друг мой Вален...

Пуля пробила плечо. Алекс упал, непроизвольно схватившись за рану. Но быстро снова поднялся. Пока вставал, услышал:

— Как тебе ствол-то доверили, идиоту...

На Алекса смотрел высокий седой человек с крупными чертами лица. Лицо было покрыто щетиной. Фигура поджарая, движения четкие, уверенные. Боец, определил Алекс. Плохо.

Валентин уже и вовсе опустил свой автомат. Полностью надеется на опыт старшего товарища?

— Взводный, это один из их командиров, — попытался оправдаться Риммер. — Он меня и...

Допрашивал. Валентин хотел сказать «Допрашивал», но вовремя остановился.

— Он меня и приказал отдельно запереть.

— Понятно. Ладно, ты... двигай впереди меня к центру площади. И без фокусов. Пшол!

Долина эта выглядела уютно. Вялый ветер гнал по барханам песок, но не золотистый, как на плато и в окрестностях Руты, а белесый, почти серый, словно перемешанный с пеплом. Единственное место, за которое мог зацепиться глаз — каменное сооружение, выстроенное, казалось прямо посередине пустыни. Великих трудов, должно быть, стоило древним кхорби оборудовать этот колодец. Внешне он более всего напоминал толстый палец, торчащий из песка, с отверстием вместо ногтя. И с небольшим, прикрывающим это отверстие козырьком.

— Стоянка в полукilометре отсюда, — пояснил Хейн удивленному Рою и другим

случившимся рядом людям. — А ждать будем здесь.

— Так скоро солнце встанет... — хмыкнул Рой. — Вон, уже совсем светло. И потом, мы, вроде, торопимся?

— Ждать будем здесь, — повторил Хейн.

Машины остановились в стороне от колодца, никому до него не было дела.

Лишь когда солнце выскользнуло из-за дюн, стал различим тихий гул — к бывшему оазису приближался кто-то еще.

Хейн дал приказ на всякий случай приготовить оружие, но тревога была напрасной. Из-за дюн вырुлил поджарый грузовой вездеход, какими пользуются жители удаленных от города поселков. Это мог быть только Ричард, Никто из людей Эннета не смог бы перетащить машину через сито извилистых ущелий плоскогорья. Слишком много времени ушло бы на объезд.

К тому же у Ричарда, который еще совсем недавно работал автомехаником в одном из парков муниципальной транспортной сети Руты, по старой памяти сохранялся допуск на территорию. А Хейн готов был спорить, что вездеход — оттуда.

Хейн сам вышел встретить старого приятеля. Что ни говори, а в душе в последние дни жил червячок сомнения. Сам Ричард не мог испугаться и предать. Когда-то давно они служили вместе. Но вот те, кого он приведет с собой...

Когда армия Солнечной наконец вышибла из системы гведианские корабли, на Руте было еще очень далеко до возвращения мирных времен. Гуманитарная помощь доставлялась на планету с перебоями, производство, особенно в центральных городах, стояло. Были разрушены многие жилые дома. Но хуже было то, что военные передали власть чиновникам и потихоньку начали выводить планетарный контингент.

Транспортов не хватало, процесс вывода затянулся на месяцы.

Да, были части, которые принимали участие в зачистке дюн от шаек мародеров и самых настоящих разбойничьих банд. Оружия в пустыне осело немало, и туда подались люди, обездоленные войной и не верящие ни в бога, ни в черта, но достаточно решительные, чтобы брать силой то, что им понадобится.

Саймону не повезло. Он три месяца без малого жил на окраине города Руты, маялся от скуки и провожал взглядом сотни нереализованных возможностей изменить судьбу. Тогда-то он и решил завязать с военной карьерой и заняться нелегальным ввозом на планету предметов первой необходимости. Самых разных — от табака и кондиционеров до оружия и боеприпасов. Благо, покупатель всегда найдется. Незадолго до этого Хейн и познакомился с Ричардом. Парень как раз переживал стресс по поводу отстранения от работы на космодроме и назначению в автохозяйство, с сопутствующим понижением в звании. Однако кое-какие связи у Ричарда остались.

Больше двух лет понадобилось Хейну, чтобы наладить надежные торговые каналы, изменился и характер поставок. Ричард стал к тому времени его надежным партнером, повязанным к тому же с предприятием Хейна такими толстыми и белыми нитками, что соскочить с космолета у него не вышло бы, даже если бы он захотел.

Хейн знал расстановку сил в пустыне, контролировал торговлю в территориях, прилегающих к Руте. Собирал дань с кхорби, собирал пошлину с отдаленных поселков. Но палку старался не перегибать, на чем и держался долгие годы, до самого появления в пустыне Эннета.

Когда Хейн понял, что расклад поменялся, и банды — это уже не самостоятельные

образования, а часть системы, причем такой, что лучше на ее пути не вставать, он решил на рожон не лезть и пошел с Эннетом на сделку. Он даже, в основном, выполнял его распоряжения. До последнего времени. Когда стало ясно, для кого в рутанской пустыне мостится дорога, Саймон стал искать способы незаметно и быстро покинуть планету. И Ричард, по мере сил, помогал ему в этом.

Это Ричард стал случайным свидетелем беседы диспетчера Льюиса с яхтой «Которосль» и ее владелицей.

Это при нем Льюис сверял регистрационные коды ввозимого оборудования — андроида третьего поколения. Это он, Ричард, первым догадался, что андроиды все еще можно использовать для настройки припрятанной в скалах «ступы».

Была правда, одна беда: Ричард плохо разбирался в людях. И Саймон уже жалел, что предложил ему привести надежных людей. Неизвестно, насколько они надежные.

Сейчас у Хейна отлегло от сердца — Ричард последовал его совету. Вместе с ним из Руты прибыло всего три человека. «Ступа» — штука ненадежная, капризная. У нее вечные проблемы с синхронизацией каналов и слишком велика вероятность сбоя. Потому в ударной группе людей должно быть немного. Но надежных, отчаянных людей. Желательно — знающих, что такое реальная драка.

Надежных людей всегда не хватает. Даже в своей команде Хейн готов был доверять самое большее — половине. К остальным стоило еще приглядеться. Не смотря на несколько лет знакомства.

Ричард поделился свежими новостями. С его слов выходило, что ажиотаж в городе схлынул. И хотя народ уезжает, выглядит это уже не как паника, а как обычная осторожность. «Полицейских много, — подумав, добавил он, — никогда не думал, что у нас в городе столько полицейских».

В свете лучей поднявшегося светила четыре кара и один вездеход стронулись с места и взяли курс на запад, где за дюнами, невидимая отсюда, располагалась военная база времен прошлой войны. Когда-то там была бетонированная флаерная стоянка, подземная залповая установка и жилой корпус для техников и программистов, обеспечивающих нормальное функционирование этого добра. Корпус в целях маскировки тоже располагался под слоем песка. Время его не пощадило. Из всех построек частично сохранилась стоянка да технический тоннель, ведущий к залу контроля и диагностики ракетного комплекса. Все остальное поглотил песок. Может, и к лучшему.

Но и этого пространства оказалось достаточно, чтобы оборудовать укрытие от дневной жары. Создавалось оно, как перевалочный пункт для контрабандистов, переправляющих на плоскогорье снаряжение и продукты, доставленные из ФСМ. Гведи сами, разумеется, никогда не сажали свои челноки на Руту, но в пограничной зоне всегда достаточно посредников, готовых за определенную мзду и груз доставить, и не задавать вопросов. А уж как незаметно преодолеть пограничные и таможенные посты, традиционно контролирующие эклиптику планетной системы, о том знает чуть ли не каждый пилот. Даже самый добропорядочный пилот — просто на всякий случай. Планетная система — большая. У каждого астероида пост не поставишь...

Как только последняя машина исчезла в дюнах, из колодца выбралась фигура, скрытая красно-коричневым плащом. Человек огляделся, и быстрым шагом отправился по их следам. На песчаные холмы он не взбирался, боясь показаться бандитам на глаза, но двигался быстро, словно точно знал, куда надо.

Потом он долго наблюдал, как двое разгребают песок у входа в развалины, как с трудом поднимают и отставляют в сторону воротину, сорванную когда-то взрывом.

В получившийся проем вполне мог въехать даже тяжелый кар, что уж говорить о малогабаритном транспорте бандитов?

Как только на поверхности не осталось ни одной машины, человек скатился по склону дюны и почти бегом припустил на северо-восток.

Хейн осмотрел арку портала. Раньше она казалась ему большой... но это не так. Вездеход еще как-нибудь пролез бы, и то при условии очень осторожного управления, а вот более серьезная боевая техника, а тем более воздушные машины — никогда. Основные настройки сейчас соответствуют телепортатору орбитальной станции. Если она готова к приему гостей... а почему, собственно, она должна быть не готова? Конечно, готова. Стационарные телепортаторы штуки простые, и всегда настроены на прием. Будучи парными системами, они до последнего времени соединялись только с космопортом Руты. Ну, правильно, с кем тут еще можно соединяться?

Станция висит на геостационарной орбите, прямо над городом. Это сделано в том числе и для того, чтобы телепортаторы работали без перебоев и накладок. А значит, осталось ввести параметры подстройки, дождаться, пока система подтвердит синхронизацию, и можно начинать действовать. Это максимум — час. За час бойцы проверят и подготовят оружие, построятся. За час многое можно успеть. К орбитальному комплексу Руты швартуется прорва кораблей. Наверняка среди них найдется хоть один достаточно резвый и вместительный.

Жаль только, что пока «ступа» подстраивается, нельзя заблокировать сеть.

К установке подошел Стефан, склонился над контактной планшеткой. Хейн едва сдержался, чтобы не приказать ему отойти. Хотя тот, вроде, и смог рационально объяснить свои поступки, доверия ему не было. Впрочем, Стеф быстро потерял всякий интерес к прибору. Заскучал, устроился на крыле вездехода и занялся сменой аккумуляторов в бинке.

— Готовьтесь, — сообщил Хейн в пространство, — я запускаю подстройку.

Рой подошел ближе, стал внимательно следить за руками начальника. Хейн нервно покосился на него, но ничего не сказал, продолжил работу.

— Шестнадцать человек, — доложил запыхавшийся Хаэт. — Пять машин. Они укрылись в старых развалинах... мров-хим, это как сказать? Опасное место...

— Я понял, — Рэтх кивнул, и пояснил для не знающих языка: — Это сооружение, оставшееся с прошлого... с прошлой войны.

Хаэт кивнул, подтверждая. Добавил:

— С ними Стефан.

— О, это хорошо! — обрадовался высокий блондин, единственный не-кхорби в отряде Рэтха. Блондина звали Тимом, он когда-то вслед за друзьями перебрался в пустыню, в кочевье «тех, кто никуда не идет». Перебрался на недельку, ради приключений и экстрима, остался насовсем. — Пока сеть работает, можно попытаться с ним поговорить...

Рэтх в знак отрицания повернул руки ладонями вниз.

— Не стоит. Мало ли, что там? Думаю, если будет необходимость, он сам свяжется с Алексом или Саатом. Но у нас в любом случае мало времени. Скоро солнце поднимется, и мы ничего не сможем тут сделать.

Рэтх никогда не воевал. Никогда ему не приходилось участвовать в подобных вылазках, продумывать план действий, принимать тактические решения единолично. С другой стороны, он был неплохим торговцем, и помнил еще времена, когда пустыня жила нормальной жизнью. Кхорби путешествовали и торговали, разводили наугов, мхентхи занимались земледелием и обработкой металлов, производили ткани, украшения и посуду. Маленькие кланы тхаати там, на берегу океана, рыбачили и собирали морские орехи... Рэтх почувствовал какую-то неуловимую связь между торговлей и новым для него военным делом, почувствовал и ухватился за нее, интуитивно доверяя своему внутреннему «я».

И когда Тим спросил:

— Значит, предлагаешь поторопиться?

Он решительно ответил «Да».

Вот только они немного опоздали.

Посадочная площадка еще не показалась за дюнами, как Тим вскинул руку и крикнул:

— Стойте! Там что-то не то... а, дьявол...

— Что?

— Стефан. Передал, что кто-то кого-то предал. А потом выключился. Он или без сознания, или мертвый уже...

Стефан был без сознания. Но начало событий он видел, и даже в какой-то мере предугадал. Именно потому и отошел подальше, под защиту одной из машин. То, что в планы Роя не входило покидать планету, было очевидно с самого начала. Стефан не мог догадаться только, что в его планы входит нечто другое. А именно — захват «ступы» Хэйна, и использование ее в качестве резервного варианта для десанта гведи.

Все пошло, как по сценарию: В какой-то момент Рой плавным движением вынул из кармана бинк и приставил к шее склонившегося над контролкой Хэйна. Если парализатор был включен на полную мощность, то с такой дистанции это либо верная смерть, либо перспектива доживать жизнь овощем. Хэйн дернулся и упал. Его люди повскакивали, началась беспорядочная пальба из всего того оружия, что бандиты только что готовили для нападения на орбитальную станцию.

А потом кто-то ударил Стефана сзади по голове и он отключился. Надолго.

Тим присвистнул, только взглянув на металлическую створку ворот, что закрывала вход в укрытие. Дураку ясно, что передвинуть такую быстро, и главное, незаметно для тех, кто внутри, никак не удастся. Он перевел взгляд на Рэтха.

Тот пожал плечами:

— Тогда мы не сможем помешать им уйти. Но когда они уйдут, мы сможем помешать им вернуться.

— Мудро. Но я попробую достучаться до Саата. Что он скажет?

Саат отозвался, но не сразу. И канал был очень неустойчивый. Тим разобрал лишь отдельные слова, но общий смысл сводился к тому, что «ступа» Хэйна — последний телепортатор такого типа. Тот, что был в порту — уничтожен, и восстановлению не подлежит.

— Тогда нам лучше подождать, — пророчески произнес Рэтх. — Все может быть.

Песок и металлическая плита гасили звуки, и о том, что происходит в укрытии, можно было только догадываться.

Рэтх подумал и распорядился наугов не расседлывать, а приготовить оружие и боеприпас к нему. Сам расставил людей так, чтобы, по его представлениям, максимально эффективно перекрыть вход, если оттуда вдруг появятся враги.

В отличие от многих других кхорби, Рэтх видел, что такое гведианский десант, еще в ту войну. И враг для него не был абстракцией. Он знал, как может быть одет враг, и какую боль он может причинить. И Рэтх был готов его убивать. Во всяком случае, ему так казалось.

— Я все правильно сделал!

— Не мелькай. Сядь. Видишь, не горит?

Стефан сначала услышал голоса, потом сообразил, где находится, и только после этого ощутил, как сильно у него болит голова. Особенно затылок. Особенно справа. Он постарался лежать неподвижно, и вскоре понял, насколько был прав. Судя по разговорам, Из тех, кто прибыл с Ричардом, в живых не осталось никого, сам Хейн тоже признаков жизни не подает, так же как и двое верных ему людей. Стефан посчитал — получалось, что выживших, кроме него самого, самое большое — семеро. И разумеется, все они целиком и полностью поддерживают Роя.

Шуршание. Щелканье. Тихие разговоры. И как назло, свет от «вечной» лампы бьет по глазам. Пошевелишься, и это сразу кто-нибудь заметит.

Голос Роя:

— Ну, что там?

— Не знаю, вроде работает. Глянь сам...

— Так... а связь будет?

— Я откуда знаю? Я в первый раз ее настраиваю.

— Дали боги помощничка...

Лежать было неудобно — под спиной оказался не песок, а битый камень. В голове металась идея одна невыполнимей другой. Внезапно вскочить и напасть на Роя... вряд ли получится «внезапно», с такой-то головной болью... незаметно подобраться к чьему-нибудь оставленному без присмотра оружию. Ах, если б не эта лампа... или вовсе просто лежать, и тщательно все запоминать, чтобы потом как можно подробней сообщить Саату и Алексу о составе и вооружении гведианского отряда. Буде он все-таки появится. Пожалуй, только это и остается.

— О! Нашел! Сейчас будет связь... через сеть.

— Хоть что-то...

— Открываю канал...

Тишина. По всей видимости, Рой действительно вышел в сеть, и сейчас выслушивает инструкции своего гведианского начальства.

Ага, а это уже интересно!

Рой заговорил:

— До порта по прямой отсюда не менее пятидесяти миль, скорей даже все восемьдесят. Это следует учесть... нет, я не знаю, почему не отзывается передатчик в городе. Это резервная станция, о которой мне удалось узнать чисто случайно... все еще может получиться, если действовать правильно!

Пауза.

— Транспорт — это очень хорошо. Но... а, понимаю. Будет несколько часов, но нужно торопиться. Час? Прием подтверждаю. До связи!

Велли Риммер брел за взводным, вяло размышляя о своей дальнейшей судьбе. Судьба полностью зависела от того, что узнает о произошедшем Эннет. И еще — зачтется ли ему убитый снайпер. Велли подозревал, что не зачтется...

Почему он не выстрелил в этого... как его? Пленный, прихрамывая, двигался впереди. Желтая ткань плаща справа напиталась темной кровью. Валентину показалось, что тот нарочно идет медленно, для чего-то тянет время. Может, чтобы дать возможность тому, второму, отползти подальше?

А что, если вот прямо сейчас взять и рассказать, что их было двое?

Нет, нельзя. Тогда неминуемо станет ясно, что второго Велли отпустил. Сам. Видел, но не убил, дал возможность уйти. Значит, надо молчать. Если задуматься, это даже справедливо: если бы Эннет поверил ему с самого начала, если бы не отнесся так пренебрежительно к его сведениям... и это позорное избиение... тогда, может, все было бы по-другому. Тогда бы, может, сейчас и этот пленный, и тот, другой, были бы уже мертвы.

А что он там говорил про гведи? Ха. Оправдание. Просто нам надоело так жить. Быть людьми второго сорта, с которыми никто не считается. Мы возьмем город, и Эннет устроит новый порядок. И может, тем, кто был с ним, тоже чего-нибудь перепадет. Нам много не надо. Да. Вот именно...

На площади кучкой стояли пленники. Их было удивительно мало — всего шестеро. Двое, к тому же, ранены.

Взводный подтолкнул пленного к этой кучке людей. Про Велли он как будто забыл, но тот знал наверняка, что стоит ему лишь попытаться отойти в сторону, и о нем тут же вспомнят. Он решил не будить лихо, а начал медленно обводить взглядом окрестности.

Похоже, все было кончено. Где-то на окраине еще звучали редкие выстрелы, но далеко, глухо. Дверь в здание завода чуть приоткрыта, возле нее, в тени навеса, устроились двое — охранять. Им там было хорошо в тени, а с Велли пот тек градом.

На одной из трех ведущих к площади улиц споро разбирали баррикаду, основой которой был небольшой кар. Над поселком стоял черный дым — догорало несколько зданий. А ведь еще позавчера здесь спокойно жили люди. Жили себе, работали...

Из здания на противоположной стороне улицы показалась группа, в центре которой шагал Эннет. Зеркальное забрало поднято, видимо, для лучшей узнаваемости.

Остановился возле пленных.

Выбрал одного, на вид самого хлипкого паренька. Ткнул в него стволом автомата, стоявший сзади охранник придал парню ускорения. Тот шагнул вперед.

— Сколько вас было? Ну?

Тот забормотал что-то по кхорбински.

Почти беззвучный выстрел, и пленный кулем упал на землю.

Охранник вытолкнул следующего. Тот охотно ответил:

— Тридцать два человека.

Это была явная ложь. Но Валентин снова промолчал.

— Мне нужен транспорт. Тут должен быть гараж...

— А нет тут транспорта. Было два легких кара, да и те... — пленник выразительно посмотрел на баррикаду. Кар лежал на боку и выглядел жалко.

— Ложь. Здесь завод. Продукцию как-то должны забирать. Ну?

Парень дерзко хмыкнул из-под капюшона и пояснил:

— Так со вчерашнего дня никто ничего не отгружает — машины в город ушли. И если вы не заметили, производство остановилось.

Велли услышал, как кто-то шепнул: «не зли его!», и от души согласился с шепнувшем.

Но тот, похоже, не услышал.

— Вы сами как-то сюда добрались...

— Ножками!

Выстрел. Еще один труп на площади.

Велли поймал себя на том, что ему жалко погибшего. Ведь наверняка тот знал, что в живых его не оставят. И не боялся. И находил силы дерзить.

На миг даже захотелось откинуть капюшон и посмотреть на его лицо. А лучше, оказаться где-нибудь подальше отсюда. И не видеть продолжения допроса.

Но тут началось нечто невообразимое. Сначала — гул мощного подземного взрыва. Дрогнула под ногами земля, с грохотом повалился информационный щит, а потом все потонуло в грохоте обвала — на месте здания завода в клубах пыли, песка и дыма образовывалась полная обломков воронка.

На ногах не устоял никто.

Грохот еще не смолк, когда на площадь вылетел целый табун кхорбинских наугов. Большинство несли всадников.

Остановились подле присыпанной мусором группы.

Кое-кого из пленных пришлось втаскивать в седла, они были оглушены взрывом.

Алекс чуть не потерял сознание, когда его ухватили за раненую руку.

Кто-то из бандитов понял, в чем дело и начал стрелять, но промазал — пыль клубилась, попадала в глаза, мешала разобраться в ситуации.

Позади удирающих с площади кхорби раздался крик:

— Назад! Всем стоять на месте! Это приказ...

Когда пыль осела, Эннет приказал собрать всех на площади. Он был взбешен тем, как медленно происходит сбор — это Велли хорошо видел. Пожалуй, только группа взводного оказалась на месте вовремя.

Зрелище и вправду было печальным — видно, что потери защитников поселка не шли ни в какое сравнение с потерями отряда Эннета.

Слишком много раненых. Теперь они — балласт. Скорей всего, многих придется оставить здесь. Не лишит ли это всю операцию смысла? Видимо, не лишит. Но вопрос транспорта так и оставался открытым.

Эннет еще раз просмотрел карту — судя по ней, отсюда до Руты ближе, чем до ближайшей фермы. И еще не факт, что на ферме будут так необходимые им машины...

Впрочем, две легкие грузовые машины были осмотрены и признаны годными — если бы не разрушенные системы управления и навигации.

К счастью, помимо виртуального, они были снабжены и ручным контролем. К несчастью, ручное управление тоже кто-то тщательно вывел из строя — разбил сенсорные панели, выдернул и перепутал электронную начинку.

Солнце к тому времени ушло с зенита, появились тени.

Тени появились, а решение — нет.

И тогда Валентина словно кто-то дернул. Взглянув мельком на впечатляющие повреждения кабины одной из машин, он подошел к Эннету и сказал, что к вечеру, скорей

всего, сможет заставить их работать.

С техникой Велли дружил. Прожить всю жизнь при семейной мастерской, и ничему не научиться — это было бы странно.

Фонарь от лица убрали, и Стефан, наконец, получил возможность видеть происходящее. Самое главное, он смог незаметно переменить позу — затекшие части тела к тому моменту почти потеряли чувствительность.

Голова болела, конечно, но, если ей не дергать лишний раз, то вполне можно терпеть. И думать можно уже о чем-то помимо этой самой боли.

В доступной обзору части укрытия почти ничего не происходило. Трое устроились подремать у входа. Рой, и еще двое с ним возились около арки портала.

Один — не видно, кто, — по пояс залез в недра крайнего к арке кара, шуршал там чем-то.

Отошел, оставив приоткрытой дверцу — с брикетами сухого пайка в руках...

Машина... та самая, которая раньше принадлежала наблюдателю из Руты...

Интересно, выжил ли он в пустыне?

Нет, лишние мысли — прочь. Итак, кар «Мустанг»... задача: незаметно пробраться на водительское место. Стоит он удачно, маневрировать не придется. Просто стронуть его с места и направить на арку. Заблокировать ее, а если получится, то и разрушить. Кто знает, насколько она прочная? Может, совсем и не прочная.

Не сейчас. Нужно подождать, когда они окончательно отвлекутся. Может, опять переставят лампу... не такой уж яркий луч она дает... но это — в идеале.

Ждать. Считать в уме и ждать, когда они не будут смотреть в эту сторону. Лучше, чтобы те, у арки, снова ушли в сеть. Да, это лучшее, что может случиться. Ну же...

Их придется обогнуть. Пройти в тени за «Ступой», пробраться незаметно, медленно, тихо. Это единственный путь.

Словно подчиняясь беззвучной просьбе Стефана, Рой соединился с сетью. Теперь опасность представлял только один из троих. Нет, он, кажется, тоже... пора!

Стефан на пробу сделал небольшое движение, перемещаясь к стене. Получилось! Теперь бы перевернуться...

И снова, вроде, тихо...

Еще глубже уйти в тень. Отлично! теперь — вперед.

У него все получалось пока удивительно легко. В какой-то момент даже показалось, что план выполним, и если повезет, он на том же каре вырвется из укрытия, протаранив ворота...

Кар был уже рядом, и открытая дверца — вот она, на расстоянии вытянутой руки, когда Рой вернулся в реальность и тут же заметил движение около машины. Теперь счет пошел на секунды — кто быстрее.

Стефану не хватило какого-то мгновения, чтобы захлопнуть дверцу. Тогда он стал бы недостижимым. Но Рой успел вставить в проем руку, и умная машина отказалась выполнить членовредительское действие. Стефан зашарил в темноте по салону, и внезапно наткнулся на что-то гладкое, легкое. Нож?

Стефан схватил это «что-то», и резко ударил, метя в темное пятно на месте человека, который пытался выдернуть его из салона за ноги. Первый удар оказался неудачным, а вот второй заставил Роя кричать. Крик перешел в хрип, хватка ослабла.

Но это было уже не важно: арка портала осветилась зеленым мерцанием, перестала быть прозрачной. Из нее, словно из-за шторы, появились бойцы, экипированные куда лучше, чем люди Роя. Четверо. Тут же открыли огонь...

Стефан упал на сиденье, потерял нож. Дверка медленно встала на место. Очередь прошла по борту кара, боковое стекло покрылось крокелюрами трещин...

Боль в плече и в растревоженной старой ране заставила прикусить губу и зажмуриться — пока гведи не выйдут из старого ангара надо лежать тихо-тихо. Слиться с интерьером... и лишь потом, позже, попробовать дотянуться до аптечки...

Ворота упали внезапно, и тут же из темного проема выскочили гведи. Сразу ясно, что не люди Хейна — у тех не было комбинезонов-«хамелеонов», и вооружены они были куда хуже.

«Хамелеоны» делали контуры фигур размытыми в движении, а когда боевики замирали, то и вовсе становились неотличимы от окружающего песка.

Они еще на бегу начали поливать дюны из силового оружия, — попробуй только показать нос из укрытия, — а не более чем через минуту вслед за ними появился транспорт: непривычно длинные машины, прикрытые энергетическими щитами.

Перестрелка не длилась и минуты, а Рэтх дал сигнал к отступлению — никого из врагов достать так и не получилось, а бывшая флаерная стоянка быстро наполнялась техникой и людьми.

Заодно похвалил себя за предусмотрительность — правильно сделал, что не велел расседлывать наугов. Каждая минута промедления грозила гибелью. И потому маленький отряд покинул оазис «Сухой колодец» с максимально возможной скоростью.

Тим на скаку попробовал связаться с Саатом, но попытка провалилась. Зато отозвался Алекс. Связь была замечательная, словно в мире и не существовало никаких гведианских «глушилок».

— В поселок не возвращайтесь, — выслушав новости, ответил Алекс, — встретимся в Руте. Возможно, вы там будете раньше нас...

Велли закончил ремонт, когда солнце окончательно скрылось за горизонтом. Доделывать пришлось уже при свете фонариков — поселок стремительно погружался во тьму. Видимо, энергетическая станция располагалась в здании завода, а Наэса-зэ горела лишь чуть ярче крупных звезд...

Результатом своей работы Валентин остался доволен. Из двух машин одну удалось восстановить почти полностью — за исключением виртуального контроля. У второй не удалось справиться с переключением скоростей, но это мелочи по сравнению с проделанной работой. Что ж, скорость в любом случае была бы невелика: многим бойцам, очевидно, и дальше придется двигаться пешком.

Но главное — это самое главное! — в тот день Эннет впервые обратил на него внимание. И даже оказал доверие — велел занять место водителя в машине, на которой собрался ехать сам.

В кар со скрипом убралось бы семь человек. Но Эннет приказал сложить туда вещи и воду, сел сам, и выбрал еще четверых особо доверенных людей. Вторая машина была и того меньше, туда поместились три человека. Остальным трем десяткам предстояло идти пешком — под командой взводного. И быстро. Насколько быстро, насколько это вообще возможно по песку.

День длился и длился. Кто-то приходил с докладами, кто-то уходил. Здание полиции гудело ульем, двери не закрывались.

Здесь, в малом конференц-зале, было, по крайней мере, не так шумно: в одном углу полицейские пытались разобраться в устройстве портативной радиостанции. Рации, упакованные в круглые боксы, лежали в углу в трех больших мешках.

Возле составленных столов Джет в компании пожилого сотрудника космопорта колдовал над россыпью бумажных мониторов. Подключение к сети, появившееся было днем, не продержалось и часа. Лишенные возможности просмотреть схемы коммуникаций порта в нормальном объеме и масштабе, они теперь были вынуждены собирать их, как большой пазл — из кусочков, выведенных на компакт. Каждый полупрозрачный, действительно почти бумажный наощупь лист — участок схемы.

Дана подобрала три пустых футляра от раций. На пробу подкинула один в воздух — откроется в полете, или нет. Запор не показался ей надежным. Футляр не хуже любого другого шарика завершил полет у нее в ладони. Она задумчиво подбросила второй и тут же поймала укоризненный взгляд Джета.

Стало стыдно. Она засунула «инвентарь» в карман и подошла к разложенным схемам.

— Хорошо. А это что за ответвление? Написано — технический туннель номер семнадцать... — спросил Дага.

— Это я не знаю. Я обслуживал системы телепортации, а вовсе не технические туннели.

— Значит, нам нужен кто-то, кто сможет ответить... вы знаете кого-нибудь из техников?

— Ну... Луиза Алиева раньше работала, но я сомневаюсь, что она еще в городе. Можно попытаться еще Макса найти...

— Найдете?

— Если не ошибаюсь, он на Горке живет... можно попробовать.

— Хорошо. Давайте закончим со схемой, и вы съездите.

Час назад этот самый сотрудник порта сам пришел в полицию, и предложил идею. В здание вокзала проникнуть можно не только через основной вход, есть еще технические туннели, ведущие к вспомогательным корпусам. Если бандиты об этом не знают, то вполне реально провести туннелями, скажем, группу полицейских, и попытаться застать их врасплох.

План Лерою показался практически невыполнимым, но какое-то рациональное зерно Джет в нем углядел, и с разрешения полицейского начальства занялся восстановлением схемы.

Дана взяла верхний компакт и начала пролистывать план второго подземного уровня. До него Джет еще не добрался, а Дану заинтересовал крохотный операторский зал управления системами коммуникаций порта. Она задумчиво спросила:

— Эта система управляется искином?

Джет перевел взгляд на своего добровольного помощника. Тот ответил:

— Да, разумеется. Это, знаете ли, довольно удобно, когда штат маленький...

— Понимаю. А модель не помните?

— Э... нет. Нам его как настроили лет семь-восемь назад... а что?

— Зуб даю, бандиты блокировали входы командой с терминала в общем зале. А я могла бы пообщаться с системой напрямую. На правах психолога-программиста... а вы не знаете, кто его настраивал?

— Нет, но могу выяснить.

Выяснение заняло несколько минут.

Имя и контакты программиста нашлись в записной книжке заместителя начальника порта.

К общей радости он все так же жил на окраине Руты.

Джет несколько секунд смотрел на злорадно улыбающуюся клоунессу, и ему было не смешно. Можно представить, каких дел Дана там натворит в память о погибшем андроиде... пожалуй, он и сам бы не удержался. Если бы знал об искусственных интеллектах хотя бы чуть больше обычных пользователей. На всякий случай он предупредил:

— Одну я тебя не пушу! И еще не известно, можно ли туда пробраться незаметно.

Вход в зальчик был всего один, и вел к нему основной коридор второго уровня. В том же коридоре располагались склады и узел аварийной электростанции.

— Вот! — показала Дана. — К этой комнате примыкает технический тоннель. Смотрите, здесь проходит силовой кабель...

— А он куда ведет? А, вижу. Это уже у нас на общей схеме... так, номер четырнадцать и сорок семь... не понимаю.

— Другой уровень! — подсказал сотрудник порта, — четырнадцатый уходит вверх, к семнадцатому, вот он у нас. А сорок седьмой уровнем ниже, потому его и не видно.

— Так что с семнадцатым? Вы говорили, есть кто-то, кто знает, куда что ведет? Давайте сюда этого человека, а мы пока ознакомим с идеей Даны городское начальство...

Лерой выслушал их, не перебивая. Потом спросил:

— Что нам это даст?

— Ну, — Дана задумалась. — Для начала я могу просто лишить их воды и света. Или заблокировать все внутренние двери. Пусть сидят по разным отсекам... или...

— А основные входы разблокировать сможете? — Встрял инспектор Гус. Мы могли бы подготовить захват. Но нужно согласовать все по времени...

— Погодите, ничего не получится! — Мелисса даже подошла поближе, чтобы ее слова прозвучали весомей. — Чтобы получилось, нужна сеть, разве нет?

— Ну, работник порта сказал, что искин тут старый, ему не менее семи лет. А, насколько я знаю, раньше они все предполагали два типа настройки, чтобы избежать проблем, связанных с нарушением работы сети. Вообще-то системные команды и у современных моделей все вербальные. Вы не знали?

Мелисса была вынуждена промолчать. Зато снова заговорил начальник полиции.

— Значит, вы проникаете в порт через технический тоннель. Пробираетесь в этот зал. К определенному часу вы должны быть готовы разблокировать все входы... наши люди к этому же моменту должны быть готовы идти на прорыв. Рискованно...

— У меня будет возможность наблюдать за продвижением наших, — взволнованно ответила Дана. — Например, я бы все-таки этих... заперла в разных помещениях, а перед полицейскими постепенно открывала бы двери.

— Это было бы идеально, но возможно, все пойдет не так гладко, и вам придется

быстро покинуть помещение...

— Тогда я просто все отключу. Совсем. Подходит?

— Предварительно. Нужно еще договориться о связи... интересно, что там с рациями?

Джет пожал плечами.

Дана снова уселась в уголке конференц-зала, достала свои «шарики» и тихонько перекидывая их из руки в руку, стала наблюдать, как Джет самостоятельно пытается разобраться в сложных схемах. Он отчаянно путал «проходимые» тоннели и те, в которые соваться не стоит. Водопроводные трубы и кабели, идущие от электростанции. Ругался, возвращался по схемам назад, начинал сначала. Но до появления целой компании служащих космопорта, так и не смог составить приемлемый маршрут.

Смотреть-то она смотрела, а вот мысли, вслед за шариками, улетели далеко отсюда. Она не сказала Лерою, что все то, что он предложил, искин может выполнить и без участия человека-оператора. Это даже не слишком сложная цепочка команд. А значит, сама она может заняться и кое-чем другим...

Джет сказал — Саат где-то там, в здании порта. Его нужно найти. Если там есть система визуального наблюдения, то задача будет совсем несложная...

Или... потом... она может попытаться добраться до яхты. Это будет тоже не трудно. Всего то надо — незаметно пробраться в зал телепортаторов... настройка на орбитальную станцию наверняка сохранилась. А там — четвертый швартовочный узел, и она уже дома. Дома...

Только бы все получилось.

С приходом техников обсуждение маршрута пошло живее и, в конце концов, был выработан не самый простой, но самый безопасный, с точки зрения закона вероятности, маршрут.

Его отметили желтым на схеме. Дана вцепилась взглядом в переплетение тоннелей. Получится? Должно.

— Вот тут я был, — показал техник по имени Максим. — Вполне проходимый участок. А вот как между этажами — не знаю. Там ни лестницы нет, ничего...

— Я справлюсь. Высота не очень большая... а это?

— Не знаю. Вот тут буквы и цифры, видите? Тут расходятся водопроводная и канализационная системы. Это еще под зданием. Дальше трубы уходят под землю, а туннель за ними продолжается дальше. Так вот, там я не был. Не смог пролезть. Боюсь, туда заходили в последний раз, когда эти самые трубы и прокладывали...

— Понятно.

Приехал программист, работавший с ИскИном порта. Дана с первого взгляда поняла, что взять его с собой в тоннели не получится. Программист был полноват и сильно прихрамывал. Зато он принес компакт с кодами и настройками портового интеллекта. Это сильно упростит работу на месте... если только она сможет до этого самого «места» добраться.

Через час в зал зашел инспектор Гус и сообщил, что операция начнется на рассвете. А час «икс» предварительно назначен на завтрашний полдень...

К тому времени на улице уже совсем стемнело.

Свет казался уютным и внушал уверенность. Казалось, все плохое уже позади... здесь, в

здании космопорта, тихо и спокойно. И чисто. Здесь не пахнет горелым пластиком, не скрипит на зубах пыль. Здесь живые пальмы получают свою норму влаги строго по расписанию, а на экране отображается график движения космических судов. Удивительно, но космос, похоже, живет обычной своей жизнью, и не замечает, что на планете происходит что-то не то. Интересно, что будет, если кому-то придет блажь сегодня или завтра высадиться в порту Руты? Да нет, наверняка те, кто пришли сюда первыми, сразу заблокировали телепортаторы — во избежание вторжения извне.

Да, основную работу сделали другие — на несколько часов раньше, чем остатки группы Эннета добрались до городских окраин. Получалось, что они пришли на готовенькое, но это Валентина не заботило. Он отдыхал.

Велли доставляло удовольствие сидеть на мягком диване, не заботясь о соблюдении чистоты. Никто не одернет, не заставит снимать грязный комбинезон, чтобы не пачкать вычищенную роботами мебель. Никто не укажет на грязные следы, что тянутся по полу. Он здесь может делать все, что захочет, по праву сильного. Наконец-то он — победитель! Эннет признал это, когда взял Валентина Риммера с собой в этот ночной бросок по пустыне, разве нет?

Большую часть ночи они провели в пути. И сильнее всего Велли боялся, что его «самодельная» панель управления может выйти из строя, и машина встанет. Но удача была на их стороне, и на рассвете Эннет дал условный сигнал фонариком — их впустили в здание вокзала.

Велли подсчитал: всего в здании закрепилось около сотни человек. Это всех вместе. И «своих», и тех, кто действительно вчера днем провел операцию захвата. И надо признать, это им удалось весьма неплохо. Куда лучше, чем группе Эннета в тот же самый час — выбить из поселка неизвестно, откуда взявшихся пустынных ополченцев.

Тяжелый был день. Тяжелая была вся неделя...

А теперь можно и отдохнуть. Можно подойти к автомату и нацедить фруктового сока. Можно, кстати, полежать — свободных диванов в зале ожидания полно...

Велли заснул, едва только его тело приняло горизонтальное положение. Усталость взяла свое.

И надо представить, как он возмутился, когда кто-то грубо сдернул его с уютной лежанки. А потом еще наподдал носком ботинка.

Неловко поднявшись, Валентин взглянул на обидчиков, но тут же постарался встать прямо — одним из двоих был взводный.

— Хватит дрыхнуть, — сказали ему. — Иди за мной. Есть шанс... реабилитироваться.

Реабилитироваться за тот досадный случай в поселке? Его что, вот прямо сейчас заставят кого-то убить? Снова?

Перед глазами зримо встала картина — прихожая в коттедже, на полу труп, прикрытый пустынным плащом... кровь. Ощущение рукоятки ножа в руке. И еще. Операторская комнатка на заводе. И Шнур, который говорит «стреляй!». А как стрелять, если тебя сейчас стошнит от запаха и вида кровавой расправы? И снова тот человек, другой. Улыбается и говорит: «Ну же, Валентин! Соверши хоть один достойный поступок в своей короткой и никчемной жизни...».

Пока шли, Велли окончательно накрутил себя. Он не знал, что будет дальше, не знал, чем это кончится, и просто тупо переставлял ноги, надеясь, что однажды «это» все-таки кончится, и все пойдет на лад. Что «это»? не важно, что. Все.

Остановились возле двери. Навстречу поднялся до того сидевший на корточках парень. Пыхнул сигаретой. Спросил:

— Значит, я свободен?

— Вали, — кивнул взводный.

Парень кивнул и ушел.

— Значит, ты... — взводный измерил Риммера взглядом. — Твоя задача — охранять эту дверь. Тот, кто там лежит... не думаю, что он в ближайшие часы сможет бегать. Да, если чего попросит — дай. Он может оказаться козырем в игре. Но если все будет тихо, не суйся. Не справишься — ты труп. Все понял? Утром тебя сменят.

Не дожидаясь ответа, взводный ушел.

У Велли крутился вопрос о кормежке, но он так и не решился его задать.

Ни лавок, ни стульев в коридоре не было. Велли дернул одну дверь, другую, но везде оказалось заперто. Дальше по коридору он отходить не решился. Присел на корточки, но ноги быстро затекли, пришлось встать. Из-за охраняемой двери не доносилось ни звука.

Уныло, тихо, светло. Серебристо-серые стены, мягкое синее покрытие пола. Возникла шальная мысль прилечь прямо на пол, но Велли ее отогнал — не хватало еще заснуть на посту. С взводного станется — и вправду убьет.

Помаявшись с час, Валентин решил, — была не была, — заглянуть в комнату. Если там есть, например, стульчик, то пленный может и потерпеть, а Велли такая находка придется как нельзя кстати. К тому же бояться нечего. Сказали же, в ближайшие часы человек, закрытый в комнате, бегать не сможет. Надо думать, драться он тоже не сможет...

Замок у двери был выломан, вместо него в дверную ручку вставлена длинная металлическая трубка. Вынуть ее не составило никакого труда. Дверь мягко приоткрылась внутрь. Там тоже было светло.

Ободренный тем, что пленный никак не отреагировал на это действие, Велли заглянул в комнату.

Раньше это был какой-то офис. О том говорят несколько проекторных панелей, установленных у стен, большое количество живых растений, удобные диваны и столики. К сожалению, вся эта мебель слишком громоздкая, чтобы можно было надеяться вытащить хоть что-нибудь наружу. Во всяком случае, в одиночку.

Тут взгляд Валентина наткнулся на пленника, лежащего на полу. И он обрадовался. Нет, сегодня определенно его день, вернее утро! Такого везенья не было уже давно.

Человек лежал в углу комнаты. Ничком. Руки связаны за спиной. Очевидно, без сознания.

На этот раз на нем не было кхорбинского плаща, но Велли узнал его сразу. Рыжий.

Может, на Руте и много других рыжих, однако Велли не сомневался, что это тот самый, который допрашивал его в поселке Слепака. Вот и славненько!

Риммер сел на диван напротив пленника и стал ждать...

Ночью Дана долго не могла заснуть, сны приходили тревожные. В них фигурировали террористы с «Хирона», бандиты из пустыни и ее звери. Зверей хотели убить, но она их спрятала, и нужно было прятаться самой и ждать, чтобы враги прошли мимо. Она боялась, что глупый пилион выскочит из укрытия, и она не сможет его спасти.

В гостиничном номере все было так, как в тот день, когда ее похитили.

Словно время застыло. Вот, даже инструменты Бродяги на столе лежат. И все случившееся — бред, который не может сбыться.

Незадолго до рассвета ее по радиации вызвал инспектор Гус и сообщил о приближающейся пылевой буре.

— Пришлю за вами машину через час, может, и хорошо, что буря. Выйдем под прикрытием.

Дана выпила кофе. Открыла книжку, тут же свернула ее, — буквы прыгали перед глазами, отказываясь строиться в слова. Ждать еще долго.

Попробовала вызвать по радиации Джета, но не вспомнила цифровой код для настройки на нужный канал, и так и просидела до света, глядя в окно на просыпающуюся площадь.

Ветер гнал по улице пыль, как когда-то гнал ее по поверхности дюн. Она видела, как автоматически закрываются ставни на окнах. А кое-где люди выходят, и закрывают ставни вручную.

А потом ставни опустились на окна ее номера, и намертво отрезали Дану от внешнего мира.

Каждую минуту она ждала, что со стороны космопорта появятся гведи и начнется бой.

Но этого так и не случилось. Теперь остается только гадать, почему.

Ведь ясно, что отсрочка им не выгодна.

Тогда может... может, кто-то смог помешать их высадке? Это мог сделать только Саат-саа, рыжий погонщик-кхорби. Но тогда он почти наверняка уже мертв.

Или, что вероятней, гведи наплевать на город. Им важны телепортаторы. И сейчас они уже захватили орбитальную швартовочную станцию... и суда, которые к ней пришвартованы... и... может, сон был в руку?

Дана не знала, какая версия пугает ее больше.

Очень хотелось приоткрыть окно и взглядываться в бурю: когда же приедет обещанная инспектором машина?

— Не доедешь один, — пророчески изрек Марко. — Даже не думай.

— Втроем. Остальные вернутся в кочевье. — Алекс ощупал повязку и поморщился. — Новости от группы Рэтха неутешительные, город надо предупредить. Но кхорби туда могут просто не пустить...

— Почему?

Марко пришел в долину одним из последних. Алекс все ждал, что парень уйдет, как только поймет, что помощь кхорбинским кочевьям в войне с бандитами перешла в практическую плоскость. Марко остался, и это здорово подняло его в глазах и Алекса и Саата. Как-то незаметно для окружающих он стал пользоваться почти таким же авторитетом, что и Рэтх, а это о многом говорит.

— У кхорби нет документов. Кордоны на въезде не станут считаться с пустынниками. А у нас есть шанс.

Повязка была наложена наспех. Кроме того, Алекс так и не научился прилично держаться в седле науга, и потому сейчас чувствовал себя куда хуже, чем хотел показать.

Вечер дышал холодом. Поначалу это было даже приятно.

— И кто те счастливики?

— Я, ты... еще кто-нибудь, кто хорошо может управлять зверем... Алох пусть ведет остальных в кочевье, возможно, пещеры придется защищать.

— Да, ты уже говорил. Есть будешь? Самое время перекусить и собираться. Сейчас солнце сядет.

Алекс перевел взгляд на зубцы скал. Солнце плавало в луже расплавленной меди. Надо спросить у кхорби, что они думают про погоду...

Алекс так и сделал. И решил, что долго отдыхать нельзя. Если кхорби правы, и к утру поднимется ветер, то времени едва хватит, чтобы основной группе добраться до убежища в скалах. Отсюда до руты ближе. А тем, кто двинется в кочевье, придется еще обходить поселок. На всякий случай.

Велли никак не мог разобраться, дышит побитый пустынный, или нет — казалось, прошло уже несколько часов, а он так и не пошевелился. Что, если в смерти рыжего обвинят его, Валентина Риммера?

Да, но ему ничего не сказали... велели просто караулить дверь. И кстати, не уточняли, что дверь караулить нужно именно снаружи. Так что он имеет полное право на этот диван.

Дышит все-таки или нет?

Велли на всякий случай вытряхнул из чехла бинк и, нацелив в голову пустыннику, легонько пнул его ногой.

Эффект оказался неожиданным: пустынный вдруг согнулся пополам и начал кашлять. Безудержно, страшно, сотрясаясь всем телом. Кроме того, Риммер, наконец, увидел его лицо. Правый глаз заплыл до состояния узкой щелочки, всю ту половину лица закрывал огромный синяк. Подбородок в крови. Отвратительное зрелище.

Валентин против воли вспомнил, как его самого били возле палатки Эннета и, вздрогнув, отвернулся.

Через какое-то время кашель стих, перетек в частое хриплое дыхание. Раздались какие-то скребущие звуки.

Оказалось, пленник пытается подняться. За этими попытками наблюдать оказалось не то, чтобы приятно, а как-то утешительно. Прав был взводный. Никуда он не убежит.

Дождавшись, когда пустыннику кое-как удалось встать на колени, Велли поднялся, и точным пинком отправил его дальше лежать на полу. Правда, на этот раз рыжий упал на бок, и Риммер не успел отвернуться — их глаза встретились.

Облизнув враз пересохшие губы, Велли спросил:

— Узнаешь меня?.. Ну? Помнишь меня?

Рыжий сплюнул темным на ковер, и вновь попытался хотя бы сесть. Валентин позволил ему это.

— Вижу, узнал. А я тебе говорил, что вы пожалеете, что пытались нам помешать? Говорил?

Пустынный словно не слышал. Вытер губы о собственное плечо — на рукаве остался смазанный отпечаток из крови и грязи.

На Велли накатило вдохновение. Он подошел к автомату в углу и нацедил стаканчик воды. Вернулся в кресло и сделал маленький глоток. Он наверняка знал, что пустынный захочет пить. И надеялся, что тот скажет об этом. Но пришлось разочароваться — тот молчал.

Почему-то показалось важным заставить рыжего проявить слабость. Ну что он, железный? Или, может, самоубийца?

Велли наклонил стакан, тонкая струя воды пролилась ему под ноги.

Не то, чтобы это не вызвало никакой реакции у пленного — он изогнул здоровую половину рта в подобии ухмылки. Дескать, что еще придумаешь?

Это взбеленило Валентина, он вскочил, и уже от души саданул ногой по ухмыляющейся роже. Попал. Но тут же вспомнил о том, что рыжий, возможно, нужен Эннету, и отказался от продолжения. Вышел и плотно прикрыл за собой дверь.

Он не видел, как Саат, через какую-то минуту вновь приподнялся с пола. Несмотря на то, что руки у него так и оставались связанными за спиной.

Да что он такое о себе возомнил, этот бродяга? Хочет показать, что крут? Что герой? Да какая разница! Должно же быть что-то, что его проймет? И тогда сразу станет видно, что разницы между ними нет. Никакой разницы.

Вот только пытаться человека Велли не сможет, это уж точно. Кем бы человек ни был.

Велли успокаивался, прислушиваясь к шорохам за дверью. Собственное бессилие его бесило, но он честно пытался понять, как это он, во всех смыслах хозяин положения, вновь почувствовал себя рядом с пленным последней гнусью. И нечем ему было крыть его молчание...

Но взводный сказал, кто-то скоро придет его сменить. И потом, возможно, ему уже не представится случая сказать... что-то такое, что разобьет молчание пустынного. И увидеть... что разницы между ними действительно никакой нет...

Велли прошелся по коридору до темной лестницы, ведущей на подземные этажи, постоял там, вернулся обратно.

Постоял немного у двери и снова решительно вошел.

Пленник за это время устроился почти с удобством. Сил взобраться на диван ему не хватило, но он перебрался в угол комнаты, и сел на пол, опершись о покатый бок одного из огромных кресел. На шум открываемой двери он даже голову не повернул.

— Красиво тебя раскрасили, — сообщил Велли в пустоту. — Но знаешь, ты еще легко отделался. Вовремя смылся в город... как ты думаешь, почему я здесь, а?

На этот раз пустынный соизволил повернуться к нему лицом. Правда, тоже как-то неспешно. Словно раздумывал, а стоит ли.

— Как думаешь, что Эннет сделал с вашими, с теми, кого не убили при штурме? А?

Рыжий чуть прикрыл веки. Велли показалось, это хороший знак. И он добил рыжего новостью:

— А приятеля твоего бородатого я сам...

Договорить Велли не успел. Что-то сбило его с ног, и тут же приложило тяжелым пс голове. Куда из руки девался бинк, он так и не понял. А потом что-то стало давить на шею, и он раскрыл глаза. Когда успел зажмуриться, Велли тоже не помнил.

Оказалось, пустынный душит его коленом. Причем то, что Велли еще жив, — чистая удача.

Он попытался помочь себе руками, но куда там. И тогда он закричал. Из горла вырвался хрип пополам с бранью:

— Ты, урод... отпусти... он сбежал... понял? Потом... гад...

Хватка ослабела:

— Повтори.

— Они взорвали завод и сбежали.

— Алекс?

— Ему плечо прострелили. Но когда я его в последний раз видел, он был жив.

Велли поймал себя на том, что снова все выложил. Ведь не хотел же. В своих фантазиях это он сейчас должен был с насмешкой наблюдать как этот... сдался. Что он раздавлен, и готов делать все, что скажут. И отвечает на все вопросы...

Колено с шеи исчезло.

— Спасибо за новости, Риммер. — совершенно серьезно сказал рыжий. И чуть не ползком вернулся к облюбованному креслу.

Велли поднялся. Увидел на полу свой бинк, поспешно схватил его, и направил на пленника. Кнопка плавно вошла в корпус, потом еще раз и еще. Но выстрелов не последовало. Бинк был разряжен, но пустынный этого, кажется, не видел. Хорошо, что не видел.

Подумалось, что если бы сейчас рыжий захотел, от Велли остались бы только бранные останки. Он поспешно сунул бинк в футляр на поясе.

Нужно было что-то сказать, и он спросил:

— Пить хочешь?

Старенькой полицейской машине было далеко до «Мустанга», но жаловаться не на что. Вся приличная техника сейчас на улицах, патрулирует город.

Ночная Рута разительно отличалась от себя же — чуть больше недели назад, когда никто еще даже не слышал об угрозе. Яркие витрины по-прежнему светились, но магазины были закрыты. Людей практически не было. А те немногие, что все же встретились ему на пути, двигались почти бегом.

Джет собирался провести остаток времени до начала операции дома. Возможно, это последняя спокойная ночь. Он уже хотел отправить машину в гараж, когда пискнула, привлекла внимание, рация, болтающаяся на шее.

Вызывал инспектор Гус.

— Джет, не спите еще?

— Нет. Только домой добрался. А что?

— Патруль задержал в пустыне человека. Он назвал ваше имя.

— Что за человек?

— Не знаю. Сможете подъехать к западному выезду? На месте узнаете и мне сообщите.

Джет, нечего делать, согласился и снова влез в кабину. Ехать предстояло через половину города. Спасибо еще, в машине навигатор полицейский, так что на экран выводятся не только основные дороги, но и все переулки и проезды. Через них будет короче.

Трасса возникла внезапно. Только что тянулся пестрый извилистый переулок, и вдруг — ровная пустынная дорога, мягкий свет фонарей перебивает тусклые квадратики окон. Ни людей, ни машин. Судя по навигатору, полицейский пост будет справа, метров через двести.

Джет припарковал машину у выезда на трассу, проверил, на месте ли личная карточка, и выскочил из кабины в ночь.

Было уже ощутимо холодно, поднимался ветер. На зубах скрипнул песок.

Мимо неспешно проехал тяжело груженный пустынный кар. Кто-то решил покинуть город на ночь глядя...

Джет поежился и пошел следом за ним. Вскоре среди прочих огоньков он высмотрел то, что могло быть только проходной полицейского участка.

Дверь оказалась заперта. Джет внимательно осмотрел ее и обнаружил сбоку сенсорную

панель. Она не выглядела рабочей, но чем черт не шутит? Прикоснулся один раз — никакой реакции. Еще раз прикоснулся — снова безрезультатно. Ну, значит, другого выхода нет...

За частыми ударами в обшитую пластиком дверь тут же последовал ответ:

— Эй, кто там ломится? Лицо покажи!

Джет, не увидев ни окошка, ни каких-либо иных приспособлений распознавания личности, просто отошел на два шага.

— Сейчас открою.

В относительно небольшом помещении было много света и людей. Большинство из них окружали человека в пропыленном желтом плаще, сидящего на диване у дальней стены. Только в диспетчерском уголке продолжала кипеть работа. Если раньше, когда была сеть, с этой задачей легко справлялся один человек, то теперь диспетчеров было трое, и они все время что-то бубнили в свои рации.

Впустивший его полицейский спросил:

— Вы Джет Дага?

Джет протянул карточку. Но полицейский и не подумал ее брать:

— Я все равно не смогу проверить. Так вы — господин Дага?

— Да.

— В таком случае... не могли бы вы взглянуть на этого человека. Он утверждает, что знаком с вами.

Полицейские расступились, и Джет взгляделся в осунувшееся от усталости, но вполне узнаваемое лицо.

— Алекс Донаван, — сказал он неохотно. — Как вы здесь оказались?

Алекс вяло махнул рукой в приветствии, но тут же сел ровнее. Сказал:

— Не смотря ни на что, рад вас видеть живым и здоровым, Джет. Рэтх просил передать: высадка гведианского десанта началась сегодня днем, в районе оазиса Сухой колодец, это чуть меньше сотни миль от Руты. Сами понимаете, они будут прорываться в порт...

— Понимаю. Вы один? Как остальные?

— Остальные ушли в горы. Да. Я тут один. Марко убили, так что больше никого... полицейские его видели.

Джет с трудом вспомнил круглолицего рутанца. Он повернулся к полицейским:

— Далеко вы его нашли?

— В дюнах. Совсем близко. Еще бы немного, и он сам бы сюда доковылял...

— А второй?

— Труп нашли чуть в стороне. И мертвый науг там.

— Понятно.

В этот момент на связь вновь вышел инспектор Гус и порадовал всех сообщением о приближающемся шторме.

Джет не успел отключиться, как один из полицейских выругался нехорошим словом и добавил:

— У него кровь идет! Весь диван изгваздал, смотрите...

— Донаван, не могли сразу сказать, что ранены? — возмутился Джет.

— Новости все же, я считаю, важнее. Да и рана... не смертельная.

Джет скрипнул зубами и сказал:

— Сейчас подгоню машину. Отвезем вас в больницу.

Алекс улыбнулся бледными губами и ничего не ответил. Джет понял, что следует

поторопиться.

Когда грузили Алекса в кар, ветер уже всюду разгулялся, а видимость упала настолько, что если бы не фонари, Джет непременно слетел бы с трассы. Ехать приходилось медленно, каждую минуту ожидая, что из мглы впереди вынырнет или встречная машина или зазевавшийся угол дома.

Ехали молча. И только в самом конце, когда навигатор уверенно указал на больничные ворота, Алекс спросил:

— Как рыжий? Жив?

— Он в порту. Порт захвачен.

Пауза.

Джет помог Донавану выбраться из машины. Тот тяжело оперся о дверцу, молчаливо отказавшись от помощи.

Джет легонько сжал его здоровое плечо и сказал:

— На рассвете попробуем туда прорваться.

— Хотел бы я быть с вами...

— Идемте. Песок.

Песок действительно мешал и говорить и дышать. Даже здесь, под защитой двух больничных корпусов. Холодный ветер гнал поземку, вокруг фонарей вилось марево.

— Похоже на метель, — пробормотал Алекс.

— Кормить меня тоже с рук будешь? — хмыкнул Саат. Он прекрасно видел, как Риммеру этого не хочется.

— Вообще не буду кормить, — отозвался тот. — Сам все съем. Мне, в отличие от тебя, никто еду не прислал.

— Понимаю. Приятного аппетита. Который час?

— Скоро рассвет. Только проку все равно нет. Снаружи буря.

— Да ну?

— Эннет злой, как черт. Говорит, можем не продержаться.

— Так и будет. Сейчас полицейские окружают здание. Потом, под прикрытием бури, подберутся к воротам и высадят их. Потом проникнут внутрь и передушат вас, как курей.

Риммер зябко поежился. Сказал:

— Ты-то все равно об этом не узнаешь. Тебя убьют раньше.

— Да. Скорей всего.

Опухоль на лице пустытника слегка опала, а синяк пошел разноцветными разводами. Выглядело это теперь еще безобразнее, чем раньше. А толку?

— И что, совсем не боишься смерти?

— Не смерти, Риммер. Того, что жил зря.

Велли недоверчиво хмыкнул. Распечатал упаковку сухих консервов, залил водой. Консервы зашипели, нагреваясь.

— Почему зря?

— Хотелось сделать куда больше, чем получилось... а, не о чем говорить. Вот ты сам. Представь, что ты завтра умрешь. И у тебя всего одна ночь времени. А делать ты можешь все, что угодно. Что бы ты сделал?

— Напился бы, — рассеянно ответил тот. — И, наверное, начистил рыло Пабло. Это мой старший брат...

— Н-да. Давай, доедай быстрее. И уматывай. Сейчас твой взводный явится, и...

Уговаривать Риммера не пришлось. Он какую-то секунду раздумывал, не скормить ли, и вправду, последние две ложки горячей каши пленному с рук. Но побоялся. Доел сам и вышел.

Взводный сменщика не привел. Посмотрел на Риммера скептическим оком, заглянул в комнату.

Потом сказал:

— Будь готов. Возможно, полицейские попытаются проникнуть в здание под прикрытием шторма. Большой бури, похоже, не будет.

— Понял.

— Ладно. Жди команды. Без команды никуда не уходи.

Машина за Даной все же пришла. В ней уже сидели Джет, Мелисса, и вчерашний «специалист по подземельям» Максим. Ну, и водитель.

Доехали до приземистого здания на окраине.

Операция началась.

Это был старый контрольный узел системы автоматической подачи грузов. Узел оказался не у дел после реконструкции посадочных площадок для малотоннажников атмосферного класса. Теперь челноки садились гораздо дальше и от Руты и от вокзала, и их работу обеспечивали совсем другие автоматы.

Максим с пульта открыл тяжелую дверь. За дверью было темно, как будто там начинался космос. Мелисса поежилась и пробормотала себе под нос:

— Это туда лезть?

Ее услышал Джет. Уточнил:

— Освещения, я так понимаю, не предполагается?

— Скажите спасибо, что его вообще не засыпали. Эти тоннели представляют опасность. В том плане, что могут обвалиться. Если бы сверху были дома, муниципалитет, думаю, выделил бы средства на демонтаж старых коммуникаций... а так...

Джет хмыкнул — что ни делается, все к лучшему. Во всяком случае, на этом этапе.

Здание было темное, низкое, пустое. Из стен кое-где торчали обрывки кабелей и обрезки труб. Кроме единственной двери — входа в тоннель, — взгляду зацепиться было не за что.

— У-у-у! — крикнула в темноту Дана. Не во всю силу, а так, легонько. Проверила, проснется ли эхо. И если проснется, насколько будет громким. Эхо проснулось, заворочалось, дохнуло холодом из темноты. Холодом и гулким пространством.

Максим включил сильный фонарик. Луч заплескал по гладким стенам, по рельсам — направляющим, бегущим не только по полу, по стенам и потолку тоже.

— Пошли?

Идти вчетвером оказалось не страшно. Кишка коридора не имела ответвлений, и хватало одного фонарика, чтобы осветить ее метров на сто вперед — стены хорошо отражали свет.

— ...Только холодно. — Мелисса словно вслух продолжила разговор с кем-то незримым.

Максим ответил:

— Мы под землей, и чем дальше, тем глубже забираемся. У бывших посадочных

площадок глубина будет около двухсот метров. А температура воздуха около нуля по Цельсию. Но нам так далеко не надо, до здания вокзала гораздо ближе.

— С-сколько примерно?

— Еще минут пять ходьбы, судя по плану. Мелисса, возьмите мою куртку.

— Спасибо, Джет. Я не думала, что здесь так...

Ответвление появилось неожиданно — просто рельс, бегущий вдоль правой стены в одном месте оборвался и возник из стены метра через четыре. В этом промежутке намечалась неглубокая ниша, которая на поверку оказалась дверью. Максим открыл ее, чуть надавив внутрь и откатив в сторону. Объяснил:

— Здесь нет такого песка, как наверху, так что все механизмы работают нормально.

Джет подумал, что за месяц привык к дверям, которые открываются, вращаясь на петлях, а не вдвигаются в стену. А раньше это казалось диким анахронизмом.

— Я здесь раньше не был. В основном, если случалась какая-то серьезная поломка и возникала необходимость в диагностике, мы заходили со стороны зданий порта. Или от диспетчерской, или от администрации. А этим проходом, такое чувство, с момента постройки никто не пользовался...

— А зачем строили?

— Тут все системы продублированы по несколько раз... какой-нибудь вспомогательный кабель кидали, наверное.

— Понятно... а, черт.

— Джет, осторожней, вы нам еще нужны! — ободрила идущая последней Мелисса.

Джет посветил под ноги и обнаружил, что запнулся за небрежно свернутый моток толстой проволоки. Впереди таких мотков валялось еще много.

Дана внезапно остановилась, уставившись в кусочек схемы на компакте.

— Тут должна быть развилка. А я не вижу.

Максим обернулся:

— Сейчас за поворот зайдем, и будет развилка...

Коридор сузился так, что идти рядом стало невозможно.

— Вот, пожалуйста вам.

Развилка. Служебный коридор уходил вправо. Из-под потолка в него спускались влажные разноцветные трубы, и тянулись дальше вдоль стены, оставляя для прохода совсем мало места. Если идти, то только боком.

— Очаровательно, — хмыкнула Мелисса. — Это займет куда больше времени, чем я думала.

— Особенно если учесть что, судя по схеме, нам наверх, — вздохнула Дана. — Интересно, эти красивые трубы меня выдержат?

Протиснулась мимо Максима, положила ладонь на покрытый каплями пластик. Под поверхностью ощущалась едва заметная вибрация. Ну что же, до щели в потолке она дотянется, а дальше, очевидно, придется ползком. Если, конечно впереди не встретится какое-нибудь неожиданное препятствие.

— Может, есть другой путь? — Мелисса все еще ежилась от холода, и перспектива ползти куда-то, прижимаясь к ледяным трубам, ее не радовала.

Тем временем Дана уже взобралась на колено самой толстой из труб, и придумала, как быть дальше. Трубы крепились к стене скобами. Вот эти-то скобы она и использует в качестве ступенек. Главное — дотянуться до края отверстия. А там останется подтянуться.

Дело техники.

— Эй, — позвал снизу нетерпеливый Джет. — Ну, что там?

— Как ни удивительно, трубы. Здесь, пожалуй, и вы пролезете. Но вот, что там за поворотом... я крикну, если найду достаточно пространства, ладно?

Поворот оказался сложным изгибом трубы, которая теперь снова шла вверх. Пространства между ней и стеной едва хватило, чтобы Дана попробовала подняться туда, как по толстому канату. Дело оказалось не из легких. Но, кажется, трюк может получиться.

Присела у дыры, из которой только что вылезла, сообщила:

— Дальше, наверное, из вас только Мелисса пролезет. Остальные застрянут. Вы слишком большие.

Эхо размазало голос, сделав его гулким и неживым. Ответа с той стороны Дана не разобрала. Лезть обратно не хотелось.

— Так я пошла дальше?

— Погодите! — Из дыры показалась сначала рука, а потом и голова мисс Робсон. — Я сейчас...

— Я поднимусь, чтобы освободить место! — поспешно сказала Дана. Было очевидно, что вдвоем они займут тут все пространство, и может быть, даже застрянут.

С трубы вниз посыпались ошметки пыли и грязи. Дана торопилась добраться до отверстия в потолке. Была у нее надежда, что там, по ту сторону перекрытия, можно будет нормально стоять. Перекрытие оказалось неожиданно толстым. Повиснув на руках Дана испытала даже легкое раскаяние, что потащила за собой Мелиссу. Ей наверняка будет трудно...

Однако Мелисса доказала, что обладает всеми качествами тренированного полицейского, и быстро вскарабкалась следом. Правда, нельзя сказать, что лицо ее при этом лучилось радостью.

Девушки оказались в небольшом зале, Три из четырех стен которого занимали стального цвета ящики, а в центре клубком удавов, наглотававшихся карандашей, красовались трубы. Их было намного больше, и уходили они и в стены и в пол, и в потолок.

— Сетевой терминал, — заметила Мелисса, кивнув на нишу в стене. — Интересно, он тоже заглушен, как внешние каналы?

Не дожидаясь ответа, она пристроила шлем на голову, и сразу стала похожа на большое черное насекомое. Куртка Джета, наброшенная на плечи — словно хитиновые крылья...

— Пусто, — вздохнула, снимая периферию. — Но попробовать-то стоило?

Дана изучала схему.

— Если не ошибаюсь, мы уже рядом. Осталось пройти вот этот тоннель и подняться на два уровня. Надеюсь, таких шкуродеров больше не будет...

— Вы, наверное, жалеете, что прилетели на Руту?

— Самое время об этом поговорить! Думаю, нам сюда. Хм. Заперто...

Дана недоверчиво толкнула дверь в обе стороны и даже вверх. Но результат был тот же.

Мелисса подошла, осмотрела дверь и вынесла вердикт:

— Заперто с той стороны, чего и следовало ожидать... ну что, будем возвращаться?

— Погодите. Может, можно как-то обойти...

Мониторчик бесстрастно показывал сплетения труб, коробов, туннелей и технических коридоров. В этой путанице без специалиста разобраться было практически невозможно.

— А вентиляционная шахта где? — с надеждой спросила Мелисса на исходе десятой

минуты.

— Их три. Но ни в одну из них ни я, ни вы не пролезем. Давайте я попробую обойти поверху. Там вообще-то где-то должна быть электростанция... Если получится обойти, открою дверь, если нет...

— Пойдете дальше. — В голосе мисс Робсон мелькнули стальные нотки. — Это куда важнее. А если получится, я полезу за вами.

— Именно это я и хотела сказать. Попробуем?

Дана с уверенностью, которой вовсе не чувствовала, шагнула к переплетению труб.

Подъем стол ей трудов но, в конце концов, Дана исчезла из поля зрения Мелиссы. Та, для верности обождав с минуту, полезла следом. Однако лаз оказался слишком узким. Нужно обладать комплекцией Даны и ловкостью кошки, чтобы преодолеть этот подъем...

— Джет, как там?

Голос у инспектора был нервный.

— Как? Сидим, ждем. Мелисса полчаса назад сообщила, что дверь в семнадцатый тоннель закрыта. Дана пытается обойти преграду по коробам, но пока неизвестно, получится ли.

— У нас плохие новости. Наблюдатели сообщают, что в сторону города из пустыни идет колонна. У нас часа два форы, чтобы попасть в порт, уничтожить бандитов и телепортационное оборудование. Потом придется удерживать комплекс до прибытия помощи. Если она вообще прибудет. А мне нужны все резервы для обороны, на случай если наши выводы не верны, и гведи все-таки полезут в город.

— Мы не можем действовать быстрее. Но я, конечно, передам девочкам, когда они снова выйдут на связь, что время уходит. И, инспектор! Помощь придет.

— Вашими бы устами... до связи.

Джет подкинул в воздух и поймал круглый футляр от рации. Подкинул еще раз, снова поймал.

— Максим, дайте ваш...

— Зачем?

— Хочу понять, как она это делает.

Мелисса еще раз попыталась повторить героический подъем Даны по трубам, но втиснуть себя в узкую щель в потолке, куда Дана каким-то чудом ввинтилась, у нее так и не получилось.

Спрыгнула вниз. Если нельзя так, то может, найдется другой выход? К сожалению, и эта надежда была напрасной. Вызвала Джета, спросила:

— Может, мне вернуться? Попробуем найти другой путь.

— Погодите немного. Может, все еще получится.

Ждать Мелисса никогда не любила. Тем более ждать одной, в тишине и темноте.

Валентин Риммер задремал на посту, прислонившись спиной к охраняемой двери. И жутко испугался, проснувшись. Никого в коридоре не было. За дверью тоже стояла тишина. Но что-то его разбудило. Понять бы, что.

Он посидел, замерев, несколько минут, но это ни на миллиметр не приблизило его к разгадке. Заходить в комнату было боязно — ну, как в этот самый момент кто-то объявится в коридоре?

Наконец он решил дойти до выхода в зал ожидания и осмотреться.

Помещение казалось пустым. Может, все ушли? А про него и про пленника просто забыли?

Велли почувствовал себя немного увереннее хотя бы оттого, что в ближайшие минуты наверняка никто не сунется проверять, как он выполняет свои обязанности. А значит, можно поговорить с рыжим. Он, конечно, тот еще собеседник, особенно когда не в духе, но продолжить сидеть в одиночку, смотреть на стены и накручивать себя — это еще хуже. Да и

проверить не мешает, как там. Может, уже помер, или еще не легче, сбежал?

Пленник не сбежал. Но время даром не потратил — вскарабкался в кресло, и теперь сидел там, как будто вежливый посетитель офиса, ожидающий своей очереди.

Велли сел на облюбованный диванчик, спросил:

— Что не спишь?

— Слушаю.

— Чего?

— Что-то происходит. Ваши беспокоятся.

— А... понятно. Я ничего не слышал.

— Еще бы. Ты храпел.

— Черт.

— Воды дай...

— Сам возьми.

— Тогда руки развяжи.

— Еще чего.

— Ну и ублюдок ты, Риммер.

— Еще слово скажешь...

— И что? Убьешь меня?

— Уйду.

— Ну, бывай.

Пустынник даже глаза прикрыл, демонстрируя, что ему все равно, здесь Велли сидит, или за дверью. Пауза затянулась. Велли сказал: «Сам ты ублюдок!». Но встал, и пошел к автомату. Разве взводный не говорил, что если пленник о чем-то попросит, то нужно дать?

Впрочем, Велли отыгрался, расплескав по дороге половину стаканчика. Остатки воды поднес к пересохшим губам рыжего, тот выпил принесенное в один глоток.

Этажом выше упало что-то тяжелое. Кто-то куда-то побежал по коридору. Вдали, возможно, снаружи, грохнуло.

— Началось? — Нервно спросил Валентин.

— Похоже что.

Велли почувствовал, как у него холодеют щеки. Началось... Полицейские пошли на штурм...

— Слушай, Риммер... ты не знаешь, где остальные пленники?

— Не имею представления. Мы не успели приехать, меня к тебе приставили.

— Жаль.

— Угу. Ни пожрать, ни поспать...

— Вот именно. Что будешь делать?

— Что скажут...

— Ты разменная монета, Риммер, и сам это понимаешь. Однажды нужно начинать действовать самостоятельно, если, конечно, хочешь жить.

Валентин прикусил губу и отвернулся. Однако уши себе заткнуть он не мог — это было бы уж совсем по-детски, — и потому продолжал слушать.

— Давай прикинем твои шансы. Вот сейчас ты услышишь приказ — беги, стреляй. И побежишь. Ты пойдешь против официальной власти, Риммер. Убивать служителей закона. И когда они победят, а они победят, вот увидишь, то тут два варианта. Или ты к тому моменту будешь лежать мертвый, или тебя будет ждать суровый, но справедливый суд. Но скорей

всего, до суда ты все-таки не доживешь. Вы основательно разворошили нору маххо, а это, сам понимаешь, грозит большими неприятностями. Так какой вариант ты выберешь?

— Лажа. Мы прорвемся...

— Куда, а главное, зачем?

— Заткнись...

— Я так понимаю, эти варианты тебя не устраивают. Давай думать дальше.

— Сейчас предложишь помочь тебе, так? Я тебя выведу, а ты меня за первым поворотом прихлопнешь.

— Я не в форме. Я с тобой просто не справлюсь.

Велли вспомнил жесткое колено на своей шее, и только хмыкнул.

— Ладно, какие еще варианты?

— Какие... ты оставляешь меня здесь и прячешься. Хорошо прячешься. Чтобы до тебя не добрались ни свои, ни наши. Потом под шумок, возможно, сможешь убраться.

В голосе рыжего звучала такая неприкрытая издевка, что Валентин только скрипнул зубами. Продолжить разговор — он это точно знал — значит, поддаться искушению. Велли вышел и надежно запер дверь.

Он ждал, что в спину ему полетит какое-нибудь ругательство, но так и не дождался.

А через четверть часа Велли получил вызов по сети — всем наверх! Полицейские начали штурм.

Он замешкался. Черт знает, что его дернуло — вошел в комнату, перевернул пленника, и разрезал веревку на руках.

И только потом побежал, куда звали.

Дана облизала ободранные костяшки пальцев — путь сюда, в контрольную секцию, оказался куда более тяжелым, чем она предполагала. Времени на то, чтобы отыскать Мелиссу, у нее не было, под самым зданием вокзала коммуникации настолько перепутались, и их оказалось так много, что дальше она двигалась, более полагаясь на интуицию, чем на план.

Удивительно, что она почти не плутала. Но и так потратила вдвое больше времени, чем они планировали. На работу с искином оставалось не больше часа. А это мало, не смотря на подробные инструкции, полученные от предшественника. Система старая, профильная, кто знает, какие там могут встретиться заморочки.

Сразу связалась с инспектором: «Все в порядке, начинаю работу». Тот не стал ее поторапливать, но по голосу Дана поняла, что случилась еще какая-то неприятность.

Ладони легли на контрольку, уверенно подключая микрофоны.

— Ну, приступим...

Подключение, не смотря на все страхи, прошло удачно. Пароли и коды сработали как надо, охранная система допустила Дану к управлению. Полчаса ушло на смену приоритетных команд и блокировку терминалов. На всякий случай Дана открыла все двери к залу, в котором должна была ждать Мелисса. Скорей всего, конечно, там уже никого нет, но проверить-то надо...

А вот пропускать полицейских, пожалуй, придется вручную...

У здешнего интеллекта суховатый мужской голос, похожий на голос инспектора Гуса. Дана, проверив еще раз, насколько он ей подчиняется, попросила:

— Покажи изображение с камер в большом зале.

— Задействовать все камеры?

— Только те, которые ловят движение.

— Четыре точки. Пожалуйста.

Все камеры фиксировали перемещение одного человека. Он медленно приблизился к кофейному автомату, постоял возле него. Отошел в сторону, отхлебывая из одноразового стаканчика. Человек был одет в бежевый комбинезон, правда, порядком уляпанный.

— Отлично. Теперь центральный вход, пожалуйста.

— Там движения не фиксируются.

— Да. Как только картинка с этой камеры изменится, сразу сообщи. А теперь покажи все помещения, в которых есть люди.

Ага. Вот Мелисса. Ракурс неудачный, но это она. Идет правильно, скоро будет здесь. Вот группа вооруженных людей в незнакомом помещении. Вот еще такая же группа. Вот кто-то из пленников. Светлый костюм порван, на рукаве кровь. Но в целом выглядит нормально. А это рядом покойник. В таком же светлом костюме. Кто-то из свиты мэра? Еще двое в коридоре. Стоят около источника света. Видно, что один то ли грызет мизинец, то ли наоборот ковыряет мизинцем в зубах.

В принципе, можно попросить дать звук, и подслушать их разговор.

Но картинка снова сменилась. Маленькая комната, в ней сидят, и кажется, мирно разговаривают двое... один все в том же комбинезоне, второй в синей спецовке, почти такой, какую Дана носила в поселке Слепака. Только об эту спецовку кто-то, похоже, долго и вдумчиво вытирал очень грязные ноги.

— Стоп! Звук.

— На камере внешнего наблюдения номер сто семнадцать дробь три фиксируется движение.

— Черт. Что это за помещение? Где эти двое, что за помещение?

— Левое крыло. Второй этаж. Офис туристической компании...

— Ладно. Показывай крыльцо.

Сквозь пылевую завесу Дана разглядела контуры приближающихся машин. Кто? Полиция? Гведи?

Она суетливо вытащила из футляра рацию. Воткнула в ухо наушник, настроилась на канал инспектора.

— Снова я, инспектор. Система под контролем. Можно начинать?

— Да. Начинаем!

— Отлично. Разблокировать двери центрального входа и вход в здание диспетчерской. Приготовиться...

— С терминалов идут встречные команды. Они вступают конфликт с основной задачей.

— Блокируем все внешние устройства ввода. Здесь командуем только мы с тобой, дружок...

— Джет, это Мелисса. Дана освободила мне дорогу, я уже в техническом секторе.

— Отлично. Мы скоро к вам присоединимся. Максим, возвращаемся?

— Ну, нет. Теперь мы можем попробовать зайти от здания администрации порта. Вряд ли нас там кто-нибудь ждет. Но нужно, чтобы психолог-программист убедила искин открыть дорогу и нам.

— Попробуем. Дана, можете расчистить нам путь? Нам нужно в здание администрации.

— Попробую... Открыть все входы на технических этажах... Джет, готово. Попробуйте прорваться в левое крыло, там Саат.

— Я понял.

Бежать вдоль мокрых труб, потом по каким-то низким прямоугольным переходам, потом по хорошо освещенному и ухоженному коридору... бежать мимо пустых темных залов с мертвым, отключенным оборудованием. Бежать мимо гостиницы, у которой заблокированы двери, мимо кафе, мимо поворотов к складам. Бежать вперед, как в неизвестность.

Джет перевесил на грудь, приготовил к работе плазменку, подаренную еще Саатом. Ну? Есть здесь кто-нибудь?

Никого. Здание администрации бандитов не заинтересовало.

Дальше... куда дальше?

Снова вниз. В подземный переход, который должен привести к зданию вокзала. Двери все еще послушно открыты. Надолго ли? Быстрее.

Сеть работала замечательно. Велли в изумлении остановился. Что происходит? Полицейские придумали, как обойти действие хитрого прибора? Мимо проскочили двое, целенаправленно поворачивая к лестницам, ведущим на верхние уровни здания.

А на Валентина волной накатило тихое оцепенение. Он хотел спать — нормально выспаться не удавалось уже чертову тучу дней. Он хотел есть, — порции каши, украденной у пленного, ему не хватило. Если на то пошло, еще больше он хотел в туалет. И эта надобность отбила всякое желание выполнять приказ Эннета.

Он замер на лестничном пролете, вернулся на этаж. Толкнул одну дверь, другую.

Закрывается. Третью. Эта поддалась...

Когда дело было сделано, он услышал в коридоре голос взводного и замер.

— Давай, переставляй ноги, пададь... двигайся!

Кто-то там, в коридоре, тяжело упал. Послышалась брань, еще удары. Кого-то били там, у самой двери приютившей Велли подсобки.

— Вставай, ты... ну!

Велли почувствовал, как кто-то пытается опереться на эту самую дверь. Он метнулся к стене и сжался там, насколько мог, только надеясь, что или дверь не откроется, или взводный не догадается сюда заглянуть...

Дверь распахнулась, на миг Велли увидел пустынного, прислонившегося к дальней стене коридора и половину спины взводного. Тот, чертыхаясь, перекинул руку рыжего через плечо и потянул того, едва переставляющего ноги, вглубь коридора.

Валентин дождался, когда шаги стихнут вдаль, и помчался в противоположную сторону.

Дана не успевала отслеживать бой — перед глазами мелькали какие-то фрагменты. Она помогала, чем только могла. Включала свет, если полицейские оказывались в темноте, перекрывала дорогу бандитам, когда была такая возможность. В какой-то момент заработала сеть, и она стала сообщать инспектору о раненых, и о тех местах, где бандиты собираются закрепиться.

Дана видела, как Мелисса, бросив идею отыскать ее в сплетениях технических коридоров, пробралась наверх и присоединилась к группе полицейских, прорывающихся в левое крыло.

Потом перед камерами мелькнул Джет. Он стрелял в кого-то, убегающего по пандусу вдоль большого обзорного окна.

Потом, как-то сразу, все кончилось. Прекратилась стрельба и беготня. Дана видела, что бандитов в живых осталось не больше десятка.

— Похоже, все? — спросила она удивленно у стен контрольной секции. — Интересно, который час?

Оказалось, бой длился не более получаса.

Экран сейчас демонстрировал, как полицейские потихоньку собираются в зале ожидания. Несколько пленных в наручниках стояли у голой серой стены. Их только что обыскали. Хотелось увидеть хоть одно знакомое лицо. Но почему-то это не удавалось.

— Инспектор, это Дана. Я хочу спросить... не пора включать терминалы?

— Да, конечно. Включайте, и поднимайтесь сюда.

— Тихо, деточка. Медленно подними руки. И дай отбой...

Голос шел из-за спины.

Очень серьезный уверенный в себе голос.

Дана выполнила приказ, даже не пытаясь обернуться.

— Отлично. Умная девочка. Значит, вот как копы узнавали, что происходит... или не только узнавали, а?

Дана молчала, лихорадочно пытаясь сообразить, что делать дальше. Как-то предупредить людей в зале, что как минимум одного бандита она проморгала...

— Что тут у нас...

Дана шепнула:

— Полная блокировка пульта. Реагировать только на мой голос.

— Что ты там... повернись сюда.

Бандит был человеком средних лет. Видимо, он давно живет на Руте, а может и родом отсюда. У него кожа обветренная и темная от загара. И говорит он с местным акцентом...

Еще у него неприятный взгляд. Холодный, оценивающий.

И пистолет.

— Что это за место?

— Пульт охраны, — соврала Дана даже не моргнув. Она сразу решила, что если бандит не понял, куда он попал, то пусть и дальше не понимает.

— А не далековато от основного зала?

— Может и далековато. Спросите у проектировщика.

— Понимаю. Значит, пульт охраны.

— Да, отсюда можно следить, где что происходит.

— Угу. Так, цыпленок... ручки не опускаем, медленно идем в коридор...

Дана последовала приказу. Шансов сбежать в крохотном зале еще меньше, чем в узком коридоре за дверью.

Совсем рядом, в двух шагах, привалившись спиной к стене стоял Саат. На лице, кажется, не было живого места, одну руку он прижимал к груди, но это, несомненно, был он.

Дана, чтобы не ахнуть, зажала рот рукой.

— Странный пульт. Он заблокирован, как и все остальные...

— Разумеется. Я передавала полицейским то, что видела на экране.

Саат услышал ее голос, повернул голову на звук. Губы его шевельнулись, но ни слова не прозвучало. Тем временем, бандит продолжил расспросы:

— А теперь скажи, цыпленок, как ты сюда забралась... Не с полицейскими же пришла, а? И только попробуй соврать, что сидишь здесь третьи сутки. Больно уж у тебя вид для этого... неподходящий.

Дана представила, как выглядит со стороны. Левая штанина разорвана на колене, куртка измызгана и собрала на себя всю ту пыль и грязь, которую долгие годы бережно копили здешние трубы.

— Через электростанцию, — неохотно ответила Дана. — Там аварийный ход ведет к зданию администрации.

Это была ложь — Дана понятия не имела, куда ведет мельком виденный проход. Впрочем, бандит об этом тоже не мог знать, а значит, не мог поймать ее на вранье.

— Вот что, моя радость... этот человек — залог моей жизни и свободы. А, следовательно, и твоей, поняла?

Дана сглотнула. Саат — заложник? Да кто хоть палец о палец ударит, чтобы выволить какого-то пустынного...

Неправильный выбор. Чем он грозит ей самой и Саату? Верней всего, вариантов немного.

— Ну, что задумалась? Бери его слева, я справа. И только дернись...

— Неплохо сработали, — сообщил инспектор Гус собравшимся полицейским. — Но это только начало. У нас из расчетного времени остался час до того как появятся гвечи. Не могу сказать, что город готов к длительной осаде, но смею надеяться, что помощь все же придет вовремя. То же самое касается нас. Нужно тщательно проверить все помещения, кого-то мы могли упустить. Далее. Мы считаем, что порт нам долго не удержать. Потому было принято решение уничтожить основное здание вокзала, в случае, если наше поражение станет очевидным. Минированием предлагаю заняться немедленно...

Джет огляделся в поисках Даны и ее не увидел. Это его встревожило. Но не сильно. Девушка вполне могла задержаться у экранов, разыскивая спрятавшихся бандитов или пленных.

Кстати о пленных.

Они особо тщательно вместе с Мелиссой осмотрели все левое крыло здания и никого не нашли. Верней, нашли помещение, где могли держать пленных — там на полу было много крови и поломана часть мебели. Ни мэра, ни его людей, ни Саата.

— Это твой проход?

Дана кивнула. Темный узкий коридор не вызывал доверия. С другой стороны, здесь все служебные туннели или такие же страшные или еще хуже.

Саат шел все-таки сам. Медленно, вдоль стены, спотыкаясь, часто останавливаясь. Дана каждый раз готовилась к тому, что он упадет, и придется поднимать его одной. Помощи от бандита она не ждала и не желала.

Ей казалось, пустынный находит в себе силы идти, тоже только чтобы этот человек не тащил его на себе.

В очередной раз, когда бандит ушел вперед разведывать дорогу, она успела шепнуть Саату:

— Он меня не обыскал. У меня есть рация.

Пустынный понял, кивнул. Дана по губам разобрала ответ — не сейчас.

И... почувствовала, что ей стало легче. Значит, рыжий способен соображать, он понимает, что происходит. И может, через какое-то время они смогут выбрать момент, чтобы сообщить о себе.

Вид у бандита, когда тот вернулся, был довольный.

— Осталось недолго. Один переход.

— А потом что? — решила спросить Дана.

— Потом мы либо улетим с этой планеты, либо я вас убью.

Ответить на это было нечего.

Взмах пистолетом:

— Идите вперед. Цыпленок, только попробуй убежать... там много не набегаешь.

Дана медленно выдохнула. Место она узнала — видела его на одном из мониторов. Тут проходила Мелисса. Значит, где-то рядом семнадцатый туннель. Если бы она была здесь одна, то, пожалуй, рискнула бы.

Коридор закончился короткой лестницей, которая вывела их к лифтам.

Дана вспомнила схему, и остро пожалела, что бандит не теряет бдительности и постоянно держит их на прицеле. Возможности... сотни невыполнимых возможностей отламывались от реальности и всплывали трупами в реке фантазий.

Поймала себя на красивой фразе. Подумала — это от бессилия. Я ничего не могу сделать, и не известно, представится ли шанс.

— Направо. Теперь налево. Вперед. Быстрее.

Здесь коридоры были хорошо освещены.

Бандит открыл дверь, пропуская их вперед.

Саат, как вошел, так и сел у двери. Сразу. Но все-таки не упал, а сел. Закрыл глаза.

Дана огляделась, и чуть не засмеялась. Помещение было базой роботов-уборщиков. Чистящие автоматы-ползуны висели на стенах в два ряда. Посреди комнаты располагались краны заправки — через них емкости роботов заполнялись водой, пеной, ароматным мылом или жидкостью против пятен.

Но самое главное, что здесь было, это терминал инфосети. Если у него есть вербальный канал восприятия, то Дана снова сможет контролировать все, что происходит в зданиях порта.

Разумеется, если бандит оставит ее наедине с прибором.

Правда, было непохоже, что эта радость ей может грозить.

Бандит подошел к терминалу, попытался заставить его работать. Бесполезно. Он как был заблокирован, так и остался.

Тогда он просто вышел в сеть в минимальном погружении и сказал:

— Значит, кто там... инспектор. Слушай меня внимательно. У меня в заложниках одна симпатичная курица из твоей команды... не перебивай. И, если покойный мэр не соврал, сын адмирала Гнедина. Надеюсь, вы понимаете, насколько серьезны мои намерения. Мои требования — катер атмосферного класса. Немедленно. Кар к аварийному выходу электростанции. И чтобы ни одной живой души на поле! Я не принимаю отговорок. Если ты эти требования не выполнишь, я отправлю тебе лично этих двоих по частям. Понял?

Саат — сын адмирала Гнедина...

Может статься, брат или дядя... или племянник... того парня, чью память Дана когда-то обнаружила в голове свихнувшегося андроида.

Кто-то, кто его знал.

А может, это он сам.

Она мельком взглянула на Саата. Он все так же сидел у входа, закрыв глаза. Зарос щетиной, весь в засохшей кровище и синяках.

Она попыталась вспомнить пустынного таким, каким увидела в первый раз в поселке. Но, кажется, она тогда слишком редко видела его лицо, чтобы хорошо запомнить. То была ночь, то он прятал лицо под капюшоном, то было просто не до того.

Да нет, ерунда. Таких совпадений не бывает...

Что же делать?

— Цыпленок, сядь, пожалуйста, у стенок, не нервируй меня...

Дана шагнула к стене, и тут гул близкого взрыва прокатился по ушам. Мигнул свет. Погас, потом вспыхнул куда более тусклым. С потолка посыпался мусор.

— Это еще что...

В возникшей на мгновение тишине раздался хриплый голос Саата:

— Гведи... добрались, наконец...

— Орбитальная-четыре? Это инспектор полиции Руты Роберт Гус. Да, здравствуйте. С кем имею честь? Как связаться с начальником охраны станции? Да. Переключаюсь. Здравствуй. Это Гус, центральная Руты. Да, все подтвердилось. Да, гведи будут здесь где-то через час. Нет. Сотрудники эвакуированы? Надо убрать все суда от швартовочного узла. Да, мы вас предупреждали. Да, прорыв возможен. Сейчас космопорт удерживают только отряды полиции, и мы не так хорошо укомплектованы... Порталы будут уничтожены. Но тем не менее...

Инспектор огляделся. В зале уже никого не было. Пленных увели, полицейские отправились на точки согласно наспех утвержденному плану.

Инспектор вошел в сеть и попытался взять управление над коммуникациями порта. К его удивлению, это не удалось. Странно, Дана еще полчаса назад спрашивала, не пора ли все разблокировать.

Выругавшись, он попытался отправить вызов, но вызов был проигнорирован. Это могло значить, что до девушки добрался кто-то из бандитов.

Инспектор достал рацию. Покрутил ее в руках, и... положил в карман. Если Дана мертва, ее вызывать бесполезно. Если потеряла рацию — то же самое. А вот если она в плену или без сознания... тогда сигнал рации может привлечь нежелательное внимание бандитов. Будем надеяться, она найдет способ связаться.

Без Даны контроль над системой жизнеобеспечения порта восстановить не получится. А это означает, что бой с гведи уже проигран...

Значит, девушку следует найти.

Именно в этот момент легкая вибрация контактного браслета сообщила, что кто-то желает немедленно с ним поговорить. Инспектор разрешил соединение и услышал:

— Значит, кто там... инспектор. Слушай меня внимательно...

— А, маххо ти лата... встать!

Дана поднялась, перевела взгляд на Саата. Тот совершенно очевидно, самостоятельно подняться был не способен.

— Встать, я сказал.

Девушка шагнула к пустынноку:

— Я помогу.

— Пустое. Сам.

Удивительно, но он действительно встал. Правда, при этом корчил такие рожи, что смотреть жутко.

— Пошли. Ну?!

Снова трянуло. Гораздо сильнее, чем в первый раз. Со стен посыпались роботы. Один из них в падении сильно зацепил бандита. Это давало шанс, и Дана им воспользовалась. Всего два шага к панели терминала:

— Контакт. Восстановить общий контроль над системами порта. Установить внешнюю защиту... она у нас есть, внешняя защита?

— Пылевые экраны на случай урагана. Силовые щиты на здании администрации, энергоблоке и над залом ожидания. Но мощность щитов невелика.

— Они в рабочем состоянии?

Все еще грохотало: кто-то планомерно обстреливал комплекс космопорта.

— Максимальная мощность полей...

— Они работают? Включить все системы внешней защиты!

— Включаю.

Вспышка. Удар в плечо. Удар по голове. Запах паленого пластика...

Глухой крик откуда-то из-за спины:

— Дана!

Темнота.

Саат выбрался из кучи пластиковых корпусов и мягких контейнеров для утилизации мусора. Сначала ему показалось, что он оглох — после грохота взрывов тишина показалась ему ватной. Пыль, повисшая в воздухе, того и гляди могла вызвать приступ кашля, а это было самое плохое, что могло случиться. И так уже организм держался на реанимационных имплантатах. Их поставили в последний медосмотр, чтобы, если легкие перестанут справляться с нагрузкой, пациент дожид до помощи. Но ресурс их не бесконечен. Однажды имплантаты перестанут насыщать кровь кислородом, роботы-стимуляторы перестанут заставлять работать мышцы...

Так уже было однажды. Перед самым началом активных действий банд в пустыне. Но тогда он смог отлежаться, обошлось без оперативного вмешательства.

А тут... сначала бинк. Потом били от души все кому не лень... потом этот Риммер с комплексом неполноценности... потом бросок через подземелья.

Есть, от чего загнуться...

Дана.

В сумеречном свете видно было плохо. Ничего не было видно.

Саат помнил, как девчонка метнулась к терминалу, когда бандита боднул упавший робот. Помнил, как бандит, услышав ее голос, повернулся на звук и изготавился стрелять.

И тогда он совершил лучший в своей жизни пинок уборщика по приборной панели. Еще точнее, он на робота просто прыгнул, толкая его вперед. Аккурат под колени бандита. Выстрел отобразился вспышкой света. Возможно, звук потонул в грохоте обстрела, а может, это плазменный пистолет.

Дана упала. Бандит упал. Посыпалось, все, что было плохо закреплено — последний

снаряд, похоже, разорвался прямо у них над головами.

А потом Саат очнулся — в полной, какой-то ватной тишине.

— Дана, — позвал он. Голос прозвучал невнятно, два передних зуба шатались, хотелось кашлять. — Дана!

Тишина.

Отвалил робота, загораживающего обзор, и тут же увидел ногу в тяжелом армейском ботинке.

Заставил себя перелезть через эту самую ногу, через несколько вперемешку лежащих роботов, изредка переворачивая их.

Чуть не упал, запнувшись о заправочный кран.

Слева от него зашевелилась груда мешков. Через секунду оттуда показалась встрепанная рыжая голова. Сообщила:

— У-ии! Шишка же будет... Саат, вы где? Вы здесь?

Он молча протянул руку, помогая ей выбраться из-под завала.

Услышал жалобную тираду:

— Я в порядке... а вы? Нам надо срочно обратно... надо видеть, что происходит... Я с пульта смогу что-то предпринять...настроить искин... задержать гведи. Саат, вы сможете? Пожалуйста... А этот? Он живой?

Пришлось вернуться, раскопать бандита.

Дана наклонилась, вглядываясь:

— У него шея сломана, что ли?

Бандит не дышал.

Саат вздохнул с облегчением. Добить этого товарища было нечем... а руками бы — сил не хватило. И потом, как ни прискорбно, но наличие рядом Даны начисто отбивало всю кровожадность.

— Идемте, — сказал он.

— Я сейчас... — Дана зашарила по карманам, — надо рассказать инспектору...

— Им сейчас не до того, поверьте уж мне. Идемте, Дана.

Она кивнула.

Однако Саат, все же не рассчитал свои силы. Уже где-то у лифтов у него голова закружилась так, что пришлось остановиться, и даже подержаться рукой за стену.

Дана, разумеется, заметила. Подошла, спросила жалобно:

— Саат, ну так разве можно? Держитесь за мое плечо. Тут совсем недалеко!

— Я тяжелый. Дана, бегите вперед. Я догоню.

— Уже бегу... со всех ног, блин.

— Слушай, там, может, твоя помощь нужна. Если взрывы прекратились, значит, гведи либо уже в здании, либо вот-вот там будут.

— Держись, я сказала — прошипела она. — Дольше спорить будем...

Пришлось послушаться. Да ему и хотелось послушаться.

— Урод, говнюк, ублюдок недоношенный, коззел!.. — Фантазии Лысого не хватало на заковыристую брань, а вот энергии было даже больше, чем нужно.

Риммер был полностью согласен со звучащими эпитетами, и если бы осмелился, добавил бы к ним своих. Но он не решался. Лысый принадлежал ближнему окружению Эннета, и поддакивать в этой ситуации, означало — нарываться. Тем более что все выкрики

имели непосредственное отношение к самому Эннету.

— Притухни, — предложил Фредди. — Сам виноват.

— Чо?

— Бегать быстрее надо, а не «чо»...

Велли, прикусив губу, смотрел, как от ворот подземной стоянки медленно отъезжают машины. В них — все, кто выжил после боя за порт. И все, кто успел к месту сбора.

Они трое — не успели. Вероятней всего, многие не успели. Машины было всего три. Один тяжелый грузовик, а две — обычные городские кары промежуточного класса.

От ощущения приближающейся катастрофы хотелось кричать в голос. Велли изредка поглядывал с надеждой на старших товарищей, но те, видимо, сами не знали, что делать дальше.

— Положу всех, — хрипло сообщил Лысый, когда запас брани у него окончательно иссяк.

— Для этого надо, как минимум, чтобы они вернулись...

— А..., какая разница?

— Смотрите... — прошептал Велли, который все это время с тоской наблюдал за машинами, уходящими в змеящуюся пылевую муть. — Смотрите!

Идущий впереди грузовик уже почти скрылся в мареве. И вдруг на его месте, там, где только что маячило мутное пятно, разлилась короткая яркая вспышка. Потом еще одна, и еще. Велли увидел, как идущие сзади легкие кары попытались, покинув дорожное покрытие, свернуть в дюны. Это им не удалось...

Фредди обозначил ситуацию емко, но неинформативно. Лысый сплюнул под ноги:

— Гведи! Дерьмо, они не собирались оставлять нас в игре...

— Надо отсюда уходить, — предложил Велли, не в силах оторвать взгляда от догорающих в черном дыму машин. И в этот момент первые удары посыпались на основной купол здания вокзала. Оставалось только порадоваться, что техническое крыло, в котором сейчас они находились, располагается в пятидесяти метрах от принявшей на себя удар конструкции...

— Всех положу, — пробормотал Лысый, и вдруг, без всякого предупреждения, бросился к выходу.

От грохота следующего взрыва у Велли заложило уши. Он мешкал лишь секунду...

Купол большого зала не провалился внутрь только чудом. В нем зияли бреши, пол оказался засыпан обломками пластика и крепежных конструкций.

Джет видел, что если так будет продолжаться, то шансов удержать гведи хотя бы час, у них просто нет. Да какое — час. Хорошо снаряженные вояки просто пройдут по ним, даже не заметив, что тут кто-то был.

А потом все резко изменилось. На обзорные окна купола опустились пылевые щиты. Они закрыли даже часть пробоин. Стало темно. Сверху посыпались искры, хищно затрещали разряды — это закоротило поврежденные взрывами цепи. А значит, включились силовые щиты. А силовые щиты, это драгоценное время, время, которое удалось выиграть...

— Темно, — посетовала Мелисса, выглянув в зал.

Джет промолчал. Укрытие они выбрали не самое надежное, но зато тут было одно несомненное преимущество. Полуразрушенное табло закрывало спрятавшихся от взглядов тех, кто войдет в зал через арку главного входа.

А вот, если гведи появятся из коридора...

Снова работала глушилка, и теперь стало совершенно непонятно, что и где происходит. Здесь же, у бывшего зала ожидания, пока тишь да гладь.

Это, кстати, еще ни о чем не говорит. Первая линия обороны проходит по пандусам самого верхнего уровня. Там есть смотровая площадка. Именно ей пользовались бандиты, чтобы не подпускать к зданию полицейских...

— Может, они тут и вовсе не появятся, — прошептала мисс Робсон, которая очень не любила ждать.

— Хорошо бы. Но вон тот вход, видишь? Это единственная дверь в зал телепортаторов, насколько я понимаю. Так что, будь спокойна, они здесь будут.

Вспыхнуло, загрохотало.

Джет зло выругался, увидев, как рушатся панели защиты у главного входа.

Вероятно, сработал какой-то аналог армейского мерга.

— Сейчас начнется, — посулил он напарнице, и поудобней перехватил плазменку, приготовившись стрелять.

— Сюда бы дискомет... — мечтательно шепнула Мелисса.

Джет кивнул, хотя и удивился осведомленности мисс Робсон. Дискометы еще не успели стать распространенным видом оружия.

Диски были не диски, а дипольные генераторы силового поля. Вращаясь с бешеной скоростью, они добирались до любой точки неподалеку от цели. Момент окончания вращения активировал поле, и поле резало пополам все, что находилось в его плоскости. Диаметр поражения метров двадцать. Впрочем, если ты недалеко от этих двадцати, то тоже можешь заработать серьезные порезы или ушибы. Прелесть в том, что стрелявшего вычислить практически невозможно. Диски маленькие и плоские, замечают их обычно только после того, как дело сделано, а само оружие работает тише, чем дышит стреляющий из него человек. Кроме того, вращение остановить может только серьезное препятствие. Например, ткань любой толщины, кожу или гибкий пластик диск проходит на раз. А от камня или стали он может и срикошетить. Вот тогда стрелка уж точно никто не увидит.

Единственное условие — «соблюдай дистанцию».

Интересоваться, откуда у звезды Интерпола такие познания, было уже некогда — Первая группа атаковавших появилась в светлой бесформенной дыре, что когда-то была центральным входом.

Джет навел свое оружие на цель и тут же выстрелил.

Попадание было. Но вот имело ли оно смысл?

— У них броня, — ахнула Мелисса.

— Ну не в купальниках же им на штурм идти?

Еще выстрел. Еще. Помогает? Не похоже. Их четверо. Должна быть пятерка, но из четверо. Значит, одного достали еще на входе.

Еще выстрел.

Джет выбрал себе мишенью того, кто шел первым и, похоже, командовал. Мелисса сжимала бесполезный против защитных скафов гведи импульсник, и ждала, что будет дальше.

Быть бесполезной она любила еще меньше, чем ждать.

Черта с два они оставят в покое город, подумал Лерой. Можно было догадаться.

С наблюдательной вышки городского периметра и в бинокль было прекрасно видно, что сражение за порт проиграно еще до начала. Несмотря даже на противоураганные щиты. Гведи было не так и много, но вот снаряжены они на порядок лучше, чем полицейские. И большая их часть отправилась не к зданиям порта, а к посадочным блокам погранично-таможенной службы. Там, по их расчетам, находятся атмосферные катера таможенной полиции...

Ну что же, катера там действительно были еще вчера. А сегодня утром, как только бандитов удалось выбить из здания диспетчерской и от ангаров, по приказу самого Лероя, все работающие машины покинули стоянку, и ушли за гряды холмов к западу от порта. Во-первых, чтобы не облегчать жизнь атакующим, во-вторых, они могли оказаться единственным козырем в этой нечестной игре. Кораблики неплохо вооружены, имеют дополнительный запас прочности, и им уготована роль дополнительного заслона для города, если гведи все-таки сунутся за периметр.

Жаль только, что тех катеров всего три.

В резерве у командующего обороной Руты были еще несколько единиц тяжелого наземного транспорта — армейские песчаные кары, оставшиеся с той войны. Сигнальный периметр, к сожалению, сохранившийся далеко не на всех участках. Несколько боевых скафов, позаимствованных в музее истории и археологии, и тоже в возрасте не менее десяти лет. И добровольцы-горожане в количестве около двух тысяч человек...

У гведи было человек двести. Но эти двести — в боевом снаряжении их последних моделей. Плюс кары, снабженные силовой защитой. Плюс оружие, предназначенное для боя, а не для того, чтобы отпугивать контрабандистов от орбиты...

И у них просто наверняка должны быть свои телепортаторы. Во всяком случае, на месте гведианских командиров, сам Лерой позаботился бы привезти оборудование, которое защитники порта непременно выведут из строя. В этом случае дело сведется к восстановлению каналов подключения и настроек на орбитальный комплекс. Каковые хранятся в искине космопорта.

Теперь-то ясно, зачем гведи понадобилось захватывать порт руками бандитов. Чтобы не было неожиданностей, связанных с работой автоматических систем.

Тактически, уведя катера, Лерой выиграл у гведи один ход. Теперь они предсказуемо попытаются заполучить порт в свое полное распоряжение, по возможности не повреждая его «начинку».

Если сейчас Гус уведет своих людей, имитируя капитуляцию, гведи войдут в порт. И тогда можно будет взорвать все к чертовой матери. Вот только, гведи инспектору могут и не поверить. И есть немаленькая вероятность, что часть их все же отправится сюда.

А если гведи удастся выйти на орбиту, то что дальше?

Далеко не все корабли удалось отвести от швартовочного узла за прошедшие сутки.

В первую очередь дело касается ремонтных доков. С частью капитанов просто не удалось связаться. А четвертая станция, между прочим — самая большая на орбите Руты...

Впрочем, от лероя сейчас требовалось только одно — не допустить гведи в город. Тем, что происходит в порту, занимается Р. Гус. Отсюда, с расстояния в шесть километров, можно только смотреть, как веселые огни пляшут по куполу вокзала, как взрывы накрывают несколько машин, попытавшихся вырваться из здания. Как гведи расстреливают центральный вход и проникают внутрь...

Кажется, какое-то время Джет был без сознания. В ушах звенело. Он, даже не пытаясь подняться, провел ладонью по лицу. Чисто чтобы проверить, а, сможет ли двигаться рука, бэ, есть ли у него еще голова.

Прикосновение вернуло ощущение реальности. Голова болела. Даже не так. Голова была тяжелой, мысли в ней плавали, словно в пустом гулком котле. Сверху, прямо перед глазами, сумеречные лучи выхватывали фрагменты усиленного щитами купола. В куполе зияли дыры.

От настойчивого звона хотелось немедленно куда-нибудь уползти. И Джет даже приподнялся немного, с тем, чтобы воплотить эту идею, как вдруг звон резко прервался. Звенело, оказывается, не в голове. Звенела, настойчиво требуя внимания, рация.

Джет оглядел окружающую реальность с новым интересом.

Табло, которое столь недавно укрывало их с Мелиссой от внимания вероятного противника, обвалилось. Чуть правее стеклопластовая панель оплавилась до черноты, видимо, приняв на себя удар плазменной винтовки. Или чего-то подобного. От нее неприятно пахло горелой химией, и докатывались волны жара.

На пандус сверху упал фрагмент купола, и часть его обвалилась вниз. Впрочем, будь он даже и целым, Джет не рискнул бы там спускаться — слишком открытое место.

Стрельба в зале прекратилась. Джет обернулся, чтобы посмотреть, как дела у Мелиссы, и обнаружил ее лежащей у края пандуса в бессознательном состоянии.

На всякий случай еще раз внимательно оглядел зал, но там было пусто. Похоже, гведи, облаченный в боевой скафандр, ограничился одним выстрелом. Трудно спорить, выстрел был удачный.

Джет на четвереньках подполз к Мелиссе, и попытался растормошить ее, даже похлопал по щекам. На первый взгляд, никаких особых повреждений девушка не получила, да и в том, жива ли она, сомневаться не приходилось — жива.

Не преуспев, он подхватил мисс Робсон под подмышки и поволок по полу в сторону ближайшей двери.

Дверь наличествовала на расстоянии десяти шагов, и вела на один из этажей левого крыла здания.

Шаге на четвертом ему пришлось экстренно упасть, героически заслоня собой так и не пришедшую в себя Мелиссу — кто-то снизу открыл по ним огонь из огнестрельного оружия. В пластике, чуть выше того места, где он только что стоял, появилась цепочка выбоин. Джет понимал, что надо торопиться, что если стрелявший задается целью непременно их убить, он просто поднимется вверх по лестнице, и окажется на том же уровне, в том же крыле. Но теперь двигаться приходилось ползком, а это куда медленнее.

И все-таки, он добрался до двери. А через какое-то количество шагов даже позволил себе встать, взвалить девушку на плечо, и двигаться дальше на своих двоих.

В коридор выходило всего несколько дверей, и все они были распахнуты. Недавно инспектор Гус приказал тщательно проверить все помещения. Джет заставил себя миновать первую и вторую двери, зашел в третью.

Помещение оказалось столовой для сотрудников порта. Небольшое, светленькое, по

периметру уставленные диванчиками. Оглядевшись, он уложил Мелиссу на один из этих диванчиков, затем выглянул в коридор. Но там все еще было пусто.

И тут, краем глаза, он уловил шевеление в дальней части комнаты. Кто-то там был. Джет резким движением ушел с возможной линии огня, и опрометью бросился туда, за крайние столики.

Присев в самом углу, в него целился из бинка парень в потрепанном бежевом комбинезоне.

Понятно. Значит, кого-то из бандитов, при поспешном осмотре помещений, они все же упустили.

— Спокойно, — сказал Джет, — спокойно!

— Дай мне свой пистолет, быстро! — невнятно проговорил парень.

— Тихо. Не кипятись, мы здесь одни. Давай поговорим.

Парень нервно поправил челку.

— Они все равно нас всех убьют. Мы уже покойники!

— Ну, так в чем дело? Зачем тебе тогда мой пистолет? Силовую броню гведианского скафа он не пробьет, отвечаю. А я в тебя стрелять не собираюсь...

Парень жалобно шмыгнул носом, и вдруг заорал:

— Я тебе не верю! Я никому не верю! Слышишь? Давай сюда свой пистолет, я сказал!

— А то что?

Парень не ответил. Он, прикусив губу, пытался навести свое оружие на Джета.

Излучатель плясал в его руках, никак не желая остановиться на выбранной цели.

А на Джета словно озарение какое нашло. Он просто шагнул вперед, и вынул бинк из дрожащих пальцев горе-убийцы.

— Не заряжен, — хмыкнул он.

Вновь засигналила рация. Не обращая внимания, Джет спросил:

— Имя?

— Риммер, Валентин.

— И что ты здесь делаешь, Риммер Валентин, а?

— Послушайте! Я кое-что знаю, что вам может быть интересно... про пленников.

— Что?

— Только, пожалуйста, не убивайте... пожалуйста...

— Посмотрим.

Правду сказать, это был бы выход.

— Я не... они все равно всех убьют. — Неожиданно Валентин Риммер успокоился, и даже сел прямо. И попытался посмотреть Джету в глаза.

— Ну?

— Мэра и его охрану держали здесь, на первом этаже...

— Это мы и так знаем. Дальше.

— Потом их увели вниз. Я думаю, их расстреляли. Но...

Джет уже был готов услышать, что и Гнедин-младший не пережил осаду. И лишь торопливо оброненное Риммером «но» намекало — все не так просто.

— Там был еще пустынный.

— Я про него и хотел сказать... его забрал взводный. Он говорил, что вроде бы, этот пустынный важная шишка.

— Давно?

— Не знаю... утром. Ваши уже почти взяли порт.

Кажется, это все, что Риммер мог сказать...

Валентин, похоже, прочитал по лицу Джета, что тот намерен все-таки оборвать его такую нужную жизнь, потому что отпрянул назад и крикнул:

— А он меня не убил! А мог... они вниз пошли, я знаю. Я видел, они заходили в лифт!

Черт. Поверить? Попытаться найти рыжего на технических уровнях порта?

Снова засигналила рация, теперь уже сложно было не обращать на нее внимание.

Канал был общим. Инспектор Гус командовал отход.

Велли сказал на этот раз совершенно спокойно, даже рассудительно:

— Вам до правого крыла не добраться. На первом этаже гведи. Но я знаю, что можно сделать.

— Что?

Джета в тот момент больше всего беспокоило состояние Мелиссы. Если тащить ее на себе, Риммер может оказаться прав, он не сможет пробраться мимо хозяйничающих в порту чужаков.

— Взорвать зал.

— Полицейские и так собирались это сделать. Это бесполезная информация.

Риммер заторопился:

— У Лысого пульт... зал с телепортаторами заминирован... я там был, я знаю. Лысый убил полицейского, и у него пульт... полицейский был в комнате, Лысый его убил, и забрал...

Время убегало. Джет не решался отвести пистолет от Риммера даже на секунду. Между тем, крайне необходимо было немедленно начать контролировать вход в столовую. Гведи могут подняться и сюда. И наверняка поднимутся. Должны же они убедиться, что на верхних этажах их не ждет засада.

— Послушайте... я не хочу, чтобы здесь командовали гведи... и я не хочу умирать. Они... пошли вниз. Они думают, что отсюда можно уйти по подземным туннелям. Они...

— ...бросили тебя здесь. Все понятно.

— Я их просто не догнал. Мы попали под обстрел, и... но они все равно не собирались взрывать купол. А его надо взорвать. Вместе с гведи. Мне кажется, это будет правильно.

— Сколько их?

— Двое. Я не виноват. Это все Лысый! Он убил того полицейского...

— Джет...

Он на секунду обернулся. Мелисса сидела на диване, двумя руками обхватив голову.

— Джет, что случилось?

— Ничего хорошего. Риммер, вставай. Иди вон в тот угол, около двери. Видишь? Давай!

Молодой бандит решительно, и как показалось Джету, даже слишком уверенно, перешел в указанное место. Мелькнула даже мысль — может, я в нем ошибся? Может, парень — не полное говно? Или он действительно отморозок, который только играет роль трусливого, забитого дурачка...

Непонятно.

— Голова кружится...

— Пройдет. У меня почти прошла. Так. Мэл, поддержи нашего друга на прицеле... а ты...

Джет взглядом обшарил помещение, и тут же нашел, что можно было бы использовать в

качестве веревки. Декоративную оборку, украшение скатертей из нетканки, вот что. Оторвав ее, Джет убедился в прочности изделия и связал Риммеру руки за спиной. Пояснил для Мелиссы:

— Так надежней.

Потом вынул рацию, набрал код, и спросил:

— Дана? Это я, Джет Дага. Вы где?

— Джет, да, да... я на пульте. Я вас вижу. На вашем этаже пока чисто. Джет, Саат здесь, слышите? Он рядом со мной.

— Это замечательно, Дана. Пожалуйста, поищите... должны быть два бандита. Где-нибудь на нижних уровнях. Это очень важно.

— Сейчас. Ага... один из них, видимо, ранен. Они возле узла ди-три. Они не могут определиться, куда идти дальше.

— Отлично. Как мне попасть в этот узел?

Дана объяснила. Обстоятельно и внятно. Джет был уверен, что теперь точно не заблудится. Он сказал напоследок:

— Дана, я собираюсь обрушить большой купол. Вам там делать уже нечего. Уходите...

— Хорошо. Мы попробуем.

Это «Мы попробуем» пробудило нехорошие предположения, но он задвинул их подальше — важней было догнать бандитов.

Неприятная, нелюбимая, но важная работа. Джет быстро понял, что этот лысый бандит — далеко не Риммер. Его не удастся так быстро вывести на разговор. Особенно, если учесть, что смерть второго на него видимого впечатления не произвела.

Но церемониться было некогда. Ни минуты на раздумье. Там наверху, Мелисса в компании бандита, и в любую минуту могут нагрянуть гведи. Мелисса, конечно, умница и звезда Интерпола... но все это совершенно ничего не значит. Он себе не простит, если из-за его маленького промедления с девчонкой что-нибудь случится.

Значит, главное, чтобы лысый оставался в сознании, но сопротивляться не мог. В этом деле ему мог бы очень пригодиться отнятый у Риммера бинк. Если бы он был заряжен.

Лысый, загнанный в тупик коридора стоял в напряженной позе и чуть щурился. Он явно ждал момента, когда Джет хоть немного отведет в сторону дуло позаимствованного у Мелиссы имульсника.

Джет не отводил. В сущности, вариант был один — перевести заряд на минимум и засадить Лысому по ногам. Вот только неизвестно, насколько вменяемым тот останется...

Ползунок сменил позицию на четыре деления. Теперь удар не должен оказаться смертельным. Правда, никто не проверял, так ли это на самом деле.

— Ну, давай, убей меня... — прошипел бандит. — Все равно гведи всех положат...

— Мне всего лишь нужен код для детонации зарядов под телепортаторами...

— Значит, этот вислоухий тушкан все-таки попался..... тебе, а не детонатор...

Джет решил не затягивать дискуссию, и все-таки выжал спуск. Кнопка упруго ушла в корпус имульсника. Самого выстрела он не увидел, но коридор вдруг залили вопли, перемешанные с хриплой бранью.

Джет преодолел разделяющие их шаги за секунду, четко, как на учебе, перехватил запястья бандита. Поймал его взгляд. Контакт...

Каменистая пустыня, застроенная зеркальными башнями современных кварталов. Шум,

крики торговцев, холодный воздух. В воздухе ощущаются неприятные технические примеси... контакт.

Боль, которую испытывает бандит, только помогает сканеру проникнуть в защищенные слои памяти. Нет больше никакой защиты — вся ушла на борьбу с болью...

Он видит, как бандиты врываются в небольшое помещение без окон. Видит двоих полицейских. Один сразу падает замертво. Другой держит в руке коммуникатор. Как все просто. Никакого пульта, никакого кода. Коммуникатор. Один сигнал сетевого контакта, и...

Полицейский пытается донести эту информацию до бандитов. Зря. Если бы не он, бандиты и не узнали бы о том, что зал заминирован. Его автомат так и остался болтаться на шее, а вот ком — в руке. Ошибка. Выстрел бинка — и второе тело на полу.

Осталось понять, где они спрятали коммуникатор — потом.

Джет следует за памятью бандита. В реальном времени, чтобы не пропустить ни одной детали. Через какое-то время он узнает, что хотел, и разрывает контакт.

Бандит падает на пол, потеряв сознание. После такого грубого вмешательства его психика вряд ли сможет быстро восстановиться. Волна отката заставляет Джета прислониться к стене. Слишком уж редко ему доводится выполнять эту работу. И слава всем космическим богам...

Джет поднимает винтовку, устанавливает мощность удара на максимум. Оборачивается и добивает бандита. Время уходит...

Темно. Только зеленовато мерцает контур портала. Да еще шуршит песок под ногами гведи, охраняющего «ступу». Вот он встает, делает круг по убежищу. Он не торопится — с момента высадки прошло уже много часов, и неприятностей ждать неоткуда. Из всех неприятностей — скука.

Возвращается, садится на ящик от запасных блоков для плазменного оружия. Стефан видел, как сами блоки перекладывали в багажный отсек непривычно узкого и приземистого кара. Сейчас ящики пусты. Их много, особенно у входа. А еще больше должно быть снаружи.

«Мустанг» конструкции Болли, который когда-то принадлежал наблюдателю центра Тордоса, стоит «удобно». Гведи не видит, что происходит в кабине. Он и не догадывается, что в кабине есть кто-то живой...

Почти, — честно признался себе Стефан, вспомнив, как тяжело было сесть на сиденье. Головой он старался лишней раз не двигать — любая попытка такого рода приводила к тому, что перед глазами начинали плыть красные и серые пятна.

Вгляделся в панель управления. Ну конечно. Энергии хватит не больше чем на десять миль. До Руты — почти сотня. Это по прямой. Так что даже в самом благоприятном случае квалифицированной медицинской помощи скоро ждать не приходится. Наверняка вскрылась и старая ножевая рана...

Он прикинул варианты. Попробуют ли гведи протянуть через портал флаеры? В принципе, если конструкция допускает демонтаж выносных частей... да нет, ерунда. Вряд ли у них есть специальные проекты для протаскивания тяжелого оборудования через нестандартные телепорты. К тому же атмосфера Руты — дама капризная, не даром воздушный транспорт на планете прижился слабо. А достаточно тяжелую машину через «ступу» не протаскишь даже по частям.

Ерунда. Если они добрались до телепортаторов Руты, зачем им флаеры. На них выше

стратосферы не поднимешься.

Нет, что-то не то.

Зачем им вообще планета? Незачем, она перевалочный пункт. Десант, скорей всего, должен будет выйти в космос на захваченных атмосферниках, прибрать к рукам несколько кораблей потяжелее и учинить беспорядки во внутреннем космосе системы, с тем, чтобы армия была вынуждена вмешаться. Если военные будут заняты в системе, то гведи однозначно проще будет провести свои транспорты к пределам межевого узла и атаковать центральные системы зоны Визиря.

Останутся ли они на планете? Должны, если собираются контролировать межевой узел и дальше.

Только наверняка все это понимают и те, кто сейчас непосредственно защищает город.

А что можешь сделать ты в нынешних условиях? Задача минимум — уничтожить «ступу». Задача максимум — выжить.

Для того чтобы справиться с первой задачей, нужна была самая малость — чтобы куда-нибудь исчез гведи-охранник. Для выполнения второй требовалась огромная масса дополнительных условий.

Охранник, слава духам пустыни, не в боевом скафе. Но вряд ли он тут совсем без всякой защиты. Какой-нибудь силовой щит точно есть... может, и что-то посерьезней. Пулей или лучом не достать, даже думать об этом не стоит...

Головокружение и слабость — это от потери крови. Даже странно, что через столько часов он еще в состоянии соображать... остается предположить, что ему досталось куда меньше, чем кажется по ощущениям. Неприятно, что руки дрожат. Так что стрелять в охранника он не сможет еще и по этой причине.

В принципе, расстояние до портала отсюда — метров шесть. Достаточно, чтобы обойтись без маневра. Направить «Мустанг» на одну из штанг, составляющих основу портала, по возможности разогнать его... портал не выдержит прямого удара. Не должен выдержать.

Другое дело, каким образом отвлечь охранника?

Или дождаться, пока он отойдет? У гведи в руках что-то вроде старого доброго мерга. Несколько самонаводящихся снарядов, излучатель... еще какое-то приспособление сверху, рядом с оптикой. Если стрельнет, мало не покажется.

Стефан ждал. Ему казалось — долго.

А потом он понял. Дальше тянуть нет смысла. Может так случиться, что он сам потеряет сознание через минуту или полчаса. Следовательно, нужно исключить такую вероятность.

Он не рискнул опускать поднятую дверь — движение могло раньше времени привлечь внимание гведи. Дверь можно будет прикрыть после. Если и вправду получится уничтожить портал.

Гведи все еще сидел на ящике, спиной к «Мустангу», боком к portalу. Стефан активировал ручное управление машиной — глушилка надежно блокировала сеть. Панель осветилась цветными огоньками, сообщая о готовности к сотрудничеству. Тихо загудел двигатель.

Охранник оглянулся в поисках источника звука, но было поздно, «Мустанг» уже двинулся с места. На то, чтобы поднять и нацелить оружие, требуются считанные мгновения — но именно на них Стефан опередил гведианского десантника. И когда грохнул выстрел,

каркас портала уже падал, не потеряв формы. Контрольный пульт лег жертвой тяжелой машины, а зеленое мерцание погасло. Второй и третий выстрел прозвучали уже в полной темноте.

— Дана, вы еще там? Уходите. Я обрушу основной купол, и часть левого крыла.

— Понимаю. Но у нас еще не все ушли. Если я не проконтролирую подземку, их может на выходе ждать сюрприз.

— Сколько вам нужно времени?

— Еще минут десять, не меньше. Много раненых.

— Черт. Сколько нужно времени, чтобы вы сами смогли надежно оттуда убраться?

— Полчаса. Наверное.

— Много. Бросайте все, и уходите прямо сейчас.

— Джет...

— Дана, не валяйте дурака. Надеюсь, вам хватит ума последовать моему... моей просьбе.

Отключение. Дана перевела взгляд на Саата. Спросила ворчливо:

— Интересно, сам он где. Если ушел с полицейскими, я проглочу все мои шарики.

— Он прав. Мы сейчас практически под куполом. В случае обрушения накроет нас, а не...

Саат выглядел куда лучше, чем когда они только сюда вернулись. Во всяком случае, стоял он прямо, говорил вполне внятно и даже, кажется, находил силы ухмыляться.

— Вас что-то радует?

— Мы, вроде, перешли на «ты».

— Да?

— Точно.

— Ну, все-таки... чего веселого-то?

— Представил, как ты глотаешь шарики. Идем?

— Ладно. Только...

Дана дала какую-то команду искину, затем почти целиком залезла под приборную панель.

— Ммм... не думаю, что это хорошее укрытие...

— Сейчас.

Вылезла, вся в пыли и с белой сороконожкой в волосах. Но лицо сияло лукавой улыбкой, а на ладони покачивался какой-то невзрачно-серый контейнер.

— Я решила, что память здешнего искина никому в ближайшее время не понадобится. Все. Я готова идти.

Без каких-либо проблем добрались до электростанции. Саат спросил:

— Куда теперь? К лифтам? Там действительно есть аварийный выход?

— Не знаю. Не нашлось времени проверить. Но тем путем, которым я сюда пришла... — она критически окинула взглядом фигуру пустытника. — Не. Не пройдем.

Подсобку с роботами-уборщиками миновали не задерживаясь. Коридор свернул налево, и закончился лестничным пролетом.

Саат без колебаний выбрал направление вниз. Дана возражать не стала. В любом случае, там нет гведи.

Мелисса облегченно вздохнула, когда в столовую на третьем этаже поднялся все-таки Джет, а не солдаты ФСМ. Все это время Риммер сидел тише воды, и даже вздохнуть глубоко остерегался — вид у мисс Робсон был самый воинственный.

— Получилось?

— Да. Нам каким-то образом нужно выйти из здания, иначе сами останемся под завалом. И быстро. Дана сказала, в порту не больше десяти гведианских солдат. Почти все — в телепортационном зале. Несколько человек контролируют коридоры первого этажа и лифты. Пошли.

Риммер вскинул на Джета глаза. Сказал:

— Если я покажу выход... я могу рассчитывать, что меня не убьют?

— А какова вероятность того, что там, куда ты нас проводишь, не будет гведи, м?

— Если я поклянусь, вы все равно не поверите... но я правда знаю, как можно выйти из здания. Там снаряд попал, снесло часть стены... но из коридора не видно, дверь я закрыл, никто не знает. Я вам покажу.

— Поверим? — повернулся Джет к Мелиссе.

— Попробуем. Красавчик, ты у меня на прицеле!

Валентина передернуло, но он ничего не сказал. Повернулся к девушке спиной и отправился показывать дорогу.

Такой порядок вещей ему даже нравился — он чувствовал, что сейчас жизнь этих двоих зависит только от его решения. И еще ощущалось что-то вроде удовлетворения — это его слово поможет уничтожить гведи. Это он предложил взорвать зал. И он, Велли Риммер, рассказал, как это можно сделать...

Момент взрыва... Дана не смогла бы последовательно изложить, что и как происходило. Грохот, пыль клубами. Вспышки замыкания совсем рядом... а может, это было уже позже. Каким образом за считанные мгновения она перенеслась из вполне цивилизованного коридора в этот тесный технический лаз — память не давала подсказки. Причиной самопроизвольной телепортации мог быть только Саат, который и обнаружился здесь же, у самого входа, лежащим на полу и отчаянно кашляющим в клубах пыли и дыма.

Она и сама закашлялась, настолько грязным стал воздух. Грохот и гул продолжались долго. Потом погас свет. Потом он снова появился — в виде зеленоватых осветительных панелей, работающих по принципу «вечной лампы».

Возле панелей клубилась пыль, они почти ничего не освещали, но лучше так, чем никак. Дана рассмотрела, что лаз — не лаз, а короб для многочисленных кабелей и труб. Трубы были сухими. Интересно, что сейчас творится в коридорах, где лопнули трубы водопровода и канализации?..

Вернулась к Саату наполовину на ощупь. Отыскала его, помогла подняться. Он все равно еще вздрагивал от приступов подавляемого кашля, Дана даже забеспокоилась.

Саат шепнул:

— Ничего... это со мной бывает. Пройдет...

Дана хмыкнула, но оставила реплику без комментария. Сам-то Саат был уверен в обратном.

Проход вывел к наполовину заваленному машинному залу. Здесь пыли оказалось не меньше, зато сразу стало ясно, куда дальше. Свободным оставался технический коридор напротив того, откуда они только что вылезли. Дана, по примеру Саата, дышала теперь

сквозь ткань куртки — прижала к лицу воротник. Так было немного легче.

Коридор был коротким. Только выглянув в новое помещение, Дана его узнала. Именно здесь несколько часов назад — всего несколько часов! — она оставила Мелиссу. По изломам разноцветных труб в центральной шахте стекала вода. Не сплошным потоком, конечно, но вполне ощутимо.

Взглянув на Саата, она решительно заявила:

— Отдыхаем.

У помещения было одно существенное преимущество — здесь намного меньше пыли.

Купол обрушился, можно было даже не проверять. Хотя с этой стороны здания его и не должно было быть видно. Грохот стоял такой, что не оставалось никаких сомнений. Джет, Мелисса и Риммер стояли у стены левого крыла порта. Именно здесь была комната с пробитой снарядом дырой в стене, о которой рассказывал Велли. Перед тем, как Джет активировал заряды, все трое на всякий случай выбрались наружу.

Снаружи было невероятно жарко — солнце забралось в самый зенит, и оттуда потихоньку запекало плоскость взлетно-посадочного поля. Утренняя буря улеглась, как и не было.

Пейзаж открывался величественный. Небо насыщенного голубого цвета, дюны вдали почти оранжевые, яркие. Над ними белой точкой склонилась Наэса-зэ. Над покрытием взлетного поля вьется нагретый воздух. Полосы черного дыма встают вертикально от построек по ту сторону поля. Ближе к основным зданиям порта догорают несколько автоматических погрузчиков. Очень хорошо видно, как от горящих построек двигается колонна приземистых каров непривычной конструкции. Они держат курс в сторону хребта. Джет сосчитал — получилось не менее чем сорок единиц техники.

— Кажется, что это несерьезно, — нервно заметила Мелисса, — а на самом деле...

— Да уж.

Колонна двигалась медленно группами по четыре машины. И вскоре стало ясно, почему. Каждую такую группу защищал энергетический щит. Причем, достаточно мощный, в ином случае о его наличии никто бы и не догадался. В зону действия щита попадал песок, поднятый колесами машин, и по прозрачной поверхности от этого плясали тусклые разряды. Красиво.

— А это еще что? — удивился Риммер.

— Где?

Тот указал подбородком вперед и вверх:

— На флаеры не похоже.

Джет прищурился — яркое солнце мешало рассмотреть подлетающие суда. Больше всего это было похоже на...

— Это армейские истребители. Наши. Что-то вроде старых «Фотонов», только круче. Не успеют гведи в горы уйти...

Риммер громко глотнул:

— А мы? Нас могут прихлопнуть просто за компанию...

Дана сидит у дальней стены, обхватив руками согнутые ноги и устроив подбородок на коленях.

Пыльные огненные прядки торчат во все стороны, на лбу длинная ссадина. Глаза — как

две черные дыры. И так же затягивают. Под этим взглядом даже как-то неуютно.

Да нет. Просто здесь очень холодно. Непривычно холодно и влажно. И звук текущей, разбивающейся на струи воды.

— Вас ведь на самом деле зовут Стас? — после долгой-долгой тишины спрашивает Дана.

Он кивает. Потом напоминает:

— Мы перешли на «ты» помнишь?

— Помню, но... я... вам, наверное, неприятно со мной вот так разговаривать...

В ответ только приподнятая бровь. Комично. Было бы. Если б не фингал в пол-лица.

— Из-за Бродяги, — шепотом договаривает Дана. — Я, наверное, должна объяснить. Объясниться.

— Бродяга мне в общих чертах обрисовал ситуацию. Там, в поселке.

Дана жмурится. Если бы свет был немного ярче, стало бы видно, как мгновенно начинают пылать ее уши, щеки и даже подбородок.

— Вы знали... а я только сегодня догадалась.

— Не переживай так, Дана. Бродяга мне нравился...

— Ужасно. Саат... когда вы так говорите, мне хочется застрелиться. Издеваетесь.

— И не думал.

— Мне тогда было очень плохо. И одиноко. После «Хирона»...

Снова повисла долгая пауза. Дана смотрела куда-то в потолок, прикусив губу.

Потом подышала на ладони, сунула их под подмышки, сказала:

— Хирон — это такая солнечная система, здесь в зоне Визиря. Так же называется большая космическая станция. У нашего университета там филиал. Все третьекурсники проходят практику на искинах. Их там специально установлено несколько, для студентов. На базу высадились террористы. Они из тех, кто требует ограничить военное присутствие Солнечной в мирах Периферии...

Рассказывать ей было тяжело. Вполне возможно, она делала это сейчас впервые после окончания расследования. А может быть, и даже вероятно, что ее показания тогда снимал судебный сканер. Саат молчал. Если она решила рассказать об этом сейчас, рассказать именно ему, он будет слушать так, как хотел бы, чтобы слушали его. Как умеет.

— Нас, всех, кто был на станции в тот момент, согнали в одно помещение. Там было очень тесно, даже не сесть... потом стало ясно, что вентиляция не справляется. Сделалось душно и влажно. Те, кто стоял около двери, они стучали, просили выпустить нас... но никто не выпустил. Потом у одной женщины сердце не выдержало, она упала и умерла. Мы там двое суток... запах стоял такой жуткий... я первый день хорошо помню. Мы двигались. Самые лучшие места были у стен, на них ведь можно облокотиться. Потом там драка была. Я не знаю, чем кончилось...

Она снова замолчала, вглядываясь в серый потолок, словно на нем были написаны подробности этого рассказа.

— Много разного было. Люди все стали злые. Жестокие. Я помню, что плакала... А многие просто кричали, думали, что нас в живых не оставят. Мои однокурсники... до того казалось, что мы все хорошие, веселые люди, мы были... в одной компании, что ли... а там оказалось, что все совсем не так. Мы как будто все друг у друга воровали воздух. Ну, в прямом смысле. Кое-кто открыто говорил — чем больше народу подохнет, тем нам лучше. Стас, я была такая же. Мне... было жалко умирать, чтобы дышали они. А потом в

вентиляционную систему станции пустили газ. Он всех уравнил — нас осталось пятнадцать. Из сорока восьми.

Дана невысокая. Можно попытаться представить, каково ей там пришлось. Важно не то, что она использовала «бесхозный» слепок памяти в своих целях, важно, что возня с андроидом помогла ей сохранить себя, пережить и сам «Хирон», и последующие месяцы реабилитации.

— Я прекрасно понимаю, что выгляжу не самым психически нормальным человеком. Про нас с Бродягой разные люди такого придумывали, что смешно. Что я сделала себе любовника, потому что боюсь заводить отношения с мужиками, или что я на самом деле в него влюбилась. А я сначала делала просто робота-телохранителя. Говорят, многие капитаны космических кораблей могут увлеченно рассуждать только о своих машинах. Об их характерах, привычках, норове, особых программах. Про них шутят, что они влюблены в железо... при этом никто не имеет в виду романтическую влюбленность или... ну, понятно. В моем отношении это считалось доказанным фактом. Но разве можно влюбиться в то, что ты собрал своими руками? Я знала, почему Бродяга отвечает мне так, а не иначе. Знала, что он сделает в той или иной ситуации. Он должен был много говорить вслух — я тогда старалась как можно больше молчать. Молчать казалось правильным. Бродяга должен был быть чистюлей и наводить порядок там, где я его разрушу. Многие фразы и словечки он брал из... из чужой памяти. Хотелось не отдавать приказы, а разговаривать, совещаться, шутить. Я жутко обрадовалась, когда придумала, как сделать его шутником. На вопросы, касающиеся его персоны, он должен был отвечать вопросом. Я... в цирке это очень важно... могла без колебаний доверить ему свою жизнь. Это самое главное — доверие. Я знала его возможности, и в их пределах могла доверять ему абсолютно. Я гордилась своей поделкой. Бродяга — часть моей жизни. Он был пилотом моей яхты, неизменным ассистентом в разных трюках, удобным Белым. У нас было несколько таких номеров.

Она поднялась, сказала:

— Никогда не думала, что на Руте может быть так холодно.

— Наверное, из-за влажности. Я предложил бы двигаться дальше, но не вижу, куда.

— Вообще-то... вон ту трубу видите... видишь? Там вдоль нее есть свободное пространство. Она дальше загнетса вниз, и потом еще загнетса, а потом будет технический коридор. Через него мы с Мелиссой сюда забрались...

— Мелисса — это та белокурая девушка из полиции?

— Вообще-то она ничего, когда не зазнается. И лазает хорошо. Саат, посмотри, может, сможешь туда пролезть? Это единственный выход.

— Значит, пролезу.

Он хорохорился, надеясь, что Дана не увидит признаков начинающегося приступа. Сдерживать кашель становилось все трудней. Возможно, это подошел к концу ресурс имплантатов и стимуляторов. А может, еще проживем, перетерпев унизительный период беспомощной слабости, когда валяешься на земле сипящим и хрипящим куском плоти, на которую страшно смотреть. Единственный вариант заключался в том, чтобы заставить ее идти вперед — посмотреть дорогу, например. Мало радости погибать в присутствии девчонки, которая только что тебе, большому и сильному, изливала душу.

— Лучше ползти ногами вперед, — пояснила она, заглянув в отверстие. — После изгиба будет довольно высоко...

— Давай вперед, — предложил Саат. — Догоню.

— Да? А может...

— Догоню, догоню. Когда выберешься, крикни.

— Хорошо.

Она еще раз внимательно посмотрела на Саата, покачала головой, но послушалась. Почти сразу Саат попытался «настроить» дыхание. Дышать медленно и неглубоко. Иногда это помогало.

Не в этот раз. Слабость подкатила головокружением, почти тошнотой. Уже через какое-то мгновение он лежал на полу, сжавшись в сотрясаемый судорогами комок. Только надеялся, что Дана провозится долго, и ничего не услышит...

Когда она вернулась, этого Саат не заметил.

Он даже приблизительно не знал, сколько прошло времени от начала приступа. Как всегда в таких случаях, по телу разливалась слабость, голова кружилась, перед глазами пылала краснота. Только через какое-то время сообразил, что его голова покоится на чьих-то коленях. Дальнейшее изучение ощущений показало, что под спиной у него тоже отнюдь не голый пол. Скорей всего, там чья-то куртка. Непорядок. Куртку нужно вернуть хозяйке — здесь холодно-холодно, здесь нельзя без теплой одежды.

Для этого нужно подняться. Для этого нужно подняться... н-да.

Журчание воды и холод сыграли куда более значимую роль в самоубеждении, чем проснувшаяся совесть. Хотя встать оказалось непросто. Привычно уже сел, прислонившись к стене. Рядом с девушкой.

Он ждал, что Дана что-нибудь скажет, но нет. Промолчала. Тактичная.

Шея затекла, спина тоже. Дышать... получалось. Это единственное, что он мог бы сказать доподлинно.

— Давно я?..

Поежилась, склонила голову набок, ответила:

— Достаточно, чтобы я успела испугаться. И достаточно, чтобы я успела привыкнуть к мыслию.

— Извини.

— Ты как солнечный зайчик, — неожиданно для себя вслух заметил Саат, — все время рядом, а не поймаешь.

Дана заулыбалась даже где-то кокетливо:

— А ты попробуй не ловить. Просто руку подставь...

Солнечный зайчик. Светишь для тех, кто рядом. Ни тепла от тебя особенного, и особенных свершений. Но зато на тебя невозможно смотреть без улыбки...

Саат демонстративно подставил открытую ладонь. Она, продолжая улыбаться, ткнулась лбом ему в плечо. Надо ли говорить, что попала в самый синяк?

Но ради такого дела стоило потерпеть.

— Может, тебе еще отдохнуть? Там узко и спускаться придется по трубе...

— Через час будем, как две сосульки. И к тому же, обрушения могут продолжиться.

— Не знаю...

— Ты за меня, что ли, переживаешь? Это, конечно льстит. Но я вполне уверен в своих силах.

— Саат-саа. Вам никто не говорил, что вы упрямы, как агорский монах, и самоуверенны, как не знаю, кто. Как будто меня тут не было. Вот интересно, все мужики

такие? Когда мой брат сломал руку, он тоже всем говорил, что в полном порядке, и даже собирался выступать...

— Не тот случай.

Саат поднялся на ноги, демонстративно не придерживаясь за стену.

— Давай, показывай дорогу.

— Ну, если...

Что «если», она не договорила. Как-то даже излишне поспешно забралась в лаз и исчезла из виду.

Велли зря волновался. Пилоты атмосферников знали свое дело, и не отвлекались на мелкие, непонятного статуса цели.

Незадолго до их появления над полем, колонна гведианских каров рассыпалась на отдельные четверки, энергетические щиты исчезли, вместо них включилась маскировка. Теперь машины почти сливались по цвету с пространством вокруг.

— Зря они, — прокомментировала Мелисса. — Пыль все равно выдает.

Вскоре ее пророчество подтвердилось. Катера прошли над полем неслышным смерчем и скрылись из поля зрения, оставив за собой след в виде раздавленных, невероятным образом смятых остовов. Еще минуту назад это были вездеходы гведианской армии...

Джет по результату атаки определил, что использовались гравитационные мины. Иначе не объяснить, каким образом военная техника вдруг приобрела такие чудные контуры.

— Значит, все? — изумленно спросил Велли, — гведи больше нет?

— Джет, между прочим, появилась сеть, — сообщила Мелисса. — Только качество не очень, наверное, здешние передатчики уничтожены, сигнал идет от Руты. Ну, что? Будем ждать здесь, или в здании? Там хотя бы тень.

— А рухнет?

— Ну, нет, так нет.

Атмосферники с базы TR-12 приземлились на дальней полосе, не подвергшейся разрушению во время осады. Джет видел, как они разворачиваются хищными клювами к пескам.

Была безумная мысль — пойти навстречу пилотам, встретить их первым, объяснить ситуацию. Но стоило подумать, сколько придется топтать по солнцепеку, и весь энтузиазм куда-то исчез.

— Давайте тогда хоть за угол зайдём, в тень, — жалобно предложил Риммер, — а что такого я сказал?

Джет и Мелисса переглянулись. Их пленник продолжал сыпать здоровыми идеями.

— Ну, пойдём. Посмотрим на дело рук своих...

«Дело их рук» впечатляло — там, где еще совсем недавно величественно поблескивал купол большого зала, зияла воронка, полная мусора и невнятных обломков. Та же участь постигла правое крыло. Зато купол диспетчерской на вид совсем не пострадал.

Мелиссе и Джету одновременно пришла идея попытаться вызвать по сети Саата или Дану. Но чуда не произошло — то ли их засыпало, то ли они забрались слишком далеко под землю.

Мелисса, словно оправдываясь, сказала:

— Говорю же, сигнал слабый. Трансляторы из Руты не дотягиваются. Да?

Этого невысокого сухощавого офицера знали все, хотя бы самое малое касательство имевшие к армии. Павел Маратович Гнедин, легендарный адмирал, командир третьего боевого флота Солнечной в ту войну, герой сражения при Сильве и начальник базы TR-12. В последствии Лерой будет часто вспоминать этот день и, рассказывая многочисленным слушателям, обязательно будет добавлять — «удивительно вежливый и мягкий в обращении человек».

Когда атмосферники приземлились, командующий обороной Руты отправил навстречу четыре машины.

В пятой был он сам и еще двое встречающих — министр здравоохранения и начальник грузовых перевозок порта.

Лерой на всякий случай распорядился подготовить кабинет в мэрии для официальной встречи и совещания, но сильно подозревал, что все важные решения будут приняты еще до того, как кары вернутся в город.

Павел Маратович удивил тем, что оказался в летном снаряжении. Похоже было, что он лично вел одну из боевых машин. Он легко спрыгнул с крыла аппарата на горячее покрытие поля и вежливо пожал руки встречающих. Министр здравоохранения поспешил с предложением пройти в салон автокара — там есть кондиционеры. Адмирал не возражал. Но перед тем как забраться в машину, спросил:

— Уже известно, где находится захваченная «ступа»?

— К сожалению, локализовать на карте нам это место пока не удалось. Человек, который передал информацию, руководствовался кхорбинскими ориентирами. Он ранен, и сейчас в госпитале.

— Значит, возможен повторный прорыв. Ваш человек настолько тяжело ранен, что не может ткнуть пальцем в карту?

— Мы немедленно этим займемся. Хотя не все так просто. Но зачем гведи устраивать повторный прорыв, когда известно, что их миссия провалилась, а телепортаторы уничтожены?

— Вероятно, вы правы. Но всем будет лучше, если мы исключим эту вероятность.

Лерой почувствовал себя школьником, которого только что мягко отчитали за невнимательность.

Адмирал тем временем вышел в сеть и передал своим людям, что можно начинать. Для Лероя пояснил:

— Мы сканируем развалины. Малейшая активность электронных систем под завалами будет тут же обнаружена. Если там еще есть живые гведи в боевых скафах, мы их найдем. Там, кстати, могут быть и ваши раненые. В город гведи или бандиты вошли?

— Не успели.

Двери ближайшего кара мягко поднялись, из салона повеяло прохладой.

— Едем? — спросил Лерой.

— Да. Я хочу дождаться результатов сканирования. Это недолго.

— Ждать можно и не на солнцепеке...

— Ничего. Я давно здесь не был.

Из-за адмиральской ностальгии пришлось жариться и встречающим. Даже несмотря на то, что у них были белые пробковые шлемы. Но почему-то никто об этом не жалел. момент казался историческим.

Лероя же больше всего беспокоил не заданный... пока не заданный вопрос Павла Маратовича о сыне. О младшем Гнедине ничего не было слышно с момента начала осады.

Однако адмирал спрашивал о чем угодно, только не об этом. Об обороноспособности Руты. О реакции населения на события. О готовности медицинских учреждений. О том, как проходила, и проходила ли, эвакуация населения. О том, каковы были потери при штурме и защите космопорта.

Не прошло и десяти минут, как адмирал, по изолированному сетевому каналу получил общую информацию от своих офицеров. Рассказал:

— Под зданием вокзала есть какие-то пустоты. Очевидно, системы коммуникаций. Там есть живые. Сигналов, по которым мы могли бы идентифицировать гведивнские скафы, не регистрируется. Так что у нас передышка. Кстати, господин Лерой, мне бы хотелось услышать от вас, как от начальника Рутанской полиции, каким образом развивались события. Меня интересуют и факты, и то, как вы их интерпретировали тогда. И то, как все вам видится сейчас...

Доклад Лероя был хоть и стихийным, но обстоятельным и по возможности честным. Он продолжался всю дорогу и закончился в здании мэрии.

И все-таки, того самого вопроса так и не прозвучало.

«Если я когда-нибудь попаду в ад, точно ничего нового там не увижу», подумал Саатсаа, когда выбрался, наконец, в более или менее просторное помещение. После того, как два раза по пути застрял и в довесок — вымок до нитки. А никто не обещал, что трубы будут сухими!

Полз он медленно, совершенно точно зная, что если застрянет всерьез, не выберется, пока не похудеет. А худеть дальше некуда — итак два дня не ел. Ладно, почти не ел. Все-таки от бандитских щедрот одна порция ему перепала. Риммер съел вторую.

А еще было темно, и если бы он примерно не знал, чего ожидать, то повстречал бы много неприятных сюрпризов...

Зато в техническом коридоре, в который вела труба, был аварийный свет.

Дана, в ожидании, занималась приседаниями. Ну, тоже способ согреться.

Но, пожалуй, лечебная физкультура сейчас не очень ко времени. Достаточно обливаний холодной водой...

— Чувствую себя змеей, — пожаловался он, вытрясая из рукавов брызги.

— Ядовитой и хладнокровной?

— Мм... засунутой в шланг и завязанной узлом. Куда дальше? Только не говори, что по этим мокрым трубам!

— Не, в другую сторону. Дальше будет легче. Только идти далеко.

— Ну, все лучше, чем стоять и мерзнуть...

Под ногами зачавкала вода. Но лужи тянулись недалеко, метров на десять.

— Здравствуйте, инспектор. Это Мелисса.

— А? Рад, что с вами все в порядке. Где вы? Подъезжайте к центральному офису. Через десять минут летучка...

— С этим проблема. Мы все еще здесь, около вокзала. Не успели отступить с основной группой. Со мной Джет Дага и...

— Я вышлю за вами Вика. До встречи.

Канал связи освободился за миг до того, как Мелисса успела рассказать о Риммере.

— Ждем, — сказала она скорее Джету, чем инспектору.

Риммер пожаловался, что у него затекли руки, но на это никто не отреагировал. И Джет, и мисс Робсон увлеченно наблюдали за происходящим на взлетном поле.

Со стороны города в желтых клубах пыли появилась группа машин. Нетрудно было догадаться, что это встречающие. Двигались песчаные кары на пределе скорости. Никакой степенности официальных приемов...

Вот уже по полю в сторону хищных птиц атмосферников вышли трое. Три крохотные фигурки на смазанном маревом фоне песков. Вот появились военные. Вопреки ожиданиям, они не забрались сразу в прохладный салон ближайшей машины. Остановились. Начался долгий разговор.

Мелисса хмыкнула:

— Военные сканируют развалины. Ищут выживших, наверное.

— Или гведи.

— Да. Интересно, нас заметят?

Джет пожал плечами. Удачи ждать не приходилось. Как-то уж очень редко в последнее время удача оказывалась к нему благосклонна.

Вик появился лишь спустя четверть часа после того, как пятерка «встречающих» машин отбыла в Руту. Он вел старенький полицейский кар. По внешнему виду машины можно было предположить, что она приняла участие во всех без исключения боях и этой и предыдущей войны с гведи. Впрочем, жаловаться не приходилось: к моменту, когда кар обогнул развалины, все трое приближались к состоянию теплового удара.

Вик гостеприимно раскрыл дверцы, но с сожалением сообщил:

— Кондиционер только плохо работает. Я не успел поменять кассеты.

Потом он увидел Риммера и изумленно спросил:

— А это что?

— Валентин Риммер. Арестован по подозрению в участии в бандитском формировании. — В голосе Мелиссы заскользили суховатые нотки. — С другой стороны, он нам здорово помог. Тащим его к нам. Во всем остальном разберется уголовное законодательство.

— Понятно. Ну что, поехали? Боб просил доставить вас срочно.

Инспектор Гус ему уже Боб, — ворчливо подумал Джет. Наглядный пример того, как война отменяет условности.

Побитый кар удивительно резво взял с места и, подпрыгивая на оставшемся после взрыва мусоре, взял курс на Руту. Вик поделился новостями:

— Завтра день траура по погибшим при защите порта. Мэра официально объявили погибшим от рук бандитов. Он теперь у нас чуть ли не национальный герой. Даже Лерой на втором месте. Гус свалился с давлением, но его быстро подлатали, и он снова у руля. Скипидарит там наших. Население испугалось. Сидят по домам. И правильно делают.

— А что пустынные? — спросил Джет.

— А что с ними? Их в городе почти не осталось, ушли с кочевьями. Не понимаю вопроса.

— Да нет, это я так. Просто интересно, что с ними дальше будет. Без государственной поддержки они не выживут. А культура очень интересная, по-своему уникальная.

— Да? А по-моему, просто примитивные дикари. А, ла-халлта!

Машина подпрыгнула на кочке.

— Примитивные значит... — пробормотал Джет. — а что значит «лахалта»?

— Понятия не имею. Один торговец так на своего племянника орал, когда тот какие-то мешки на рынке перепутал. Привязчивое слово.

Машина остановилась возле поста проверки документов.

Вышел патрульный. Явный новичок в полиции, может даже из вчерашних ополченцев. Вик протянул личную карточку. Взгляд полицейского затуманился, — он добросовестно проверял документ, используя все ресурсы сети.

Мелисса, сидевшая рядом с водителем, зевнула в ожидании своей очереди.

И вот тут случилось неожиданное.

Велли Риммер, видимо решивший не надеяться на правосудие, вдруг резким толчком распахнул дверцу и побежал, петляя, по улице, в сторону каких-то заброшенных сараев. Резво. Не помешали даже связанные руки.

Джет не ждал от пленника такой прыти — до того Риммер вел себя спокойно и лояльно.

Патрульный же, у которого на поясе болтался табельный бинк, и вовсе заметил беглеца только через несколько секунд, когда вышел из сети.

Бинк — оружие, радиус поражения которого не превышает восьми метров. Стрелять в Валентина, когда он уже почти добежал до конца переулка, стало бесполезно. Джет, выскочивший из машины следом, не успел пробежать и десятка шагов, когда беглец скрылся за поворотом.

Для очистки совести, он к тому повороту все-таки добежал. Переулок вился среди типовых хозяйственных построек. И ни души.

Джет, плюнув, вернулся к машине. Обсуждать инцидент не хотелось.

— Дана, подожди. Давай передохнем.

Длинный пустой коридор уходил влево и вправо. В тусклом свете автономных осветителей, тускло поблескивали рельсы.

— Что? Снова, да?..

В голосе искреннее беспокойство.

Девчонка остановилась, не сделав и трех шагов по коридору.

— Нет. Все нормально. Просто нужно немного подумать.

Саат присел у края ниши, в которую вывел технический туннель. Потер ладонями виски. Пояснил:

— Вот-вот появится сеть. Придется отвечать на вопросы.

— Ну и что. Мы же ничего плохого не сделали?

— Не сделали.

Пауза затягивалась. Стала натянуто-тоскливой. Дана, не дожидаясь, когда она оборвется, прервав эту неожиданную посиделку, спросила:

— Не хочешь встретиться с отцом, да?

— Не в этом дело. Не знаю, в чем дело.

Она поежилась. На лице отразилась растерянность, приправленная сочувствием:

— А знаешь, чего я боюсь? Что когда выберемся, окажется, что телепортация на орбиту невозможна. Или что нет связи с нашим швартовочным спутником... и что никто не станет ради меня гнать на орбиту катер. Я даже... даже решила помогать полиции, потому что думала, что успею и запрограммировать искин и пробраться к телепортаторам... а оттуда сразу на орбиту. И во время осады думала, что будет, если меня убьют. Там же звери, они ни в чем не виноваты. А их оставили одних... Рядом ни меня, ни Бродяги... Я боюсь, что когда появится сеть, и наладится связь с орбитой... там, на яхте, что-нибудь будет не так.

— Пошли.

Саат решительно поднялся.

Дана нахмурилась. Сказала:

— погоди. Так не честно. Скажи, чего боишься ты?

Приложила так приложила. Почти такой вопрос задал ему вчера Риммер.

Отвечать «честно» было нечего. Риммеру он тогда наврал. Верней, сказал, что показалось правильным по ситуации.

Сейчас ситуация другая. Чего же я боюсь? Что возвращаться будет некуда. Или не к кому. Что все уже изменилось, а я даже не представляю, в какую сторону. Я уже не отвечаю за ситуацию, от моих решений ничего не зависит.

Но это — свершившийся факт. С ним придется жить. Страх — это другое. Боюсь...

— Новостей. Знакомых имен в списках погибших. В сущности, того же самого — неопределенности. Пошли, Дана. На самом деле я боюсь высоты. Иррационально.

Она невесело хмыкнула и, не ответив, зашагала вперед. Обиделась?

Возможно. Но кажется, это у нее такая привычка, обрывать разговор в самый неподходящий момент.

Боевой штурмовой катер атмосферного класса «Квант» за номером четыре скользил над пустыней. Курс был определен приблизительно, но пилота это не особенно заботило. Бортовой искин локализовал источник сигнала западнее Руты — местонахождение человека, который давал пилоту визуальные ориентиры. Если только появится возможность, этот пустынный странник поднимется на борт и процесс поиска пойдет быстрее.

Осталось по левому борту обширное, изрезанное ущельями плато. Его еще можно разглядеть вдаль — узкую полосу у горизонта.

Полет не должен занять много времени.

— Вижу караван, — сообщил пилот невидимому собеседнику. — Идет на юго-запад.

— Смотрите внимательно. Место, которое вы ищите, это постройки, оставшиеся с прошлой войны. Там есть руины здания. И еще, как только поменяется цвет песка, значит, вы близко.

Дюны внизу казались застывшим желто-серым океаном. Поменялся ли цвет у этого океана по сравнению с тем, что было у города?

Искин подтвердил — есть незначительное изменение цвета.

— Я вас вижу, проходите почти над нами. С такой скоростью, на месте будете меньше, чем через минуту.

Пилот, приняв предположение всерьез, снизил скорость. То, что нашелся человек, достаточно знавший пустыню, и способный определить курс хотя бы приблизительно, вообще, большая удача. Его полицейские нашли какими-то своими хитрыми путями.

На экране навигатора точка сетевого контактера обозначилась уже давно.

Значит, теперь нужно быть еще внимательней. При таком пейзаже пропустить несколько полуразрушенных зданий — пара пустышек. Впрочем, там, где человек ошибается, искин не подводит.

Даже минимальное подключение к интеллекту корабля через сеть позволяет использовать визуальные проекции. Сейчас на зеленовато мерцающей схеме обозначились контуры обрушившегося здания. Локация подтвердила наличие под песком свободного пространства.

Похоже, конечная цель обнаружена. А вот и еще приятный сюрприз. Похоже, здесь когда-то была флаерная стоянка. Покрытие, конечно, не новое, и не самое ровное, но все не песок.

Посадка прошла удачно.

Включив автоматическую защиту, пилот покинул борт. Он ждал, что его появление заметят. Не могли же гведи оставить телепортатор без всякой охраны?

Маскирующий щит легкого скафа поляризовал свет, сделал мир вокруг четче, цвета — глубже. Теперь, если пилот замрет на месте, его определить будет невозможно ни визуально, ни в инфракрасном диапазоне. При движении, теоретически, его могли засечь. Но только если будут подлавливать специально.

Тишина настораживала, и потому пилот подошел к открытому зеву подземного «укрытия» не сразу, для начала просветив пещеру во всех доступных диапазонах. Искин катера послушно передал картинку — несколько неровно стоящих машин, какие-то ящики... Мертвые тела. Не меньше десяти. Нет, сильно больше десяти. Движение. Гведи? А кто же еще? Движение в дальней части пещеры.

Интересно, где пресловутая «ступа»? Пока что не наблюдается никаких намеков на портал...

Пилот приготовил импульсник, отрегулировав мощность лазера, и скользнул к входу.

Похоже, боя не будет. Не с кем драться. Гведи лежит, полупридавленный покореженной конструкцией, которая, очевидно, когда-то была аркой портала. На одном из погнувшихся оснований стоит пустынный кар. В машину стреляли, борта оказались опалены. Но на стекла кабины неведомый водитель успел каким-то образом опустить пылевые щиты. Это его, впрочем, не спасло.

Гведи пытается выбраться из ловушки, но дело это безнадежное.

Пилот разрядил в него бинк. Тот дернулся и замер.

Больше живых людей в рукотворной пещере не было, что и подтвердил бортовой биосканер.

В центральной гостинице Руты лучшие номера расположены на пятом, верхнем этаже. Это сделано для того, чтобы днем поднятые транспортом пыль и песок не набивались в фильтры кондиционеров и не оседали слоем на коврах и стенах, если хозяевам вздумается открыть окна.

День близился к завершению.

Павел Маратович вошел в номер, кинул на спинку дивана куртку, и, подумав, отправился к столу.

Интуиция не подвела. Панелька гостиничного сетевого терминала оказалась вмонтированной в столешницу.

Ну что же, операцию можно считать завершенной. Анализ событий еще предстоит но,

похоже, что основные выкладки верны. Гведи, под прикрытием местных банд должны были занять порт, через него захватить орбитальные станции вместе с центром гиперкосмической связи и верфь, возможно, заполучить корабли пограничников, и тем самым заставить корабли военного флота отойти в глубь системы. А потом основными силами предпринять атаку на межевой узел.

Что же, их ждет сюрприз. Флот не только остался за внешним метеорным кольцом системы. Он приведен в боевую готовность и только ждет, когда начнется атака узла.

Плохо то, что на планете не оказалось ни одного военного образования, способного оказать серьезный отпор агрессору. С другой стороны, кто мог представить, что опасность исходит с поверхности планеты? Кому нужна на самом деле эта едва сводящая концы с концами колония? Глухая провинция даже не по меркам Земли, по меркам той же Флоры или Энора. И все же, такие вещи недопустимы. Интересно, почему не вмешалось БКОИ. Борьба с бандитами и урегулирование отношений с коренным населением — сугубо их прерогатива. Хотя, о чем речь? Эта колония нужна Бюро ничуть не больше, чем военным. Сюда даже в отпуск лететь не захочется — во всяком случае, не захочется во второй раз.

Адмирал активировал панель, запросил важные новости. Сначала колониальные, потом системные.

Ничего нового.

Из Бэста прибыла очередная партия гуманитарной помощи. Местные коммунальные службы приступили к разбору завалов при активной помощи полиции и дружин добровольных помощников.

Родная база сообщает, что космос тих и безмятежен, как никогда.

Напоминает затишье перед бурей...

Завтра надо возвращаться. Что могли здесь сделать, военные сделали. Обе системы СТП-мега взяты под контроль. Одна безнадежно уничтожена взрывом, вторую, возможно, удастся отладить. Гведи, прорвавшиеся на планету, уничтожены. С бандитами Рута справилась сама.

Только вот... Стас упорно не отвечает на сетевые вызовы. С момента того последнего разговора о нем ничего не известно.

Адмирал еще раз просмотрел списки погибших — то, что сына в этих списках нет, обнадеживает мало. Список пропавших без вести лишь немногим короче.

Правда, здешняя представительница Интерпола сообщила, что во время штурма он был жив и находился в центре управления системами коммуникаций порта. Но это тоже с чужих слов.

На всякий случай Павел Маратович запросил информацию по артистке Тэн Дане прибывшей на гастроли в город Рута. Получил неожиданно объемный пакет. Беглый просмотр информации ничего не дал. Львиную долю пакета составляли результаты сканирования памяти, связанного с каким-то происшествием, которое случилось незадолго до войны. В конце сообщалось, что госпожа Тэн наряду с несколькими сотрудниками полиции пропала без вести во время осады порта. О чем было выслано сообщение ее Семье. Именно так в пакете и значилось — с большой буквы — «Семье».

Завтра. Завтра надо лететь.

Оказывается, Павел Маратович все-таки ждал этой встречи. Было интересно, каким он стал, Стас, через десять лет после их последней встречи на Примуле.

Кое-какие новости до него доходили. Редко.

И после того, как он исчез из города — ничего. Глухо.

Завтра надо лететь...

Над Рутой стояла ночь. Бывший контрольный узел портовой транспортной системы тонул во мраке, пришлось идти на ощупь.

Сеть появилась двадцать минут назад, но сигнал был слабый, цеплялся только на прием, и ничем кроме головной боли порадовать не мог. Вот снаружи должно получиться лучше.

— Я думала, будет теплее, когда выберемся.

Она стоит чуть в стороне, ближе к выходу. Если взглядеться, можно различить темный контур.

— Середина ночи. Да, ночь не из теплых, но у нас так всегда. Континентальный климат. Хорошо, ветра нет. Только песка нам с тобой не хватало.

— Да уж. Я попробую еще раз связаться... орбиты нет. Транслятор порта уничтожен, а городская сеть не тянет... но тут лучше, да. Есть! Джет! Это Дана Тэн. Вы не спите? Ой...

Долгое молчание. Темно, и выражения лица девушки не разглядеть, как ни старайся. Можно, конечно, включиться в разговор. Или сразу, чтобы с этим не тянуть, вызвать Гнедина старшего.

А что ему сказать? Поприветствовать? Объяснить свое отсутствие непредвиденными обстоятельствами?

Улыбнулся невольной мысли — анализ ситуации не проведен, решение не разработано, отчет не составлен. Разговор обещает быть долгим...

Саат все-таки включился в разговор Даны и Джета. На удивление, оба заранее оставили ему канал доступа.

— ...передай, что старик на самом деле переживает. По нему с первого взгляда не скажешь, но я отвечаю за свои слова.

— Привет, Джет. Я здесь. Слышал тебя. Как остальные?

— Я уже сказал Дана. Нормально. Тебя должно порадовать — Алекс Донаван жив. Вчера днем покинул городскую больницу с лангетой на левой руке, переругался с персоналом, так что ему велели не возвращаться. Остаток вечера занимался раскопками того, что осталось от вокзала. Оператором киберов. Может, и сейчас там. Стефан погиб. Уничтожил вторую «ступу», но был ранен и помощи не дождался. Другие новости — при личной встрече. Мы через пять минут подъедем, заберем вас...

До появления полицейской машины Саат успел поговорить с Тимом, который возвращался на плоскогорье с караваном Тахо-саа. По его словам, завтра к вечеру он будет у стоянки в ущелье, послезавтра утром — дома.

Дома...

Вернулось ощущение, что контроль над ситуацией утерян. Кочевье «тех, кто никуда не идет» потеряло в этой войне больше, чем кто-либо. Больше даже, чем полиция Руты. Что дальше? Возвращение к прежней жизни? Или — разлом слишком силен, и каждый, кому есть, куда идти, уйдет своей тропой? А кому из нас есть, куда идти? Тим передал, что Рэтх желает погонщику ясной ночи.

В словах был намек — ты погонщик. Куда поведешь, туда караван и двинется. Иначе окажется, что все зря.

Об этом — завтра. Есть еще одно дело.

— Здравствуйте, Павел Маратович.

— Да?

— Не узнали?

— Стас.

Долгая пауза.

— Рад тебя слышать. Ты где? Прислать за тобой кого-нибудь?

Голос настороженный, тихий. За этим вопросом читается другой — «Как ты? Не ранен? Тебе нужна помощь?».

Стас болезненно поморщился. Лучше было бы, ей богу, если бы адмирал высказал все это вслух.

— Не надо, за нами уже едут.

— Я в центральной гостинице. Номер пять-семь. Завтра в восемь вылетаем обратно на базу.

Вот так. Решай сам, сын, хочешь ты видеть отца или нет.

А на самом деле, никакого выбора.

Побриться бы. Или хотя бы просто умыться... и поспать.

Джет, только окинув взглядом новоявленных диггеров, решил за всех:

— Отвезу вас до больницы.

— Джет, я в больницу не поеду. — Категорично заявила Дана.

— Ну, тогда отвезем Саата, а потом отправимся ко мне. Такой вариант подойдет?

— Я вас уже почти люблю!

Стас не любил болеть. Впрочем, кто ж это дело любит, кроме школьников, которые всегда рады поводу пропустить занятия.

В детстве он ничем серьезным и не болел, и никогда не думал, что немалый кусок взрослой жизни придется растратить на госпитали и санатории.

После того боя, из которого его вынесли чуть живым, был госпиталь на Руте. Там медики попытались восстановить поврежденные газом легкие, но не преуспели — открывшаяся аллергия мало не убила пациента на месте. Врачи, тем не менее, сделали невозможное, — Стас выжил. Тогда-то его и отправили на Примулу, в один из лучших госпиталей флота. Надо ли упоминать, что исключительно из уважения к Гнедину старшему, усилиями которого не только Рута, вся зона Визиря осталась частью Солнечной Федерации.

В госпитале лечились исключительно представители командного состава. Там работали лучшие врачи, стояло самое современное оборудование.

Случай со Стасом был уникальный. Подобная реакция организма на регенерацию тканей была зафиксирована впервые за сорокалетнюю практику. Что же касается куда более сложной операции по пересадке органов, выращенных из стволовых клеток... теоретически такое было возможно. Где-нибудь на Земле, где еще живы и работают специалисты, способные сделать такую операцию. И где есть оборудование. Не на Примуле.

Выход был найден. Он не гарантировал пациенту после выписки полноценной жизни, он и саму-то выписку не гарантировал. Но врачи рискнули, и не прогадали.

Имплантаты, стимулирующие работу неповрежденной части легких сочетались с реанимационными капсулами. Плюс к тому — опыт биотехнологий, применяющихся в современной робототехнике...

Спустя годы, он сможет похвастаться Алексу — «Во мне сложных приборов больше, чем в андроиде», и отчасти это будет правдой. Но это через годы.

Было сделано четыре операции. Следующие полгода Стас просто не приходил в сознание. За это время в систему Примулы успели прорваться гведи, более того, их успели оттуда вышвырнуть. Много чего случилось.

Возвращение в мир живых ничем Стаса не порадовало. Если поначалу он еще надеялся восстановиться и вернуться к привычному образу жизни, то позже надежды развеялись, а перспективы остались. Нерадостные. В общем и целом в госпитале он провел полтора года.

Суицидальные идеи разной степени выполнимости покинули молодого инженера, когда врачи сочли, что непосредственно его жизни ничего не угрожает, и перенаправили долечиваться в один из местных пансионатов. К тому времени он уже немного мог передвигаться самостоятельно и не падал от каждого чиха. Положительная динамика!

Именно тогда Стаса навестил Павел Маратович, и с военной прямоотой высказал, какой он видит дальнейшую судьбу сына. Судьба была расписана чуть ли не по дням и чуть не до самой старости. Это была неплохая, вполне приемлемая судьба. Вуз — заочно. Аспирантура. Преподавание на военной кафедре Визирианского универа. Возможно, если оправдаются неутешительные прогнозы медиков, то в виртуальном режиме.

Предполагалось, что жить он будет, пока, тут, на Примуле. Подальше от войны, политики и глобальных катастроф.

Сын у Павла Гнедина был все-таки один. И как раньше он старательно делал из него офицера, так теперь он придумал для Стаса полноценное будущее, которое не свело бы того после Рутанских приключений в могилу.

Стас со всей военной прямоотой послал родителя в ту самую аспирантуру. Не потому, что перспективы ему не понравились. Это были чьи-то чужие перспективы и к его персоне они имели самое маленькое отношение.

Павел Маратович очень вежливо ответил, что другого приемлемого будущего у Стаса не может быть, потому что без помощи примулянских врачей он загнется меньше чем за год. В ответ он услышал, что сын имеет полное право загнуться там и тогда, где и когда сочтет нужным.

Павел Маратович заявил, что сын переволновался и не в себе, и дал Стасу время подумать. Год.

Стас думал полгода, прикладывая все старания, чтобы перестать зависеть от постоянной опеки врачей. Потом пошел к главврачу пансионата и имел с ним продолжительный разговор. Четко представляя собственные возможности, Стас не смог бы однозначно сформулировать, почему будущее, обрисованное отцом, ему так не нравится. Но то, что не нравится, это было неоспоримо.

Говорят, где родился, там и пригодился. Поразмышляв на досуге, Стас решил, что Рута — единственное место, куда у него есть не только возможность, но и желание вернуться. Что он там будет делать — это вопрос, который можно решить на месте. Оставалось выяснить, насколько он останется зависимым от услуг медиков.

Главврач неожиданно пошел ему навстречу.

Стас переехал в один из горных поселков, и полгода жил там, раз в неделю проходя обязательное обследование.

Если какие-то изменения в его состоянии за этот период и произошли, то не в худшую сторону. Стас получил от медиков официальное разрешение лететь на Руту. Разумеется, при условии регулярных обследований в тамошнем госпитале.

Главврач даже сам связался с рутанским НИИ медтехники, и договорился о прямой

продаже пациенту ингаляторов, способных облегчить приступы астмы...

Гнедин-старший об этом не знал. А когда узнал, не стал вмешиваться.

Хотя чувство досады в последствии посещало его не раз и не два...

Как ни странно, ни страха, ни отвращения к медицинским учреждениям Стас не испытывал. Теперь его волновало только, выпустят ли его эскулапы на встречу с отцом, или же придется сообщать Павлу Маратовичу о своем прискорбном состоянии. Сообщать не хотелось...

Дана забралась с ногами в уголок широкого кожаного дивана. Очень хотелось спать, но заснуть сейчас казалось ей делом непозволительным. Заснуть сейчас означало пропустить много интересного.

То, как Джет и Алекс старательно избегают встречаться взглядами — окончательный разговор так и не случился, и скрыть от остальных взаимное недоверие у них не получается. То, как на саму Дану смотрит Мелисса. Тревожно смотрит. Она изменилась, но чтобы понять, в чем дело, нужно куда больше времени. А понимать-то и не хочется. Хочется просто смотреть...

Это последняя ночь, когда собравшиеся в комнате люди могут еще называться «своими». Уже завтра все изменится. Первый день после войны перечеркнет нечаянное товарищество, объединившее таких разных людей. Так бывает. «Мы дрались вместе!». «Мы вместе воевали». Уже завтра история перевернет страницу, эта ночь станет воспоминанием — одним из самых светлых и бережно хранимых. «Мы вместе выжили».

И ты завтра, забыв обо всем и обо всех, помчишься искать связь с орбитой — боль за оставшихся там зверей стала постоянным фоновым ощущением, как боль от стертой ноги в самой середине дальней дороги... ты улетишь, чтобы не вернуться.

Какой будет судьба Джета? Алекса? Мелиссы? Чем закончится встреча Саата с отцом? Как и куда потянутся их маршруты?

Какой будет рутанская пустыня теперь? Как изменится мир...

Почему ты думаешь об этом, если твердо решила никогда сюда не возвращаться?

Дана улыбалась. Давно-давно-давно уже она не чувствовала себя так спокойно.

Нет, неправильное слово. Спокойствия нет, просто все тревоги толпятся чуть в стороне. Какая это роскошь — отогнать тревоги хоть на час, когда знаешь, что этот час не принесет новых тревог.

Молчание висело в комнате, но тягостным не было. Единственно-правильное молчание, какое только имеет право существовать.

Джет подошел к бару, достал бутылку коньяка. Не самый лучший, синтетический, купленный в конце первой недели на Руте в соседнем баре. Но это единственное спиртное, что вообще нашлось в доме: Джет не пил в одиночку. Обвел глазами гостей.

Дана уже знала — в поселке Слепака погибло тридцать два человека. Наверняка многих она видела. Вспомнилось шоу, которое они с Бродягой учинили на поселковой площади. Когда-то. Давным-давно, несколько дней назад.

Джет принес с кухни все, что могло сойти за бокал — две чашки, рюмка, бумажный пакет для кофейного автомата. Зачем-то пояснил:

— Другого ничего нет. Не успел еще обжиться...

Дана подумала, что Бродяга сейчас не смог бы сделать ей замечание. Обычно он не

терпел, когда она прикладывалась к спиртному, а сейчас ему нечего было бы сказать...

Мелисса непонятно к чему, заметила:

— Я подумала о Риммере...

— Он погиб? — в голосе Алекса явно читалось недоверие.

— Он сбежал.

— Я так и думал.

— Он единственный из бандитов Эннета, кто уцелел. Мне его почему-то жалко.

— Вот уж, чего не могу сказать о себе, — хмыкнул Джет. — Трус и предатель.

— Он нам помог.

— Испугался. И не видел другого выхода.

— Думаешь, с ним будут проблемы? — Алекс пожал плечами. — Возможно. Убивать он уже научился. А думать не привык...

— Я думаю, он в глубине души все прекрасно понимает. Просто он слабый человек, и верит всем подряд...

— Мелисса, у вас, оказывается, добрая душа, — иронично поклонился Джет. — Черта с два он кому верит. Просто видит, за кем сила, боится этой силы и потому старается быть к ней поближе...

Она поежилась:

— Мне кажется, не все так просто, Джет...

— Нашли о ком спорить. — Алекс криво улыбнулся. На самом деле он тоже готов был говорить о чем угодно кроме самого важного. Важное все равно стояло тенью за спиной. Все, кто погоб. Все, кто больше никогда не окажется рядом. Все, о ком тяжело — вслух. И он сказал:

— Стас в порядке. Пошел встречаться с адмиралом. Хотел бы я посмотреть...

Ночь перевалила за середину, на улице из прохожих были только полицейские патрули. Благо, центральная гостиница располагалась недалеко от городской больницы — каждый полицейский считал своим долгом проверить документы у праздного прохожего в такую ночь.

Стас не стал вызывать лифт, поднялся по лестнице. Ему было, о чем подумать по дороге. Постучал.

Адмирал не ложился.

Сторонний наблюдатель бы заметил, что отец и сын весьма похожи. Стас ростом чуть выше, но сутулится. А в движениях сходство было очевидным.

— Доброй ночи, — поздоровался Стас.

— Да. Проходи.

У стола горел ночник, развешивая по стенам радужные блики. Уютно, тихо.

На столе чашка. В ней то ли очень крепкий чай, то ли кофе. Но запаха нет, выветрился. Значит, чашка стоит на столе давно, напиток успел остыть.

— Садись. Кофе? Чай?

— Чай.

Стас мог бы и сам себе заварить, но адмирал, хозяйничающий на кухне — это было зрелище, которого он не удостаивался даже в детстве. Тогда чай заваривала мама.

— Держи.

Павел Маратович опустился в соседнее кресло. Сказал:

— Ты изменился.

— Ты тоже.

— Расскажи.

Стас откинулся на спинку кресла, чуть прикрыл глаза. Рассказывать ничего не хотелось. Слишком мало прошло времени. Как болевой шок — чувства отстают за действиями. Все встанет на свои места, когда ты однажды утром выйдешь из шатра, и не увидишь Сэта, спорящего о чем-то с Мэо. Нуч не станет к тебе приставать с требованием научить его драться, Стефан... Стефан.

Так люди становятся именами...

Он все-таки ответил:

— Видят наэса, мы не собирались ввязываться в войну. Мы лишь хотели помочь дружественным нам кланам кхорби уйти в пески раньше, чем до них доберутся бандиты. Поначалу все выглядело именно так: бандиты пытались навязать свои правила пустынным, которым просто нечего им противопоставить... ты знаешь, кхорби не воюют. Тот поселок... он был на пути бандитов, и мы на всякий случай свернули туда, потому что караван Меаса успел убраться с плоскогорья до начала бури. А дальше... дальше у нас просто не было выхода. Мы задержали бандитов на сутки. Там остались мои друзья. Я мог бы тоже там остаться...

Пауза затянулась. Стас открыл глаза и тут же встретился взглядом с Павлом Маратовичем. Адмирал неприкрыто разглядывал сына.

— Мы не могли прилететь раньше.

— Знаю. Считаешь, мы могли бы действовать эффективней?

— Ничего не могу сказать: меня здесь не было. Разве только... Руте сильно повезло, что ты тогда меня не послушал.

— Может быть. Знаешь, я как-то не чувствую себя героем. Рута — только начало, я прав?

— Похоже что. Дальняя связь работает с перебоями, через приемники Бэста, но уже известно, что гведи прорвались в зоне Лойка и у Солода. У Солода — там вообще что-то невообразимое. Они уничтожили две наши боевые станции, так сказать, превентивно. Как, я пока не знаю. У Лойка ситуация под контролем. А у нас и вовсе все тихо. Возможно, они догадались, что мы их ждем. А может, мы ошиблись, и был какой-то другой план... теперь уже не узнаешь.

Адмирал отхлебнул из своей чашки, сморщился.

— Остыл уже. Что думаешь делать?

— Не знаю. Честно — не знаю. Сначала вернусь в пустыню... но есть ли смысл в нашем существовании там дальше? Никто из нас никогда и не думал, что это навсегда. Даже кхорби. У пустынных в крови дорога, для них противоестественно жить без движения...

— По-прежнему увлекаешься их культурой... единственное, что не изменилось. Думаю, Руте придется пересмотреть свою политику относительно коренного населения. Как думаешь, тут что-то еще можно исправить?

— Если случится чудо, и из небытия поднимутся мхентхи. Нет, как раньше уже не будет. Но пока есть хоть что-то, это что-то можно попытаться сохранить...

— Какой-то неправильный у нас разговор получается.

— А, по-моему, очень правильный. Сейчас Рутей, фактически, управляет полиция. Но так будет не всегда. Мирная жизнь вернется сюда куда быстрее, чем ты можешь

представить. Все забудется, и вернется на прежний круг. Здесь живут чемпионы по забыванию. Никакой ответственности, жара, покой. Ты же не можешь не видеть — тут все так, как десять и двадцать лет назад...

Павел Маратович потер ладонями лицо. Жест усталости, или...

— Если я тебя правильно понял, ты хочешь, чтобы на планете появились регулярные войска? Я могу только предложить колониальному правительству принять соответствующий закон. Вряд ли эта мера вызовет отклик у мирного населения.

— Вызовет-вызовет. Я не я буду, если события в Руте не напугали чиновников до колик...

— Хорошо. Но больших результатов не жди. Рута — это планета, которая всю историю существования подчеркивала свое особое положение.

— Угу.

Говорить дальше было вроде бы не о чем. Но что-то главное так и осталось недосказанным, поэтому оба молчали, не решаясь ни попрощаться, ни поменять тему.

Паузу разбил Павел Маратович:

— Не пропадай.

— Да я весь на виду.

— Да-да. В пустыне — как на ладони.

— Значит, прощаемся?

— Выходит, так.

— Надеюсь, не надолго...

— От всей души с тобой согласен.

— Давай, провожу.

— Там прохладно.

— Ну, я тут тоже не в первый раз!

— Идем.

На улице было и холодно, и ветрено. Наэса-зэ висела над крышей ближнего дома.

— Как и не уезжал... — пробормотал старший Гнедин, оглядывая улицу.

Стас вдруг вспомнил:

— Понимаю, это против всяких правил... я могу попросить об услуге?

— Звучит угрожающе.

— Одного человека нужно срочно доставить на орбиту. Я правильно понимаю, что пока вокзал не будет восстановлен, никакого сообщения Руты со швартовочной станцией не будет? Это девушка. Артистка. У нее на яхте животные. Она переживает за них. Сильно.

— Хорошенькая девушка?

— Это академический интерес?

— Значит, хорошенькая.

— Ну, так как?

— Действительно против всяких правил. Завтра... в смысле, сегодня. В половине восьмого. Жду твою артистку на поле возле «Квантов». Опоздает — сама будет виновата.

— Эта не опоздает...

— Увидим.

— Увидим!

Стас на прощание торопливо пожал отцу руку и пошел себе в сторону больницы.

На взлетном поле было ясно и ветрено. Солнце уже припекало. Сверкала белая пыль. А небо было густым и почти фиолетовым.

Неожиданно провожать Дану отправилась вся компания. Даже Джет, которого ночью зачем-то вызвал инспектор Гус и отпустил только на рассвете.

Пилоты «Квантов» протестировали свои машины, но до старта еще оставалось время, и далеко не все решили провести его в кабинах.

Они стояли темной стаей в тени, кто-то курил, кто-то что-то весело рассказывал, размахивая руками.

Джет остановил кар на почтительном расстоянии от темных громадин «Квантов». Издалека их размеры не так впечатляли...

— Может, мы зря... — нерешительно спросила Дана.

Но в этот момент от группы пилотов отделились двое, и совершенно явно направились к ним.

— Вот видишь, — подбодрил Джет. — Нас ждали.

— Я передумала. Я прилечу сюда на гастроли в следующем сезоне. Вы придете на мое шоу?

— Конечно. — Джет кивнул. Мелисса тоже.

— А ты, Саат-саа? Ради такого случая выйдешь из пустыни?

— А разве я дал повод сомневаться?

— Кто вас, пустынников, знает... и вы, Алекс?

— Обожаю цирк.

— А я в детстве его ненавидела. Вот просто терпеть не могла.

Подошли пилоты. Один из них, как можно было догадаться, оказался адмиралом Гнединым. Второй — молодым человеком лет двадцати. Симпатичный шатен с неопределенно-скучающим выражением лица. Так скучает опытный вояка, получивший смехотворное задание, и желающий подчеркнуть, что задача — не по рангу. На столь молодом лице выражение смотрелось комично. Дана не удержалась и скопировала его.

Мелисса сжала губы, чтобы не рассмеяться.

Стас быстро представил своих спутников. Адмирал пожал протянутые руки. Повернулся к Дана:

— Познакомьтесь. Это лейтенант Романцев. Полетите с ним.

— И где? — спросил лейтенант лениво.

— Что?

— Ваш багаж. Сувениры там, шляпки, сумочки...

— А! Вы об этом... что-то грузовичок опаздывает. — Дана с любопытством рассматривала аккуратно подстриженные ногти на правой руке. — Должен был быть пять минут назад, а его все нет и нет...

— Должен вас предупредить, что если грузовичок задержится, вы рискуете оставить свое барах... имущество на Руте.

— Я этого просто не переживу. Учтите, я упаду в обморок, и вам придется меня откачивать!

— Не обещаю, что буду церемониться...

— Они нашли друг друга, — хмыкнул Стас. — Ровного полета!

Дана повернулась к провожающим. Она улыбалась, в глазах отражался космос. Сделала нерешительный шаг вперед, словно хотела еще что-то сказать или сделать. Но Романцев уже торопил, она лишь махнула рукой.

Мгновение прощанья было коротким. И вот Дана уже спешит по взлетному полю вслед за офицерами космофлота. Страничка жизни под названием «Рута» неудержимо опускалась, закрывая недавно еще отчетливо видимый текст...

— Пристегнитесь. — Буркнул лейтенант.

— Уже.

Пилотская кабина «Кванта» была просторной. Огоньки контрольных систем сами наводили на мысль о космосе — таинственно мерцали с приборных панелей, как звезды с ночного неба. На Руте говорят — наэса. Одно из немногих слов, которые она выучила.

И это притом, что управление, скорей всего, происходит в виртуальном режиме. Невольно зауважашь лейтенанта Романцева, который понимает значение каждого огонечка и видит смысл в каждой шкале.

Кресло показалось ей великоватым, но ведь оно и рассчитано на взрослого мужчину, а не на такое недоразумение, как она. Целых сто пятьдесят два сантиметра роста — шутка ли. Зато ремни легли удобно и, пристегнувшись, она чувствовала себя вполне комфортно.

— Три минуты до старта. Полет до швартовочной станции продлится около сорока минут...

— ...температура за бортом двадцать восемь градусов по Цельсию. Уважаемые пассажиры, вас обслуживает опытный экипаж во главе с капитаном Романцевым...

Она понимала, что пилота дразнить не стоит, но почему-то не могла остановиться.

— Во время полета будьте любезны молчать, девушка. Вы на борту военного корабля.

— Уже можно начинать?

— Что?

— Молчать.

— Да. Меня по вашей милости и так уже извозчиком зовут...

Наверное, это обидно. Нет, это однозначно должно быть обидно для офицера, который только вчера принял участие в планетарной операции. Возить какую-то дамочку... которая еще и ехидничает. И ничего нельзя сделать, чтобы ее заткнуть — дамочка тебе не подчиняется...

Дана замолчала, рассматривая сквозь лобовое стекло взлетное поле и мутный силуэт города у горизонта. Она твердо решила не мешать Романцеву во время полета.

Машина мягко стронулась, выруливая на полосу. Интересно, почему место второго пилота свободно? И почему нет стрелка, это же боевая операция...

Пока поднимались сюда, лейтенант скупно делился информацией о других помещениях катера. Кабина стрелка там точно была.

Спросить? Или уже считается, что мы в полете?

Дана все-таки промолчала. Вопрос был продиктован голым любопытством, а такие вопросы, заданные под руку, неизменно нервируют специалистов, кем бы специалисты ни были. Офицерами ли космофлота или артистами цирка.

Между тем, катер почти беззвучно оторвался от поверхности, и полого пошел вверх.

Рядом виднелся силуэт еще одного «Кванта», впереди по курсу маячил треугольник третьей машины.

Дана подумала — наверное, это здорово, управлять такой громадиной. Отдавать ей беззвучные приказы и чувствовать, как она тебя слушается.

Солнечные лучи проникли в кабину, осветили сосредоточенное лицо пилота. Сейчас он уже не выглядел таким уж юнцом. И не кривлялся, изображая ветерана. Вполне симпатичный парень. Наверное, сверстник Даны.

Вид менялся стремительно — небо почернело, расширилось, горизонт ухнул вниз. Отчетливо стали видны звезды.

Красиво.

Через половинку часа показалась яркая искра космической станции. Надвинулась, выявились детали. Сложная конструкция швартовочного узла казалась непривычно пустой и, если так можно выразиться, скелетоподобной — большую часть судов отсюда убрали, как только прояснились планы гведи. Дана даже показалось, что она узнаёт свою яхту среди тех четырех кораблей, что все же остались.

Самым внушительным судном, зашвартованным у станции, был большой военный крейсер. Современный, хищных очертаний колосс был лишь чуть меньше, чем весь швартовочный узел.

Вскоре стало понятно, что Романцев ведет «Квант» именно к нему.

Стыковка произошла мягко и незаметно. Катер в какой-то момент вошел в зев ангара, произошел легкий толчок, и все. Дана сообразила, что можно расстегнуть ремни, только когда увидела, как это делает Романцев.

— Разговаривать-то уже можно? — спросила она.

— Осторожно. Гравитация здесь низкая.

— Спасибо. Я не в первый раз в космосе.

Дана не стала рисковать, и выбираясь из кресла, придерживалась за поручни. Лейтенант убедился, что его пассажирка ведет себя предусмотрительно, и немного смягчился:

— Я провожу вас до выхода на станцию.

— Извините, если я вас обидела. Это от волнения.

— Идемте.

В коротком коридоре было светло, а когда вошли в шлюз, гравитация стала почти привычной. Рута отодвигалась все дальше и дальше.

— Если не секрет, зачем вам так срочно понадобилось на орбиту? Все равно ведь система сейчас закрыта для полетов.

— У меня здесь на яхте животные... Я хозяйка шапито. Была на Руте с гастролями, когда все завертелось.

— Понятно.

Наверное, ему действительно все понятно. Все просто... ты же сама так объяснила. Чтобы не дайте, боги, кто не заподозрил, что твои проблемы только начали выстраиваться в очередь. А конца и краю очереди не видно.

Зверски захотелось попросить этого лейтенанта, чтобы он проводил ее до яхты. Чтобы кто-то был рядом, когда она войдет туда и увидит...

Искин «Которосли» три дня назад сообщил, что с животными все в порядке. Но прошло еще три дня...

Дана неволью замедлила шаги. Тамбур, ведущий к шлюзу, соседствовал с ангарами, в

которых размещались во время полета «Кванты». Совсем недалеко идти.

— Что-то не так? — спросил Романцев.

— Все так. Просто немного страшно.

— Это я вас так напугал?

— Нет... лейтенант Романцев. Не вы. Кстати, как вас зовут? Я Дана. Дана Тэн. Шапитс «Дана и Бродяга».

— Виктор. А кто такой Бродяга?

— Бродяга погиб на Руте.

— Соболезную.

— Он был андроидом. По совместительству — моим пилотом...

— Выходит, вы здесь застряли?

— Не знаю. Нет. Свяжусь с дядей, он пришлет кого-нибудь. Или сама найду пилота. Мы пришли, да?

— Пришли.

Белая, безупречно чистая панель откатилась в сторону. Короткий шлюз, смычка гибким, заполненным воздухом соединителем. Еще шлюз, теперь уже — собственно станции.

Романцев вошел в него следом. Дана спросила:

— Не бойтесь, что ваш крейсер уйдет без вас?

— Не уйдет. Адмирал просил проводить вас до яхты. Время есть...

Длинный тесный коридор вывел их на обзорную площадку и к лифту.

— Нам нужен четвертый узел. Вон, видите тот кораблик... это и есть яхта «Которосль». Далековато.

Дальше шли молча. Им так никто и не встретился, и от этого казалось, что на станции они одни.

Остановились у четвертого стыковочного узла. Узел рассчитан на самые маленькие суда, и может обслуживать их до десятка, но сейчас здесь пришвартована была только «Которосль».

Дана своим ключом открыла люк. Предложила:

— Виктор, зайдете? Пожалуйста...

Тому ничего не осталось, как кивнуть.

Запах. Легкий запах пряностей, влажной зелени, и совсем чуть-чуть — теплого пластика. Здесь всегда так пахло. Запах был неразрывно связан с жизнью до Руты, такой обычной, сложной, единственно правильной. Корабль еще не знал, что его хозяйка изменилась. Не знал, что больше нет Бродяги. Корабль встречал ее так, как привык встречать последний стандартный год. Искин вежливо поздоровался и, не дожидаясь вопроса, сообщил, что яхта в отличном состоянии, животные чувствуют себя удовлетворительно.

Дана обернулась, чтобы посмотреть, какое впечатление произвел ее космический дом на незнакомого человека.

Тот, немного обалдев, рассматривал голографические плакаты, которыми был украшен тамбур у шлюза. С плакатов улыбались артисты и артистки. Кроме них здесь в одиночестве висел аварийный скафандр и стоял какой-то большой, плотно закрытый ящик.

Короткий коридор, четыре овальные двери.

Одна — в ходовую часть, одна в секцию управления. Одна, очевидно, в жилой отсек...

Дана подтвердила:

— Направо моя каюта. А слева живут звери и там же мастерская. Вотчина Бродяги... я

сейчас.

Она набрала побольше воздуха в легкие, зажмурилась. Постояла так несколько секунд. Потом решительно толкнула левую дверь.

Первое, что пришло в голову лейтенанту Романцеву — это джунгли. Но потом оказалось, что растений не так и много. Запах пряностей и зелени стал еще отчетливей. К ним действительно добавились звериные запахи, но лишь чуть. Он взгляделся в просвет между стеблями каких-то буйно разросшихся лиан, и увидел животное. Животное было крупной бурой кошкой, чем-то похожей на леопарда.

Кошка дремала на развилке древесного ствола, свесив вниз большую лапу. За ее спиной джунгли продолжались.

— Таха. Она с Мабура, — пояснила Дана. — Пол внизу подвижный. А лианы искусственные, искин их иногда меняет местами, изменяет форму. Таху, конечно не обмануть, она прекрасно понимает, что все время находится в одной комнате, но это дает возможность ей активно двигаться даже на борту корабля.

Она позвала:

— Таха! Иди сюда, девочка! Я вернулась!

Кошка прыгнула с лианы и изящно подбежала к хозяйке. Ее мурлыканье оказалось оглушающим. Кошка жаждала тереться о хозяйку, она всячески выказывала радость от встречи.

— Как котенок... — вырвалось у Виктора.

— Она и есть котенок. Тахе полтора года. Но это не отменяет, что она хищник, и один из самых сильных в своем ареале. Только их совсем мало осталось.

Дана почесала подставленный темный лоб.

— Что, скучала, да, маленькая? Все, все, никуда больше без тебя не улечу... Пойдем! Еще у меня есть птица и пилион с Примулы. Птицу зовут Птицей, а пилиона Туком. Он стучать любит. Мы даже с ним музыкальный номер придумали... идем.

Виктор снова удивился тому, что зверинец Даны зверинцем почти не пах. Во всяком случае, запах растений был куда ощутимей. Он сказал об этом, Дана улыбнулась:

— Эту яхту специально оборудовали для перевозки животных. Все учтено!

Романцев представил, сколько стоила такая переделка, но промолчал.

Пилион его не впечатлил: это был какой-то девчачий зверь. Большие печальные глаза, голубоватая шерстка, кожистые крылышки. Умильное выражение морды.

А вот птица...

Птица была Ловцом Ветра с Корриды. Их очень редко можно встретить в неволе — в неволе они не размножаются и не живут. На Корриде он был единожды, еще до армии, с отцом. Эти птицы поразили его неброской красотой, легкостью полета. И размерами. Данин экземпляр был маленьким, но это еще ничего не значит...

Все это ошарашенный лейтенант и высказал Данае.

— Я не знала... — Дана качнула головой. — Я купила яйцо у контрабандиста. Он ничего про птицу не рассказал, может, не знал. Сказал только рыбой не кормить. А потом Бродяга соорудил инкубатор, и вывелся птенец. Очень красивый. Птица очень умная...

Звери были в порядке. Соскучились, извелись от одиночества, но это единственное, что с ними случилось...

«Чего не скажешь обо мне».

Дана неожиданно почувствовала сильную усталость. Таковую, что хоть прямо сейчас

падай в постель. Но падать было нельзя — что скажет лейтенант Романцев?

Она спросила:

— Виктор, хотите, я вас чаем угощу?

— Я пожалуй, пойду. Чай, конечно, хорошо... но не стоит доводить ситуацию до того, что кто-то будет вынужден вызывать меня на борт. Приятно было познакомиться, Дана.

Она проводила молодого офицера до выхода, вернулась в свою каюту, и упала в постель.

Таха тут же приткнулась рядом. Пилион забрался в ноги. Птица устроилась в изголовье.

Дана вдруг поняла, что плачет. И возможно, уже давно.

Слезы сами текли из глаз: дома.

Все-таки дома...

В доме еще недавно жили. Это видно, когда кто-то уезжает торопливо. На окне гибнет инопланетный цветок в горшке. В углу свалены вещи, которые не удостоились чести сопровождать хозяев в дальнюю поездку. В основном одежда. Сломанный кофейный автомат — хозяин, видимо, собирался отремонтировать, но не успел. В кухне все почти так, как было до отъезда. Нет только любимой кружки хозяйки дома...

Здесь еще совсем недавно жил брат с семьей.

Велли третий день не выходил отсюда — догадывался, что стоит показаться на улице, и его тут же сцапает полиция.

Когда ему удалось убежать, он долго не мог поверить в свою удачу. Его скрутило в подворотне — страх рвался наружу с хрипом и криками, со слезами — все казалось, что Дага бежит попятам, и целится, целится, целится...

Он ощущал себя точкой в центре мишени. И вырваться из перекрестья черных линий не получалось. В результате он просидел до ночи, сжавшись в испуганный комок в темном углу, и вышел из этого состояния опустошенный, апатичный и готовый, как тогда казалось, к любому повороту. Едва избавился от пут на руках, не прячась, дошел до дома брата на улице мэра Паулюса, надеялся, что здесь приютят хотя бы на ночь. Но дверь оказалось не заперта, и никого там внутри не было.

Первую ночь Велли спал. Половину следующего дня он тоже спал. Но потом его разбудил голод.

В доме еды не нашлось. Не работала и доставка. Возможно, сломалась панель заказов. А может быть, просто был закрыт ближайший продуктовый магазин.

Прибор он перебрал, но поломки не обнаружил. Починил кофейный автомат, но картриджей к нему не нашел. Надо было что-то решать, но любое решение было связано с выходом на улицу.

Если бы у Велли были деньги, хотя бы мелочь, он, может, рискнул бы. Но в его ситуации любой вариант решения проблемы будет незаконным. И он тянул, пока был в состоянии терпеть. В его распоряжении оказалась лишь пара плесневелых сухарей, она-то и позволила продержаться столь долго.

Однако желание заполучить хоть какую-нибудь еду потихоньку вытесняло осторожность.

В сумерках он вышел на улицу, еще не решив толком, что предпримет. Планов было два — обчистить прохожего, а потом зайти в магазин и прикупить, что нужно. Или же сразу вломиться в магазин, схватить, что плохо лежит, и сразу дать деру. Оба плана связаны с серьезным риском и Велли они категорически не нравились.

Но измученный голодом и обидами мозг третьего варианта выдать не мог.

Велли старался идти незаметно, вдоль домов, не выходя на открытые и освещенные участки — город по-прежнему кишел полицейскими.

Ближайший магазин, как нарочно, был закрыт.

Следующий по улице — тоже, но его двери украшала бумажка, что продукты первой необходимости можно приобрести в большом центральном супермаркете. Правда, для этого нужно предъявить документы. А Велли не без оснований считал, что стоит ему показать свою карточку, и все. Можно ждать в гости полицию, и в ближайшие годы вовсе не беспокоиться о питании.

Значит, придется поступить хитрее. Выбрать безлюдную улочку около того супермаркета и дожидаться, пока кто-нибудь, прикупив продукты, отправится по ней домой. Сумерки для такой охоты — самое подходящее время.

Раз другие магазины не работают, то покупателей должно быть много даже сейчас, и хоть один из них да окажется в достаточной мере неосторожным.

Велли вышел к гостинице. Отсюда до магазина — две минуты.

Супермаркет действительно работал.

Площадь подле него была запружена народом, парковка переполнена, а из распахнутых стеклянных дверей виднелся хвост длинной очереди...

Попытаться стянуть продукты из машины?

Опасно. Слишком много народу.

Велли углядел темную арку, ведущую вглубь двора. Оказалось, это не двор, а узкая улица, как раз то, что надо. И здесь тоже полно машин. Еще лучше! Скорей всего это кары, которые не поместились на площадке у магазина, и владельцы были вынуждены оставить их здесь.

В переулке было тихо. Как-то даже слишком тихо.

Валентин, отдавая дань осторожности, выбрал ту сторону переулка, где за палисадниками прятались коттеджи. Туда свет от фонарей почти не попадал. У него было даже оружие, как раз подходящее по случаю — кусок металлической трубы. Не самое надежное, но в сочетании с эффектом внезапности должно помочь.

Лишь бы его самого кто-нибудь не принял за неосторожного покупателя. Хотя взять с Велли было нечего, он все равно слишком ценил свою голову, чтобы по-глупому подставляться под удар. Он решил затаиться в кустах, и подождать удобного случая.

Вот показалась из арки шумная большая компания — человек пять. Быстро загрузились, быстро уехали. Не прошло и пяти минут, и появились еще двое. Молодая парочка. Долго стояли неподалеку от арки, болтали. Из-за них Велли пропустил весьма перспективного старичка, машина которого была припаркована всего в паре метров от того куста, где он прятался. Парочка разбежалась, и произошло долгое затишье. Стало окончательно темно, в переулке зажглись осветители.

Вся улочка стала, как на ладони.

И тут Валентин увидел открытый кар. Совсем рядом, шагах в десяти.

Дверка приподнята, света в салоне нет — все, словно специально подготовлено для такого ловкача как он.

Велли оглядел улицу — пусто и тихо.

Осторожно выбрался из кустов, на всякий случай, держа наготове импровизированную дубинку. Подшел.

Даже если там нет ничего съестного, то может быть что-нибудь ценное, что потом можно будет продать или обменять на продукты...

С этой мыслью Велли схватился за край дверки, чтобы толкнуть ее и пробраться в салон. Пальцы заскользили по чему-то мокрому.

Валентин посмотрел под ноги и понял, что стоит в небольшой смазанной луже чего-то темного, похожего на масло. Он недоверчиво поднес пальцы к глазам, и сомнения тут же развеялись — никакое это не масло. Кровь это.

Вытер руку о дверку машины. Если тебя, Валентин Риммер, здесь обнаружат, то сразу решат, что это ты убил...

Кого?

То есть, как убил?

Первая мысль была — бежать. Вторая — бежать поздно. Он успел оставить на двери свои пальчики. Значит, найдут, все равно найдут! Значит, следы нужно стереть... Тряпка! В салоне наверняка должна быть какая-нибудь тряпка. У любого водителя всегда есть.

Велли сунулся в салон, и тут же лицом к лицу столкнулся с тем водителем.

Он лежал, откинувшись на переднем сиденье, зажимая ладолью рану в боку. Не шевелился, но был в сознании: взгляд словно вцепился в лицо Риммера. И Валентин его узнал. Именно в этот момент, почему-то. Не раньше.

Пустынник. Саат, или как его там. Только в городской одежде.

Велли заставил себя отвернуться и осмотреть салон.

Пусто и чисто. Машина совсем новая, даже ароматизатор не перебивает запахов салона...

Никаких тряпок, пакетов с дорожным завтраком, никаких баночек с водой...

— Деньги... в левом кармане... — прохрипел Саат.

Даже сейчас в его словах Валентину послышалась насмешка.

— Мне нужна тряпка, — ответил Велли.

Губы пустынника дрогнули, но он промолчал, продолжая пристально следить за действиями Риммера. Видно, он потерял много крови — лицо в свете фонаря стало почти серым, губы по цвету не отличить от кожи.

Велли повторил:

— Тут есть тряпка?

Саат кивнул на бардачок.

Там нашлась большая, совершенно новая салфетка в заводской упаковке.

Велли поспешно вытряхнул ее из пакета.

Зачем-то сказал:

— Если я уйду, ты сдохнешь.

— Так иди...

Вместо этого Валентин попытался подпихнуть салфетку раненому под ладонь, чтобы понадежней закрыть рану.

— Далеко живешь?

Пустынник, кажется, уже не мог отвечать.

И Велли сделал то, что еще минуту назад не приснилось бы ему и в страшном сне. Он вышел в сеть, вызвал центральный полицейский участок Руты и сказал:

— Здравствуйте. Я не знаю, как называется эта улица. Тут человека ранили. Он может умереть.

Диспетчер мягко попросила описать, что Велли видит вокруг. Тот, немного успокоившись, справился с задачей.

— Машина выехала. Ждите.

Ждать? Ну, нет... Велли повнимательней присмотрелся к окрестным домикам. Ну? За каким из вас мне лучше скрыться? Потом вновь взглянул на Саата. Ему показалось — пустынный умирает. Кажется, на его губах появилась кровь. А может, это темнота шутки шутит. Глаза у него были прикрыты, кожа казалась серой.

Если пустынный умрет, не останется в мире ни одного человека, который подтвердил бы, что Велли Риммер способен не только предавать.

Велли попробовал устроить раненого поудобней и пристроился на бордюр подле открытой дверки. Ждать оставалось недолго — где-то неподалеку взвыла сирена.

Навигатора звали Дэвид. Ему было глубоко за пятьдесят, и он казался усталым и потрепанным жизнью ранчиро. Он сразу пояснил, что прибыл по просьбе адмирала, и готов предоставить свои услуги за умеренную плату. Дане на тот момент было все равно, и она не стала проверять его полномочия.

Она даже не слишком удивилась.

Для Дэвида нашлась удобная каюта. За мастерской. По понятным причинам, Бродяга ей не пользовался. Он никогда не спал и не имел склонности, как люди, в любом просторном помещении заводить «свою» норку.

На второй день полета Дана немного пришла в себя, на третий решила — что бы ни случилось, жизнь продолжается. А значит, надо работать. Надо восстановить номера, которые она выполняет без напарника, надо возобновить репетиции с животными... надо разработать маршрут.

Бродяги не хватало. Во всем. Начиная с мелочей вроде утреннего кофе, заканчивая настройкой «москитов». Все, что они наработали за год, сыпалось пылью — она не сможет одна.

Не сможет. И об этом придется сказать Рэму. Это означает одно — возвращение в Семью, тренировки, работа в группе...

Семья Тэн одна из самых уважаемых и богатых цирковых семей Энга. Следует гордиться, что ты к ней принадлежишь...

Не научилась Дана гордиться. В детстве она действительно не любила цирк, хотя в цирке проходила большая часть ее жизни.

Как так получилось? Трудно найти однозначный ответ. Хотя...

После легкой травмы ее на время перевели во внешнюю школу. Там обучали цирковым искусствам детей, не имевших чести принадлежать Семье. Всего-то на месяц перевели. Однако восьмилетняя девочка успела понять, что кроме цирка в мире существует миллион интересных мест и миллиард нужных профессий. И решила, что акробатика и эквилибристика — не ее призвание.

Потом, хотя время и не позволяло, она продолжала общаться с ребятами из «простых» семей. Дошло до того, что она окончила обязательный образовательный курс и сдала вступительный экзамен в Визирианский университет. Разумеется, ни слова об этом не сказав ни родителям, ни своему домашнему учителю, мастеру Рэму, ни тогдашнему главе Семьи Тэн. Разумеется, был скандал. Но своего Дана добилась.

После трагедии на Хироне ей некуда было идти, кроме как домой. Что же, Семья ее

приняла. Тем более что теперь делами управлял Рэм.

Семья ее приняла, и дала шанс на самостоятельную работу в космосе — старик Виль согласился сделать ее своей ученицей.

А теперь она снова возвращается. И снова — практически ни с чем.

Надо смотреть правде в глаза. Звездой Дана не стала. Хотя в наследство от Виля ей досталась и яхта, и мабурский котенок, и карта гастролей.

Имеет ли смысл об этом жалеть? Теперь, как Рэм решит, так и будет.

Но сдаваться нельзя.

И Дана продолжала репетировать. Программа получалась маленькая и совсем не такая зрелищная, как с Бродягой. Но это была цельная программа, а значит, она хоть что-то сможет показать Семье, когда... когда Семья будет решать ее судьбу.

А через две недели с бортом «Которосль» связался борт ПК-112 «Торнадо», порт приписки Энг, и попросил разрешения на стыковку.

Дэвид позволил прогулочному катеру уравнивать скорости и вскоре Дана смогла лицезреть главу семьи Тэн воочию, даже не по гиперсвязи.

Рэм Тэн был высок, темноволос и как всегда немного ироничен. Не смотря ни на что, Дана обрадовалась встрече.

— Чувствую себя чертовски важной персоной, — смущенно сказала она, как только Рэм покинул тамбур.

— Да? Уверяю, это не надолго. Я намерен устроить вам, сударыня, разнос.

— Я... я догадывалась.

— Каким образом ты вообще оказалась в этом секторе? Что за самонадеянность?

— Нам нужно было дать еще несколько представлений, чтобы тур считался удачным. Между прочим, на Руте нас прекрасно принимали.

Рэм картинно застонал, после чего вкрадчиво поинтересовался:

— И что из этого получилось?

— Ничего хорошего. Но кто же мог знать, что гведи именно в этот момент вздумают...

— Я! Виль! Ты, если не совсем дура. У тебя были все выкладки по всем маршрутам, не ведь нет! Нас манит свободный поиск! Ты хоть понимаешь, чем рисковала?

— Понимаю, — одними губами произнесла Дана.

Она представила желтую пустыню, догорающий возле скал грузовик, и Бродягу, который бежит к подорванному кару. И свою почти физическую боль, когда стало ясно, что Бродяга больше не отвечает на ее вызовы, что андроид замолчал навсегда.

— Не понимаешь. А если бы что-то сбилось в настройках интеллекта яхты? Животные, за которых ты несешь ответственность, могли пострадать. Более того, погибнуть.

Дана зажмурилась, чтобы отогнать слезы:

— Я... знаю. Думаешь, я об этом не думала, там, в пустыне? У бандитов? Да только об этом и...

— Что? У каких бандитов?

— Вы же ничего не знаете... я расскажу.

Рассказ длился недолго. Неосознанно Дана переняла у Саата манеру пересказывать события — короткими фразами и прямо к сути. Рэм не перебивал.

Потом вздохнул, и сказал:

— В новостях ничего подобного не было. Вот, посмотри, что у нас транслируют... подключись, сейчас ссылку дам...

Новостная лента пестрела сообщениями с Солода.

— Посмотри общий обзор от вчерашнего числа.

Дана нашла нужную закладку и запустила ролик. Диктор приятной наружности коротко обрисовал хронику начала войны, потом добавил:

— На фоне прорыва гведи в два приграничных межевых узла Солнечной, почти незаметно прошла информация о том, что на планете Рута зоны Визиря произошло вооруженное столкновение между колонистами и агрессивно настроенными отрядами вооруженных кочевников-кхорби. Конфликт подавлен силами ВКС. В связи с происшествием, в зональном представительстве администрации Солнечной нам сообщили, что на ряде планет будут пересмотрены законы о взаимодействии с коренным населением и о невмешательстве в их развитие...

— Данка, кончай жилы рвать. Ты же понимаешь, что в трупку тебя не возьмут все равно.

Она не ответила. Сделала двойное сальто, вышла на комплимент, красиво развернулась и собралась покинуть зал.

В трупку ее не возьмут, это даже не обсуждается. Гастроли будут аж в самую Солнечную, чего тут не понять.

Беда в том, что за минувший год ей доверили разве что клетки мыть. И то пару раз. Репетициям и тренировкам не мешали, нет. И в душу особо не лезли. Во всяком случае, старшие.

Кевин был младше Даны на шесть лет, и получал удовольствие от таких вот подначек. Тем более что сам-то он был в труппе, и даже в основном составе.

Дана справедливо надеялась, что за пределами арены она будет вне досягаемости младшего братца. А нет, он припустил следом.

— Данка, стой! Есть дело.

Как правило, дело заключалось в какой-нибудь очередной глупой хохме. Так что она даже ухом не повела.

— Ну и дура. Там какой-то прилетел. Тебя спрашивал. Сейчас у Рэма сидит.

— Что? Не мели ерунды. Кто ко мне может прилететь?

— А я и не говорил, что к тебе. Просто спрашивали про тебя, и все. Как живешь там...

— И что ты ответил?

— А что должен был?

— Не узнаю тебя, братец. Раньше ты никому и ничего не был должен... так что ты ответил?

— Что у тебя все хорошо, только сидишь без работы. Ну? Нормально?

— Нормально. А кто это был?

Кевин высунул язык и скосил глаза к носу.

— Вроде, клоунада — не твое амплуа?

— Разумеется. Это твое. Мне чужого не надо. Не знаю, кто был. Мужик какой-то.

— Толку от тебя... ладно, сама узнаю.

— Только переоденься, а то вся ж... в стружках!

— Сам дурак.

Но сразу пойти и выяснить, правду ли сказал Кевин, не удалось. Появилось очередное маленькое начальство в лице Авроры Тэн, троюродной тети и по совместительству — старшего администратора арены. Аврора поджимала и кривила губы всякий раз, когда видела Дану. А тут вдруг обрадовалась:

— Хорошо, что я тебя встретила. Карим затеял очередную проверку рабочих помещений. Так что, тебе придется присоединиться к большой чистке. Возражения, сама понимаешь, не принимаются.

— Хорошо. Когда начинать?

— Можешь прямо сейчас. Остальные включатся, когда я их найду...

— Понятно...

Это была малая арена с небольшим залом человек на двести. Мыть ее Дана, как, впрочем, и другим младшим членам Семьи приходилось регулярно — ничего нового в том нет.

Вот только это работа на весь день, а к вечеру кевиновы новости вполне могут покрыться плесенью...

Попутно поминая несправедливость мира, Дана отправилась за ведрами и тряпками. Навстречу уже тянулись полностью снаряженные школяры в возрасте от семи до четырнадцати лет. Со злостью подумала — этой толпы хватило бы, чтобы отмыть два зала за половину дня. Тут же отругала себя за эгоизм и желание перевалить работу на хрупкие детские плечи. Самокритика стала ежедневным ритуалом. Она позволяла не забывать, кто такая есть Дана Тэн в этом мире.

Не то, чтобы жизнь казалась безрадостной и никчемной. И уж тем более — тяжелой. Бывало намного хуже.

Во всяком случае, дома иногда случались и радостные моменты. Праздники. Что бы ни было в прошлом, и каким бы ни было наказание, придуманное Рэмом, она все-таки оставалась Тэн. Частью Семьи.

Монотонная работа отключает мозг и подчиняет тебя своему особому ритму. Гипнотизирует, разгоняя отголоски дурного настроения, заколдовывает, съедая время...

Дана старательно чистила один из секторов зала, отскабливала от кресел лазерные наклейки, стирала накопившуюся за трое суток пыль. Где-то вполсилы играла музыка, техническая служба тестировала осветители. Товарищи по уборке со своими участками уже почти разобрались — их-то на каждый сектор приходилось почти по десятку... но это Дану совсем не расстраивало. В одиночестве работалось легче...

Подростки разбредались, когда из ближней арки входа Дана услышала голос Рэма. Дядюшка кому-то сердито сказал:

— Делайте, что считаете нужным, я не буду мешать.

И, очевидно, ушел. С кем он разговаривал, отсюда увидеть было невозможно — арку прикрывал невысокий парапет, отделявший секции зала от верхних лож.

Дана бросила в ведро виброщетку и выпрямилась. Разогнуть спину оказалось приятно. Отряхнула руки, о трико и начала спускаться.

Между тем человек, с которым только что разговаривал мастер Рэм, вышел на арену и принялся оглядываться, словно кого-то искал.

Когда он повернулся в нужную сторону, Дана сразу поняла, кого он ищет, радостно пискнула и полетела вниз, не замечая, что перепрыгивает через сидения.

— Джет!!!

Добежала, но в шаге притормозила, и чуть склонив голову набок, сказала:

— Как я рада тебя видеть! Ты просто не представляешь!

— Представляю. Я тоже очень рад тебя видеть...

Но она уже заметила, что Джет чем-то сильно расстроен. Он вообще выглядел встрепанным и не выспавшимся.

— Что-то не так?

— Твоя прежняя прическа мне нравилась больше.

Дана провела ладонью по ершику коротких темных волос, губы сами растянулись в радостную улыбку, и согнать это выражение с лица у девушки никак не получалось.

— Я сейчас не выступаю. И вообще, волосы имеют свойство отрастать со временем...

— Это точно. Точно...

— Джет, что-то случилось? Ты поэтому здесь, да?

— Значит, не допускаешь мысли о том, что я просто соскучился? Прошел год, обещанных гастролей мы так и не увидели...

— Не верю.

— Вообще-то я за тобой прилетел. Я собираюсь тебя похитить.

— Ничего не выйдет.

— Почему?

— Рэм два раза уже прощал мне мои выходки. Он намекнул, что третьего раза не будет.

— Я с ним разговаривал. Он не станет возражать против твоей недолгой отлучки на Энге. Честно говоря, он ммм... вообще не знает, что с тобой делать. Мне так показалось.

— Да? А мне показалось, что он очень хорошо знает, чего хочет. И что самое мерзкое, в большинстве случаев он прав.

— То есть, тебя все устраивает?

— Да. Нет. Но я получила ровно то, что заслужила, так что никаких претензий.

— Да-а. Бедняга ваш Рэм.

— Это почему?

— Видишь ли... он все ждал, когда ты начнешь бунтовать, как-то реагировать на те нелегкие условия, которые он тебе создает. Ты его напугала. Он решил, что ты, потеряв своего андроида, не готова продолжать работать в космосе. Вот и затеял психологический эксперимент. А теперь сам не знает, как его закончить — все как-то слишком далеко зашло.

Дана чуть посерьезнела:

— А ведь я могла догадаться... но Джет. Не увиливай. Что все-таки случилось?

— Помнишь Саата? Стаса Гнедина?

Пауза. В огромных глазах — такая тревога, что Джету стало стыдно за эту паузу, и он поспешил исправить ситуацию:

— М... ничего фатального, не психуй.

А про себя подумал — «Во всяком случае, пока».

Перелет занял больше двух недель. Быстрее бы не получилось все равно — все-таки, две разные координационные ветки. Дана пыталась выспросить у Джета подробности, но тот рассказывал лишь новости годичной давности.

О том, что Стефан погиб в пустыне. О том, что при колониальном правительстве Руты был создан центр изучения культуры кхорби, который теперь реорганизован в НИИ, и кое-кто из знакомых уже полгода числится там старшим специалистом. Что Центр Тордоса выделил средства на изучение наследия Трех народов. Что Алекс Донаван вернулся в Бюро космических исследований, и теперь его следует искать где-то на Аурской ветке.

О том, что кочевье «тех, кто никуда не идет» в прежнем виде перестало существовать. Кхорби сформировали новый торговый караван, используя прежний опыт и предоставленные музейщиками старые карты. Караван ведет Рэтх-саа. Иные жители становища, выходцы из Руты, в большинстве теперь работают в Институте, а сам комплекс пещер и долина под ними превратились в открытый центр экстремального отдыха.

И, разумеется, о том, что гведианские корабли у Руты так и не появились. И старший Гнедин теперь возглавляет войска, сосредоточенные в координационной системе Солода. Но об этом Дана знала и так — по информационным сводкам и из новостей, которые приходят

с космическими кораблями.

Именно у Солода гведи использовали секретное пси-оружие, созданное, как ни странно, на территории СФ. Внедренные «живые бомбы» — пен-рит — в первые недели атаки парализовали сопротивление нескольких крупнейших планет ветки. Единственным способом борьбы с ними и сейчас остаются только беспилотные боевые корабли, но они сильно уступают возможностям противника...

— Ты говорил про Саата.

Кафе на станции гиперперехода оформлено в ретро-стиле какой-то провинциальной планеты. Много искусственной зелени, пластиковых решеток, имитирующих ковку, но крашенных в белый цвет. Осветители тонут в ненастоящей листве, развешивая по залу скользящие тени. От этого зал кажется более просторным.

Дана заставила себя, наконец, задать прямой вопрос. Тогда, в цирке, она удовлетворилась тем, что Стас жив и почти здоров. Потом спрашивать было уже некогда — час на оформление открытой визы, час на проработку маршрута, и вот, они уже в пути. Правда, их каюты во внутрисистемном лайнере Энга оказались на разных палубах и в разных секторах. Так получилось, что там они редко встречались...

Джет выбрал себе завтрак на панельке меню заказов. Отвечать он не торопился. Дану Джет решил взять с собой в этот полет по наитию, сам удивившись такому решению, но до сих пор был уверен, что не зря.

Удивительно. До сих пор все, что он мог бы сказать про Гнедина-младшего с полной уверенностью, это то, что сам, лично, ему доверяет. Остальное — сплошные предположения и догадки. Основанные на словах самого Стаса. А тот о себе не любит...

— Ну, так что?

— По нашему, в прошлом году... но на Энге, наверное, другое счисление? Как только ты улетела. Наш с тобой общий знакомый вновь попал в историю. Он довольно самоуверенный тип...

— Да, знаю.

— Были перебои с продуктами. Почти все магазины закрыты, ближайший работающий — в трех кварталах. Разумеется, никакой быстрой доставки, живая очередь, продуктовые нормы. — Джет невесело усмехнулся, — контроль по личным карточкам. Стас мог бы позвать меня в компанию, после больницы он остановился в моем коттедже. Но нет, отправился в супермаркет один, даже не предупредил. С-стратег... не подумал, что его может скрутить не вовремя. И нарвался. После известных событий в городе случались нападения на граждан, но чаще — на окраинах. Ну, тут не повезло. Отбиться-то он отбился, но и самому досталось.

— Ох...

— Да. Тут дело темное. Там на месте драки был еще некто Велли Риммер, помнишь такого?

Дана пришибленно кивнула.

— Он-то помощь и вызвал. Рыжего нашего подрезали, и если бы не Риммер, может, все бы кончилось совсем иначе. А так, — «Здравствуй, рутанский военный госпиталь!». Как он ругался, когда в себя пришел! Данка, ты бы знала!..

Дана представила себе Саата. Именно в образе пустынного. Да, ругаться он мог. Умел.

— Улыбаешься. А Донаван тогда мне чуть голову не открутил. Считал, что я должен был напроситься в компанию и подстраховать.

Донаван... интересно, чем все у них кончилось? Или так и тянется? Здороваются при встрече, а в остальных случаях стараются держаться друг от друга подальше? Или дело все-таки кончилось дракой?

— В общем, в том, что было дальше, виноват адмирал. Стас даже и не знал, что его данные были отправлены на Землю, и после выписки по мере сил работал в НИИ культуры туземных племен, я тебе рассказывал...

— Помню.

— Адмирал в конце концов покинул систему, так что ответ о возможности повторной операции по восстановлению легких получил сам Стас. Положительный ответ. Он-то правда, попытался избавиться от письма. Но так случилось, что в тот момент рядом был Донаван... Ну и, ситуация на данный момент почти не изменилась.

Дана замерла, прикрыв рот ладонью. Новость и пугала, и радовала одновременно. Осталось только разобраться, больше радовала, или больше пугала.

— Так мы летим к нему, да?

— Я подумал, он будет рад тебя видеть.

— Из чего это сделано?

Джет пожал плечами. Прозрачные, чуть мерцающие бордюры наводили на мысль о постоянных силовых полях, но он не поручился бы, а врать не хотелось.

Больничный корпус, весьма причудливо украшенный не без помощи голографической техники, представал в виде массивного белокаменного сооружения, контуры которого усложнялись многочисленными арками и тонкими башенками. Каким образом архитекторам удалось придать летучую легкость и ажурность такой громадине, оставалось только гадать.

Шелестели под ветром деревья, с них осыпались крупные, рыжие и бордовые листья. Небо по рутанским меркам было слишком яркое, купоросное, а вот солнце наоборот, почти не грело. Скользило по кронам ласково и уютно.

— У нас на Энге закатное солнце всегда красное, а здесь...

— Подожди. До заката еще часа два.

— Далеко еще?

— Почти пришли. По территории нельзя перемещаться на флаере, допускается только специализированный транспорт. Потерпи.

— Никогда не думала, что буду гулять по Земле вот так. Как будто и не я. Не настоящая я.

Они миновали массивную, под старинную кладку, ограду, и оказались около невысокого здания, от которого в тень деревьев вела широкая, мерцающая, как тот парапет, дорожка. Джет подал пример, первым вступив на нее. Дана бесстрашно последовала за ним. И тут же почувствовала легкую потерю в весе, и направленное, все ускоряющееся движение-полет. Странное ощущение — и двигаешься без проблем, а все равно, словно тебя удерживает над голубым мерцанием какой-то незримый каркас...

Полет. И ветер в лицо. Можно было бы сделать такой номер, в котором участвуют все зрители... дать каждому ощутить себя птицей...

Хотя, такая дорожка, наверное, дорого стоит, или очень сложна в обслуживании, иначе, почему они есть только на Земле?

Движение замедлилось. Оказывается, они не только подлетели к зданию, но и

оказались на уровне второго этажа. А Джет уже с кем-то говорил по сети...

— Посетитель? Хорошо, мы подождем. Мы не торопимся.

Ждать пришлось в уютной круглой гостиной, которую язык не поворачивался назвать холлом. Зеленый ворсистый ковер, мягкие диваны, низко опущенная люстра свисает со сводчатого потолка...

У Даны закралась мысль, что замок — никакая не подделка, не плод фантазии дизайнеров, а самый настоящий кусочек древней старины. Интересно, сколько ему лет?

Подождав около десяти минут, Дана сказала:

— Долго как... а может, давай заглянем? Вдруг там кто-то из знакомых...

— А давай! Номер палаты мы знаем...

Голоса они слышали только подойдя к самой двери. Та была чуть приоткрыта. Джет сбился с шага.

— Здесь адмирал. Очень интересно...

Меж тем из-за двери донеслось:

— Я не понимаю, что на этот раз ты пытаешься доказать? И главное, кому?

— Я давно уже никому и ничего не доказываю. Просто сказал, что ты мог бы и предупредить меня насчет очередного проекта по моему спасению. И все.

Разговор напоминал светскую беседу. Медленную и вдумчивую.

— Понимаю. Хочешь сказать, что однажды решился бы на повторную операцию сам. Без посторонней помощи.

— Даже не думал.

— Тогда в чем дело?

— Ни в чем.

Пауза. Голос Павла Маратовича:

— Дал бог дитяtko...

— И в кого бы...

Снова пауза. Вопрос:

— Значит, система Солода снова наша?

— Да.

— Знаешь, что я думаю? — шепнул Джет Данае. — Старик этой операции боится больше, чем сам Стас. Боится, что все пойдет не так...

— Я тоже этого боюсь...

Голос адмирала:

— Ну, вот и поговорили. Не могу сказать, что доволен нашей встречей...

— Увидимся, когда закончится война, так?

Шорох одежды, легкие шаги.

Джет стремительно отступил от двери.

Павел Маратович появился на пороге. Скользнул равнодушным взглядом по лицам. Удивительно, но узнал, кивнул. Пожал Джету руку.

Ничего не сказав, быстро ушел по коридору. Данае почему-то стало его жалко...

И потому она вошла в палату первой.

Кто знает, что она ожидала там увидеть — выражение лица адмирала на радужные мысли не наводило.

Стас сидел в удобном кресле у окна, устало уставившись в пол. Услышал, что кто-то входит, поднял взгляд.

Брови поползли вверх:

— Дана, Джет? Как вы...

Вопрос остался висеть в воздухе. Он не требовал ответа.

Но как же было правильно чувствовать под одной рукой плечо Джета, под другой — Данкино.

А то, чем закончится завтрашний день — пустяк, по сравнению с днем сегодняшним.

Больше книг на сайте - Knigolub.net